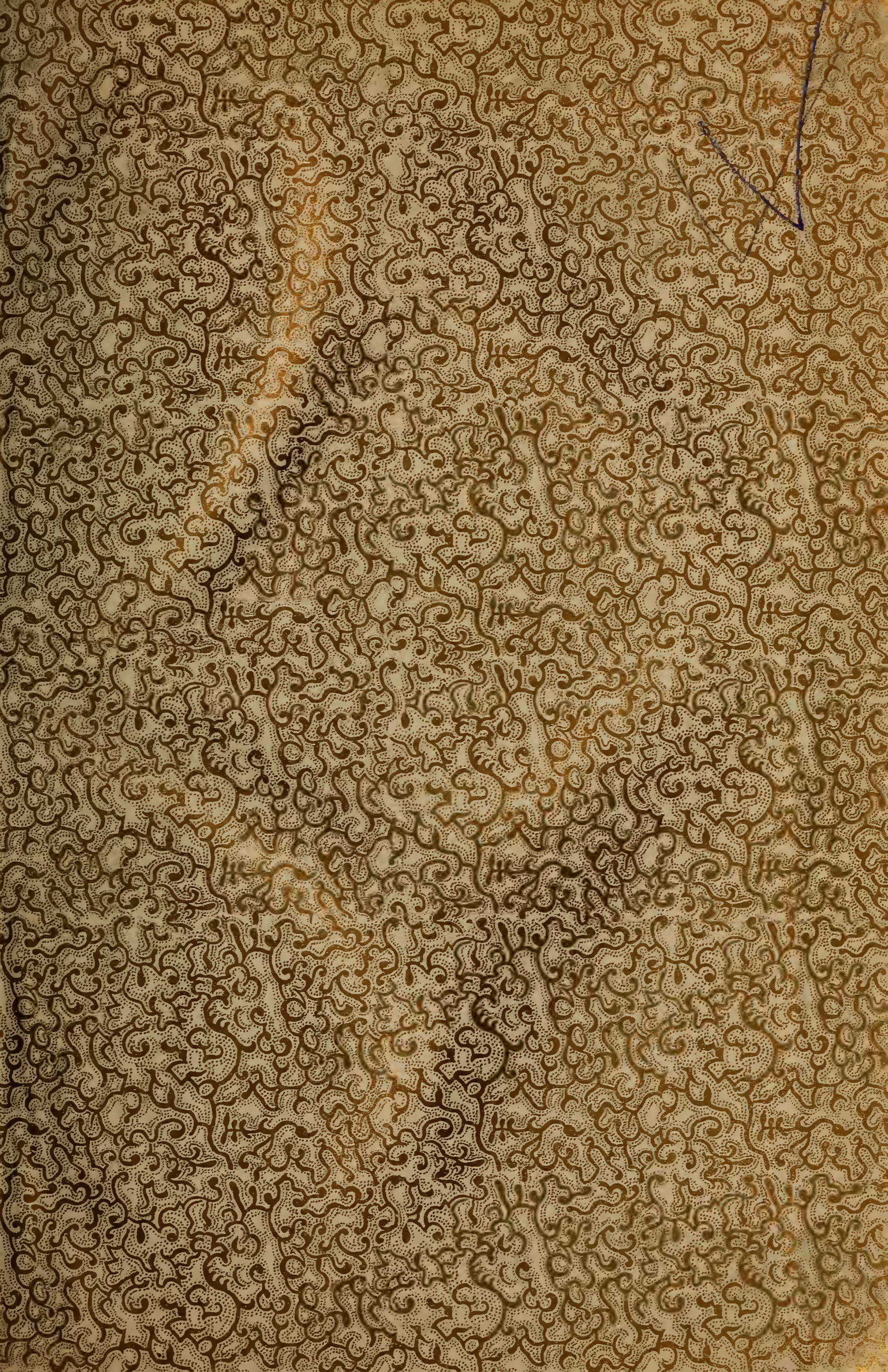
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800



ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. VI.

БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ВИКТОРА КЛЮШНИКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5.
1874.

БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ.

Kliushnikov, Viktor Petrovich

BOL'SHIE KORABLI

БОЛЬШIЕ КОРАБЛИ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

В. Клюшникова.

...Романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданье Русскаго семейства.
(Евгенiй Онѣгинъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографiя П. П. Меркульева, Графскiй пер., д. № 5.
1874.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Продуктъ огромнаго предложенія и весьма незначительнаго спроса.

Часу въ десятомъ вечера, когда потемки бабьяго лѣта густо лежали по Замоскворѣчью, прохожіе часто останавливались передъ окнами небольшаго деревяннаго домика, прислушиваясь къ семейному гвалту, и послушавъ нѣсколько минутъ, отправлялись дальше. Въ домикѣ шумъ все усиливался, наконецъ хлопнула калитка, и въ переулокъ вышелъ очень молодой человѣкъ въ парусинной парѣ и сѣренькой круглой шляпѣ. Онъ шелъ по избитому кирпичному тротуару — скоро, положивъ руки въ карманы

коротенькаго пальто, глядя себѣ подъ ноги. У поворота на большую улицу, подъ фонаремъ, на угольной тумбѣ стоялъ лотокъ съ подсолнухами и десяткомъ сухихъ грушъ; юноша какъ-то зацѣпилъ его колѣномъ, лотокъ описалъ раза два окружность и съѣхалъ на камни, разсыпавъ товаръ. Старуха-разнощица съ воплемъ кинулась подбирать свое достояніе...

Молодой человѣкъ остановился, разставивъ руки, поглядѣлъ на старуху, потомъ на лотокъ...

— Сколько тебѣ, бабушка? проговорилъ онъ сконфуженнымъ голосомъ.

— Да что̀ съ тебя, соколикъ! обрадовалась та,—нашъ товаръ таковскій, подберу—ничего; за хлопоты что нибудь пожалуй...

Молодой человѣкъ пожался, вынулъ изъ кармана платокъ, и бросивъ его удивленной старухѣ, пошелъ еще скорѣе.

Вечеръ былъ сырой; тротуарныя плиты холодно блистали послѣ недавняго дождя, отражая мигающій свѣтъ фонарей, улица пустынно уходила въ узкую перспективу; рѣдкіе огоньки въ окнахъ погасали одинъ за другимъ. Молодой человѣкъ шелъ прямо, по видимому, безъ всякой цѣли. На Маленькомъ Каменномъ мосту онъ пріостановился, какъ будто его пора-

зила мысль, куда же наконецъ онъ идетъ; но это продолжалось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Онъ прошелъ Болото, и какъ только выдвинулся изъ тѣни послѣдняго дома, передъ нимъ выпукло легла свѣтлая мощеная покатость передъ большимъ мостомъ, — направо темная рѣка съ каймою набережной и рѣзкими рельефными очертаніями Кремля; налѣво рѣка и даль Воробьиныхъ горъ въ сизой дымкѣ паровъ, а по ту сторону громадный пятиглавый храмъ и желѣзныя крыши домовъ, тронутыя чистымъ червонцемъ мѣсяца, павшаго золотыми розсыпями внизъ на шумную стремнину воды у самыхъ быковъ. Молодой человѣкъ завернулъ въ одинъ изъ балкончиковъ моста и, ставъ колѣномъ на чугунный диванчикъ, облокотился на балюстраду, глядя на величавую пустыню засыпавшаго города. Изрѣдка раздавался грохотъ колесъ и гулъ ихъ на деревянной поверхности моста, потомъ опять дребезгъ на мостовой, и все стихало.

— Soyez si bon, рѣзко раздалось у него надъ ухомъ, — quelque chose... retiré de service... pauvre officier...

— Что вамъ угодно? обернулся юноша.

— Служилъ въ гусарахъ, продолжала темная усатая фигура, — ставилъ по десяти ты-

сячъ на карту, шампанскимъ лошадей мылъ и пр-р-ромотался какъ чор-р-ртъ! дайте что нибудь на выпивку...

Произошло минутное молчаніе, во время котораго съ Болота отчетливо послышалось частое щелканье калошъ.

— Пустяковъ прошу, настойчиво проговорилъ retiré de service,—нѣтъ ли хоть гривенничка?

Калоши пошли по дереву моста.

— Свинья! отрѣзалъ гусаръ, поворачиваясь назадъ, и даже не обратился къ новому прохожему.

— За что-жъ вы ругаетесь? крикнулъ юноша съ азартомъ отчаянія.—Человѣкъ топиться хочетъ, а вы думаете, что мнѣ жалко что ли?

— Это кто-жъ топиться хочетъ? остановился прохожій, по голосу тоже довольно молодой человѣкъ:—Вы?

— Я... сказалъ юноша неувѣреннымъ голосомъ, точно соображая, точно ли онъ хочетъ утопиться, или это такъ только сорвалось съ языка.

— Да, ну вы еще не человѣкъ, спокойно проговорилъ подошедшій, — а все-таки любопытно! Дай-кось я посмотрю, какъ вы это будете топиться...

Юноша досадливо отвернулся, и снявъ шляпу, сталъ опять смотрѣть на воду; золотистые волосы, разобранные отъ середины лба, поднимались мягкими дугами и спускались извивами на плеча. Когда владѣлецъ ихъ наклонялся, свѣшиваясь черезъ балюстраду, косица или двѣ отдѣлялись отъ прочихъ, картинно сбѣгали на женственное лицо и оттѣняли большіе глаза.

Прохожій, очевидно для соблюденія приличій, отошелъ немного и тоже облокотился на перила, искоса поглядывая на будущаго самоубійцу. Тотъ, словно надумавшись, оперся ладонями на край ограды и приподнялся на рукахъ...

— Эй, почтеннѣйшій, почтеннѣйшій! крикнулъ наблюдатель, подбѣгая къ нему и хватая за полу,—это ужъ не шутки, эдакъ и кувыркнуться не мудрено.

— Да я вовсе не шучу, проворчалъ тотъ.

— Ну, это дѣло десятое; любитель сильныхъ ощущеній? Вы хоть съ родными-то посовѣтовались ли? Вѣдь это важный шагъ — и одинъ только не повторяющійся.

Несмотря на насмѣшливый тонъ этой выходки, было что-то вызывающее довѣріе въ манерахъ незнакомца, и юноша отвѣтилъ, что у него нѣтъ родныхъ.

— Ну, съ знакомыми?

Но и знакомыхъ не оказалось.

— Позвольте узнать, какъ васъ зовутъ и гдѣ вы живете?

— Меня зовутъ: Аполлонъ Звѣздочкинъ, отвѣтилъ юноша,—сослуживцевъ я не называю знакомыми, потому что еслибъ я обратился къ нимъ за этимъ совѣтомъ, они даже и камень на шею мнѣ дали бы, лишь бы отдѣлаться отъ меня... А гдѣ живу? Теперь я нигдѣ не живу...

— Вотъ это неправда, убѣдительно произнесъ незнакомецъ, — въ настоящее время мы оба живемъ въ Москвѣ на Каменномъ мосту... Даже для красоты слога, можно сказать, въ переходномъ состояніи.

На этотъ разъ новая выходка не произвела никакого дѣйствія на Звѣздочкина.

— Вотъ, заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ,—вотъ каковы люди! Попробуй, обратись къ нимъ за помощью! У человѣка неисходное горе, они утѣшаютъ его шуточками! У человѣка смертельная рана, они находятъ варварское удовольствіе тыкать въ нее пальцемъ!

Звѣздочкинъ говорилъ порывисто, слегка вытягивая шею и оставляя губы полураскрытыми по окончаніи рѣчи, что̀ очень шло къ его полудѣтскимъ чертамъ...

— Фразы о сослуживцахъ были удачнѣе послѣдняго вашего предположенія, сказалъ незнакомецъ, — повѣрьте опытности вольнопрактикующаго философа Юрія Люцкаго... Впрочемъ, вы всегда успѣете исполнить эту эволюцію, а пока не хотите ли выпить чаю, потолкуемъ на досугѣ...

Молодой человѣкъ казался озадаченнымъ такимъ прозаическимъ исходомъ дѣла и ничего не отвѣчалъ.

— Или въ самомъ дѣлѣ припала охота умирать? Что жъ, отговаривать, значитъ, не приходится... А то пойдемте вмѣстѣ?... Ну, какъ хотите...

И онъ пошелъ своею спѣшною походкой, но скоро за нимъ раздалась другая.

— Вы мнѣ нравитесь, проговорилъ Звѣздочкинъ, догоняя его.

— Нравлюсь или нѣтъ, это мнѣ все едино, а вы субъектъ прелюбопытный, сказалъ Люцкой, отворяя дверь ближайшаго трактира.

— Вотъ такъ-то лучше, продолжалъ онъ, усѣвшись къ угольному столику. — Эй, милѣйшій, чайку намъ, да разрывъ-тоски съ подходящею закуской! Ну, что-жъ у васъ за кручина? Не страстишка ли? Да нѣтъ, вы такъ легко одѣваетесь, давно простыли бы...

— Какое! то давно пережито...

— Э, полно вамъ притворяться большимъ, перебилъ Люцкой, проводя рукой по бородкѣ,—у васъ и зачатковъ этого еще нѣтъ... Ну, разсказывайте...

— Видите, я здѣсь какъ въ лѣсу; я казенный воспитанникъ и долженъ служить десять лѣтъ этому пр-р-равительству...

Онъ произнесъ это слово съ паузой, какъ будто оно было очень нехорошее. Люцкой быстро глянулъ на него всѣмъ смуглымъ, худощавымъ лицомъ, но ничего не сказалъ.

— Ну, вотъ и опредѣлили меня въ гражданскую службу, обѣщали жалованье, да третій мѣсяцъ все и обѣщаютъ; не могу же я питаться манной небесною, вѣдь я...

— Потому что ея нѣтъ; а вы кратче!—это аксіома, не требующая доказательствъ.

— Вотъ осень теперь на дворѣ, а у меня что видите: omnia mea mecum porto... Да въ довершеніе удовольствій хозяинъ съ квартиры гонитъ за неплатежъ...

И онъ опустилъ голову въ отчаяніи, но увидавъ подставленный ему стаканъ, принялся дуть въ него и прихлебнулъ...

— Вотъ вы перечислили важнѣйшія потребности человѣчества, заговорилъ Люцкой, улы-

баясь.—Ну, за неудовлетвореніемъ ихъ вы и рѣшились отправиться туда, гдѣ ихъ, говорятъ, нѣту... Ахъ вы, птенецъ! Кто же начинаетъ жизнь съ конца?

— Да мнѣ жить нечѣмъ! сегодня въ послѣдній разъ отпустили обѣдъ, а больше, говорятъ, не дожидайся...

— Да вѣдь вы сыты пока, осень тоже еще когда-то придетъ... остается квартира — нѣтъ ничего легче: ночуйте въ будкѣ; все равно, когда-нибудь придется; ужъ безъ этого ни одинъ порядочный человѣкъ не обходится... А въ васъ именно этого-то нѣтъ, цѣпкости не хватаетъ... День за день перепустить не умѣете...

— Но, послушайте, перебилъ Звѣздочкинъ:— что у меня впереди? Какихъ-нибудь пятнадцать рублей въ мѣсяцъ на цѣлые годы! Развѣ можетъ на это жить человѣкъ развитой, съ высшими потребностями...

— А какія это, съ позволенія сказать, высшія потребности? ѣдко вставилъ Люцкой, наливая ему рюмку.—Я хотѣлъ-было рекомендовать вамъ человѣка, который, по странному стеченію обстоятельствъ, живетъ именно на эту, по вашему, ничтожную сумму,—да вы ужъ очень запугали меня; погожу, пока вы ее сыщете...

Звѣздочкинъ догадался, въ какой просакъ по-

пался съ своими потребностями. Онъ только тутъ разглядѣлъ, что сидѣвшій передъ нимъ обладалъ сильно заслуженнымъ драповымъ сюртукомъ, исправлявшимъ должность пальто, и судя по знакамъ отличія въ видѣ разнообразныхъ пятенъ, наряжавшимся на дежурство и въ домашнемъ быту; изъ-за лоснившагося галстука виднѣлась узенькая полоска цвѣтнаго воротничка; сапоги тоже заявляли потребность, прося каши...

— Что вы на меня такъ смотрите? проговорилъ онъ, встрѣтивъ пристальный взглядъ Люцкаго.

— Смотрю, что вы водки не пьете, да и думаю—извините за откровенность,—на что вы можете быть годнымъ, и какой изъ васъ прокъ будетъ...

— Была бы работа, силъ хватитъ, способности есть, въ головѣ цѣлый міръ...

— Это мы слыхали, а вотъ попроще: какую именно работу?

— Пожалуй, урокъ...

— Ну это «пожалуй» тоже не растетъ на улицахъ: я вотъ скоро курсъ кончаю, а у меня только одинъ.

— Ну, переводъ... Я стану съ лексикономъ слово за словомъ переводить...

— Напримѣръ: prendre de l'eau-de-vie: — брать воду изъ жизни, или Spiegelfechterei des Teufels—зеркальная фехтовальня дьявола, это будетъ переводъ одной бумаги... Да кромѣ того, мнѣ сдается, что вы къ усидчивой работѣ просто неспособны; вы что-то ужъ очень поэтически относитесь къ жизни.

— Пожалуй что и правда, самодовольно сказалъ Звѣздочкинъ:—я немножко поэтъ, кое-что пописываю!

— Напрасно, молодой человѣкъ, непохвально; значитъ, и учились скверно, и пишете также...

— Что же дѣлать? посовѣтуйте...

— То-то и есть; признайтесь-ка: вѣдь вы не утопились бы, а такъ только порисоваться хотѣлось; какъ, молъ, это я напишу записочку, ночью, при лунѣ, даже еслибъ можно, на конѣ. Такъ что ли?

— Вы удивительный человѣкъ! вскрикнулъ Звѣздочкинъ и рѣшился при этомъ выпить свою рюмку.

— Вотъ это хорошо, сказалъ Люцкой: —хоть вы и не нашей наливки ягода, все таки жаль васъ; должны служить, нечего дѣлать; жалованье постараемся выручить, а пока единственное средство тетушкинъ мезонинъ.

— Это что же такое? спрашивалъ юноша, повеселѣвъ отъ зелена вина.

— А вотъ я сейчасъ повторю, отвѣтилъ Люцкой, наливая себѣ еще рюмку,—а потомъ расплатимся, и узрите. Онъ выпилъ, бросилъ на столъ что слѣдовало, и замѣтилъ въ видѣ поученія, что съ получки весьма позволительно завернуть въ теплое мѣсто. Потомъ надѣлъ фуражку и обернулся къ Звѣздочкину.

— Грядемъ, сынъ мой, да наставлю тя на путь истинный, проговорилъ онъ, хлопнувъ его по плечу. Вотъ видите, продолжалъ онъ дорогой:—одна книга учитъ: если у тебя попросятъ хитонъ, отдай и рубашку; а другая гласитъ: если одному изъ насъ оставаться безъ пальто, то... (небольшая пауза) почему именно мнѣ, а не вамъ? Я слѣдую сей послѣдней теоріи...

Звѣздочкинъ смѣялся уже звонкимъ смѣхомъ на всю улицу. Дорогой Люцкой сталъ, что называется межъ студентами, *прощупывать его*, наводя разговоръ на различныя научныя темы и обращаясь къ нему съ полувопросами: «вамъ, конечно, извѣстно? или: вы, вѣроятно, проходили?» на что юноша всякій разъ отвѣчалъ: «да, разумѣется... знаю, знаю»; но какъ только Люцкой вдавался въ подробности, юноша становился въ тупикъ и умолкалъ. Замѣчательнѣе

всего, что Звѣздочкинъ вовсе не лгалъ: онъ дѣйствительно проходилъ всѣ эти предметы, или, лучше сказать, они проходили въ его головѣ, но по какому-то неизбѣжному закону русской педагогіи, кромѣ терминовъ и названій въ ней ничего не осталось...

— Вамъ одно спасенье: служба, сказалъ Люцкой, входя въ ворота.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тетушка Осиповна и ея нахлѣбники.

Въ преходящемъ населеніи университета, Осиповна, извѣстная болѣе подъ названіемъ *Тетушки*, пользовалась популярностью чуть ли не большею Мишкиной. того самого швейцара Мишки, что бывало, подавая шубу ректору, и свой санъ блюдетъ, запросто подчуя *генерала* табачкомъ; бранитъ, бывало, студентовъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а глядишь, и начальству достанется малая-толика. Живетъ болѣе философіей собственной системы, а за дочерью дастъ порядочное приданое, сколоченное, какъ онъ го-

варивалъ, все *синенькими*. Всякій учившійся во времена Мишки помнитъ, что въ періоды *историческіе* онъ сохранялъ самый строгій нейтралитетъ. Совсѣмъ другая статья была тетушка Осиповна. Снимала она квартиру за Никитскими воротами, въ очень кривомъ переулкѣ, называвшемся по имени какого-то драгоцѣннаго камня, и надо полагать, что камень, отъ котораго злосчастный переулокъ заимствовалъ свое названіе, былъ самой темной воды. Весной и осенью уличная грязь, лучшее изъ удобреній, покрывала его такимъ густымъ слоемъ, что свези ее въ поле, можетъ-быть и невѣсть что выросло бы; но какъ въ переулкѣ она засѣвалась только студенческими калошами, то, само собою разумѣется, ничего и не выростало. Зимой, кромѣ того, была такая темь, что тетушка дѣлала даже не совсѣмъ благовидное сравненіе. Студенты, единственно по какому-то чутью, не проходили мимо воротъ, продѣланныхъ въ лицевомъ фасадѣ дома и ведшихъ на внутренній дворъ громаднаго четырехъ-угольнаго корпуса, выкрашеннаго желтою краской, до того истрескавшагося, облупившагося, испятнаннаго, что, казалось, этому ветерану забыли во младенчествѣ привить оспу, и онъ сталъ жертвою ужасной болѣзни. Днемъ же на

воротахъ можно было видѣть приклеенную хлѣбомъ бумажку съ классическою надписью, надъ которою вдоволь натѣшилась литература. Но такъ какъ эта послѣдняя доходила до Осиповны, подобно древней Иліадѣ, только въ видѣ изустныхъ фрагментовъ и ропсодій, заносимыхъ нахлѣбниками,—то тетушка и продолжала писать: *одаетца комната въ мизимини състаломъ*; причемъ хлѣбъ, выглядывавшій по угламъ записки, казалось, нарочно выставлялся, какъ образчикъ этого стола.

Квартира тетушки находилась въ третьемъ этажѣ и дѣлилась на двѣ половины корридоромъ такой же темной воды, какъ и переулокъ. По одну сторону—общая столовая, спальня тетушки и кухня; по другую—рядъ отдѣльныхъ хлѣвушковъ съ меловыми надписями постояльцевъ. Комната въ мезонинѣ почти никогда не имѣла надписи, потому что и тетушкины жильцы не могли похвалиться аккуратностію въ платежѣ и частенько изгонялись mit grossem Skandal; тогда несчастный обитатель мезонина, по случаю итальянскаго окна во всякое время года страдавшій насморкомъ, понижался въ умѣренный климатъ, на освободившуюся ваканцію одного изъ хлѣвушковъ, гдѣ и врачевалъ свой недугъ при помощи желѣзной печки, а наипаче,

по совѣту Осиповны, жженымъ хвостомъ кота Васьки.

— Вѣдь ишь разъѣлся, говорила тетушка:—мышей не ловитъ, такъ пускай добрымъ людямъ помогаетъ, а то хочетъ небось даромъ хлѣбъ ѣсть.

Хотя Васька хлѣба и не ѣлъ, но волею-неволей становился всеобщею панацеей. А между тѣмъ записка на воротахъ сдѣлалась хронической; и если тетушкѣ замѣчали, что она заставляетъ иногда людей попусту подниматься на третій этажъ, она обыкновенно ворчала: «Ничего, не взыщутъ; я въ день-то разъ тридцать поднимусь, да и то не жалуюсь!» Въ столовой главною мебелью былъ столъ, единственное твердое тѣло, имѣвшее, подобно газамъ, свойство расширяться до безконечности, смотря по числу посѣтителей. Если комплекта стульевъ не хватало, то придвигался диванъ, надъ которымъ висѣлъ портретъ какого-то господина въ темнозеленомъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, съ пухлыми, румяными щеками, въ родѣ того какъ изображаются миѳологическіе вѣтры, съ краснорѣчивою подписью: «вотъ какъ кормитъ тетушка съ самыхъ Французовъ!» Съ не менѣе миѳическихъ временъ, на угловомъ столикѣ, подъ образами, хранилась

неизвѣстно кѣмъ забытая третья часть *Всеобщаго Географическаго и Статистическаго Словаря* князя Гагарина. Тетушка все ждала, что владѣлецъ явится за своею собственностью, да кстати ужъ и пообѣдаетъ, какъ бывало. Если тетушкѣ совѣтовали продать ее, говоря, что владѣлецъ вѣроятно и самое тетушку-то запамятовалъ, она сердилась и выходила изъ себя.

— Развѣ что умеръ, а этого еще сроду не бывало, гордо говорила она, поправляя тюлевый чепчикъ.

Приходившіе раньше другихъ обыкновенно развертывали книгу на-угадъ, и читали ее въ ожиданіи обѣда. Это отчасти обусловливало то, что посѣтители тетушки всегда отличались знаніемъ географіи, а съ другой стороны, подавало поводъ къ болѣе или менѣе остроумныхъ замѣчаніямъ, въ родѣ того, что почтенный ученый не безъ основанія помѣстилъ въ число важнѣйшихъ произведеній Россіи—таракановъ. Эти полужесткокрылыя, изъ главнаго разсадника ихъ (кухни), распространялись по всему дому и въ лѣтнее время даже выбѣгали на прогулку въ самый переулокъ. Армія, содержаніе которой обходилось очень дорого, съ которою тетушка постоянно воевала за съѣстные припа-

сы и однажды пригласила тараканника. Мрачный отравитель, въ образѣ пожарнаго солдата, выступилъ съ цѣлымъ запасомъ различныхъ снадобій, но осмотрѣвъ непріятельскія траншеи, пришелъ въ ужасъ и объявилъ, что тутъ ужъ никакая наука не поможетъ.

Салопъ тетушки получилъ громкую извѣстность на рынкѣ и даже нѣкоторую индивидуальность: именно, студенты дали ему прозвище Ноева Ковчега. Во-первыхъ, онъ былъ почти также старъ, а во-вторыхъ, по разнообразію мѣховъ, вмѣщалъ въ себѣ чуть не по семи паръ всѣхъ животныхъ. Первоначально былъ онъ заячій, но скоро вытерся на спинѣ отъ усиленной ѣзды на ванькахъ (въ ту пору тетушкино государство находилось въ періодѣ процвѣтанія и она ѣздила за провизіей); въ то же время одинъ изъ постояльцевъ замѣнилъ кошачій воротникъ своей шинели куньимъ; — тетушка вставила опорокъ себѣ въ спину, и кошка съ зайцемъ, соединенные русской пословицей, стали неразлучны въ ея салопѣ. Затѣмъ, когда обились полы, тетушка подновила ихъ барашковымъ полушубкомъ умершаго нахлѣбника, которому она оказалась въ цѣломъ свѣтѣ единственною особой, имѣвшею хоть какое-нибудь право на наслѣдство. Потомъ ужъ,

безъ зазрѣнія совѣсти, пошли вставки выхухолевыя изъ муфтъ, медвѣжьи съ теплыхъ сапогъ, даже бобровыя съ шапокъ; но ковчегъ не останавливался ни на какомъ Араратѣ и продолжалъ трудное плаваніе по морю житейскому. Вообще, въ отношеніи къ костюму, тетушка выказывала поражающую геніальность, пользуясь самыми ничтожными жертвами своихъ жильцовъ, такъ что когда Люцкой подарилъ ей пеструю жилетку, необыкновенно толстаго трико, она выкроила изъ боковъ два подковообразные лоскутка, шорникъ за пятіалтынный подшилъ ихъ кожей, и башмаки вышли хоть куда.

Вступленіе каждаго новаго обывателя праздновалось съ нѣкоторою торжественностью. Тетушка съ утра начинала наряжаться, умывалась казанскимъ мыломъ, облекалась въ парадное шерстяное платье съ невѣроятными узорами, надѣвала каляно-накрахмаленный чепецъ, подклеивала вишневымъ клеемъ сѣдые височки въ родѣ бараньихъ рожковъ, и затѣмъ, тщательно притворивъ дверь, усаживалась передъ небольшимъ зеркальцемъ, величаемымъ громкимъ именемъ *туалета*. Тутъ она, моргая добрыми глазами, доставала баночку румянъ— и такъ проворно, что подсмотри кто-нибудь

эту продѣлку, низачто бы не замѣтить ему, откуда именно брался этотъ косметикъ. Невинное кокетство, если сообразить, что тетушкѣ давно уже стукнуло семьдесятъ, и что прельщала она только своихъ питомцевъ, которые хотя и платили ей нѣжнѣйшею привязанностью, но какъ-то болѣе засматривались по дорогѣ изъ университета на маленькія два окна (отдѣльной квартирки черезъ сѣни) съ плющомъ, геранью и вывѣской: *Моды и уборы.*

Совершивъ элевзинское таинство въ тиши своей комнатки, тетушка перемѣняла кормъ и воду канарейкамъ, оправляла постель съ крутымъ пикомъ подушекъ малъ-мала меньше чуть не до потолка, забѣгала на кухню, гдѣ уже кипѣло и шипѣло что-нибудь экстра-ординарное въ родѣ гуся съ мочеными яблоками. Убѣдившись, что все въ порядкѣ, она надѣвала очки, похожія на пушечныя колеса съ мѣднымъ лафетомъ, и садилась въ единственное мягкое кресло, съ чулкомъ и спицами въ рукахъ. Пряный ароматъ кухни мало-по-малу пробирался въ столовую—и когда стѣнные часы, свистя и скрипя, пробивали два удара, гости одинъ за другимъ наполняли столовую. Она встрѣчала новобранца въ дверяхъ, подводила его къ столу и говорила съ улыбкой, разбѣгавшеюся по

всѣмъ складочкамъ довольной физіогноміи: «Милости прошу, да не чинитесь; у насъ кто больше кушаетъ, тому и почетъ. Я по простотѣ: вотъ она вся тутъ; прошу любить и жаловать; а чернобѣсія чтобы не было.» Чернобѣсіемъ она называла тѣ буйства, которыя производились подкутившими жильцами. Въ такихъ случаяхъ она тотчасъ заявляла свою власть...

Къ одному-то изъ тетушкиныхъ хлѣвушковъ и пришли новые знакомцы.

— Наклоняйтесь, сказалъ Люцкой, отворяя дверь: — а то *всему міру* достанется...

Хлѣвушокъ былъ такъ устроенъ, что во всю длину его по одной стѣнѣ стояла ветхая, полосатая кушетка, по другую столъ и стулъ, а посрединѣ находился фарватеръ, пропускавшій не болѣе одного пловца, которому тотчасъ при входѣ представлялось на выборъ сѣсть на стулъ или лечь на кушетку, потому что стоять не такъ-то ловко, если при малѣйшемъ тѣлодвиженіи потолокъ гладитъ по головѣ. Надъ кушеткой висѣла старая двухстволка и прочіе снаряды охоты. Изъ-подъ кушетки вылѣзъ тощій лягашъ и началъ вертѣть хвостомъ, облизываясь на Люцкаго и жмурясь на зажженную свѣчу...

— Вотъ гдѣ я всегда дома, когда лекцій

нѣтъ, сказалъ Люцкой, садясь съ гостемъ на кушетку:—въ Москвѣ за триста тысячъ жителей, только насчетъ знакомства мнѣ передъ вами почти нечѣмъ похвастаться; вотъ въ Калугѣ много знакомыхъ, но разъ продравъ оттуда пѣшкомъ, я нахожу посѣщеніе ихъ нѣсколько неудобнымъ...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ никого здѣсь не знаете? спросилъ Звѣздочкинъ.

— Кой-кого изъ бывшихъ студентовъ знаю... Завтра угощу васъ обѣдомъ; не стѣсняйтесь, наши обѣды не дороги, по четвертаку съ рыла, pardon...

Звѣздочкину стало отрадно въ присутствіи чего-то свѣжаго, сильнаго, не гнущагося ни подъ какими житейскими грозами.

— Однако у васъ тутъ прохватываетъ! сказалъ онъ немного погодя.

— Значитъ, спать пора; завтра ужъ отрекомендую васъ тетушкѣ и познакомлю кое съ кѣмъ; а теперь ложитесь на покой; я эту ночь просижу, сказалъ Люцкой, садясь къ столу, на которомъ лежала тетрадь съ куріознымъ заголовкомъ: *Желудокъ и его вліяніе на политику.*

Звѣздочкинъ улегся съ тѣмъ странно-успокоительнымъ чувствомъ, что такъ и хватаетъ

человѣка въ новомъ убѣжищѣ. Ему казалось, что самая статья Люцкаго, которую тотъ называлъ современною поэзіею, какъ нельзя больше ладитъ съ назначеніемъ этого дома и запиской у воротъ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гдѣ извѣстна тетушка и отъ чего иногда зависитъ судьба человѣка.

Дня два спустя, въ одной изъ лучшихъ chambres garnies между Тверской и Никитской, на постели, отдѣленной альковомъ отъ кабинета, нѣжился молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, и нѣжился всласть, хотя золотые часы на письменномъ столѣ давно показали полдень. Разбросанная по стульямъ фрачная пара заставляла предполагать, что владѣлецъ вернулся домой поздно вечеромъ и усталъ такъ, словно цѣлый день принималъ тѣ неестественныя положенія, въ которыхъ изогнулись и свѣсились какъ попало брошенныя одѣянія. Но, кажется, онъ еще хотѣлъ что-то писать, потому

что на часахъ лежало перо, а подъ часами — листъ бумаги, на которомъ виднѣлись двѣ строчки: *Случайно завернувъ въ театръ, я былъ пораженъ пріятнымъ сюрпризомъ: наша даровитая артистка...*

Въ чемъ состоялъ этотъ сюрпризъ — неизвѣстно: далѣе шла толстая черта, какъ будто писавшій обернулъ перо и провелъ имъ, надѣясь что-нибудь выжать, а затѣмъ слѣдовалъ цѣлый лабиринтъ росчерковъ, гдѣ вдохновеніе должно быть окончательно заблудилось и кончило свои похожденія абрисомъ женской головки съ подписью: *не объ чемъ... ничего... пуст...*

На умывальномъ столикѣ у постели серебрились различныя принадлежности утренняго туалета, гасильникъ-автоматъ, сифонъ съ остаткомъ зельтерской воды, которую нѣженка со свистомъ выцѣдилъ себѣ въ стаканъ, полежалъ еще, потянулся и черезъ полчаса, при помощи зеркала, заспанная личность приняла благообразный видъ. Молодой человѣкъ тронулъ пуговку электрическаго звонка, наскоро выпилъ чаю, одѣлся по послѣдней картинкѣ, взялъ перчатки, трость, шляпу, раскинулъ на рукѣ широкій плэдъ и мимоходомъ крикнулъ корридорному, что *дома не обѣдаетъ.*

На крыльцѣ его такъ и обсыпала толпа лихачей.

— По Тверской! сказалъ онъ, садясь въ первую подвернувшуюся пролетку. Денекъ выдался красный; солнце такъ и било по золоту вывѣсочныхъ буквъ, словно по заманчивымъ заглавіямъ на корешкахъ колоссальной библіотеки. Уличная пестрота костюмовъ, лакированныя крылья экипажей, спицы колесъ и самый грохотъ ихъ, казалось, такъ и сверкали въ теплыхъ лучахъ...

Мы не будемъ слѣдить за новымъ знакомымъ; скажемъ только, что до Тверскихъ воротъ онъ останавливался разъ десятокъ; побывалъ въ кабинетѣ для чтенія, у портнаго, въ панорамѣ, въ кондитерской, не считая магазиновъ, и всюду входилъ съ видомъ хозяина въ своемъ домѣ, а выходилъ съ коротенькимъ зѣвкомъ. Доѣхавъ до Тверскаго бульвара, онъ пошелъ пѣшкомъ по средней дорожкѣ, то и дѣло раскланиваясь направо и налѣво. Ему кричали: Саша, Mr. Астреинъ, Александръ Петровичъ,— онъ отзывался на все, примыкалъ къ разговаривавшимъ кружкамъ, но не терялся въ массѣ гуляющихъ, и вообще былъ какъ-то особенно замѣтенъ въ толпѣ своей изящной простотой и какимъ-то отпечаткомъ порядочности. У

кафе зазвалъ его буфетчикъ и предложилъ сигару,—Астреинъ молча закурилъ и повернулъ на художественную выставку.

Черезъ четверть часа лошадь его, вся въ пѣнѣ, пыхтя и отдуваясь боками, стояла у входа въ зоологическій садъ.

— Такимъ-то побытомъ день-деньской и катаемся, говорилъ лихачъ своему товарищу, дожидавшемуся своего сѣдока, и вдругъ, почувствовавъ, что Астреинъ опять ужъ сидитъ въ пролеткѣ, подобострастно свѣсился къ нему съ козелъ въ полоборота.

— Прямо, хоть къ Воробьевымъ горамъ, хоть къ чорту на кулички! сердито крикнулъ сѣдокъ. Извощикъ, получивъ такой странный приказъ, дѣйствительно поѣхалъ прямо къ югу, куда рысакъ стоялъ головой; ѣхалъ-ѣхалъ и выбрался на одну изъ окраинъ города, на широкое поле, обведенное бордюромъ домовъ и зелени.

— Направо въ ворота! неожиданно проворчалъ Астреинъ. Лихачъ задержалъ коня и, медленно, важно правя, повернулъ въ чугунныя ворота съ такой же рѣшеткой и двумя бронзовыми львами; на каменныхъ пилонахъ, служившихъ подножіемъ изображенію звѣрей, разжалованныхъ новѣйшею наукой, ярко сіяли до-

щечки: *свободенъ отъ постоя* и *Мезенскаго*. Въ глубинѣ покатаго двора громоздился трехъэтажный домъ, заново покрашенный бронзово-бурой краской, съ бѣлыми маркизами по цѣльнымъ окнамъ, съ пестрѣвшими цвѣтами, балкономъ и двумя павильонами по угламъ на плоской крышѣ въ итальянскомъ вкусѣ.

Хлопнувъ стеклянною дверью и бросивъ плэдъ и пальто красно-золотому швейцару, Астреинъ побѣжалъ на широкую лѣстницу, красиво уходившую вверхъ и словно вырубленную въ мраморной стѣнѣ. На площадкѣ бель-этажа, налѣво мелькнула длинная зала съ колоннадой, отраженной въ паркетѣ; направо: зимній садъ съ песчаными дорожками; по одной изъ нихъ навстрѣчу гостя шелъ сѣдой, тучный человѣкъ съ широкимъ лицомъ, какъ-то прямо сидѣвшимъ на манишкѣ, безъ всякихъ признаковъ шеи.

— Борисъ Павлычъ на вышкѣ? Спросилъ Астреинъ, не снимая шляпы.

— Пожалуйте, въ павильонѣ-съ, отвѣтилъ толстякъ, степенно поклонясь.

Астреинъ взбѣжалъ на третій этажъ; здѣсь въ углахъ площадки стояло по шкафу, маскировавшихъ витыя лѣсенки; одна изъ нихъ, кончавшаяся люкомъ, привела гостя въ рабочій

кабинетъ Бориса Павловича Мезенскаго. Посрединѣ круглой комнаты, на полу, надъ разостланнымъ листомъ *безконечной* бумаги. опустясь на колѣна, молодой хозяинъ дома, въ лѣтней блузѣ, размѣрялъ циркулемъ чертежъ какой-то непередаваемой путаницы маховыхъ и зубчатыхъ колесъ, эксцентриковъ, рычаговъ и регуляторовъ...

— Здравствуй, душа моя... Работай, работай, я на минутку! залпомъ проговорилъ Астреинъ.

Мезенскій поднялъ красивое лицо, обрамленное вьющимися волосами и длинными бакенбардами, взглянулъ на посѣтителя быстрымъ взглядомъ, какъ-то разсѣянно и вмѣстѣ привѣтливо улыбнулся, медленно перевелъ взглядъ на потолокъ и снова наклонился къ чертежу. Астреинъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ повидимому давно знакомую комнату: простѣнки, занятые рѣзными полками книгъ, медвѣжьими и лосиными головами, увѣшанными охотничьимъ оружіемъ, цѣнную мебель и дорогіе ковры, бездну фотографій надъ письменнымъ столомъ,— и наконецъ подошелъ къ окну. Тамъ, притаясь въ широкихъ складкахъ драпировки, стояла обыкновенная земная зрительная труба. Онъ заглянулъ въ нее отъ нечего дѣлать, и по ли-

цу его пробѣжала тѣнь удивленія. Труба была направлена черезъ поле, черезъ низенькія крыши, въ открытое окно какого-то дома, и тамъ на темномъ фонѣ комнаты выяснялась женская головка, наклоненная надъ пяльцами. Бѣлое круглое личико съ яркимъ румянцемъ и ямочками на щекахъ, отъ которыхъ улыбка представляется заключенною въ скобки, когда дѣвушка повернется en face и смотритъ на улицу веселыми карими глазками; при этомъ высокія бровки-дугой поднимаются еще выше, а носикъ точно размышляетъ о видѣнномъ. Чисто русская миловидность! Вотъ она глядитъ вглубь комнаты, шевелитъ губами... Прыгъ! На окно вскочилъ котенокъ и заигрываетъ лапкой съ клубкомъ шерсти: смѣшно стало! Закинула головку, и все лицо дрожитъ самымъ искреннимъ смѣхомъ; темнорусые волосы сбились и растрепались; надо ихъ поправить пухленькой ручкой... Ну, теперь совсѣмъ, а котенокъ ужъ на пяльцахъ: брысь!.. брысь!..

— Вотъ и я къ твоимъ услугамъ, проговорилъ Мезенскій, разгибаясь во весь ростъ и встряхивая запыленную блузу:—приноравливалъ машину по размѣру нашего завода... Надо послать заказъ въ Лондонъ... Что хорошенькаго скажешь?

— Да что... Помѣшать-то я, помѣшалъ...

— Нисколько, перебилъ Мезенскій, вытирая руки одеколономъ: — я все утро провозился...

— Ну, и я все утро про-возил-ся, а зачѣмъ пріѣхалъ... (Астреинъ развелъ руками)—представь себѣ, именно это-то и забылъ: вертишься въ цѣломъ хаосѣ порученій, плановъ, соображеній и просьбъ; всякому насулишь, никому не исполнишь: просто голова идетъ кругомъ, не хуже твоей машины...

— Ужъ не извиняйся, улыбнулся Мезенскій, слушавшій его съ видимымъ удовольствіемъ, и подвинулъ ему легенькую табуретку гнутаго бука, которыхъ было нѣсколько у письменнаго стола;—ты такой рѣдкій гость, что никто не повѣритъ нашему родству... Ты что-то не въ духѣ?

— Да что! Скука такая! пробормоталъ Астреинъ, взявъ изъ ящика сигару и обрѣзывая кончикъ гильотинкой...

— Помилуй, тебѣ ли скучать! Весь городъ— свой человѣкъ, всюду принятъ...

— Такъ что-жъ? Отъ этого знакомства только ломота въ позвоночномъ столбѣ, не считая того, что въ годъ непремѣнно десятка полтора шляпъ мѣняешь, вяло проговорилъ Астреинъ.

— Вольно-жъ тебѣ не бросить эту жизнь?

спросилъ Мезенскій, посмѣиваясь: — неужели это рѣшительное призваніе?

— Ну, этого я не знаю, совершенно серіозно отвѣтилъ Астреинъ:—вотъ Mr. Lutin, у котораго я одѣваюсь, полагаетъ, что Провидѣніе вызвало меня къ бытію для того, чтобъ я былъ чѣмъ-то въ родѣ вѣшалки и показывалъ народу, какъ должны сидѣть пиджаки, пальто и прочее на порядочныхъ людяхъ...

— Это любимая твоя тема, но я все-таки... да просто не вѣрю, чтобъ у тебя не было цѣли...

— Всѣ люди согласны въ томъ, что цѣль жизни: *нажиться*, только различно понимаютъ это слово; а такъ какъ я уже *пожилъ* на своемъ вѣку и вѣроятно ничего не *наживу*, кромѣ долговъ...

— Кстати, перебилъ Мезенскій:—много ихъ у тебя?

— Не считалъ, равнодушно проговорилъ Астреинъ, сдувая пепелъ:—скажи-ка лучше, если не секретъ, что эта за особа? спросилъ онъ, показавъ глазами на трубу.

— Какой же можетъ быть секретъ! улыбнулся Мезенскій: — это давнишняя исторія... Да ты ее знаешь; помнишь, мы еще студентами шалили, все смотрѣли къ ней въ окно... астрономіей-то занимались...

*

— Ахъ, это *она*? И съ тѣхъ поръ тебѣ еще не надоѣло?

— Я такъ привыкъ видѣть ее по воскресеньямъ, что если ее нѣтъ, словно чего-то и не достаетъ... Не забавно ли, Саша, что я вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ знаю ее какъ свои пять пальцевъ, а ей и въ голову не приходитъ о моемъ существованіи!.. Мы встрѣчаемся изрѣдка въ театрѣ, на гуляньяхъ, на монастырскомъ кладбищѣ,—я смотрю на нее, какъ на старую знакомую, а ея взгляды скользятъ мимо...

— Что жъ это за дѣвица?

— Премилая; всякій разъ чѣмъ-нибудь отличится...

— Что жъ ты не познакомишься?

— Да есть ли какая-нибудь возможность попасть въ купеческій кругъ?

— Она купчиха? протянулъ Астреинъ.

— Племянница Самострѣлова,—знаешь: ситцевая фабрика? Впрочемъ успокойся: она въ пансіонѣ M-me Favre... Вотъ и все, что мнѣ извѣстно. А хотѣлось бы поговорить съ ней: судя по тому, чему я бывалъ очевидцемъ, — золотое сердечко!

— Если такъ, поѣдемъ вмѣстѣ къ M-me Favre... У нея скоро будетъ актъ, на которомъ я все равно буду по обязанности...

Мезенскій не могъ не разсмѣяться.

— Хоть мнѣ-то не обѣщай! А знаешь ли, что значитъ привычка: я иногда въ деревнѣ, въ самую рабочую пору на заводѣ, вспоминаю объ ней... Вотъ, думаю, пріѣду въ Москву, опять увижу свою звѣздочку...

— Вотъ оно! вскрикнулъ Астреинъ и даже вскочилъ со стула: — Звѣздочкинъ! Именно Звѣздочкинъ! За этимъ вѣдь и пріѣхалъ къ тебѣ. Поди жъ ты, какъ устроенъ человѣкъ: и о знакомыхъ говорили, и о студенчествѣ, и о платьѣ, и о долгахъ, а не могъ вспомнить! Вотъ она — безконтрольная-то болтовня: и самъ не слушаешь, что̀ говоришь...

— Да кто такой Звѣздочкинъ? не безъ удивленія спросилъ Мезенскій, выпуская сигару.

— Это юноша, у котораго кромѣ парусинной пары ничего за душой нѣтъ... Впрочемъ нашелся какой-то добрый человѣкъ и свелъ его къ тетушкѣ; помнишь Осиповну и студенческіе обѣды?

— Ахъ!.. Осиповна!.. съ замѣтнымъ удовольствіемъ повторилъ Мезенскій.

— Ну, вотъ она и есть; а у нея постоянно обѣдаетъ извѣстный тебѣ секретарь сената, Бармовъ...

— Это, что къ дядѣ съ докладомъ ходитъ? спросилъ Мезенскій, припоминая.

— Онъ самый; пріятель того добраго человѣка. Мнѣ же Бармовъ не пріятель, потому что кредиторъ мой...

— Неужели ты и у него занимаешь? поморщился Мезенскій.

— Э, мой милый, я на этотъ счетъ не разборчивъ: кому бы ни платить проценты, лишь бы не платить... Ну, вотъ онъ, въ силу этихъ обстоятельствъ, имѣетъ право требовать отъ меня услугъ; а я, въ силу моего къ тебѣ четверо-юродства, прошу тебя: нельзя ли чего сдѣлать для юноши?

Борисъ подумалъ.

— Развѣ вотъ какъ... Дядя ищетъ себѣ домашняго секретаря...

— Каковъ сенаторъ! воскликнулъ Астреинъ:—мало ему казенныхъ!..

— Вѣдь ты знаешь его страсть, улыбнулся Мезенскій:—все хочетъ издать свое путешествіе вокругъ свѣта...

— Совершенное тридцать лѣтъ тому назадъ, подсказалъ Астреинъ.

— Ну, да... Что жъ, ты ручаешься за этого юношу?

— Юноша какъ юноша, а впрочемъ я его

и въ глаза не видалъ—онъ теперь у Бармова гоститъ; сей законовѣдъ недоволенъ: «мечется», говоритъ, «изъ крайности въ крайность»: эстетикъ по собственнымъ словамъ, третьяго дня плѣнился цинизмомъ своего спасителя, вчера перескочилъ въ правительство къ Бармову... Ну, словомъ, какъ быть должно: кровь еще бродитъ...

— Охъ, ужъ ты, моралистъ! расхохотался Мезенскій:—хорошо, поговорю дядѣ; вѣдь ты у насъ обѣдаешь?

— Пожалуй, только послѣ обѣда сейчасъ пусти: надо еще порыскать...

— Рыскай, рыскай, оно послѣ обѣда здорово, сказалъ Мезенскій и позвонилъ.

Явился встрѣтившій Астреина, степенный, сѣдой толстякъ-камердинеръ.

— Одѣваться, Парфенычъ, сказалъ Борисъ.

Думалъ ли въ это время Звѣздочкинъ, отъ чего зависѣла его судьба и на какомъ тоненькомъ волоскѣ она висѣла?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Продукъ большаго спроса и малаго предложенія.

Золотистые блики осенняго вечера одинъ за другимъ погасали въ листвѣ Александровскаго сада. На вершинѣ грота, прислонясь къ выступу крайняго утеса, сидѣлъ молодой человѣкъ, закутанный широкими складками плэда; высокая, сѣрая шляпа, сдвинутая слегка на бокъ, усы, закрученные въ ниточку, и небольшая роялька придавала какое-то бойкое выраженіе худощавому лицу съ высокимъ, изящно-выпуклымъ лбомъ, между тѣмъ какъ въ блестящихъ глазахъ выступало что-то загадочное, полунасмѣшливое. Вся поза, начиная съ беззаботно-скрещенныхъ рукъ и кончая лаковою ботинкой, небрежно свѣшенною вдоль утеса, была проникнута лѣнивою граціей. Взглядъ его, скользя надъ садомъ, упирался въ тѣнь глазатаго фасада экзерциргауза, за которымъ дальше виднѣлся клочекъ озаренной университетской колоннады. Справа изъ-за крышъ выдвигалась вершина Большаго театра, слѣва надъ

зубчатымъ квадратомъ Троицкихъ воротъ возвышался куполъ музея. Внизу разстилались газоны, исчерченные плавными извивами песчаныхъ дорожекъ, и большая аллея, обсаженная развѣсистыми, спутанными вверху деревцами; мелькая въ частоколѣ тонкихъ стволовъ, группы гуляющихъ точно ползли, чуть подвигаясь. Тишина изрѣдка нарушалась дребезжащими ударами палочки по обручу и тоненькимъ голоскомъ бѣжавшаго за нимъ ребенка; на иномъ ребенкѣ до того много было накутано бархату, кружевъ и перьевъ, что весь онъ скорѣй походилъ на махровый цвѣтокъ, нежели на человѣка. Скоро и эти фантастическія куколки стали исчезать. Примѣтно вечерѣло; толпы рѣдѣли; Астреинъ всталъ и пошелъ на послѣдній туръ...

Навстрѣчу ему, быстро перебирая ботинками, шла молодая дѣвушка въ темненькой накидкѣ и низенькой шляпкѣ, съ опущеннымъ вуалемъ.

Случайно поднявъ голову, онъ увидалъ ее передъ носомъ, и оба, уступивъ дорогу въ одну и ту же сторону, чуть не столкнулись; дѣвушка рванулась было на освобожденный путь, но Астреинъ сдѣлалъ это еще скорѣе, и лица ихъ почти коснулись одно другаго; въ смущеніи онъ

развелъ руками, кинулся опять вправо и какъ-разъ принялъ дѣвушку въ объятія.

— Что жъ это за наказанье? вскрикнула та, отвертываясь и обходя его:—нельзя на улицу показаться!

Тонъ этого голоса поразилъ Астреина. Онъ съ минуту стоялъ какъ оглушенный, потомъ повернулся и догналъ дѣвушку.

— Извините меня, заговорилъ онъ, поровнявшись:—но смѣю васъ увѣрить, что все это произошло отъ избытка вѣжливости...

Дѣвушка ничего не отвѣтила, только ниже опустила голову и пошла еще скорѣе...

— По-дѣломъ! проворчалъ Астреинъ, отходя на край дорожки, и пошелъ параллельно съ нею, озлобленно поглядывая на каждаго встрѣчнаго. Въ концѣ сада дѣвушка взглянула на его пристыженную фигуру и чуть замѣтно улыбнулась. Онъ все шелъ параллельно съ нею. Дѣвушка ускорила шаги, выбралась на Театральную площадь, и оставивъ вправѣ уставленный плошками главный подъѣздъ Большаго театра, взяла боковымъ фасомъ мимо кассы и скрылась въ задней клеенчатой двери. Тутъ она пріостановилась немножко, послушала, какъ неотвязный спутникъ спросилъ что-то у сторожа, но не могла разобрать: про нее или нѣтъ, —

и стала взбѣгать по некрашеннымъ деревяннымъ лѣстницамъ, повторявшимъ тѣ же извивы и повороты, по которымъ зрители съ другаго крыльца идутъ въ свои ложи. А между тѣмъ, какая разница въ обстановкѣ! Стѣны, ступеньки съ перилами, балки на темныхъ потолкахъ — ничѣмъ не покрашены, и вся эта масса побурѣвшаго сыраго дерева неопредѣленнымъ страхомъ ложится на душу, подготовляя ее къ дальнѣйшимъ чудесамъ театральнаго міра; на площадкахъ то и дѣло попадаются высокія рамы и холсты декорацій, кудрявыя вырѣзки деревьевъ, изъ-за нихъ выглядываетъ картонный олень... Вотъ промелькнулъ темненькій корридоръ съ тусклыми лампами; въ отворенную дверь парикмахерской видны стеклянные шкафы съ тысячью париковъ, черныхъ, рыжихъ, сѣдыхъ и лысыхъ... Еще нѣсколько ступенекъ, вотъ и сцена, огромная, полутемная, совершенно пустая; холодомъ дышатъ ея стѣны, щели, чуть видный верхъ, и не разберешь—потолокъ это или одѣтое тучами небо, а подъ ногами темный провалъ, точно ледникъ, такъ и остался послѣ репетиціи. Окинувъ это быстрымъ взглядомъ, дѣвушка прошла въ уборную; тамъ ужъ собралась веселая толпа; говоръ, хохотъ, пѣсни, суетня, распущенные волосы, бѣлые корсажи,

и при входѣ ея крики: Даша, ко мнѣ! Даша, подите сюда!

Даша едва поспѣвала на призывы то той, то другой изъ артистокъ, прислуживая и подавая костюмы; въ какіе нибудь полчаса подъ искусными, проворными руками ея создались величавыя герцогини въ алыхъ бархатныхъ баскинахъ, шитыхъ золотомъ и красиво расходящихся на бѣломъ атласѣ робъ съ длинными шлейфами, въ низенькихъ шляпкахъ съ перьями, съ хлыстиками, въ бѣлыхъ перчаткахъ; статные пажи въ голубыхъ *жюстокорахъ* и такихъ же коротенькихъ плащахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ; кокетливыя фрейлины въ газѣ и дымкѣ...

Чу! Первый порывъ увертюры! Всѣ потянулись за кулисы, Даша робко пробирается туда же, помѣщается за одною изъ боковыхъ гардинъ, прислонясь къ рамѣ. Нужды нѣтъ, что этотъ дворецъ вблизи вовсе не такъ хорошъ, какъ изъ прекраснаго далека; нужды нѣтъ, что блестящія краски сѣро и аляповато положены на холстѣ; нужды нѣтъ, что все это чуть держится, всюду щели да просвѣты: дѣвушка вся въ томъ мірѣ, который долженъ быть виденъ съ бѣлыхъ галлерей, вогнутыми поясами охватившихъ блестящую зрительную

залу; она вся въ звукахъ... И какъ ихъ не слушать, какъ имъ не вѣрить, когда они такъ и льнутъ къ бѣдному сердцу!.. Вдругъ у ней блеснули глаза, и лицо невольно выдвинулось изъ-за высокой колонны. Скажите пожалуйста, вѣдь *онъ* стоитъ въ бенуарѣ... Ну, ужъ извините, сударь, здѣсь-то мы васъ не боимся, здѣсь мы дома; садитесь, гости будете...

Незамѣтно идетъ время до конца пятаго акта, и рушатся декораціи, разъѣзжаясь во всѣ стороны при крикѣ рабочихъ и стукѣ молотковъ, такъ что страшно становится, и съ непривычки не знаешь, куда дѣваться; но Дашѣ не въ первый разъ: она давно въ уборной, собрала въ узлы разбросанные костюмы, сдала костюмеру, и съ чувствомъ отдыха послѣ всѣхъ хлопотъ, сбѣжала по той же задней лѣсенкѣ на улицу. Экипажи разъѣхались и подъѣздъ опустѣлъ. Она посмотрѣла во всѣ стороны, и съ легкимъ страхомъ, при слабомъ мерцаніи фонарей, пустилась въ обратный путь. Услыхавъ за собою шаги, она обернулась черезъ плечо и остановилась...

— Что-жъ, этому будетъ конецъ? проговорила она тѣмъ же грустно-усталымъ голосомъ, который такъ поразилъ Астреина за нѣсколько часовъ.

— А какъ же? отвѣтилъ онъ:—все на свѣтѣ имѣетъ начало и конецъ; но концы бываютъ близкіе и дальніе, только за провинность мнѣ разбирать ихъ не приходится; вотъ я доведу васъ до дому—и конецъ!

Въ его голосѣ слышалась такая искренняя шутка, что дѣвушка въ первый разъ подняла на него глаза и засмѣялась задушевнымъ смѣхомъ.

— Не безпокойтесь, проговорила она: — я дорогу знаю, не заблужусь...

— Вы на меня больше не сердитесь? сказалъ Астреинъ, идя съ нею рядомъ.

— На всѣхъ сердимшись, и сердца не хватитъ; обидно только.

— А это развѣ не обидно, что вы не хотите повѣрить мнѣ? Зачѣмъ же вы идете другою дорогой? прибавилъ онъ, замѣтивъ, что они повернули въ переулокъ.

— Я давеча не изъ дому шла, отвѣтила Даша.

— Ну, возьмите же мою руку. Право, я вовсе не такой...

Дѣвушка достала изъ кармашка въ бурнусѣ пару перчатокъ, ловко надѣла ихъ и взяла его подъ-руку. Астреинъ признавался себѣ, что ему не случалось еще вести дамы съ та-

кимъ почтительнымъ и вмѣстѣ отраднымъ чувствомъ.

— Скажите, засмѣялась дѣвушка, совершенно довѣрчиво поглядѣвъ на него: — у васъ должно быть очень много свободнаго времени?

— Напротивъ, я цѣлый день занятъ, какъ видите, отвѣтилъ Астреинъ: — сегодня например, объѣхалъ выставку, музей, зоологическій садъ, мало ли что еще... и все напрасно...

— Чего же вы тамъ искали?

— Жизни; спряталась жизнь—и баста!

— Такъ вотъ у васъ какое дѣло! И не скучно вамъ?

— Очень скучно, такъ скучно, что если завтра будетъ то самое, что вчера и сегодня, то послѣзавтра я непремѣнно повѣшусь на Иванѣ Великомъ.

Спустя немного, налетѣлъ порывъ вѣтра и распахнулъ у нея бурнусъ; она прихватила свободною рукой полу, остановилась и какъ-то сухо закашлялась...

— Укутайтесь хорошенько, сказалъ Астреинъ.

— Да застежка оборвалась, некогда было пришить...

— Вотъ и простудились.

— Это кашель-то? это еще съ зимы, на сценѣ простудилась; я при театрѣ швея...

Астреинъ вынулъ изъ шарфа булавку и закололь ей бурнусъ; она-было отшатнулась...

— Полноте, можетъ быть мы и не столкнемся больше на этой... пыльной планетѣ, продолжалъ онъ. чихнувъ:— это будетъ память о забавномъ происшествіи.

— Теперь ужъ не далеко, сказала она, дойдя до Никитской: — благодарствуйте, я одна дойду...

Астреинъ приподнялъ шляпу, перешелъ на другой тротуаръ, но теорія параллельныхъ линій продолжала излагаться наглядно, всенародно и общедоступно. Замѣтивъ это, дѣвушка остановилась у кондитерской, подумала немного, зашла и спросила себѣ полфунта леденцу. Она нарочно долго считала сдачу, перевертывая въ рукахъ мелочь, и когда вышла на улицу, никого уже не было. Тутъ она проворно перебѣжала площадь, потерялась во мракѣ переулка, вошла въ ворота съ запиской и образчиками стола, поднялась по одной изъ темныхъ лѣстницъ на деревянную галлерею, обходившую на дворѣ весь корпусъ, и въ сѣняхъ отворила дверь отдѣльной комнаты. Тоненькая стеариновая свѣча сначала довольно ярко освѣтила маленькую комнатку въ два окна съ кисейными занавѣсками, плющомъ, геранью, и

бѣлую клѣтку съ соннымъ снигиремъ; потомъ пламя померкло, и въ полусвѣтѣ какъ-то призрачно выступили ширмы, оклеенныя картинками съ конфектъ и модныхъ журналовъ, два стула, сильно пострадавшіе отъ времени, и столикъ, на которомъ, какъ только свѣча разгорѣлась, окончательно показались выкройки, рабочая подушечка и картонный, съ намазанными углемъ усами, сильно подержанный болванъ. Даша отложила свою покупку, развела крошечный самоварчикъ въ сѣняхъ, и сѣвъ къ столу, вынула изъ лифа булавку, которую разсѣянно заколола туда, снимая бурнусъ: булавка была массивнаго золота, въ видѣ подковы. Дѣвушка облокотилась на столъ и забыла о чаѣ.

«Богъ знаетъ, что за человѣкъ, думалось ей,— а на другихъ не похожъ.»

— Дарья Николаевна, можно къ вамъ? спросилъ за дверью Люцкой.

— Пожалуйте, отвѣтила она, пряча булавку въ столикъ.

Люцкой вошелъ съ книгой и синенькимъ фунтикомъ въ рукахъ. Даша внесла самоварчикъ.

— Можно у васъ посидѣть? Мой сосѣдъ воюетъ, нѣтъ силъ никакихъ управиться; тетушка ужъ и полиціей грозила, не унимается.

— А-а! Давайте чай пить съ горя.

— Я и самъ только-что собирался, вотъ и сухарей взялъ...

— Мимочка! Мимочка! кликнула Даша, вставивъ кусочекъ сухаря въ рѣшетку клѣточки. Снигирь съ просонокъ забилъ крылышками и клюнулъ подачку.—А меня тоже съ полученьицемъ поздравьте, вотъ какъ мы-съ!

— Не съ чѣмъ поздравлять, самимъ дороже! угрюмо сказалъ Люцкой.—Кстати, давеча заходилъ въ клинику, стащилъ вамъ кое-что.

Онъ досталъ изъ боковаго кармана стклянку и поставилъ на окно.

— По двадцати капель.

— А что же вашъ... этотъ... знакомый? спросила Даша, заваривая чай: — что жить-то у насъ хотѣлъ?

— И глазъ не кажетъ; взманили почести и знатность, отвѣтилъ Люцкой, презрительно усмѣхнувшись.

Наполнивъ чашки, она сѣла за какой-то чепчикъ, а Люцкой развернулъ книгу, и они ужъ только изрѣдка переговаривались подъ шумокъ самовара. Свѣча горѣла близехонько у зеленыхъ разводовъ дешевенькихъ обоевъ; мухи полусонно бродили на салфеткѣ. И долго свѣтилось окошко, туманно отражая задумчивое лицо и мелькавшую руку съ иголкой, наперсткомъ и

ножницами, подъ тихій напѣвъ: *Что затуманилась зоренька ясная...*

— Былъ голосъ, да весь вышелъ, вдругъ сказала Даша, опуская руку и слегка отодвинувъ работу.

— Правда, Дарья Николаевна, сказалъ Люцкой,—и все выйдетъ! И здоровье выйдетъ, и уходите себя, коли не будете слушаться... Онъ оперся, наклонясь со стула впередъ, локтями на свои колѣни, а головой на руки. — Нѣтъ, воля ваша, тяжело! Честна бѣдность, за чужимъ не потянется; крѣпка бѣдность, долго терпитъ, — зато ужъ какъ сломитъ человѣка, проклятая, такъ все изъ него выщемитъ, высосетъ...

Даша при этихъ словахъ невольно взглянула на столикъ и слегка потупилась.

— О чемъ это вы читаете? спросила она не безъ лукавства.

— О судебно-медицинскомъ осмотрѣ труповъ.

Даша еще лукавѣе улыбнулась и какъ-то ласково поглядѣла на столикъ.

У Астреина въ chambres garnies между Тверской и Никитинской тоже свѣтилось окно. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ пальто, шляпа на полу; строчки сами собой вытекали съ пера. Онъ писалъ:

«Мы, пишущая братія, не тамъ ищемъ жизни, гдѣ слѣдуетъ, гдѣ она есть, гдѣ она бьетъ ключемъ, кипитъ, разливается и выходитъ изъ береговъ. Не ищите ее въ сборищахъ; прислушайтесь къ тому, что долетаетъ до васъ урывкой на улицѣ; сколько значенія, какая бездна таится въ одномъ словѣ...»

— Какъ у нея мило это: мши, мшись... вспомнилъ онъ.

Страница за страницей перелетали справа налѣво и покрывались бѣглыми блестящими отрывками воспоминаній, выхваченныхъ изъ дѣйствительной жизни. Астреинъ опомнился только, когда бѣлый свѣтъ утра схватился бороться съ краснымъ свѣтомъ лампы и одолѣлъ его; онъ сломалъ о столъ стальное перо, подошелъ къ окну, широко распахнулъ его и полною грудью пропѣлъ изъ какой-то оперы начало бравурнаго дуэта... Фельетонъ въ слѣдующемъ нумерѣ надѣлалъ шуму и читался нарасхватъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Казовый конецъ.

Наступилъ день акта въ пансіонѣ M-me Favre. Борисъ и Астреинъ пріѣхали вмѣстѣ и вручили билетъ классной дамѣ, пропускавшей по-крайней мѣрѣ сотаго гостя и каждаго встрѣчавшей съ ласковымъ удивленіемъ, что вотъ молъ и еще одинъ явился.

Въ актовой залѣ, мягко ласкавшей глазъ приглядным сочетаніемъ бѣлизны стѣнъ, алаго бархата драпировокъ и бронзовыхъ рамъ по зеркальнымъ дверямъ, господствовала мертвая тишина, еще рѣзче выступавшая отъ однообразнаго чтенія отчета учителемъ русской словесности, будто пригвожденнымъ къ каѳедрѣ за какое-то преступленіе. Противъ него за краснымъ столомъ возсѣдала директриса съ прочими педагогами и почетными посѣтителями, — весь неподкупный ареопагъ, только что осудившій несчастнаго на казнь. За ними помѣщались кресла гостей, которымъ продолжительная пытка порядочно ужъ надоѣла; они пускали въ ходъ легкіе вздохи, зѣвки со слезами на гла-

захъ и платки въ видѣ протестовъ противъ жестокости приговора. Пріятели помѣстились на крайнихъ креслахъ. Борисъ Мезенскій тотчасъ повернулся къ воспитанницамъ. Онѣ стояли по обѣ стороны каѳедры, приближаясь полукруглыми рядами къ публикѣ, всѣ въ зеленыхъ платьяхъ съ бѣлыми фартуками въ видѣ ярлычковъ, словно груда ситцевъ въ оптовомъ складѣ, ожидавшая покупателя. Масса эта волновалась, свѣженькія личики наклонялись одно къ другому, шептались и передавали другъ другу свои замѣчанія. Борисъ началъ осмотръ товара съ дальныхъ полокъ, гдѣ находились партіи самыя лежалыя, постепенно сводилъ глаза ближе и ближе, теряя надежду найти желаемое, какъ вдругъ увидалъ его почти возлѣ себя: какъ часто бываетъ, онъ сначала перескочилъ черезъ него глазами...

— Какъ въ природѣ-то все премудро устроено, шепнулъ ему Астреинъ:—которыя похуже дѣвицы, тѣ вотъ тамъ вдали около учителя, запасаются свѣдѣніями,—а покрасивѣе кто, тѣмъ ужъ это лишняя роскошь; эти поближе къ намъ... зрителямъ.

Борисъ не слушалъ его, имъ овладѣло странное чувство. Взрослая дѣвушка по какой-то прихоти была одѣта совершеннымъ ребенкомъ,

что впрочемъ весьма шло къ наивному выраженію лица. Коротенькое платьице выказывало стройныя, но довольно большія ножки въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ башмакахъ. Онъ задумался и въ разсѣянности глядѣлъ на нихъ въ упоръ; она замѣтила это, ей стало неловко, и она спрятала одну ножку за другую. Борисъ невольно улыбнулся, и она улыбнулась, чуть отвертываясь, и вдругъ что-то скоро-скоро зашептала на ухо сосѣдкѣ; но Борисъ видѣлъ по выраженію лица, что дѣло шло вовсе не о немъ, да и подруга начала глядѣть совсѣмъ въ другую сторону.

«При неусыпныхъ трудахъ начальницы заведенія и энергіи гг. преподавателей», читалъ учитель, выхваляя товаръ, точно гостинодворецъ, «ученіе шло болѣе чѣмъ удовлетворительно»...

Тутъ Борисъ опять переглянулся съ проказницей; она пожала плечами, словно говоря: какъ скучно! и выставивъ ножку, оперлась на носокъ, потомъ на пятку и стала пошлепывать по паркету...

Но вотъ кончилась пытка осужденнаго и началась раздача наградъ.

— Анна Бармова! раздалось по залѣ. Появилась одна партія съ дальней полки, полу-

чила. что слѣдовало по расчету, и удалилась въ боковыя залы.

— Любовь Ясенева! раздалось послѣ нѣсколькихъ фамилій.

— Люба, тебя! подтолкнула ее подруга.

Люба вздрогнула, кинула Борису гордый взглядъ, и, вся закраснѣвшись, пошла къ столу, какъ-то осторожно ступая по паркету.— Черезъ минуту она вернулась съ тремя золото-обрѣзными книгами, прошла мимо Бориса, опустивъ рѣсницы, не взглянувъ на него, и скрылась въ зеркальную дверь. Затѣмъ послѣдовала казовая игра въ восемь рукъ на двухъ рояляхъ, причемъ двѣ самыя хорошенькія ученицы облокотились на крышки въ картинной позѣ и перевертывали ноты, когда учитель кивалъ головой; торжество завершилось звуками оркестра: вся зала зарябила въ глазахъ кружившимися парами. Подъ конецъ вальса Борисъ отыскалъ Ясеневу, она сидѣла съ подругами, успѣвъ переодѣться на вечеръ. На ней было бѣлое платье, на этотъ разъ подлиннѣе, но все не такъ, какъ ей хотѣлось, и она безпрестанно оправляла его также усердно, какъ мелкій торговецъ вытягиваетъ аршиномъ лишній вершокъ ситцу. Рядомъ съ ней горделиво

держалась Бармова, смуглая, быстроглазая дѣвушка съ порывистыми манерами.

— Поди, бери ее скорѣй на кадриль, шепнулъ Борисъ Астреину, — и станемъ визави...

А самъ подошелъ къ Любѣ съ обычнымъ приглашеніемъ.

— Oui, monsieur, отвѣтила она, радостно вспыхнувъ.

Борисъ поставилъ ей стулъ, на который она усѣлась, оглядываясь на подругъ, и вдругъ взглянула вверхъ на Бориса.

— Ужасъ, какъ много чужихъ!.. они дома стыдятся танцовать, а тутъ на нашемъ вечерѣ, будто нарочно... это мнѣ даже довольно странно... Ахъ, намъ! вскрикнула она, схвативъ Бориса за руку.

Онъ, смѣясь, пошелъ за нею.

— Чему же вы смѣетесь, желала бы я знать! строго проговорила она послѣ фигуры.

— А вы развѣ не любите смѣяться? Вы дома цѣлый день хохочете...

— Почемъ вы знаете? вскрикнула она такъ, что сосѣднія пары даже оглянулись на нее.

— Я все знаю — какую вы собачку вышиваете, сколько вы яблокъ можете въ одинъ присѣстъ скушать...

— Скажите, скажите, приставала она:—въ этомъ важности нѣтъ...

— Извольте. Случилось мнѣ какъ-то вечеркомъ наблюдать звѣзды... Васъ впрочемъ это не можетъ интересовать, да и мнѣ скоро надоѣло... Въ телескопѣ эти яркія свѣтила вовсе не такъ хороши; они въ немъ чуть видныя точки, какъ двѣ капли воды похожія другъ на дружку; вотъ я уменьшилъ фокусъ, опустилъ трубу къ землѣ и сталъ водить по дальнимъ огонькамъ, что свѣтились въ окнахъ домовъ...

— Каково! сдержанно протянула Люба:—хорошо-съ! Что же дальше было?..

— Дальше было то, что труба остановилась на одномъ окнѣ...

Она повертѣлась на стулѣ, закусила губку и быстро спросила:—Вы это меня видѣли?

Борисъ улыбнулся и наклонилъ голову.

— А, хорошо же! Завтра пріѣду домой, ни разу не подойду къ окошку, запру его.

— А если я соскучусь, и приду къ вамъ? ужъ совершенно шутя сказалъ Борисъ.

— Какже! Дяденька-то у насъ не того десятка, чтобъ... Pardon, monsieur, c'est à vous!

— Ахъ! посмотрите, посмотрите, совершенно довѣрчиво говорила она,—какъ вашъ визави

танцуетъ, точно у него ноги отваливаются, или онъ урокъ изъ исторіи учитъ...

— А много изъ исторіи вы прошли? спросилъ Мезенскій.

— Много... до той страницы... вотъ, гдѣ еще Алкивіадъ отрубилъ хвостъ своей собакѣ; я все впередъ заглядываю, люблю сама до всего доходить, а только войны эти мнѣ ужъ такъ надоѣло зубрить—то и дѣло: маршъ въ походъ, и давай драться, точно маленькіе въ первомъ классѣ, и вѣдь ничего изъ этого не выходитъ, развѣ кому нибудь голову обрѣютъ, напишутъ на затылкѣ письмо и дожидаются, пока волосы выростутъ... Развѣ онъ не можетъ измѣнить, коли велитъ себя обрить непріятелю... Такія глупости!

Въ шестой фигурѣ она даже *нукнула* своего кавалера...

— Пошибче, прибавила она засмѣявшись.

— Гдѣ же ваши классы? спросилъ онъ, церемонно раскланявшись съ ней.

— Пойдемте, я вамъ покажу свой столъ; я вѣдь недалеко уѣхала... Другой годъ сижу...

Борисъ подалъ руку; она взяла ее съ какой-то ужимкой и потащила его въ боковыя залы.

Между тѣмъ они успѣли обратить на себя общее вниманіе. Отъ Астреина узнали, что это из-

вѣстный богачъ заводчикъ Мезенскій; отъ здѣшнихъ узнали, что это единственная наслѣдница милліонера Самострѣлова. Любу заразъ пригласили двое кавалеровъ. Борисъ остался въ классной *у стола.*

Онъ былъ весь подъ обаяніемъ полуребенка, полуженщины; мысли, одна другой нарядиѣй, такъ и прыгали подъ музыку, гудѣвшую въ залѣ...

— Какія это вамъ сегодня книги подарили? спросилъ Мезенскій, встрѣтивъ Любу нѣсколько позже.

— Какая-то физика... Принесла къ себѣ, читала-читала... ничего не поняла... У меня ужасно мало понятія! Ужа-а-а-сно! протянула она въ отчаяніи.

— Какъ же вамъ награды даютъ?

— Это дяденька просилъ M-me Favre, чтобъ и смотрѣть за мной строже всѣхъ и награды давать самыя лучшія.

M-me Favre была легка на поминѣ. Она подошла къ Любѣ и довольно строгимъ голосомъ замѣтила, что ей пора ѣхать домой.

— Вотъ и конченъ балъ! сказала Люба, опустивъ голову, и пошла черезъ классную.

— Закроете окошко? спрашивалъ Борисъ, догнавъ ее на порогѣ.

— Закрою, непремѣнно закрою. Мнѣ же за васъ досталось, да не закрыть! — И юркнула въ корридоръ.

— Присматривался, присматривался, говорилъ Астреинъ, сходя съ парадной лѣстницы подъ руку съ Борисомъ: — и пришелъ въ отчаяніе отъ этого просвѣщенія...

— Что такъ? спросилъ Мезенскій.

— Куда ни взглянешь—всюду внѣшній лоскъ, а вѣдь ты знаешь, что когда свѣтъ падаетъ на полированныя тѣла, то часть его разсѣевается безъ толку, часть отражается въ пространство и лишь весьма незначительная доля поглощается.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Попытка сближенія труда и капитала.

Сладко пробужденіе пансіонерки, пріѣхавшей домой не въ обычное воскресенье, а по случаю какого-нибудь семейнаго праздника. Не дождавшись утренняго звонка, Люба съ легкимъ изумленіемъ открыла глаза, и вдругъ вмѣсто сѣрой стѣнной краски и бѣлой оконной дортуара,—желтенькіе обои *дѣтской*; рядомъ съ постелью красный, обитый жестью

сундукъ; лампадка подъ образами греческаго писанья; а на столѣ: и смоквы на блюдцѣ, и любимая коробочка, и вчерашній башмачекъ. Тутъ же на сонникѣ Мартына Задеки сидитъ котенокъ и съ величайшимъ наслажденіемъ дѣлаетъ свой утренній туалетъ, умываясь бархатной лапкой въ бѣломъ чулочкѣ. Дома! Что ужъ тутъ за церемоніи! Кое-какъ одѣлась, накинула на плечи ковровый платокъ и выбѣжала въ столовую. «Здравствуйте, тетенька, голубушка! Со днемъ вашего рожденія! Какъ вы рано сегодня! У дяденьки гости? Да, весь дворъ заставленъ!... Батюшки! вѣдь онъ все видитъ! А я такая растрепа»! вспомнила она, вспыхнула и отскочила отъ окна.

— Тетенька, голубушка, пришлите мнѣ чаю туда, въ дѣтскую... только съ баранками, а не съ крендельками... Параша! Параша!... И не обращая вниманія на удивленную тетку, побѣжала назадъ. — Параша, говорила она, ставъ у двери и заглядывая въ дѣтскую, — поди, опусти занавѣски скорѣй!

Вошла и сѣла передъ зеркаломъ.

— Въ лучшемъ видѣ! скомандовала она заспанной Парашѣ, подавая гребень.

Расфрантясь напропалую, она рѣшилась подсѣсть къ окну, изъ котораго черезъ низкія

фабричныя крыши, дворы и дворики виднѣлись болѣе высокія зданія города, или того клочка его, который осѣлъ по широкому полю.

— Въ какомъ же изъ этихъ оконъ сидитъ онъ? Ахъ, какая фантазія пришла! — И она засмѣялась.—Сдѣлаю, ей-Богу сдѣлаю!.. Взяла тетрадь математики, старыя ножницы, и давай кромсать изъ нея нѣсколько огромныхъ буквъ, прислонила ихъ къ верхнему стеклу окна, сообразивъ, что надо каждую букву перевернуть справа налѣво, какъ въ окнахъ иныхъ магазиновъ. Борисъ давно уже съ обсерваторіи видѣлъ, какъ она стала колѣнами на окно, какъ стали появляться буквы одна за другой и выходило непонятное слово на какомъ-то семитическомъ языкѣ: *адюс етиди*. Но какъ первымъ появилось *и*, потомъ *д*, и такъ далѣе, отъ правой руки къ лѣвой, то онъ и догадался, что телеграфистка не подумала обо всей строчкѣ, и сквозь смѣхъ разобралъ: *идите сюда*.

Фабрика Самострѣлова находилась почти за чертой города, на крутомъ берегу той части Москвы рѣки, куда набережная достигнетъ, можетъ быть, въ четвертомъ тысячелѣтіи по Р. Х. Десятка два сѣренькихъ деревянныхъ строеній съ высокими трубами, скученныхъ за

каменнымъ заборомъ, садъ и каменный двухэтажный домъ, будто поднявшійся на цыпочки, чтобы заглянуть на Москву черезъ крыши своихъ пристроекъ: таковъ былъ видъ изъ павильона на проѣздную ея сторону, примыкавшую къ городу. Что касается до болѣе подробнаго расположенія фабрики, то Борисъ очень хорошо зналъ, что она простирается на значительное разстояніе по берегу, составляетъ лабиринтъ переулковъ, двориковъ, дровяныхъ складовъ, колодцевъ, образуетъ замкнутый штатъ, жители котораго не отличаются дружелюбіемъ и гостепріимствомъ въ сношеніяхъ съ любознательными странниками, если послѣдніе не исходятъ изъ святыхъ мѣстъ. Послѣднему роду странныхъ обоего пола всегда открытъ свободный входъ къ тетенькѣ Маврѣ Савишнѣ, которая всю свою жизнь озабочена ожиданіемъ достовѣрнаго извѣстія, не будетъ ли въ Іерусалимѣ свѣтопреставленія. Поэтому Борисъ рѣшилъ и не подступаться съ этой стороны. Выѣхалъ верхомъ съ однимъ берейторомъ, спустился далекимъ объѣздомъ къ рѣкѣ и вернулся назадъ уже берегомъ, становившимся все выше и круче,—и держась узенькой тропинки внизу, у самой воды, ибо по верхней можно было карабкаться у стѣнъ строеній

только пѣшему. Но и тутъ лошади спотыкались на гравелѣ, вязли въ липкомъ илѣ и мокромъ пескѣ; высокій берегъ, унизанный строеніемъ, казалось, потѣшался надъ всадниками, а слегка набѣгавшая на него синяя рѣка ясно и холодно лежала подъ ногами. Нависшія надъ обрывомъ строенія фабрикъ, желтыя бревенчатыя сушильни съ красными крышами, почернѣвшія, закопченыя красильни въ облакахъ пара, бившаго изъ оконъ, глядѣли недосужно-озлобленно, точно конторщики за счетами большихъ суммъ, и ворчали на развлекавшихъ ихъ путниковъ шестернями и колесами машинъ. Весеннее водополье такъ подмыло нѣкоторыя строенія, что снизу видны были накаты половъ, а все-таки въ нихъ раздавался неумолкаемый дѣловой гулъ, какъ будто имъ лучше свалиться въ рѣку, чѣмъ оторваться отъ занятій и подкрѣпить свои силы. И самъ высокій берегъ, мѣстами сглаженный и усѣянный опилками, мѣстами изборожденый потоками воды, грязный, черный отъ краски, угольной пыли и мусору, точно разъ только и умывался во весь годъ; желоба мутной воды и красной краски то и дѣло сбѣгали сверху къ плотамъ, гдѣ какія-то оборванныя существа мыли и полоска-

ли будущіе ситцы; самая вода синей рѣки у берега точно подкрасилась. Все до малѣйшей мелочи было знакомо технику Мезенскому; онъ вдыхалъ запахъ хлора, глядѣлъ на высокія трубы, соображалъ тягу, слѣдилъ за буланою лошадью, вертѣвшею колеса водокачалки, съ видомъ человѣка, знающаго до копѣйки цѣну этому воплощенному труду. Но вотъ потянулась сквозная деревянная рѣшетка густаго сада, подернутаго желтымъ колоритомъ осени, съ парниками и теплицами; вотъ, наконецъ, отъ самой тропинки гладкая, высокая деревянная набережная подъ домомъ. Въ берегъ навкось вбиты сваи, на нихъ поперечная обшивка изъ стараго барочнаго тесу,—а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ доски оторваны и снесены водой, сквозитъ крѣпкій бревенчатый срубъ, такъ что домъ выстроенъ точно на бастіонѣ, и съ этой высоты горделиво смотритъ на рѣку, будто говоря: «ну-ка, попробуй, подступи, вражья сила!» И дѣйствительно, въ противоположность оживленному подбережью фабрикъ, тутъ не было ни души; только на плоту противъ сада какой-то фабричный удилъ рыбу; окна выходившія на рѣку и ея противоположный плоско-песчаный берегъ—принадлежали параднымъ комнатамъ,—но Люба, соскучившись, давно уже

разгуливала по нимъ и, выглянувъ изъ окна, такъ и вздрогнула...

— Вонъ онъ! Вонъ онъ! Что-то спрашиваетъ у Зота... Шапку снялъ Зотъ... Ничего не слыхать...

И Люба со стукомъ распахнула окно гостиной, въ которой, кромѣ ея, да горничной, стиравшей пыль, никого не было... Гости сидѣли у дяденьки въ кабинетѣ.

— Слѣзаютъ съ лошадей, разнуздываютъ, усатый повелъ поить, а онъ сидитъ на лавочкѣ, на плоту, смотритъ сюда... Хоть посмотрѣть его поближе... Что дѣлать? Сказать тетенькѣ? Низачто на свѣтѣ: ну какъ просить, чего еще съ роду не бывало? Другое дѣло: купите пастилы, позовите ряженыхъ, пойдемте къ вечернѣ... Ахъ, развѣ вотъ что? Ну, разумѣется!...

И *разумѣется* все это съ очаровательною игрой и вспышками бенгальскаго огня на живомъ, подвижномъ личикѣ.

— Параша, Параша! что я вздумала! Поди на плотъ, скажи ему... Постой, что бъ ему сказать...

— Что вы, барышня, какъ я пойду, зачѣмъ?

*

— Такъ, для смѣху... Душечка, я тебѣ платокъ подарю...

И Борисъ, украдкой взглядывая на окно, видѣлъ, какъ упрашиваютъ другъ друга молодыя дѣвушки, собираясь устроить какую-то продѣлку, и видно, что обѣ отлично понимаютъ другъ друга, и помѣха только страхъ одинъ... безотчетный страхъ, какого хуже нѣтъ. Но вотъ, горничная показывается на спускѣ отъ сада, на рукѣ кувшинъ,—осторожно сходитъ, останавливается у лошадей, говоритъ что то, смѣется, опрометью бѣжитъ назадъ, оступилась... Прощай, кувшинъ! Поминай какъ звали! Остались одни бѣлые черепки.

— Да спрашивала, чьихъ господъ, отвѣтилъ берейторъ на вопросъ Бориса,—а потомъ ужъ ни съ того, ни съ сего: «у насъ, говоритъ, сегодня въ монастырѣ пѣвчіе будутъ». Юродивая, что ли!

Борисъ принялъ поводья, сѣлъ въ сѣдло и повернулъ своего красавчика на монастырь, который виднѣлся дальше, нѣсколько выдаваясь отъ берега; спускъ становился отложе, самая покатость поворачивала влѣво, въ глубь набережья, склоняя къ водѣ мокро-песчаную плоскость, по которой настланы были доски отъ плотовъ къ будкѣ перевощика на горѣ.

Скоро эта песчаная полоса перешла въ капустникъ на далекое пространство, и затемнѣли избы огородниковъ. Параллельно съ повернувшимъ спускомъ, по другую сторону выстланнаго досками ущелья, поднималась высокая насыпь, вымощенная булыжникомъ и проросшая травой. На ней высились бѣлая ограда, башни съ зелеными крышами и флюгерами и золотыя главы.—На водѣ плоско лежали пять-шесть барокъ, прикурнувъ послѣ томительнаго пути. Одну изъ нихъ еще дотягивали прицѣпленныя гуськомъ лошади; и понуканье «гысь! гысь!» звонко раздавалось по рѣкѣ; на томъ берегу вдали синѣла роща. Во всемъ: ширь, деревня...

Съ первымъ ударомъ колокола, Люба въ малиновой бархатной тальмѣ и бѣлой шляпкѣ съ цвѣтами вошла подъ сѣрые, темные своды монастырской церкви, оглядѣлась и направилась прямо къ окну съ рѣшеткой, у котораго стоялъ, прислонившись, Борисъ. Она улыбалась, но не ему, а куда-то прямо, и стала-было на разстояніи двухъ человѣкъ, — но какова же досада! Тетенька помѣстилась какъ разъ въ промежутокъ, заняла его весь, и, хоть ты что хочешь, не видать *его*, да и полно! Люба стала усердно молиться, положила долгій, долгій

земной поклонъ, а сама повернула голову на бокъ, выглянула изъ-подъ шляпки: вотъ онъ! Борисъ однако не удовольствовался этимъ, воспользовался прибывшимъ народомъ, замѣшался въ толпу и зашелъ къ ней съ другой стороны; но подойдти близко и заговорить съ нею не рѣшался: онъ видѣлъ возлѣ Любы другую, пожилую женщину, и, не зная ихъ отношеній, старался не подвертываться ей на глаза, чтобы не возбудить какихъ-нибудь толковъ.

Люба раза три оглядывалась на него, чуть улыбаясь, потомъ: вздохнула даже плечиками, стала часто-часто креститься и больше ужъ не оглядывалась, а только чувствовала его возлѣ себя.

Выходя съ толпою народа по окончаніи службы, она знала, что онъ идетъ гдѣ-нибудь неподалеку отъ нея, и дѣйствительно увидала его за собою.

На паперти она печально, почти съ упрекомъ, поглядѣла на Мезенскаго; на полдорогѣ не вытерпѣла и стала каяться.

— Ахъ, тетенька, сколько я нагрѣшила сегодня!

— Господь съ тобой, чѣмъ же ты нагрѣшила?

— И не говорите,—просто, можно с казать

весьмъ; въ церкви совсѣмъ не объ этомъ думала, смѣялась...

— Ну, что же, Богъ проститъ.

— Это не все, тетенька... Я и въ церковь-то не за тѣмъ ходила.

— За чѣмъ же это? переспросила тетка, поднимая брови.

— Да... нѣтъ, за тѣмъ, тетенька, за тѣмъ... я молиться ходила, чтобы далъ Богъ счастья... Люба остановилась надъ каменными ступеньками, которыя вели внизъ съ мощеной насыпи подъ оградой. — Вотъ, помните, когда я еще на четверенькахъ ползала по нимъ, и въ хороводы ходила къ фабричнымъ, и по святкамъ гадала: «кому вынется, тому сбудется»... А что сбудется— и не думалось тогда... Теперь не то ужъ, тетенька! Хочется, тетенька, какого-то большаго счастія, черезъ это самое мнѣ и страшно, и, кажется, я сама себя не понимаю...

Она взяла тетку подъ руку и стала по тихоньку сходить со старыхъ ступенекъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Деньги съ психіатрической точки зрѣнія.

Сидѣвшій на плоту Зотъ, или, какъ его звали фабричные, Зотъ Еремеичъ, высокій, сухощавый старикъ, съ длинною, расходившеюся клиньями, сѣдою бородой, рѣзко каймившею желтое, морщинистое лицо, и совершенно прямыми, бѣлыми волосами въ скобку, —былъ главнымъ прикащикомъ на фабрикѣ. Онъ казался чѣмъ-то озабоченъ, не обращалъ никакого вниманія на поплавки, а все поглядывалъ на окна хозяйскаго дома и опять погружался въ раздумье, поглаживая бороду и разсѣянно присматриваясь къ своему долгополому сюртуку, яснымъ пуговкамъ жилета и дутымъ сапогамъ. Замѣтивъ Мезенскаго, онъ досадливо спросилъ, что ему нужно,—и на вопросъ, нельзя ли посмотрѣть партію ситцевъ, хмуро отвѣтилъ, что хозяинъ обанкрутился, и продажа пріостановлена. Потомъ, когда тѣ, напоивъ лошадей, удалились, онъ оставался тутъ все время до вечеренъ, пока не прибѣжалъ за нимъ оборванный мальчишка и не позвалъ его къ хозяину.

— Разъѣхались кредиторы-то? спросилъ Еремѣичъ дорогой, взбираясь на крутой спускъ сада.

— Разъѣхались, отвѣтилъ мальчишка визгливымъ голосомъ, слѣдуя за нимъ на четвереинькахъ.—Ужъ оченно это серчаютъ, ругаются это, ругаются на дворѣ-то, а Митька залѣзъ на сѣновалъ, да оттедова языкъ имъ кажетъ... То-то смѣху было!

По Москвѣ недавно стали ходить неизвѣстно кѣмъ пущенные слухи о близкой несостоятельности Самострѣлова. Чуткій коммерческій міръ, напуганный банкротствами, встревожился. Навели справки: оказалось, что почтеннѣйшій Савостьянъ Силычъ въ послѣднее время что-то ужъ черезъ чуръ много кредитовался; съ другой стороны стало положительно извѣстно, что онъ вынулъ изъ *ламбарта* всѣ хранившіяся тамъ собственныя суммы. Первое приписывали отчаянной попыткѣ вывернуться изъ бѣды, а второе — намѣренію припрятать или перевести капиталъ; это подтверждалось постройкой громаднаго дома на имя жены. Главные кредиторы, съѣхавшись тихомолкомъ, порѣшили навѣдаться къ должнику и захватить впередъ хоть по восьми гривенъ съ рубля, а то, молъ, поди тамъ, дожидайся конкур-

са, да еще кого выберутъ въ управленіе, и кто его знаетъ, сколько у него кредиторовъ, можетъ и ничего не получишь...

Астреинъ, знавшій всѣхъ и вся, характеризовалъ Савостьяна Силыча тѣмъ, что, если взять пудовую золоченую свѣчу, донскаго осетра, сѣраго въ яблокахъ жеребца, несгараемый сундукъ и румяную бабу, по консистенціи подходящую къ той, чѣмъ сваи колотятъ, смѣшать все это хорошенько и вообразить въ формѣ бородатаго существа въ приличномъ, солидномъ сюртукѣ, то личность эта довольно близко подойдетъ къ фабриканту Самострѣлову.

Въ кабинетѣ его помѣщались и кровать, и сундукъ, привинченный къ полу, и конторка, на которой рядомъ со счетами, стояла сальная свѣчка съ кусочкомъ сургуча на мѣдномъ подсвѣчникѣ. Было сорно, грязно.

— Сварганили дѣльце, встрѣтилъ онъ Еремѣича, сидя въ креслѣ животомъ впередъ и держа руки на колѣняхъ.

— Почемъ же-съ? спросилъ Еремѣичъ, вытягивая шею и закидывая руки за спину.

— По семи гривенокъ на нашу бѣдность, закатился Самострѣловъ дробнымъ смѣхомъ. Еремѣичъ осклабился, наклонилъ голову на

правое плечо, потомъ на лѣвое, испустилъ протяжный звукъ «сссс!» и наконецъ тряхнулъ волосами.

— Ну, и дòка же вы, Савостьянъ Силычъ! Сами чего добивались, а другихъ упрашивать заставили, проговорилъ онъ, поглядывая на хозяина, какъ на образецъ, недоступный подражанію.

— Нельзя, милый человѣкъ, отвѣтилъ Савостьянъ Силычъ, съ усиліемъ подавляя смѣхъ, — не хотѣлось кончать дѣловъ и памятки по себѣ не оставлять... Чесь—честью, а сдѣлочка сдѣлочкой.

Еремѣичъ повторилъ прежній маневръ.

— Теперича слушай, что я буду говорить, продолжалъ Самострѣловъ.—Матеріалу больше не выдавай, рабочихъ помаленьку расчитывай, отпускай; оставь сколько надо, чтобы кончили съ тѣмъ, что выдано ужъ... Рабочихъ расчитывай сполна, рабочаго человѣка грѣхъ обидѣть! (онъ даже пальцемъ погрозилъ). А по векселямъ придутъ тѣ, мелкіе-то, поприжми, поразсрочь для виду, помаленьку станемъ уплачивать, на *нѣтъ* и сведемъ... А коли хватятся, гдѣ же, молъ, банкротство-то?—Не взыщите, молъ, еще не дослужились до эвтого чину, а впередъ не всякому слуху вѣрьте.

И онъ захохоталъ такъ, что животъ его пошелъ ходуномъ, покачиваясь будто корабль... Еремѣичъ помялся съ ноги на ногу, почесалъ за ухомъ и проговорилъ видимо не то, что̀ собирался сказать.

— Напрасно это, Савостьянъ Силычъ, производство прекращать хотите; дѣла теперича идутъ какъ нельзя быть лучше...

— Что дѣла! Не то у меня въ головѣ, да! сказалъ Самострѣловъ и провелъ рукой по лысинѣ, словно щупая, тутъ ли то, что у него въ головѣ.

Еремѣичъ опять помялся.

— Теперича, служимши тятенькѣ вашему и вамъ самимъ сколько лѣтъ, началъ онъ жалобнымъ голосомъ,—какже теперича... насчетъ...

— Не обидимъ и твою милость, самодовольно произнесъ фабрикантъ:—всѣмъ хватитъ... А про тебя ужъ припасено и отложено.

Савостьянъ Силычъ тяжело поднялся съ мѣста, подошелъ къ несгараемому сундуку и опустился передъ нимъ на колѣни, словно передъ божествомъ. Замокъ щелкнулъ со звономъ, и еще разъ щелкнулъ двойнымъ звонкомъ, потомъ поднялась массивная крышка; подъ нею, нѣсколько ниже, оказалась другая, внутренняя, съ ручкой посрединѣ; но Самострѣловъ не взял-

ся за нее, а нѣсколько подавшись отъ сундука, подавилъ пуговку, находившуюся ниже замочной скважины; въ тотъ же мигъ два ножа блеснули надъ ручкой, и скрестясь, какъ ножницы, стукнули по боковымъ стѣнкамъ. Тогда онъ съ умильною улыбкой поднялъ крышку и сталъ перебирать пачки ассигнацій.

Еремѣичъ неслышно приблизился и глядѣлъ ему черезъ плечо словно въ бездонную пропасть; на лицѣ его какъ-то незамѣтно вывѣтривалось вкрадчивое выраженіе, и мѣсто его занимала озабоченная сосредоточенность, которая поразила Мезенскаго при встрѣчѣ на рѣкѣ. Савостьянъ Силычъ досталъ три тысячныя пачки и, положивъ ихъ на стулъ, накрылъ рукой.

— Много ли жъ тутъ? сухо спросилъ Еремѣичъ, стараясь не глядѣть на пачки.

— Сколько есть, все твое будетъ, уклончиво сказалъ Самострѣловъ, избѣгая, въ свою очередь, взгляда Еремѣича.

— Ну, однако... примѣрно, выговорилъ тотъ, подступая на шагъ и протягивая руку, скорѣй для того чтобы указать, нежели для принятія суммы, а на лбу такъ и выступили четыре полосы морщинъ.—Сами говорите, рабочаго грѣхъ обидѣть.

— А ты нѣшто рабочій? Ты свой человѣкъ

споконъ вѣку! Да не обидимъ, небось, отвѣчалъ Самострѣловъ.—Получай...

На губахъ Еремѣича пробѣжала дрожь, и самыя губы слегка побѣлѣли; онъ шагнулъ еще шагъ впередъ и проговорилъ такимъ громкимъ голосомъ, какого и ожидать нельзя было:

— Бога въ тебѣ нѣтъ, Савостьянъ Силычъ!..

Самострѣловъ поглядѣлъ на него, совершенно ошеломленный этимъ фамильярнымъ тономъ, и даже остался на колѣняхъ.

— Есть ли на тебѣ крестъ-то? продолжалъ допытываться Еремѣичъ, повышая голосъ, словно учитель на экзаменѣ, не получившій отвѣта на первый вопросъ.

— Да ты что... началъ-было оробѣвшій Самострѣловъ, поднимая очки на лобъ.

— Это за пятьдесятъ лѣтъ кабалы-то? Это за все что было шито и крыто? Это и за таперешній молчокъ? горячился Еремѣичъ, наступая на хозяина и похлопывая ладонью по пачкамъ.

Но тутъ уже Самострѣлову до того дика показалась такая рѣчь собственнаго прикащика, что онъ поднялся, сѣлъ на стулъ и даже усмѣхнулся.

— Слышь ты, воитель, добромъ уймись, а не то...

— Нѣтъ, это погодить надоть, Савостьянъ Силычъ; нѣтъ, таперь вся жисть заговорила, вся наружу просится! не унимался воитель, колотя себя въ грудь и словно выколачивая оттуда жизнь. — Какъ я таперича въ двѣнадцатомъ году съ родителемъ твоимъ изъ Подольска ѣхалъ, говорилъ онъ, откидывая руку и указывая на дверь, за которою, по его мнѣнію, находился Подольскъ,—у обоихъ у насъ только и была одна лошаденка, онъ чтò мнѣ говорилъ: — помоги, Еремѣичъ, значитъ, озолочу тебя, горы золотыя сулилъ? Такъ, ай нѣтъ?

— Что ты такаешь-то!.. взялся говорить, говори, а ужъ я только слушать буду, огрызался Самострѣловъ, видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь.

— Нешто легко было помогать-то? Народъ изъ Москвы валитъ, а мы въ Москву наживаться пріѣхали; горитъ наша матушка, а намъ и горюшка мало. Нешто не разгорѣлось сердце-то, какъ Мезенскій баринъ вышелъ на крыльцо, да своими руками хоромы подпаливалъ: не доставайся, молъ, ворогу? Вотъ, молъ, какъ русскіе люди помогаютъ, а мы зачѣмъ поѣхали? Чужое добро припрятать!.. Мошенники мы! Вотъ оно каково легко-то было!

— Для чего жъ ты этого дѣла не бросилъ? А

тятеньку неча тревожить. Ты таперича тятиньку хоть подымай, хоть нѣтъ, не подымешь, защищался Самострѣловъ:—онъ теперь въ монастырской землѣ, значитъ не тебѣ и судить его...

— Ну, а желѣзо-то съ крышъ, серебро изъ подваловъ, все что повывезли, да подъ городомъ зарыли, это все нешто съ нимъ положено? горячился Еремѣичъ, тыкая пальцемъ на полъ, точно старикъ тутъ и былъ похороненъ.

— Что ты басни-то мнѣ разсказываешь? оправился Самострѣловъ.—Вы тамъ съ тятенькой какъ хотѣли, такъ и орудовали, съ нимъ на томъ свѣтѣ и вѣдайтесь; а я капиталъ родовой получилъ, значитъ неча и разговаривать...

Въ свою очередь Еремѣичъ поутихъ и заговорилъ помягче.

— Хоша и родовой, да все не тотъ, что таперича; еще старуха-то на-двое сказала, чьихъ оно дѣло рукъ—моихъ, аль вашихъ, Савостьянъ Силычъ? А что я отъ васъ видѣлъ? Насилу выпросилъ сынишкѣ перевозъ на рѣкѣ снять? и то мальчишка избаловался, по ночамъ вонъ кули съ барокъ таскаетъ, лѣтось полгода въ острогѣ сидѣлъ, съ какимъ только народомъ не водится! упрекалъ Еремѣичъ, очевидно желая какъ можно больше взвалить на голову

хозяина.—Нужда-то не свой братъ, опять же дѣло молодое, разгуляться хочетъ...

— Ну и пущай гуляетъ на-здоровье, вмѣшался Самострѣловъ,—и похуже его живутъ, а на разбой не ходятъ... Это, значитъ, ненасытность обуяла... Да и то врешь! вся фабрика знаетъ, что у тебя деньги свои припрятаны, и въ ростъ отдаешь, а тутъ по скаредности канючишь...

— А вы разочтитесь какъ подобаетъ, попробовалъ Еремѣичъ высокаго слога,—такъ мы за васъ Богу помолимъ...

— Да что ты присталъ-то? Эка невидаль! За меня небось всѣ богадѣленки, вся нищая братія молитъ. Одинъ много не подсобишь.

— Ну, такъ вотъ же я что вамъ скажу, перебилъ старикъ, поднимая руку вверхъ,—моихъ сиротъ обидѣли, не дастъ Богъ счастья и вашей... Моя слеза солона, дойдетъ авось! Уберетъ васъ Богъ, не дай вамъ оттедова порадоваться на Любушку... Дай ей Господи...

— Что ты, что ты! Да ты совсѣмъ чумовой, закричалъ Самострѣловъ, и руками замахалъ, и съ мѣста вскочилъ.—Типунъ тебѣ на языкъ! Отсохни онъ совсѣмъ у тебя... Онъ нехотя пошелъ къ сундуку, досталъ еще пачку и съ сердцемъ швырнулъ ее подъ ноги Еремѣичу.

— Вонъ! И на глаза не показывайся опосля

этого! закричалъ онъ, раскраснѣвшись, пыхтя и грозя кулакомъ.

— И на томъ спасибо, сказалъ Еремѣичъ, отвѣшивая поклонъ, и вышелъ ворча: — что больно грозенъ, еще самъ позовешь, а то на глаза не показывайся...

Солнце тихо скользило за нагорный берегъ; песчаную полосу, словно бѣлыя бусы, унизали отдыхавшія чайки. У перевоза кружокъ фабричныхъ парней игралъ въ орлянку, и всякій разъ какъ мѣдный трешникъ взвивался на воздухъ, головы въ картузахъ и поярковыхъ шляпахъ откидывались назадъ, носы становились перпендикулярно къ багрянымъ облакамъ, и глаза устремлялись на монету, точно боясь, что она улетитъ въ небеса; но монета, блеснувъ искоркой, по самой натурѣ своей, возвращалась на землю и доставалась одному изъ смертныхъ обитателей фабрики; больше всѣхъ перешло ихъ въ карманъ долговязаго перевощика, извѣстнаго по всему берегу и дальше подъ именемъ *Волжанки*.

— Ну, робя, теперь съ Волжанки ни гроша не возьмешь... Вонъ дѣвки сюда идутъ, сказалъ одинъ парень, закрывшись рукой отъ солнца и кивая на кучу пестрыхъ ситцевъ и красныхъ платковъ.

— А и вправду, отозвался Волжанка, и во всѣ длинныя ноги пустился по доскамъ въ караулку и еще проворнѣй назадъ съ гитарой въ рукахъ.

— Наше почтенье! заговорилъ онъ дребезжащимъ, носовымъ фальцетомъ, идя навстрѣчу разряженныхъ дѣвушекъ:—здравствуй, милая, хорошая моя, чернобровая, похожа на меня, что краснѣешь пуще яркаго огня?—И сдѣлавъ колѣнце, ударилъ по струнамъ, звонко отозвавшимся въ вечернемъ воздухѣ у самой монастырской ограды.

— Волжанка вышелъ, гляди, дѣвушки, Волжанка вышелъ! разнеслось въ толпѣ, становившейся въ хороводъ.

— Шишелъ, вышелъ, прибиралъ Волжанка, очутившійся въ кружкѣ, ударяя по струнамъ, и передергивая плечами:

Ходи ближе, смотри выше:
Гдѣ ты, гдѣ ты? Я не вижу.
Бацъ! бацъ! Бацана!
Бацаниха ты моя!
Цыгъ! цыгъ! Цыганята!
Бѣсенята! чертенята!

И пошелъ въ присядку, притопывая и разсыпаясь мелкимъ бѣсомъ на поворотахъ, только

складки красной рубахи развѣваются, да кудри трясутся.

— Будетъ, оглашенный! слюбезничала одна.

Волжанка сталъ къ ней бокомъ, прищурился однимъ глазомъ и продекламировалъ:

Когда, безъ васъ, объ васъ мечтаю,
Ночной порой и подъ окномъ,
Самъ себѣ душу наслаждаю
Однимъ душистымъ табакомъ;
Тогда объ васъ въ раздумьѣ длинномъ
Затянусь я табачнымъ дымомъ
И грусть разсѣю всю въ дыму...

— Хоть бы поподчивалъ дѣвушекъ, сказала одна побойчѣй.

— Что жъ, нешто не поподчую? отозвался Волжанка, брякнувъ по карману: — что зашибъ—все ваше, а мало будетъ цѣловальникъ повѣритъ; вотъ онѣ голубушки-то дожидаются, подмигнулъ онъ на барки: —Терентій Зотычъ, что, молъ, голубчикъ, давно въ гости не жалуешь, соскучились... Ишь тоскуютъ сердечныя!..

Парни прыснули со смѣху: про Волжанку все побережье знало, всѣ барочники боялись его и сколько разъ подстерегали его, убить хотѣли... Ему все съ рукъ сходило.

— Гляди, отецъ машетъ, сказалъ ему одинъ парень, толкнувъ подъ бокъ.

Все веселье, вся удаль—какъ въ рѣку канули. Волжанка заложилъ гитару подъ мышку и, не простясь ни съ кѣмъ, пошелъ скорыми шагами въ караулку за Еремѣичемъ.

— Какъ дѣла? спросилъ онъ, вырубая огня въ коротенькую трубку...

— Пятьсотъ рублевъ далъ, отозвался Еремѣичъ, угрюмо глядя въ сторону.

— Ты... тятенька, шутишь што ли? переспросилъ Волжанка, отложивъ на столъ трубку, начинавшую-было дымить тютюномъ.

— Ему теперь не до насъ, язвительно проговорилъ Еремѣичъ:—не то у него въ головѣ...

— У тебя-то видно у самого не то въ головѣ, еще язвительнѣй сказалъ Волжанка:— царя у тебя нѣту тамъ, вотъ что!

— Поди-ка ты съ нимъ посчитайся! угрюмо сказалъ Еремѣичъ.

— И посчитаемся! А то нѣтъ? Какъ не такъ... Эка отвалилъ сумму какую! Нѣтъ братъ, Савостьянъ Силычъ, этимъ не отдѣлаешься...

— Похвалялся одинъ такой, сказалъ Еремѣичъ.

— Ладно, тамъ увидимъ, сказалъ Волжанка, сплюнувъ,—все разглядимъ, что тамъ у него

въ головѣ. Да кстати ужъ и въ сундукъ заглянуть...

— Неравно руки отхватитъ, отозвался Еремѣичъ,—коротки и безъ того...

Волжанка пытливо поглядѣлъ на отца, какъ бы соображая, такъ это онъ сбрехалъ или вправду есть какой-нибудь секретъ, но ничего не спросилъ на этотъ разъ.

Позднею ночью, когда мѣсяцъ холодно и высоко стоялъ въ темномъ небѣ, Еремѣичъ копался въ кустахъ узкаго палисадника, часто посматривая на окна своего дикаго домика и что-то пряча въ рыхлую землю; возлѣ него лежалъ заступъ и большой бѣлый камень, гладко сіявшій и весь пѣгій отъ крапчатой тѣни листьевъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Что у него въ головѣ?

На другой день поутру Савостьянъ Силычъ везъ племянницу въ пансіонъ, перекосивъ на свою сторону весь кузовъ двумѣстный кареты, передъ которою крупно выступали до круглоты откормленные битюки.

— Куда жъ это мы ѣдемъ, дяденька? спрашивала Люба. выглядывая изъ окна; — мы не туда совсѣмъ повернули...

— Вотъ пріѣдемъ, увидишь, говорилъ Самострѣловъ, усмѣхаясь,—а тамъ и туда поспѣемъ... Вишь ты, Любушка, долго я этого дня дожидался, и спалъ во снѣ видѣлъ,—теперь на нашей улицѣ праздникъ.

— Зачѣмъ вы, дяденька, такъ смѣшно говорите? лукаво подтрунивала Люба, приглаживая ему бороду:—какая у насъ улица? У насъ никакой улицы нѣтъ; мы въ полѣ, на берегу живемъ...

— Тамъ тебѣ больше не жить, Любушка, неприлично тебѣ тамъ оставаться. не подобаетъ... Погляди-ка, гдѣ мы теперь жить будемъ!..

— О! Это вы тоже во снѣ видѣли? Ну разскажите вашъ сонъ, что же вы видѣли...

— А видѣлъ я, лапочка моя, вотъ что: вижу, будто вышелъ я изъ сада нашего на плотъ, сѣлъ это въ лодку, поклонился на три стороны своей фабрикѣ и поплылъ вверхъ по рѣкѣ...

— Садъ... рѣка... лодка... повторила Люба.—У тетеньки въ сонникѣ Мартына Задеки это все есть, да вы не вѣрьте, дяденька, это глупости написаны...

— Тетка дура, дурацкіе и сны видитъ; зато и въ загонѣ ее держу. Ты *мой* сонъ слушай: вотъ ѣду я, вижу—на берегу стоитъ теремъ, высокій, изукрашенный, и хочется мнѣ туда войти, «да ужъ гдѣ мнѣ-мужику, думаю, не тотъ и видъ у меня, никакого почета не будетъ, развѣ на заднемъ дворѣ покормятъ, а все хоть погляжу», думаю; вышелъ на берегъ, смотрю — на воротахъ надпись вязью словенскою: Княгини Любови Ясеневой...

— Ахъ, дяденька, вотъ какъ! сказала Люба, смѣясь.

— Ахнулъ и я, думаю: «племянница теперь боярыней стала, каково-то принимать будетъ?» Иду я, вся челядь разступается, дорогу даетъ, а подъ балдахиномъ, на малиновомъ стулѣ, сидитъ боярыня, красавица писаная, въ золотомъ уборѣ, а вокругъ нея прынцы, генералы съ эполетами, адъютанты съ фрелинами стоятъ, и она съ ними на разные языки разговариваетъ...

— По-нѣмецки плохо, а по-французски такъ-себѣ, дяденька. Это вы мнѣ въ насмѣшку говорите...

— Ужъ кто ее знаетъ, не при насъ писано! Вотъ велитъ боярыня подать мнѣ кафтанъ шитый золотомъ, съ пятью медалями, сажаетъ

подлѣ себя и говоритъ всѣмъ своимъ приживалкамъ: — «Это, дескать, дяденька мой, на чьи денежки теремъ купленъ»... И всѣ мнѣ, значитъ, честь отдаютъ, а я сижу, величаюсь, ноги отставляю, по столу барабаню...

— Хорошій сонъ, дяденька, сказала Люба.— А я вотъ сплю, никакихъ сновъ не вижу; просто пушкой меня не разбудишь!

И она хотѣла подробнѣе выразить недовольство своею конституціей, но тутъ карета остановилась у подъѣзда громаднаго, только-что отстроеннаго дома, еще въ кирпичахъ, —и Люба, выпрыгнувъ изъ кареты, невольно закинула головку, измѣряя взглядомъ всѣ четыре этажа махины. Надъ чугуннымъ крыльцомъ тянулась длинная вывѣска: Гостинница Самострѣловой; и едва они взошли на крыльцо, какъ молоденькій половой, весь въ бѣломъ, распахнулъ настежъ двери и сталъ въ нихъ съ поклономъ, крикнувъ: «пожалуйте, ваше степенство»!..

— Сонъ въ руку, дяденька! шутливо сказала Люба, входя въ широкія сѣни съ чугунною лѣстницею, уставленною померанцами въ кадочкахъ и устланною чистымъ половикомъ; на площадкѣ втораго этажа, направо въ стеклянныя двери, виднѣлась зала, полная

гостей, гудѣла машина и бѣгали половые; налѣво — черная дощечка съ бѣлыми литерами: «Входъ въ номера».

— Прочіе трактиры далеко не родня, проговорилъ Савостьянъ Силычъ, поднимаясь на третій этажъ.

Здѣсь, домъ казался какимъ-то незаселеннымъ теремомъ соннаго царства, заколдованнымъ, страшно-пустымъ и жутко-безмолвнымъ.

Огромная четырехъ-угольная комната, голыя стѣны, бѣлыя обои, двѣнадцать готическихъ оконъ; дяденька сталъ какой-то маленькій, точно съёжился...

— Это зала, сказалъ Самострѣловъ.

— А-га! отдалось въ потолкѣ.

Самострѣловъ звучно прошелъ залу; Люба слѣдовала за нимъ, какъ-то присмирѣвъ. Онъ звонко щелкнулъ ручкой заново-крашеной двери и отворилъ ее.

Большая комната, съ балясами вмѣсто панели, въ родѣ бревенчатой свѣтлицы; цѣльныя стекла по окнамъ... Та же пустота.

— Гостиная, сказалъ Самострѣловъ...

Въ потолкѣ опять гукнуло.

— Дяденька, мнѣ страшно, заговорила Люба, остановилась и прибавила шепотомъ: — и вашъ, и мой голосъ какъ-то громчѣе стали...

— Ничего, привыкнешь, отвѣтилъ Самострѣловъ, отворяя слѣдующую дверь.

Круглая комната съ малиновыми штофными обоями и свѣтомъ сверху...

— Столовая и вмѣстѣ библіотека, сказалъ Самострѣловъ и, вѣроятно въ оправданіе совмѣщенія, прибавилъ:—Сытое брюхо на ученье глухо! и захохоталъ.

— Хо! хо! хо! прошло по своду.

Люба вздрогнула и поспѣшила за дядей въ боковую дверь; то была длинная, узкая комната вдоль гостиной и залы до самой передней. съ матовымъ свѣтомъ, какъ въ библіотекѣ.

— Картинная галдарея, объяснилъ Самострѣловъ, — всю заставимъ золотыми рамами на диво, на поглядѣньице! Всю выставку закупимъ, послѣ на досугѣ разберемъ. Книгъ теперь самыхъ лучшихъ, въ золотообрѣзномъ корешкѣ; въ залѣ статуй наставимъ! Всѣ энти художники, музыканты сюда подъ начало ко мнѣ! Балы станемъ задавать, чертямъ тошно, всѣ перелопаются отъ зависти...

Выше этого Савостьянъ Силычъ не могъ ничего придумать и даже не замѣтилъ, что посреди этой роскоши, существующей пока только въ разыгравшемся воображеніи, не прочтя ни одной книги, цѣня картины на са-

жень и высказывая тому подобную мудрость, самъ онъ стоитъ въ громадныхъ покояхъ, какъ пучекъ ранняго зеленаго луку, выросшій посреди пустой клумбы будущаго цвѣтника...

— По ту сторону другая половина, значитъ, жилье, сказалъ онъ, показывая на двѣ двери по концамъ галлереи.

Они вышли въ переднюю и отсюда прошли еще рядъ комнатъ, свѣтлыхъ, новыхъ, лощеныхъ и пустыхъ отъ передней до конца галлереи. Тутъ особенное вниманіе Любы обратила угольная комната, вся обитая темноголубою матеріей, изъ которой въ растворенную дверь виднѣлась галлерея и библіотека, а въ окна — раскидистый тѣнистый садъ съ клумбами, горками, гротикомъ и даже искуственнымъ ручьемъ съ двумя или тремя мостиками.

— Самой тутъ княгинѣ и жить, самодовольно проговорилъ Самострѣловъ.

— Развѣ я могу выйдти за князя? проговорила Люба. — Развѣ я такъ хороша, что и князь не побрезгаетъ?

— Ты-то? перебилъ Савостьянъ Силычъ, гладя ее по головѣ и улыбаясь хорошею улыбкой,—единственнное, мое сокровище-то?—Да ты спроси-ка еще, кто тебѣ пара-то? Гдѣ мы

найдемъ жениха-то племянницѣ Самострѣлова? Кабы у насъ было, какъ встарину, когда невѣсты-то со всей Россіи собирались на смотръ въ Кремлевскія палаты, то еще туда и сюда... а то вѣдь подумать, да и подумать надо...

— Что я еще у васъ спрошу, дяденька... Онъ-то, дяденька, кто бы онъ ни былъ, ужъ онъ не станетъ думать?

— Эва! сказалъ Самострѣловъ.—Ты спроси, что за тобой приданаго-то, я тебѣ скажу: ровнехонько милліонъ триста тысячъ завтра свезу въ банкъ... Восемь часовъ считать надо, да ошибешься... А птичьяго молока захочешь,— и того достану...

— Это должно-быть очень много, дяденька; вотъ я наше хозяйство на пять тысячъ въ годъ до ниточки знаю, а этого и сообразить не могу... Еслибъ эти деньги такъ промотать, дяденька, сколько разъ можно весь пансіонъ конфектами угостить?

— Много ли васъ тамъ? спросилъ Самострѣловъ, тѣша племянницу.

— Сто человѣкъ, дяденька!

— Чай дѣвокъ, а не человѣкъ... По фунту съѣдите что-ли?

— Куда имъ, дяденька! Онѣ всѣ такія нѣж-

ныя! Это и я только-что уберу, чистосердечно призналась Люба.

— Ну, ежели по рублю фунтъ, сто рублей въ день... 36 тысячъ пятьсотъ рублей въ годъ... Ну-ка... Да вотъ какъ лучше: на пятипроцентные положи, значитъ, по два пансіона вѣки вѣчные угощай, — вотъ те и сказъ весь! Еще на орѣхи останется — послѣ конфетъ зубы почистить!

— Это ужасъ, какъ много, дяденька! разсѣянно отвѣтила Люба.

— Ну, вотъ! А ты ужъ и задумалась! Не тужи: обо всемъ подумано, все дѣло слажено...

— Какое дѣло, дяденька?

Самострѣловъ осклабился, наклонился къ племянницѣ и таинственно прошепталъ: — Женихъ тебѣ выискался,—княгиней будешь...

Люба такъ и отскочила, такъ и похолодѣла вся, испуганно глядя на него.

— Ну полно, зоренька моя, лапушка, ласкалъ ее Савостьянъ Силычъ: —ты вѣдь умница у меня; развѣ я тебѣ зла пожелаю? Отмѣннымъ манеромъ заживешь.

— Дяденька, пролепетала она: — пожалѣйте меня... не хочется мнѣ... не могу я...

— Ну, такъ: видно дѣвки всѣ на одинъ покрой; полно-ка ты! Дѣло совсѣмъ порѣшено;

какимъ же я глазомъ буду смотрѣть на его сіятельство? Нешто можно отъ своего слова отпираться? Неужто ты захочешь мнѣ этакого позора на старости лѣтъ? Вѣдь мнѣ тогда и на свѣтѣ не жить: хоть живой въ гробъ ложись... Такъ нешто ты захочешь уморить меня?..

— Дяденька, что вы?! Миленькій!! Простите меня... Я такъ сказала... И Люба, плача, кинулась ему на шею...

Что́ было переговорено въ эту ночь между пансіонскими подругами, — вѣроятно навсегда останется тайной дортуара; но дня два спустя, Борисъ Мезенскій получилъ, по крайней мѣрѣ изъ четвертыхъ рукъ (считая Бармова, его сестру, кончившую курсъ, ея подругу, служившую посредницей, и самую Любу), крошечную записочку, —сочиненную, по всей вѣроятности, сообща всѣмъ пансіономъ:

«Ne cherchez plus à me voir. Je suis promise. Oubliez moi.

«Amour Yasseneff». *)

Мезенскій не могъ не улыбнуться, читая эти строчки.

---

*) Не ищите свиданій со мною. Я помолвлена. Забудьте меня. Любовь Ясенева.

— Пансіономъ началось — пансіономъ и кончилось, подумалъ онъ, запечатывая толстый пакетъ въ Лондонъ, отъ котораго оторвался для прочтенія этой записочки, поданной Парфенычемъ на серебряномъ подносѣ.

Но отчего такъ жутко повернулось его сердце, когда, полчаса спустя, онъ подошелъ къ зрительной трубѣ и перенесъ ее на полку? Неужели отъ студенческой шалости запало въ немъ что-нибудь серьозное? Неужели ему жаль этого прерваннаго знакомства?

ГЛАВА IX.

Кредитъ, не уничтожавшійся съ незапамятныхъ временъ.

Нѣсколько дней кряду пріятели Астреина могли видѣть, что изо всѣхъ лѣтнихъ гуляній онъ наиболѣе мирился съ Тверскимъ бульваромъ; но только мирился, потому что, просидѣвъ вечеръ и все больше и больше хмурясь, какъ будто это было вліяніемъ сумерекъ, онъ уходилъ съ такимъ видомъ, что, казалось, и ноги его больше тутъ не будетъ. Однако на слѣдующій день появлялись обѣ ноги, а на

нихъ и вся франтовская фигура театрала. Последній вечеръ былъ особенно тихъ и пріятенъ; солнце садилось на палево-золотистомъ фонѣ; сигара плавно дымилась, и духовая музыка, довольно сносная издали, какъ-то подстрекала урывчатыми звуками. Астреинъ безсознательно дошелъ до конца бульвара, миновалъ улицу, два переулка, остановился на минуту передъ запиской о мезонинѣ и рѣшительно вошелъ въ ворота. Освѣдомившись о квартирѣ швеи, онъ постучался къ ней и отворилъ дверь. Даша торопливо двинула въ сторону лежавшую передъ нею книжку и встала изъ-за столика.

— Ахъ, это вы-съ? проговорила она закраснѣвшись.

— Это... я... сказалъ Астреинъ, собиравшійся начать съ чего-то поумнѣй. — Вы, кажется, что-то читали... Я помѣшалъ...

— Нѣтъ-съ, это я такъ... на гулянкахъ. Вы зашли за вашею вещицей? проговорила она, немного конфузясь, по той причинѣ, что вещица эта блестѣла у нея на груди. — Я все боялась, не потерять бы ее...

— Нѣтъ, перебилъ Астреинъ, садясь на стулъ о трехъ ножкахъ, покачнулся и произвелъ еще большее смущеніе,—нѣтъ... я за дѣломъ... у меня тамъ въ деревнѣ... родствен-

ница одна... сестра... ей нужна шляпка... такъ не возьмете ли вы эту работу?

— Отчего же! Какой фасонъ? спросила Даша, видимо обрадовавшись.

— Фасонъ? Ну о фасонѣ-то я... Она писала, да я потерялъ письмо... Парижскій, вѣроятно.

— Клёшъ? Аля-бретонь? А то вотъ еще пренсъ-имперіаль?

— Да, да, вотъ именно одинъ изъ этихъ, сказалъ Астреинъ, почувствовавъ, что почва перестала колебаться подъ ногами, и храбро отправился впередъ: — вы ужъ постарайтесь; провинціалки, онѣ вѣдь очень требовательны; она прислала мнѣ пятьдесятъ рублей, этого довольно?

— Что вы! сказала Даша, — такихъ цѣнъ нѣтъ; ужъ не знаю, изъ какой же это матеріи...

— Подороже, сказалъ Астреинъ, и занялся разсматриваніемъ развернутой книги, лежавшей на столѣ; то былъ *Ускокъ* въ плохонькомъ переводѣ.

— А мѣрку прислала ваша сестрица? спросила Даша, улыбаясь.

На этотъ разъ Астреинъ спокойно поглядѣлъ вокругъ и взялъ съ окна длинную бумажную тесемочку.

— Позвольте мнѣ вашу головку, обратился онъ къ швеѣ...

Онъ обвелъ бумажку вокругъ сѣтки съ волнистыми волосами и наклонился къ ней. Помада была самая обыкновенная, мусатовская, но фельетонистъ вдыхалъ ее, какъ тончайшій ароматъ. Изумленная швея пыталась освободиться, но слабо, почти только однимъ намекомъ...

— Если вы сдѣлаете на себя, то ей это будетъ какъ-разъ въ пору, сказалъ Астреинъ, будто до линіи зная размѣры сестрина черепа.

— Очень хорошо-съ; можетъ-быть вы сами выберете матерію? сказала Даша, вынимая изъ подзеркальнаго ящичка на комодѣ образчики,— вотъ очень миленькая... И она протянула ему лиловый лоскутокъ.

— Очень миленькая, сказалъ Астреинъ, взявъ его вмѣстѣ съ протянутою рукой и внимательно разсматривая уколы, оставленные иголкой на указательномъ пальцѣ.

— Или, можетъ-быть, не нравится? спросила она:—я вамъ другую покажу.

— Покажите другую, проговорилъ Астреинъ и взялъ обѣ руки ея.

Швея проворно выдернула ихъ вмѣстѣ съ образчикомъ.

*

— Выберите на свой вкусъ, сказалъ Астреинъ.—Когда это будетъ готово? спросилъ онъ, тотчасъ же становясь серьознымъ.

— На той недѣлѣ въ среду. Вы сами зайдете?

— Нѣтъ, я попрошу васъ принести это ко мнѣ... Я живу... Онъ досталъ бумажникъ, вырвалъ одинъ листокъ и написалъ карандашомъ: въ Старой Конюшенной, въ домѣ такомъ-то, спросить Александра Петровича Астреина...

И поглядѣвъ на листокъ, точно удивляясь быстрой перемѣнѣ квартиры, подалъ ее модисткѣ, вмѣстѣ съ приложенными сестрой деньгами.

— Вы здѣсь изволите служить? спросила Даша съ видомъ нерѣшимости.

— Да, я временно-обязанный статистикъ, спокойно замѣтилъ Астреинъ.

— У васъ много родныхъ въ Москвѣ? продолжала хитрить швея.

— Какъ же! Здѣсь ужъ такіе порядки! Не считая домашнихъ, почти на каждомъ перекресткѣ... А вы однѣ здѣсь?..

— Одна, сказала Даша, и, видя, что на лицѣ Астреина выразилось участіе, прибавила:—да я объ этомъ не тужу, была бы работа; а вотъ какъ недѣли двѣ на казенной посидишь, ну, тогда плохо приходится; что, вамъ это странно кажется?

— Нѣтъ, а кажется мнѣ, что вы больше всѣхъ достойны богатства, роскоши, счастія, а никакъ не возни съ иголками... какихъ-то дикобразовъ... — И Астреинъ такъ внезапно отодвинулся отъ нея, что швея съ удивленіемъ обернулась назадъ.

Въ комнату входилъ Люцкой, и фельетонистъ увидалъ его въ зеркалѣ на концѣ своей фразы. Тотъ поклонился Астреину изъ подлобья; Астреинъ отвѣтилъ ему поклономъ и такимъ взглядомъ, какъ смотрятъ на стѣны, и взялъ шляпу.

— Ваша сестрица блондинка или брюнетка? спохватилась Даша.

— Какая сестрица? чистосердечно пожелалъ знать Астреинъ.

— Ваша... та, что...

— Да-а, сестра-а! Она... блондинка, отвѣтилъ Астреинъ, справясь глазами съ мѣркой.

— Я для того, чтобы выбрать цвѣты, сказала Даша.

— Какіе хотите; такъ до середы! сказалъ онъ, и, поклонясь ей, вышелъ, не взглянувъ на Люцкаго.

Даша стала убирать работу, собираясь за покупками, задумалась передъ зеркаломъ и до того забыла о Люцкомъ, что такъ и вздрогнула

вся, когда онъ ѣдко процѣдилъ: «Хорошъ!»

— А вы почемъ знаете? обернулась она.

— Слышна сорока по щекоту...

— Ужъ вы вѣчно! сказала Даша съ оттѣнкомъ досады. Ей было такъ пріятно, что о ней вспомнили, да еще при такомъ богатомъ заказѣ.

— Да вѣдь онъ вотъ что! сказалъ Люцкой, щелкнувъ по лбу картоннаго болвана.

— Ну, вотъ и неправда! совсѣмъ напротивъ... такой обходительный, ловкій...

— Знаемъ мы этихъ ловкихъ!

— Право, нехорошо, Юрій Васильичъ; оттого-то вамъ и не везетъ, что вы ни съ кѣмъ не уживетесь...

— Еще бы со всякимъ уживаться! это надо имѣть вашъ завидный характеръ.

— А у меня хорошъ характеръ? спросила она съ мечтательною улыбкой, надѣвая передъ зеркаломъ свою шляпку, и, не дождавшись отвѣта, извинилась недосугомъ и вышла.

Люцкой постоялъ-постоялъ, потомъ оглядѣлъ комнату, будто находя въ ней перемѣну, подошелъ къ зеркалу и посмотрѣлся.

— А вѣдь, пожалуй, ты правъ, пріятель, проговорилъ онъ, пощелкивая по болвану: — дикобразъ какъ есть!

Съ этого дня онъ сталъ больше заниматься

своею внѣшностію, и въ музеѣ какъ-то пожимался передъ дикобразомъ, а одинъ разъ, оставшись съ нимъ наединѣ, долго смотрѣлъ на чучелу, протеръ ей стеклянные глаза платкомъ и впослѣдствіи уже обходилъ ее.

Между тѣмъ наступила середа. Послѣ обѣда швея надѣла свое праздничное платье, взяла картонку и отправилась отыскивать заказчика.

Ей показали на дворѣ крыльцо съ клеенчатою дверью и колокольчикомъ. Слуга ввелъ ее въ переднюю, принялъ бурнусъ и отворилъ дверь въ залу.

Какъ у него все хорошо! Какъ богато! Блѣднаго, разноцвѣтнаго мрамора зала, легкіе, бѣлые стулья; въ широкой аркѣ голубая гостиная съ мягкою мебелью и фигурнымъ каминомъ, по стѣнамъ золоченыя рамы картинъ...

Бѣдная дѣвушка не знала, что мраморныя залы продавались по 60 копѣекъ за 12 аршинъ въ магазинѣ французскихъ обоевъ; что некрашеные липовые стулья хороши, пока не захватаны; что каминъ славно свѣтитъ и плохо грѣетъ, а хорошія картины перестали быть рѣдкостью со времени успѣховъ хромолитографіи. Она не думала, что всей этой дешевой роскоши черезъ годъ и не узнаешь, видѣла

только казовый конецъ и вздохнула объ уютномъ раѣ...

Въ гостиной отпахнулась портьера, и плавно опустилась, пропустивъ Астреина. Онъ еще никогда не казался ей такимъ красавцемъ, какъ въ этой обстановкѣ, въ сѣренькомъ осеннемъ сьютѣ, съ отложными воротничками и голубоватымъ шарфикомъ.

— Здравствуйте, дорогая гостья, сказалъ онъ, вводя ее въ гостиную и ставя картонку на круглый столикъ передъ диваномъ.—Показывайте ваши издѣлія... Да такъ я ничего не увижу... Вы примѣрьте ее на себѣ.

Она развязала ленты шляпки, сняла ее, надѣла новую, повернулась раза два передъ Асртеинымъ и, скинувъ, хотѣла положить ее на столъ, но Астреинъ взялъ ее изъ рукъ и преспокойно надѣлъ на голову гипсовому купидону, который, на высокой тумбочкѣ, со сложенными на груди руками, глядѣлъ въ потолокъ...

— Вотъ-съ вамъ сдача, сказала она, вынимая изъ портъ-моне пачку бумажекъ.

Астреинъ взялъ ее и бросилъ черезъ плечо въ корзинку у дивана. Тотъ же лакей принесъ чай, фрукты и бонбоньерку, поставилъ на столъ и удалился...

— Вы не откажетесь выпить у меня чашку

чаю? предложилъ Астреинъ, закуривъ сигару и пахнувъ около себя ароматнымъ дымомъ...

Даша закраснѣлась отъ удовольствія но проговорила нерѣшительно:—Ваши домашніе?

— Ихъ никого дома нѣтъ, отвѣтилъ Астреинъ, приготовляясь, въ случаѣ надобности, перечесть ихъ по пальцамъ съ обстоятельнѣйшимъ указаніемъ, кто куда поѣхалъ...

Съ этого вечера Астреинъ сталъ самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ театра, и такъ привыкъ видѣть ее за кулисой съ лѣвой стороны, что бы ни представляла декорація, что ему казалось это не только въ порядкѣ вещей, но совершенно необходимымъ въ общемъ ходѣ піесы; и когда сосѣдъ по креслу замѣтилъ ему однажды, какимъ неуваженіемъ къ искуству отзываются *эти глупыя лица*, выглядывающія чертъ знаетъ откуда и мѣшающія цѣльности впечатлѣнія, Астреинъ посмотрѣлъ на него, какъ на дурака, и отвернулся, не удостоивъ ни полсловомъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца спектакля, проворно сбѣгалъ къ заднимъ дверямъ и караулилъ ее у выхода. Если ночь была хороша и свѣтла, какъ почти всѣ ночи въ концѣ лѣта, онъ пѣшкомъ провожалъ ее до скромной квартирки; если стояла непогода, они ѣхали въ крытой пролеткѣ, и Даша, знав-

шая, что онъ и безъ того бываетъ въ театрѣ почти каждый день, привыкла не конфузясь принимать эти маленькія услуги; но не смотря на то, что онъ ни разу не заходилъ къ ней, она не обманывалась и съ какимъ-то веселымъ страхомъ смотрѣла на короткость въ ихъ отношеніяхъ; эта короткость закралась такъ незамѣтно, какъ старинное: «да, сударь», перешло въ короткое: «да-съ».

Былъ темный, ненастный вечеръ; мелкій дождь звучно сѣялъ на поднятый фартукъ пролетки; Даша сидѣла, завернувшись въ бурнусъ и спрятавъ руки въ широкихъ рукавахъ; крупная капля дождя упала на сигару театрала и зашипѣла, погасивъ огонь...

— Въ такіе вечера, началъ Астреинъ,—англичане стрѣляются отъ сплину, а мы, русскіе, лежимъ-себѣ да хнычемъ... Знаете что, поѣдемте ко мнѣ чай пить...

Даша ничего не отвѣтила, только почувствовала, что кровь жарко прилила къ щекамъ...

— Поѣдемте? повторилъ Астреинъ тономъ настойчивой просьбы и слегка наклоняясь къ ней.

— Ну, поѣдемте, почти прошептала она.

Съ замирающимъ сердцемъ вошла она въ

знакомую мраморную залу, въ гостиную, освѣщенную однимъ каминомъ, и осмотрѣлась, точно боясь найдти какую-нибудь перемѣну.

— Ахъ! вырвалось у ней при взглядѣ на купидона; онъ стоялъ все на той же тумбочкѣ у дивана, и на головѣ его все такъ же красовалась новенькая, съ иголочки, шляпка.

— Послушайте, Даша, началъ Астреинъ, и остановился.

Ее обдало такимъ живымъ ощущеніемъ радости, что она какъ-то и пропускала слова мимо ушей, и слушала ихъ, и ушамъ не вѣрила.

— Хоть сердитесь, хоть нѣтъ, а я во всемъ признаюсь...

— Въ чемъ же? сказала она, краснѣя.

— Вотъ, что я такъ безсовѣстно навралъ; это, впрочемъ, отчасти мое ремесло: никакой сестры, никакой родни у меня и не бывало... Постойте, Даша, заговорилъ онъ, увлекаясь исповѣдью, и взялъ ее за руку: — знаете ли, что я недавно хотѣлъ повѣситься? Вы не смотрите на меня, что я все вру... Я вру, вру, а вдругъ и сдѣлаю это также легко, какъ теперь болтаю съ вами.

— Ахъ, какъ это можно, грѣхъ! сказала Даша.

— Право, да вотъ встрѣтилъ васъ и какъ-то въ живыхъ остался... И опять навралъ: квартиру эту я взялъ нарочно, чтобы вы были у меня въ гостяхъ... А живу я совсѣмъ не здѣсь...

— Ахъ, какой же вы! погрозила ему Даша.

— Нѣтъ, Даша, вы меня не знаете... Вотъ видите, я ужъ не могу и шутить... До сихъ поръ все было такъ ровно, такъ мило, заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, точно самъ съ собою, — а нынче... но мое нынче, Даша, —это недоконченная фраза и нѣсколько точекъ... Что будетъ на мѣстѣ этихъ точекъ завтра, я знаю меньше всѣхъ... И сегодня я не зналъ этого, а теперь... теперь мнѣ совѣстно глядѣть на васъ...

Онъ сѣлъ на диванъ, облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. Она кинула взглядъ на шляпку, изъ-подъ которой глядѣлъ купидончикъ, сложивъ руки и точно умоляя освободить его отъ несвойственнаго его чину убора и послѣдовать дружескому совѣту...

— Александръ Петровичъ, робко начала она, подходя къ столу.

Онъ уронилъ руки на столъ и поднялъ на нее блѣдное лицо:

— Бѣгите, Даша, уйдите, пока есть время,

проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ: — на бѣду мы столкнулись... Вы не знаете, что со мной... Я не умѣю владѣть собою, я не привыкъ...

И онъ протянулъ-было руку къ колокольчику; она вдругъ вспыхнула и дрожащею рукой остановила его руку.

— Александръ Петровичъ, проговорила она, запинаясь и глядя внизъ,—мнѣ самой... съ самаго того вечера я сама не своя... Мнѣ больно смотрѣть на васъ... Я простая дѣвушка, Александръ Петровичъ... Я рада послѣднее отдать, чтобы вы не убивались такъ...

— Вы себѣ цѣны не знаете, Даша! съ жаромъ проговорилъ онъ, отодвигаясь и давая ей мѣсто возлѣ себя.

Она посмотрѣла на него довѣрчивымъ взглядомъ и сѣла возлѣ него. Ей вдругъ стало совсѣмъ легко на душѣ...

—Что вы дѣлаете? говорилъ Астреинъ, наклонясь къ ней:—знаете ли вы, что такое страсть?

Она съ тѣмъ же взглядомъ покачала головой, но внутри что-то закипѣло...

— Посмотрите, заговорилъ онъ чуть слышно: — посмотрите, какъ эта комната точно льнетъ къ вамъ, точно обвиваетъ со всѣхъ сторонъ, выпустить васъ боится...

Чувствуя его руку вокругъ своего стана, она пугливо оглянулась: въ странномъ полусвѣтѣ огоньки въ каминѣ догорали, перегоняя эѳирныя тѣни по стѣнамъ, обливая розовымъ колоритомъ потолокъ и сверкая въ позолотѣ картинъ. Крылатая фигурка, видимая теперь сбоку, изъ скромности совсѣмъ ушла въ шляпку.

— Не обманите меня! Вѣдь вы не обманете меня?

Астреинъ молча привлекъ ее къ себѣ.

— Не обманешь? прошептала она, положивъ ему руки на плечо и скрывая въ нихъ запылавшее лицо...

На другой день Люцкой возвращался изъ университета, щелкая калошами громче и чаще, чѣмъ когда-либо. Онъ только-что получилъ объявленіе о денежномъ письмѣ изъ Петербурга на свое имя въ правленіи, а вслѣдъ затѣмъ въ почтамтѣ и самое письмо изъ редакціи какого-то журнала, съ довольно значительнымъ гонораріемъ и приглашеніемъ присылать свои труды на будущее время.

— Ура, Дарья Николаевна! мысленно повторилъ онъ, подходя къ высокой лѣстницѣ, но у подножія долженъ былъ остановиться. На галлереѣ тетушка, ворча и сильно работая

щеткой справа налѣво, выметала соръ и подняла такую пыль, что раскраснѣвшее лицо ея въ тюлевомъ чепчикѣ, подобно разгнѣванному Зевсу, только по временамъ выглядывало изъ тучъ.

— Что это какъ вы сегодня стараетесь, тетушка? подшутилъ Люцкой, не рѣшаясь двинуться на Олимпъ.

— Чтобъ и духу ея тутъ не было! заговорила Осиповна,—по вѣтру пущу все и этого идола туда же...

Тутъ, какъ говорится, *за словомъ*, изъ облаковъ вылетѣлъ такой-то бѣлый перунъ, и съ грохотомъ пересчитавъ ступеньки, ударился въ ноги Люцкому. Тотъ посторонился... Картонный болванъ повернулся навзничъ, и какъ бы моля о пощадѣ, глядѣлъ на него съ жалобнымъ видомъ и поврежденнымъ носомъ...

Люцкой проворно подхватилъ его и ринулся на Олимпъ.

— Тетушка... Дарья Николаевна?... крикнулъ онъ, схвативъ старуху за руку.

— Была да сплыла, батюшка! отвѣтила та, выкидывая соръ за перила:—эдакой обиды съ роду не видывала! Чтобъ отъ меня кто по своей волѣ съѣхалъ? Не стерпѣла и не стерплю... Да ништо мнѣ съ вами, не мыкайся на

старости лѣтъ, не лѣзь изъ кожи вонъ...—И тетушка продолжала угощать питомца подобными гиперболами, пока онъ не замѣтилъ ей съ видомъ упрека, что ничѣмъ не заслужилъ ихъ.

— Всѣ вы, батюшка, таковы: корми, пои васъ, а тамъ кончатъ курсъ науки, кто куда, всѣ и разбѣжались, и спасибо не скажутъ... Брошу все, видитъ Богъ, брошу. Совсѣмъ изъ силъ выбилась...

Трудно было успокоить взволнованную матрону, еще труднѣй добиться, въ чемъ дѣло. А дѣло было въ томъ, что *Дашка* вотъ-вотъ сейчасъ только объявила, что съѣзжаетъ, расплатилась съ тетушкой, забрала кой-что въ узелокъ, сняла свою вывѣску—и была такова!

Люцкой очень хорошо понималъ, какое добродушіе крылось за грубою рѣчью; онъ оставилъ старуху на свободѣ выругать свое горе, прошелъ въ свой хлѣвушокъ и бросилъ на столъ болвана вмѣстѣ съ тетрадками.

«Ну, бобыль, такъ бобыль!» подумалъ онъ, садясь за столъ и безцѣльно глядя въ окно на противоположный фасъ корпуса. — «Чего же собственно-то жалко?»

Тихіе вечера, пѣсенка, скрипъ снигиря промелькнули въ головѣ вмѣстѣ съ добрымъ ли-

цомъ собесѣдницы—и только; но это *только* было послѣднимъ достояніемъ бѣдняка.

«Было свѣтлое явленіе», думалъ онъ, раскрывая перочинный ножъ:—«не смогли задушить нищетой, силъ не хватило, такъ соблазномъ убили, взяли свое!»

Онъ сталъ срѣзывать болвану кругомъ верхнюю часть головы, словно скальпируя врага, и, насыпавъ въ картонный черепъ табаку, выкинулъ остальной бюстъ въ окно; потомъ закурилъ папиросу и легъ на кушетку, протянувъ ногу на ногу и глядя въ темный уголъ карниза. Тамъ огромный паукъ заткалъ основу своихъ грядущихъ благъ, далеко раскинулъ нити по потолку, и какъ плантаторъ, ожидающій прибытія черной расы, которой соки станетъ эксплуатировать въ свою пользу, безмятежно прогуливался по нимъ, обозрѣвая свои владѣнія... Люцкой прицѣлился и пустилъ въ него струйку дыму; плантаторъ, почуявъ аболиціонный духъ, перебѣжалъ на южную границу своихъ владѣній. Аболиціонный духъ проникъ и туда, охвативъ его кольцомъ; плантаторъ кинулся къ западу.

«Скверно быть паукомъ, да и мухой не лучше», думалъ Люцкой, пуская вверхъ ожесточенный клубъ дыму; мысленно передъ нимъ

открывались двѣ бездны: что-то въ родѣ громаднаго стереоскопа, гдѣ на одномъ рисункѣ возились всевозможные пауки, мохнатые, крестоносцы, сѣнокосы, долгоногіе, ядовитые, пестрые, а на другомъ рисункѣ безсильныя мушки, искалѣченныя, опутанныя сѣтями, полуизсохшія жертвы. Но такъ-какъ для произведенія рельефной картины надо глядѣть разомъ на оба рисунка, а Люцкому никакъ не удалось приноровить глазъ, и онъ поочередно заглядывалъ то въ тотъ, то въ другой, то всякая связь, вся гармонія жизненныхъ отношеній пропадала, и выходило что-то безобразное до крайности... Онъ отчаянно глядѣлъ сквозь путаницу образовъ, носившихся въ разстроенномъ воображеніи; они давили его массой, тѣснились кучами, тащили за собою, а тамъ, гдѣ толпа рѣдѣла и куда онъ бросился съ надеждой на выходъ, тамъ была какая-то страшная, невѣдомая, безграничная пустота...

— Либо дураки да трусы, либо плуты и негодяи, проговорилъ онъ вслухъ, давая ожесточеннаго пинка лягашу, который вылѣзъ-было и тотчасъ же юркнулъ обратно подъ кушетку, занывъ благимъ матомъ.

— Ну, захандрилъ! Теперь пойдетъ на всю

недѣлю! проворчала тетушка, стоя за дверью и не рѣшаясь позвать его къ столу.

Люцкой не поворохнулся въ продолженіе битаго часа. Жалобные речитативы старьевщиковъ на дворѣ, бойкій смѣхъ за стѣной въ столовой, ляска нье посуды, однообразный вечерній звонъ, гудѣвшій съ заунывнымъ пѣніемъ въ надтреснутомъ оконномъ стеклѣ, каждый жизненный звукъ поднималъ въ немъ тяжелые наплывы тупой, сосредоточенно-шипящей злобы на всѣхъ и на все...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Люди, нѣсколько иначе покончившіе съ обществомъ.

Въ эту ночь, когда всѣ въ домѣ тетушки покоились въ сладчайшемъ снѣ, Люцкой, побрякивая охотничьимъ приборомъ, съ двустволкой на плечѣ, подъѣхалъ на ванькѣ къ фабрикѣ Самострѣлова, и, отпустивъ извощика, осторожно спустился съ трезоркой по доскамъ, настланнымъ къ перевозу. Ночь была темная: дулъ осенній сѣверюкъ, ляская прибоемъ на

плоты, покачивая черныя лодки и свистя въ бойницахъ и амбразурахъ ветхихъ монастырскихъ башенъ. Небо было сплошь усѣяно крупными облаками съ темною середкою и яркобѣлыми краюшками. Въ скупомъ свѣтѣ мѣсяца, кутавшагося то въ то, то въ другое облако, плота черезъ два появлялись и исчезали двѣ темныя фигуры, копавшіяся надъ лодкой.

— Вы, что ли, перевощики? спросилъ Люцкой, перебравшись къ нимъ и перекрикивая вѣтеръ:—мнѣ на ту сторону надо...

— Мало ли кому куда надо, угрюмо отвѣтилъ одинъ изъ нихъ:—теперь ночь, какой теперь перевозъ?

— Ну, ты не учи, сказалъ Люцкой, возвышая голосъ: — безъ тебя знаютъ, во всякое время перевозъ...

— Не видишь, баринъ на охоту собрался? Значитъ разгуляться захотѣлъ, заговорилъ другой, долговязый парень, обращаясь къ товарищу:—и выходитъ, надо поспѣть еще до зорьки... Садись, баринъ, переправимъ.

— Ну и поѣзжай съ Богомъ, а я не поѣду, коли такъ, упорствовалъ другой.

— Дура дура и есть, вразумительно произнесъ долговязый:—садись, небось баринъ.

Люцкому что-то не нравилось въ голосахъ

перевощиковъ, но онъ сѣлъ на корму и, засвѣтивъ въ ладоняхъ спичку, закурилъ папироску. Тѣ тоже усѣлись на другомъ концѣ, оттолкнулись, и лодка, тихо переваливаясь, понесла ихъ на другую сторону. Мѣсяцъ рѣшился выглянуть и ударилъ въ бѣлыя контуры монастыря, точно уходившаго въ потемки; на черномъ берегу сглаживались выступы домовъ и караулки. Люцкой пристально поглядѣлъ въ лицо перевощиковъ, а мѣсяцъ опять запахнулся, кинувъ тѣнью на монастырь и поглотивъ берегъ...

— Ночь хоть куда, выговорилъ долговязый, сильно забирая веслами:—свѣтло, тепло и вѣтеръ взадъ; маленько бы еще потемнѣе...

— Ты смотрѣть — смотри, проворчалъ другой,—да лишняго глаза не бери, вотъ что!

Долговязый, не переставая грести, слегка наклонился къ нему, и оба что-то заговорили, понизивъ голосъ. Люцкому послышалось: «свинчатка... толкуй!... побоку его...» Онъ снялъ двустволку съ плеча, взвелъ оба курка и положилъ ее поперекъ на колѣни, зорко слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ гребцовъ; поверхность воды неровно волновалась у веселъ, чернѣя подъ лодкой, какъ темная, холодная, глубокая могила. Онъ перемѣнилъ палецъ на спу-

скѣ и сталъ напѣвать сквозь зубы, почти раскаяваясь, что сѣлъ.

— Ай, страшно, баринъ? заговорилъ долговязый, сплюнувъ на воду:— а мы завсегда на рѣкѣ, во всякую пору, и ничего; никто, какъ Богъ!

— Рыбу ловите? спросилъ Люцкой, видя, что берегъ начинаетъ надвигаться на нихъ.

— Рыбу? переспросилъ тотъ.—Вотъ теперь закатимъ на всю ночь, только попадайся!

— Ну, да ужъ ладно, перебилъ другой: — верша-то у тебя широка больно; гляди, не просыпь!

Поровнялись съ берегомъ. Люцкой проворно прыгнулъ на песокъ, бросилъ имъ мелкую монету и пошелъ на ближнее болото.

— Благодаримъ покорно, сказалъ долговязый, глядя, какъ серебряный кружокъ, подскочивъ на кормѣ, канулъ въ воду: — Ну-ка, валяй теперь! прибавилъ онъ, поплевывая на руки.

Лодка пошла назадъ, все больше и больше забирая накось, и повернула почти подъ самымъ берегомъ внизъ по теченію. Рыболовы переговаривались отрывисто, не глядя другъ на друга...

— Что, парень, какъ я осла-а-бъ, моченьки

моей нѣтъ! протянулъ неразговорчивый: — не вернуться ли до грѣха?...

— Да вернись пожалуй, я и одинъ управлюсь, сказалъ долговязый: — а ты ужъ взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; свяжешься съ вашимъ братомъ, наплачешься...

— Чуетъ мое сердце, не быть добру, отозвался тотъ.

— Что молоть! Обдѣлаемъ тихимъ манеромъ, проговорилъ долговязый, снимая сапоги:—почитай, никого въ домѣ-то нѣтъ... Ну, а коли что, смотри, не зѣвай.

Тутъ лодка поровнялась съ плотомъ противъ дома Самострѣлова; фасадъ его весь бѣлый, въ синеватыхъ тѣняхъ, какъ лицо мертвеца, глядѣлъ на рѣку черными стеклами, тронутыми кое-гдѣ будто въ фольгѣ. Рыболовы привязали лодку на колышекъ и подождали, пока огромное темное облако накрыло непрошеннаго свидѣтеля и смахнуло позолоту съ оконъ...

— Крайнее-то чуть-чуть, а свѣтится, шепнулъ товарищъ, пробираясь ползкомъ на тропинку.

— Цѣлую ночь такъ: это лампадка у барышни... Дрыхнутъ! рѣшилъ долговязый и, поднявшись съ земли, подошелъ вплоть къ деревянной набережной.—Ну-ка, зацѣпи! прого-

ворилъ онъ, забрасывая вверхъ веревку съ желѣзною лапою на концѣ.

Самострѣловы давно поужинали. Люба ушла въ спальню съ тетенькой; изъ комнаты все было уже выбрано и приготовлено къ переѣзду въ новый домъ. Ей постлали на полу рядомъ съ теткою: тусклый свѣтъ лампадки, освѣщая образа, едва мерцалъ по комнатѣ, жутко гармонируя съ завываньемъ вѣтра въ трубахъ. Старушка долго еще молилась, стоя на колѣняхъ, кладя земные поклоны и вслухъ читая молитвы; наконецъ улеглась и почти тотчасъ захрапѣла. Любѣ не спалось; непривычный жаръ обливалъ ее; сердце неровно и сильно билось; она разметалась на перинѣ и прислушивалась къ давно знакомому свисту, шуму и отголоскамъ въ просторныхъ чердакахъ, вялому тявканью дворняшекъ, и какое-то унынiе овладѣвало ею. Вѣтеръ гудитъ-гудитъ и вдругъ протянется зычнымъ, жалобнымъ звукомъ...

— Точно стонетъ, сказала тетушка, поворачиваясь лицомъ къ Любѣ: — поди, теперь на монастырскомъ-то куда страшно...

— Чѣмъ же страшно, тетенька? обрадовалась Люба: дескать не разговорится ли та.

— Говорятъ, ходятъ по ночамъ-то... У Ли-

синой на могилѣ каждую ночь, говорятъ, огонекъ теплится...

— Ну, вотъ! это нынѣ не въ модѣ, тетушка! улыбнулась Люба, а у самой мурашки такъ и забѣгали...

— Вѣрные люди, врать не станутъ, говорятъ, самое видѣли...

— Какая же она? Какая? лихорадочно спросила Люба.

— Извѣстно—бѣлая вся, такъ какъ дымокъ какой столбикомъ и подымется, говорятъ; подымется, да и пойдетъ по вѣтру туда, ажъ за рощу. Ну, Богъ съ тобой, спи, дитятко...

Но послѣ этого дитятко ужъ окончательно не могло заснуть. Оно только ушло въ одѣяло съ головой, и ножки поджало, и руку изъ-подъ подушки выдернуло и какъ-то прихватило ее за другую на груди,—положеніе, можетъ быть, и безопасное въ случаѣ появленія Лисиной, но несовсѣмъ удобное въ отношеніи температуры, которая скоро повысилась до 23° по Реомюру. Люба повернулась на другой бокъ, соблюдая тѣ же предосторожности, но это произвело только временную вентиляцію, и затѣмъ то же повышеніе температуры. А ночь между тѣмъ не унималась. Люба все

прислушивалась — прислушивалась и позвала вполголоса: — Тетенька!.. а тетенька!

— Асеньки?

— Точно у насъ кто-то по крышѣ ходитъ...

— Христосъ съ тобой! Кому ходить...

— Нѣтъ, право... Чу! Мнѣ страшно.

— Вороны, сказала тетушка, прислушавшись:—онѣ и есть...

«Ужъ не *онъ* ли, чего добраго, залѣзъ туда? подумала Люба:—вдругъ завтра изъ печки ко мнѣ и явится?... Что жъ это я все объ *немъ* думаю... Самой смѣшно даже... Лучше спать буду»...

Прошло съ четверть часа...

Люба выставила кончикъ носа изъ-подъ одѣяла и все прислушивалась.

— Тетенька! позвала она ужъ совсѣмъ тихо.

— Да, что? О, неугомонная...

— Слышите: въ залѣ половица скрыпитъ; это у насъ ходятъ...

— Постойка-сь... скрыпитъ и такъ; завтра выѣзжаемъ, вотъ что... выживаетъ!..

Но тутъ ужъ явственно что-то звякнуло, послышалась тяжелая походка, сдавленный крикъ, возня... Обѣ женщины вскочили съ постели, глядя другъ на друга и растерявшись на первыхъ порахъ...

Стонъ повторился, и что-то грузно бухнуло на полъ. Онѣ пробѣжали въ столовую залу, бросились къ дверямъ кабинета... заперты...

— Дяденька, закричала Люба,—гдѣ вы? Дяденька!

Нѣсколько ногъ пошло къ дверямъ.

— Матушки, воры! крикнула старуха.

Двери брякнули и распахнулись настежъ; на порогѣ двое мужчинъ; оглядѣлись; одинъ высокій двинулся впередъ.

— Только пикните—тутъ и духъ вонъ! пригрозилъ онъ хриплымъ, бѣшенымъ голосомъ.

Старуха такъ и шлепнулась навзничъ, отмахиваясь руками. Люба не побѣжала, ни дрогнула; только взглянула на воровъ, и бросясь передъ теткой на колѣни, поднимала ее подъ руки...

— Посмотрите, посмотрите, что вы надѣлали! отчаянно говорила она, показывая на побѣлѣвшее лицо старухи,—вы ее до смерти напугали! Водицы дайте... Вонъ тамъ въ столовой графинъ.

Тѣ переглянулись въ недоумѣніи, отошли, поглядѣли на нее и стали шептаться...

Полчаса позже двѣ темныя фигуры спустились по набережной на плотъ и въ потемкахъ полоскали руки въ холодной водѣ, оглядыва-

ясь на домъ, который также уныло глядѣлъ на рѣку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Большая затрата оборотнаго капитала въ чистый убытокъ.

Люцкой все шелъ, да шелъ въ полупотемкахъ, — то межой капустниковъ, на которыхъ мѣсяцъ изрѣдка обличалъ толпу сизоватыхъ кочней и снова подергивалъ ровною тѣнью, то грядами огурцовъ,—помахивая ружьемъ за плечами, вольнѣе дыша утренникомъ послѣ недавняго волненія и похлопывая по спинѣ трезорки, когда онъ, сдѣлавъ далекій кругъ, возвращался къ хозяину и подскакивалъ, пытаясь лизнуть его въ лицо. Часа черезъ полтора стало сѣрѣть по окрестности; будто на холстѣ подъ ударами кисти все рѣзче, все яснѣе пролагалось оливковое кольцо ивняковъ, широко забиравшее по полю. Онъ осторожно продрался въ кустахъ и заглянулъ на тусклое, грязноватое заводье, исполосованное слѣдами плававшихъ утокъ; но сама дичь успѣла уже сняться; только вѣтерокъ беззвучно шевелилъ при-

брежною осокою, да нѣсколько воронъ притянуло тихимъ, предразсвѣтнымъ полетомъ. Стало свѣтло, когда онъ вошелъ въ болото, лежавшее полверсты дальше, сырое, росистое, обвѣянное легкой дымкой по бочагамъ; онъ пошелъ по кочкарнику, слегка колыхавшемуся подъ ногами и сохранявшему на своей мелкой муравкѣ четкіе слѣды ногъ; его смѣнила осока, прохладная влага стала просачиваться въ сапоги, освѣжая усталыя ноги. Алая полоска росла на востокѣ, разливалась по небу выше и выше, задѣвая края облаковъ прозрачнымъ пурпуромъ; вдругъ такъ и брызнуло кровавымъ пламенемъ солнышко, обдало розоватымъ колоритомъ все болото, и разсыпалось искрами по росѣ камышей и мелкаго кустарника... Пафъ! Па-афъ! пошло по краямъ болота, потомъ въ серединѣ, потомъ еще гдѣ-то. Трезоръ встряхнулся всѣмъ тѣломъ и порывисто виляя хвостомъ, понесся на рысяхъ, брызгая по трясинѣ и шныряя въ высокой травѣ.

— Важно, трезорка! покрикивалъ Люцкой, широко шагая за нимъ и разговаривая вслухъ:— забирай, забирай! Поживемъ еще! О чемъ намъ кручиниться!

Позади его съ легкимъ трескомъ вырвался изъ-подъ куста пестрокрылый дупель и потя-

нулъ ниточкой надъ золотившеюся травой. Люцкой молодецки обернулся, бухнулъ по немъ, и птица ткнулась на-земь; дымъ тихо расплывался по зелени. Пока трезоръ рачительно отыскивалъ птицу, Люцкой на ходу заряжалъ ружье. Тамъ и сямъ, за высокими кустами молодыхъ березокъ, ветлы и репейнику, по болоту гудѣли выстрѣлы, перекликались бодрые голоса, лаяли, визжали собаки подъ арапникомъ. Положивъ еще одну курочку въ объемистый яхтажъ, Люцкой очутился въ самой срединѣ крѣпи. Пальба поднялась такая, что казалось двѣ арміи, выславъ стрѣлковъ цѣпью впередъ, открывали сраженіе; все болото было истоптано свѣжими слѣдами и тропинками, на которыхъ лежала въ повалку смятая трава; то и дѣло выбѣгала чужая, кофейная или пѣгая, собака, наскочивъ сгоряча на Люцкаго, только тутъ замѣчала свою ошибку, и со стыдомъ скрывалась, поджавъ хвостъ... Тамъ и сямъ въ камышахъ мелькали шляпы, картузы, приподнятые, блестящіе стволы ружей, разъ даже мимо ушей въ видѣ привѣтствія свистнулъ полный зарядъ.

— Ну, трезорка, сказалъ Люцкой, закладывая ружье за плечо, — будетъ съ насъ; теперь пошла подмосковная охота; того и гляди поподчуютъ самого.

Онъ вышелъ на чистую луговину, съ низенькими кустиками, легкою мочежинкой и желтыми полосами трясины. Двое охотниковъ, держа ружья вверхъ, съ крикомъ бѣжали къ собакѣ, остановившейся надъ небольшою лужицей. Она оглянулась на нихъ брылястою мордой и, не выдержавъ, сама кинулась со всѣхъ ногъ по грязи; чуть видный куличонка съ пискомъ отчаянія поднялся вверхъ...

— Тра-та-та-трахъ!!!.... залпомъ грохнуло три-четыре заряда, на такомъ разстояніи, что и нарѣзной пушкѣ въ пору...

— Полетѣлъ умирать, сказалъ Люцкой, приподнимая картузъ.

— Ахъ, здравствуйте! крикнулъ одинъ изъ охотниковъ.

Люцкой заслонился рукой отъ солнца и сталъ вглядываться: сквозь камыши—въ зеленой куртке съ бронзовыми пуговками, въ блестящихъ ботфортахъ, ослѣпительно сіяя дорогимъ охотничьимъ приборомъ и красиво приподнимая двуствольное ружье съ насѣчкой,—къ нему пробирался Аполлонъ... чертъ Иванычъ Веревкинъ, мысленно добавилъ Люцкой.

— А — а, здравствуйте, проговорилъ онъ вслухъ:—что это? наслѣдство что ли получили?

И, не взглянувъ на протянутую Звѣздочкинымъ руку, пошелъ дальше.

— Я вашъ вѣчный должникъ, любезно говорилъ тотъ, поспѣвая за нимъ:—благодаря вашей протекціи, я теперь и въ сенатѣ и домашнимъ секретаремъ у сенатора Мезенскаго...

— Поздравляю, процѣдилъ Люцкой:—ну, и что жъ?... хорошо тамъ?

— О, еслибъ вы знали, что это за люди! Вы имѣли о нихъ совершенно превратное понятіе, говорилъ Звѣздочкинъ, догоняя его вприпрыжку.

— Я? переспросилъ Люцкой: — не вы ли? Впрочемъ—мое почтеніе!

— Погодите, началъ-было Звѣздочкинъ, но голосъ его такъ странно вдругъ оборвался, что Люцкой невольно обернулся назадъ.

Изъ торфяной ямы, наполненной грязною водою, виднѣлся одинъ бюстъ домашняго секретаря, точно при жизни еще воздвигнутый знаменитому человѣку. Руки вцѣпились въ березовый кустъ; фуражка плавала на поверхности, къ великому страху лягушекъ, которыя робко выставляли носъ и тотчасъ показывали заднія ножки...

— Помогите! крикнулъ онъ измѣнившимся голосомъ...

Люцкой подошелъ и осмотрѣлъ его съ голо-

вы до пояса язвительно-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Прежде чѣмъ шутомъ рядиться, вы бы ходить выучились по болоту, ѣдко проговорилъ онъ:—здѣсь грязь вѣдь не вашей чета...

— Да вытащите же меня! почти сердито крикнулъ Звѣздочкинъ.

— А кто это съ вами охотится? равнодушно спросилъ Люцкой.

— Парфенычъ... камердинеръ... Да что же вы въ самомъ дѣлѣ?

— Ну, вотъ онъ васъ и вытащитъ. Знай я, что изъ васъ приживалка выйдетъ, на мосту бы вамъ и оставаться!

Онъ свиснулъ трезоркѣ и пошелъ прочь, изрѣдка останавливаясь и прислушиваясь къ отчаянному зову. На крутомъ песчаномъ берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлала излучину, надъ разводнымъ мостомъ для прохода барокъ, лѣпилась у самаго обрыва новенькая харчевня; тесовыя стѣны съ лавками вокругъ, три-четыре столика, накрытые пунцовыми салфетками съ синимъ узоромъ; темно-вишневый, стеклянный шкафъ съ чайною посудой; хозяинъ за прилавкомъ въ розовой рубахѣ и бѣломъ фартукѣ, съ окладистой бородкой и сонливымъ лицомъ,

явно выражавшимъ: — спи-не-спи — дичь сама въ руки придетъ, не минуетъ! Все это мягко подѣйствовало на усталаго охотника, когда онъ добрался до любимаго притона и вошелъ въ комнату, извѣстную подъ именемъ *егерской*. Люцкой спросилъ себѣ чаю и прилегъ на лавкѣ у раскрытаго окна; тѣло само собой вытягивалось; всѣ суставы пріятно мозжили; вѣтерокъ прохладно подувалъ въ распаленное лицо; трезоръ, свернувшись калачикомъ, храпѣлъ на всю комнату; дремотная истома сомкнула глаза охотнику, окончательно разогнавъ остатки хандры...

Такъ прошла сладкая минута забытья, и вотъ въ просонкахъ Люцкому стали чудиться голоса, какъ будто знакомые; онъ сталъ неохотно прислушиваться...

— Слышь-ко, Волжанка, дѣло-то какое? Самострѣлова твоего, говорятъ, со всѣмъ потрохомъ укокошили...

— Когда? отозвался другой голосъ, — и мимо Люцкаго словно въ туманѣ скользнула лодка, два гребца, освѣщенныхъ мѣсяцемъ, и ясный изумительно-похожій очеркъ лица долговязаго перевозчика. Не сознавая своихъ впечатлѣній, онъ шевельнулся на лавкѣ и открылъ глаза; чай совсѣмъ простылъ, солнце ушло съ подо-

конника, голоса въ сосѣдней комнатѣ за перегородкой раздавались отчетливо.

— Мужиченка сейчасъ ѣхалъ, сказывалъ: нонѣ въ ночь,—слышался голосъ хозяина.

— Признаться, не знаю, мы эту ночку тутъ на слободкѣ прогуляли... Эхъ, паря, и дѣвушки же у васъ! отозвался дребезжащій фальцетъ: дай-ко еще стклянoчку, опохмѣлиться!

Люцкой сталъ на лавку и глянулъ черезъ перегородку: *они*! Долговязый Волжанка пилъ чай, угрюмый товарищъ его сидѣлъ рядомъ, уставясь глазами въ землю.

Смутное подозрѣніе стало овладѣвать Люцкимъ, пока онъ стоялъ такъ, выставивъ голову надъ перегородкой и совершенно забывъ объ этомъ. Вспомнились ему частыя ночевки въ этой харчевнѣ и непріятное ощущеніе чего-то закулиснаго, тайнаго, овладѣвавшее имъ, когда хозяинъ бывало, пожелавъ ему доброй ночи, уносилъ свѣчу и оставлялъ его въ тѣсной комнаткѣ уединеннаго притона; отчетливо прошла передъ нимъ вся вчерашняя сцена при переправѣ черезъ рѣку, и вдругъ какъ-то въ связи со всѣмъ этимъ пришло ему въ голову, что какая-то роковая сила обыкновенно влечетъ преступниковъ покутить въ околодкѣ только-что совершеннаго злодѣянія... Онъ пристально поглядѣлъ на пе-

*

ревозчиковъ и замѣтилъ, что у Волжанки правая рука обмотана и завязана платкомъ...

Въ ту же минуту Волжанка поднялъ голову, и взгляды ихъ встрѣтились: страненъ былъ этотъ общій взглядъ! Люцкой поблѣднѣлъ не меньше перевозчика, и самъ еще хорошенько не зная, что дѣлаетъ, однимъ прыжкомъ очутился на полу и сталъ въ двери перегородки...

— Что, ваше благородіе, ай признали? сказалъ Волжанка, не спуская съ него глазъ.

— Какъ не признать! отвѣтилъ Люцкой, и, свиснувъ трезоркѣ, подошелъ къ столу, сѣлъ противъ собесѣдниковъ и уставился на нихъ пристальнымъ взглядомъ:—а вѣдь это вашихъ рукъ дѣло, ребята! проговорилъ онъ съ разстановкой.

Волжанка чуть примѣтно дернулъ щекой, смѣрялъ его на-глазъ, всталъ съ мѣста и сунулъ руку за пазуху.

— Легче, смотри, не спуделяй! спокойно сказалъ Люцкой, понизивъ голосъ.

Послышались шаги; въ комнату вмѣстѣ съ хозяиномъ вошла цѣлая компанія охотниковъ и шумно расположилась по лавкамъ, кладя возлѣ себя ружья и охотничьи снасти.

— Ну, что, господа, какъ поле? обратился къ нимъ Люцкой.

— Да что: кулика только убили, отвѣтилъ кто-то.

Волжанка, подмигнувъ товарищу, выпилъ наскоро свою чарку и собирался-было встать съ лавки, но взглядъ Люцкаго такъ и приковалъ его къ мѣсту.

— Вотъ, Волжанка, заговорилъ тотъ:—прилетитъ одинъ куликъ издалека, изъ-за моря, а на него сорокъ егерей зубы точатъ, полсотни зарядовъ выпустятъ, собаки двѣ искалечатъ, а ужъ что водки выпьютъ—и считать нечего... Смекни-ко, почемъ обойдется каждое куличье перышко?

— Нѣтъ, вы вотъ что скажите, баринъ,—какъ тутъ кулику извернуться? возразилъ Волжанка, повидимому нисколько не смущаясь:—какъ ему ноги-то унесть за добра-ума? чай сердчишко-то бьется-бьется, и такъ и сякъ умишкомъ раскидываетъ...

— Вѣрно! одобрительно проговорилъ Люцкой:—молодецъ Волжанка! ты самъ не охотникъ ли? что это у тебя рука-то подвязяна?

— Какъ есть съ охоты! усмѣхнулся перевозчикъ:—по другой дичи только, серебряной пулькой бьемъ, и заряды у тятеньки въ сундучкѣ промышляемъ воровскимъ манеромъ, потому еще не пущаетъ онъ меня-несмысленочка

на охоту; вчера полѣзъ въ сундучекъ-то, ненарокомъ и прихватило руку крышкой...

— Лихо! проговорилъ Люцкой.

— Нешто баринъ знакомый? вступился хозяинъ.

— Эна? подхватилъ Волжанка:—чуть ли не сродни еще... забылъ, какъ васъ звать-то...

— Юрій Васильевичъ, ввернулъ Люцкой.

— Да, да, да... Прощайте-ко, господа, не взыщите: таковъ уродился... Сколько ни говорить, а видно одинъ конецъ.

— Погоди, посиди, съ наслажденіемъ произнесъ Люцкой, поглядывая то на него, то на товарища:—покалякаемъ еще, куда спѣшить?

Волжанка крякнулъ, присѣлъ на кончикъ стула и налилъ себѣ еще чарку.

— Для куражу позволите, ваше благородіе? отнесся онъ къ Люцкому: — а то больно ужъ не въ моготу мнѣ ученую бесѣду вести!

— Катай на здоровье. Ну, какъ же, господа: кулика спрыснуть надо; порядокъ извѣстный: кто въ яхтажъ положилъ, тотъ и на столъ выставитъ...

— Да двое убили, отозвался одинъ охотникъ.

— Стрѣляли оба разомъ, горячо вступился другой:—стали рѣшать по жребію, кто попалъ; бросали-бросали патроны, штукъ по пяти раз-

били, да штуки три потеряли... такъ и не рѣшили.

— Да, покажьте, господа, что за птица такая, подошелъ Волжанка:—сколько хлопотъ надѣлала...

Одинъ изъ охотниковъ полѣзъ въ яхтажъ и досталъ крошечную пѣгую птичку, свернутую въ комочекъ и разбитую въ дребезги.

— Ну, этотъ куликъ невеликъ, отрѣзалъ Волжанка:—понашему: плиска; по просту, безъ затѣй: трясогузка... А вы вотъ что, господа, пойдемте-ка за деревню, я вамъ фуражку поставлю: идетъ на рубль объ закладъ, что не попадете?.. Идетъ что ли? съ жаромъ прибавилъ онъ.

— Идетъ! вызвался охотникъ помоложе.

— Погодите, успѣемъ, остановилъ Люцкой:—аль ужъ отпустить, Волжанка? Наживай рубль...

— Сейчасъ вернемся, духомъ не попахнетъ рублевика, сказалъ Волжанка:—товарищъ, пойдемъ, ты намъ шаги отсчитаешь; на 40 шаговъ чуръ...

Онъ, не спѣша, расплатился съ хозяиномъ и, толкнувъ товарища, двинулся къ двери.

— Балагуръ Волжанка! сказалъ хозяинъ, покачивая головой.

— Балагуръ и есть, отозвался Волжанка:— самъ люблю покуражиться и другимъ не мѣшаю; сведетъ Богъ, сочтемся... Онъ брался за щеколду, какъ вдругъ подъ окнами что-то загудѣло, зашумѣло,—и прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ выглянуть, поднялся такой гвалтъ, что хозяинъ подумалъ: деревня горитъ, и кинулся опрометью вонъ... Къ харчевнѣ подвалила толпа мужиковъ, сильно размахивая руками и гомоня на чемъ свѣтъ стоитъ... Волжанка слегка поблѣднѣлъ и остался у двери... Охотники выскочили на крылечко и съ немалымъ удивленіемъ узнали въ разъяренной толпѣ Звѣздочкина, всего оборваннаго и ощипаннаго, словно какая-нибудь дичь, готовая на вертелъ.

Долго нельзя было ничего понять; наконецъ объяснилось: дѣло въ томъ, что молодой чиновникъ шелъ себѣ да шелъ болотомъ и вышелъ почти у самой деревни къ длинному озерку «свѣтлому что зеркальце, какъ онъ самъ объяснялъ своимъ гонителямъ;—вижу: сидятъ утки; подошелъ поближе, утки на бѣду и полети; я и ударилъ; одна и закувыркайся; вся деревня сбѣжалась... Ну... и того... утки-то русскія».

Дѣло тотчасъ же уладилось магическимъ словомъ *полведра*, но когда охотники вернулись

съ толпой въ харчевню, Волжанки съ товарищемъ и слѣдъ простылъ.

Усталая, измученная, возвращалась компанія подъ вечеръ; низкое, яркое солнце обдавало поле и рощу и пестрозолотистую зелень огородовъ осеннимъ колоритомъ; Звѣздочкинъ шелъ съ Люцкимъ и просилъ у него позволенія придти къ нему.

— Это зачѣмъ? нехотя отозвался тотъ.

— Да что, конфузливо говорилъ Звѣздочкинъ:—я цѣлый день продумалъ о вашихъ словахъ; я совершенно сознаю теперь, какъ двусмысленно мое положеніе въ этомъ домѣ... Будьте такъ добры, посовѣтуйте что-нибудь... Я вотъ задумываю теперь драму...

— Только уговоръ лучше денегъ, опять перебилъ Люцкой:—пойдете въ мою школу, послѣ не пенять!

— Нѣтъ, увѣряю васъ!

— Приходите, небрежно сказалъ Люцкой.— А что, господа, еслибъ намъ на охотѣ попался какой-нибудь воръ, грабитель или убійца? обратился онъ къ прочимъ съ чѣмъ-то въ родѣ гипотезы.

— Вшестеромъ-то? успокоительно отозвался Звѣздочкинъ.

— Разумѣется арестовали бы, сказалъ другой охотникъ.

— А я насмотрѣлся бы на него досыта, сказалъ Люцкой,—да и отпустилъ бы на всѣ четыре стороны.

И не кивнувъ никому головой, онъ повернулъ отъ заставы въ сторону и скоро ушелъ изъ виду.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Какъ иногда дорого стоитъ переѣздъ на новоселье.

«Въ ночь на *** августа, въ домѣ купца Самострѣлова (слѣдовалъ адресъ) произведено воровство съ убійствомъ. По прибытіи на мѣсто, при освидѣтельствованіи, Самострѣловъ найденъ на полу своей комнаты въ полумертвомъ состояніи съ прошибенной въ нѣсколькихъ мѣстахъ головой?..»

Мезенскаго покоробило, и онъ перескочилъ глазами нѣсколько строкъ газеты...

«...допроса свидѣтелей выяснилось, что жена Самострѣлова и племянница его были связаны по рукамъ и по ногамъ, съ платками во

рту; а сундукъ, въ которомъ хранились деньги и документы, взломанъ и пустъ. Похитители, какъ оказалось по изысканію, влѣзли по желобу на крышу и, прикрѣпивъ веревку къ слуховому окну, спустились къ окну втораго этажа, гдѣ, вырѣзавъ стекло изъ оконной рамы, проникли въ домъ. Но кто они такіе, не открыто; а подозрѣніе заявлено на мѣщанина Терентія Зотова Кружалова, въ ту же ночь неизвѣстно куда скрывшагося. Къ розыску похитителей и похищеннаго приняты мѣры, а о происшествіи предписано произвести слѣдствіе».

Фамилія Самострѣловыхъ еще разъ бросилась Мезенскому въ глаза, и онъ прочелъ далѣе черезъ нѣсколько столбцевъ: «Родственники Савостьяна Силыча Самострѣлова, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ, послѣдовавшей сего *** августа, покорнѣйше просятъ знакомыхъ пожаловать на выносъ и отпѣваніе тѣла сего *** августа въ приходскую церковь, а погребеніе имѣетъ быть въ *** монастырѣ».

Все это прошло въ головѣ Мезенскаго какою-то пестрой, пожалуй важной процессіей но не возбудило никакихъ чувствъ и не оставило ничего, кромѣ образа Любы, связанной,

лишенной возможности позвать на помощь. Сколько времени длилось это? какъ на нее подѣйствовало?

Онъ разомъ чувствовалъ себя: — *здѣсь* въ покойномъ креслѣ павильона, и *тамъ* въ темномъ залѣ разграбленнаго дома надъ рѣкой; ему почудилось, что *тамъ* его больше, нежели здѣсь,—и ясно, и до боли осязательно стало ему, что не простое любопытство, не минутное участіе тянетъ его къ этой дѣвушкѣ.

Съ 9-ти часовъ утра у приходской церкви, длинной, красно-розовой церкви съ бѣлыми колоннами, стояла толпа народу; каждый проходившій по улицѣ, будто повинуясь закону частичнаго притяженія, непремѣнно заходилъ на паперть, сливался на время съ толпой и, освѣдомившись о чемъ надлежало, смотря по личнымъ свойствамъ, или оставался въ сплоченіи съ массой, или отрывался и шелъ по своему дѣлу. Нищіе стояли по стѣнамъ притвора въ состояніи прилипанія къ выцвѣтавшимъ фрескамъ страшнаго суда, изрѣдка справляясь въ стеклянныя двери, скоро ли отойдетъ? На крестѣ невысокой, красно-розовой же колокольни съ бѣлыми кирпичиками по угламъ, сидѣлъ воронъ, повѣся клювъ и задумчиво глядя на груды линеекъ и прочихъ эки-

пажей, окруженныя толпою факельщиковъ въ печальныхъ мантіяхъ и широкополыхъ грибовидныхъ шляпахъ. Если этотъ ни съ чѣмъ несообразный нарядъ предназначался для выраженія скорби, то тѣмъ страннѣе выглядывали изъ-подъ шляпъ тупо-солдатскія физіономіи, поплевывая на факелъ и размѣшивая палочкой. Костюмы лошадей заставляли предполагать, что портной, у котораго онѣ одѣвались, или подгулялъ, или перемѣшалъ снятыя мѣрки: у одной платье страшно объузилъ, а у другой пустилъ такъ широко, что въ дыру, прорѣзанную для глазъ, вылѣзло и ухо, и лошадь была вся въ складкахъ, будто въ шинели. Наконецъ послышались давно ожидаемые удары молотка, заколачивающіе крышку, и все заволновалось. Шнырявшій въ толпѣ Retiré de service, отставной гусаръ, успѣлъ сдѣлать геніальное изобрѣтеніе, какъ извлекать возможную пользу изъ мертваго тѣла. Когда несшіе гробъ показались въ дверяхъ, онъ кинулся расталкивать сплотившіяся частицы массы, громко требуя: Дорогу! дорогу! Дайте пройдти его степенству!.. и усердно помогалъ его степенству взобраться подъ балдахинъ.

Во всякомъ случаѣ труды его не пропали даромъ: старанія замѣчены родственниками

покойнаго, и самъ онъ приглашенъ на поминовеніе.

Впереди всѣхъ поѣхалъ возъ можжевельнику, и субъектъ, управлявшій имъ, такъ добросовѣстно посыпалъ этимъ продуктомъ, какъ будто это значительно улучшало мостовую. За нимъ открыли шествіе факельщики попарно, вѣроятно потому, что вдвоемъ не такъ страшно самихъ себя. Слѣдомъ шла та веселая корпорація, что такъ звонко поетъ на всѣхъ казусахъ и катастрофахъ остальнаго человѣчества; у нея вѣчно подвязаны щеки, но это не мѣшаетъ ей пробѣгать дистанціи огромнаго размѣра съ непокрытою головой. Двинулась и колесница, съ самаго дня изобрѣтенія своего не взявшая ни одного приза на ристалищѣ, отчасти потому можетъ быть, что, ѣздя на ней разъ во всю жизнь, желаютъ не спѣша и вполнѣ насладиться этимъ удовольствіемъ. Наконецъ потянулись кареты съ поднятыми стеклами, въ которыя выглядывали красные глаза въ чепцахъ съ черною оторочкою; потомъ прочіе экипажи по чинамъ; шествіе замыкалось линейками, которыя улицы черезъ двѣ стали гораздо полнѣе, чѣмъ отправляясь съ мѣста. Дали значительный крюкъ, чтобы проѣхать мимо городскаго, новаго дома. Во время этой

остановки подошелъ какой-то сидѣлецъ, и, справясь, куда везутъ покойника, немного подумалъ; потомъ, какъ бы рѣшась отдать послѣдній долгъ, не взирая на разстояніе, сѣлъ въ линейку и завелъ разговоръ съ отставнымъ гусаромъ о свойствахъ и качествахъ отшедшаго въ вѣчность. Тотъ принялся съ жаромъ выхвалять ихъ.

— Что говорить, отличный человѣкъ былъ, сказалъ тутъ же сидѣвшій дьячекъ:—превосходный человѣкъ! ну, да и ждали же долго!

Сидѣлецъ слушалъ всю дорогу, поддакивая и тяжело вздыхая; у заставы соскочилъ съ линейки, купилъ себѣ сайку и пошелъ совершенно въ другую сторону.

Борисъ между тѣмъ давно уже тревожно бродилъ на монастырскомъ кладбищѣ, вокругъ памятниковъ многочисленнаго рода Самострѣловыхъ. Всѣ изъ чернаго гранита, унизанные приличными надписями, начиная отъ родоначальника Силы и кончая внуками его, они стояли безмолвнымъ хороводомъ вокругъ свѣжей могилы. Флюгера на ржавыхъ спицахъ монастырскихъ башенъ скрипѣли и визжали, поворачиваясь по вѣтру; а желтѣвшія вѣтви кустовъ трепетали словно въ страхѣ невѣдомой будущности тѣхъ, надъ кѣмъ они вырос-

ли. Но вотъ поѣздъ показался въ воротахъ, и какъ-то глухо раздался въ оградѣ напѣвъ веселой корпораціи; неутѣшные родственники окружили гробъ и понесли его, чередуясь, до могилы. Люба шла за нимъ, растерянная, словно чужая въ толпѣ. Въ страшномъ забытьи остановилась она на краю песчаныхъ бугровъ, прислонясь къ ближайшему памятнику, опустивъ голову и вздрагивая лицомъ и грудью отъ короткихъ рыданій...

— Не плачьте такъ, не плачьте же, поберегите себя, пробѣжало въ ея ушахъ знакомымъ голосомъ, съ неслыханнымъ еще оттѣнкомъ почти равносильной горести.

Она медленно обернулась и строго поглядѣла черезъ плечо. По ту сторону памятника, наклонилось надъ ней блѣдное, взволнованное лицо и тотчасъ исчезло въ туманѣ, застлавшемъ ей глаза... Грудь ея заколебалась отъ сильнѣйшихъ рыданій, которыя она силилась подавить и сдержать...

— Нѣтъ, ужъ лучше дайте имъ волю, выплачьте ихъ, кричите лучше... мнѣ страшно за васъ... шепталъ Борисъ.

— Жалко дяденьку, едва проговорила она.

— Что дѣлать... общій удѣлъ... вѣдь вы

знаете, проговорилъ Мезенскій, чувствуя, что всѣ слова будутъ лишними.

— Что же я знаю? проговорила Люба: — что я въ книжкахъ читала, да вотъ еще мимо оконъ какихъ-то покойниковъ носили... А это вѣдь свои, дóма начали умирать!

Родственники такъ усердно кидали пригоршни земли на гробъ, какъ будто надѣялись обойдтись безъ могильщика и хоть этой экономіей наверстать убытки отъ погребенія. Но могильщикъ, болѣе знакомый съ теоріей сбереженія времени, гораздо скорѣе управился лопатой. Люба бросила свою щепотку и оглянулась. Борисъ подвинулся впередъ и бросилъ свою.

— Онъ былъ мнѣ замѣсто отца роднаго, сказала Люба:—теперь мы съ тетенькой однѣ остались... Никто, никто насъ такъ не любилъ и не полюбитъ... Некому и защитить насъ.

— Можетъ быть не мѣсто и не время говорить объ этомъ, началъ Борисъ, перебивая ее,—а можетъ быть это и есть настоящее время и мѣсто... Если вамъ нужна будетъ защита, прошу васъ вспомните обо мнѣ,—я не откажу вамъ, я никогда не оставлю васъ...

Онъ подалъ ей свою карточку, поклонился и замѣшался въ толпу. Она, закрывая глаза

платкомъ, спрятала ее въ карманъ. Родственниковъ осадили нищіе, подбѣгая со всѣхъ сторонъ и подставляя руки, выгнутыя ложкой, словно прося благословенія, но сами мало благословляли, а больше ругались съ своими благодѣтелями, высчитывая незначительность подачи. Наконецъ мало-по-малу всѣ размѣстились по экипажамъ и во всю прыть понеслись на поминки, какъ будто боясь, чтобы покойникъ въ числѣ прочихъ доказательствъ нѣжныхъ родственныхъ чувствъ не потребовалъ отъ нихъ сдѣлать ему компанію. И когда кладбище опустѣло, свѣжая насыпь такъ-то странно и рѣзко выдѣлилась въ кружкѣ прочихъ памятниковъ, посреди глубочайшей тишины, прерываемой только однообразнымъ поскрипываньемъ флюгеровъ, да отрывистымъ карканьемъ шумно пролетавшаго ворона. Одинъ экипажъ долго не выѣзжалъ изъ ограды, и долго еще стоялъ надъ могилой, прислонившись къ одному изъ памятниковъ, молодой человѣкъ въ глубокой, серьезной думѣ. Но и онъ думалъ не о мертвомъ, а объ живой...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О томъ, сколько хлопотъ надѣлала кончина капиталиста, и какъ вмѣсто единственной наслѣдницы явилось нѣсколько наслѣдниковъ.

Самимъ поминающимъ, по рѣдкости этихъ случаевъ и значительнымъ промежуткамъ времени между ними, не приходитъ въ голову, какъ однообразны похоронныя тризны. Но безпристрастный статистикъ, соображая громадное количество поминокъ въ теченіе года, поражается тѣмъ фактомъ, что въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ подобныхъ оказій нѣтъ ни одной, въ которой покойника помянули бы чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ блиновъ съ икрой, рыжаго желе, рябчиковъ, пуддинга и бѣлаго киселя. И когда всѣ эти припасы съ прибавленіемъ вина и елея перейдутъ въ утробу гостей, вѣроятно увеличивающуюся въ объемѣ ради торжества, и поверхъ всего неизбѣжно поливаются пивомъ и чаемъ, то статистику остается только развесть руками отъ удивленія, какимъ образомъ послѣ тризны не вырабатывается еще нѣсколько покойниковъ.

Какъ бы то ни было, и въ новомъ домѣ все обошлось благополучно. Гости мало-по-малу разъѣхались; офиціанты убрали изъ залы глаголи столовъ; ближайшіе родственники окружали сироту, сидѣвшую въ гостиной на диванѣ рядомъ съ вдовой Маврой Савишной. Всѣ они доказывали весьма наглядно, что спиртъ внутри человѣка превращается нетолько въ воду, выступавшую изъ глазъ, но и въ масло, и въ краску, покрывавшія ихъ физіономіи.

Подлѣ старухи на креслѣ помѣщался пожилой купецъ, оптовый чайный торговецъ Кожевинъ, и, положивъ локти на столъ, глядѣлъ на вдову, стараясь придать прилично-грустное выраженіе лицу. При всей похвальности намѣренія видно было, что исполненіе его выше средствъ, состоявшихъ въ томъ, что Иванъ Панкратьичъ собралъ кверху всѣ морщины на узенькомъ лбѣ, выпучилъ на скатерть оловянные глаза и согнулъ губы книзу въ видѣ слуховаго окна, сквозь которыя слышались звуки паровика. Племянникъ Самострѣловой, въ необыкновенно модномъ костюмѣ, то и дѣло подносилъ платокъ къ сухимъ глазамъ, пользуясь удобнымъ случаемъ вытирать маслившуюся физіономію; но какъ масло не переставало выступать, то присутствующіе могли видѣть, какъ

онъ огорченъ потерею. Нѣсколько старухъ въ чепцахъ и траурныхъ платьяхъ на одну мѣрку довершали картину. Одна изъ нихъ все увивалась около Любы.

— Что, маточка, что ты кручинишься-то, заговорила она вкрадчивымъ голоскомъ:—кому горюшко, а тебѣ счастье Богъ послалъ; шутка ли какой капиталъ достается!

Молодой .Самострѣловъ поглядѣлъ на старуху строгимъ взглядомъ и кашлянулъ; потомъ поглядѣлъ на Кожевина и опять кашлянулъ.

— Я такъ полагаю, сударыня, сухо замѣтилъ онъ наконецъ,—что теперича объ этомъ и думать не слѣдъ.

— Правда твоя, Гришенька, правда, сказала Мавра Савишна, сквозь слезы:—не успѣли похоронить покойника, а ужъ о деньгахъ думаете...

— Нѣтъ-съ, я это не къ тому, тетенька, еще суше возразилъ Самострѣловъ: — а какъ то-есть Любушкѣ этого самаго капиталу и понюхать не достанется, такъ по-моему лучше этотъ разговоръ и отставить...

Тутъ ужъ всѣ поглядѣли на Гришеньку, и даже Кожевинъ привелъ черты лица въ нормальное положеніе.

— Ты какъ же полагаешь? обратился онъ

къ племяннику, для чего-то развернувъ всѣ пальцы лѣвой руки.

— А я теперича такъ полагаю, что вы хоть глядите на меня, хоть нѣтъ, а я всему капиталу законный наслѣдникъ есть...

— Что ты? что ты! заговорила Мавра Савишна: — попомни Бога-то...

— Бога мы, тетенька, завсегда помнимъ-съ, отозвался наслѣдникъ:—а какъ значитъ послѣ дяденьки духовной не осталось, такъ и они сами въ этомъ дѣлѣ ничего не подѣлаютъ... А какъ въ палатѣ рѣшатъ, такъ и будетъ... И, вставъ съ мѣста, взялъ свою шляпу, собираясь прекратить утѣшеніе вдовы и сироты, которыя такъ и остолбенѣли.

— Погоди, постой, сказалъ Кожевинъ: — прежде отца въ петлю не суйся... И я же наслѣдникъ, коли на то пошло!.. Для подтвержденія онъ ударилъ кулакомъ по столу такъ неожиданно, что старухи повскакали съ мѣста. — Такъ, ай нѣтъ? прибавилъ Кожевинъ, глядя на племянника и ожидая благодарности за поддержку.

— Это мы, дяденька, тоже увидимъ-съ, на какихъ то-есть правахъ вы къ намъ подъѣдете, сказалъ неисправимый наслѣдникъ:—мое почтеніе, тетенька! мое почтеніе, сестрица!

И вышелъ изъ комнаты мелкою ярославскою походкой половаго.

— И увидишь, какъ подъѣдемъ, задумчиво проговорилъ Кожевинъ, собираясь вслѣдъ за нимъ и даже ни съ кѣмъ не прощаясь.

— Что-жъ это они, безбожники! спохватилась Мавра Савишна:—никакъ судъ затѣвать хотятъ?! И въ невыразимомъ удивленіи прошлась глазами по всѣмъ чепцамъ; тѣ только покачивались.

— Мы еще поглубже копнемъ, говорилъ Кожевинъ, отыскавъ наконецъ картузъ: — мы еще доберемся, на какія деньги домъ-то этотъ строенъ...

— Ну, ужъ это дудки! вспылила тетушка:— этого я не позволю... Кабы это покойникъ да видѣлъ!.. Ну, тотъ молокососъ, а ты-то куда— сѣдыхъ волосъ-то постыдился бы...

Кожевинъ покрылъ сѣдые волосы картузомъ и вышелъ, никому не кланяясь. Старухи тоже закопошились, не безъ препятствія пожиная свои платки, кацавейки и прочій скарбъ, сваленный въ кучу въ углу...

— А вы куда-жъ? расходилась Мавра Савишна съ внезапною энергіей:—видно почуяли, откуда жаренымъ-то пахнетъ, туда и наровите... Ну, не взыщите на угощеніи, больше

отъ меня поживы не будетъ... Собирайся, Любочка, поѣдемъ домой...

— Куда домой, тетенька? Назадъ? Низачто! низачто! заговорила Люба, обнимая тетку; — тетенька, голубушка, останемся здѣсь; я тамъ ни минуточки не засну, опостылѣло все тамъ, все будетъ казаться... что тамъ... какъ-то...

Люба не умѣла сказать, что̀ ей будетъ казаться, и только увѣряла тетку, что ей ничуть не страшно бы остаться тамъ, только она измучается. Тетка тоже непрочь была исполнить ея желаніе, тѣмъ болѣе, что прислуги въ домѣ было довольно. Сговорились послать карету за Бармовой и пригласить ее погостить на первое время сѣтованій. Люба тотчасъ написала ей слѣдующее посланіе:

«Душечка, Annette, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе. У насъ такое горе, а всѣ перебѣсились; точно дяденька взялъ съ собою въ могилу все былое, все точно рухнуло, и даже вспоминать не хочется ничего такого, что уже прошло».

«Твоя Люба».

Бармова явилась съ полною готовностію утѣшать, еще больше обрадовалась, увидавъ новый домъ и его громадныя залы, и начала

даже съ маленькою хитринкой ухаживать за пансіонскою подругой.

Мавра Савишна какъ-то легко вздохнула, взявшись трижды за печку, и вообще прислуга замѣтила, что она стала погромче отдавать приказанія. Такимъ образомъ, первая ночь въ новомъ домѣ обошлась безъ дальнѣйшихъ происшествій.

На другой день капитальная новость: Самострѣловъ и Кожевинъ подали прошенія, въ которыхъ просятъ признать ихъ наслѣдниками, а до рѣшенія спора наложить опеку на имѣніе.

Бармовъ, за которымъ посылаютъ по совѣту сестры, къ общей радости берется изъ-подъ руки вести дѣло, пишетъ прошеніе о вводѣ во владѣніе Любови Ясеневой и назначеніи надъ нею опекуншей тетки ея, Мавры Самострѣловой.

У женщинъ весь день проходитъ въ толкахъ о томъ, кому поручить главное управленіе гостинницей; прежній прикащикъ безъ самого хозяина ненадеженъ; требуется вѣрнаго человѣка; само собой разумѣется—Еремѣича, больше некого. Еремѣичъ, хоть и самъ въ горѣ, однако цѣлуетъ ручки своимъ благодѣтельницамъ, клянется служить вѣрой и правдой, и тутъ же,

въ подтвержденіе клятвы, проклинаетъ своего безпутнаго сына. Такимъ образомъ обѣ женщины, не смотря на живое горе, хлопочутъ, выслушиваютъ совѣты, прикладываютъ руки, насильно вовлеченныя въ процессъ, который требуетъ безпрестанныхъ совѣщаній между ходатаемъ и вѣрительницами, и знакомство ихъ ежедневно упрочивается, къ неописанному удовольствію двухъ подругъ. Онѣ цѣлый день гуляютъ подъ-руку по громаднымъ, богато меблированнымъ покоямъ и въ саду.

Борисъ между тѣмъ отправляетъ на имя m-me Mezensky, Suisse, Canton de ** Chateau de ***, длинное письмо, въ которомъ пишетъ, что начинаетъ тяготиться одиночествомъ настоящей его жизни; что есть одна очень милая особа, которая подаетъ весьма основательныя надежды освободить его отъ этого бремени, и что онъ желалъ бы имѣть возможность представить ее тѣмъ, кто такъ дорогъ его сердцу.

Итакъ, дѣла идутъ своимъ чередомъ; налагается опека на все, кромѣ дома купчихи Самострѣловой, такъ какъ Иванъ Панкратьевичъ сознаетъ, что всякое лыко, сорвавшееся съ горяча, нельзя писать въ строку. Вслѣдствіе этого, въ домѣ также все идетъ своимъ чередомъ. Всѣ мало-по-малу привыкаютъ къ

нему, и даже до такой степени, что черезъ девять дней совершается еще попытка сдѣлать нѣсколько покойниковъ посредствомъ тѣхъ же химическихъ смѣсей съ бѣлымъ киселемъ, и также точно не удается, хотя Кожевинъ и Самострѣловъ за столомъ держатъ себя безгласно и бездыханно. Черезъ три недѣли Люба уже начинаетъ изрѣдка вынимать изъ глубины своего коммода щеголеватую карточку: *Борисъ Павловичъ Мезенскій*, потихоньку отъ тетеньки, чтобы не огорчить ее; а сама стыдливо признается себѣ, что дяденьки уже не вернешь, о свадьбѣ съ княземъ и помину нѣтъ: *дѣло* разошлось, а Борисъ Павловичъ вѣдь не на томъ свѣтѣ, чтобы ужъ такъ взять, да и забельшиться совсѣмъ. И поэтому не безъ тайной радости видитъ его, въ одно престоненастное утро, проѣзжающаго подъ окнами новаго дома въ открытой коляскѣ; это повторяется нѣсколько дней кряду, и всякій разъ когда взглядъ его, брошенный съ улицы вверхъ, словно свѣтлый лучь, пронизавъ двойныя рамы и каріе глазки, углубится и канетъ въ ея сердце, Люба отходитъ отъ окна довольная, успокоенная на цѣлый день. По той же причинѣ, когда Бармовъ сообщаетъ Маврѣ Савишнѣ, что процессъ по всему вѣроятію не минуетъ сената, такъ не

худо бы познакомиться съ нѣкіимъ Борисомъ Павловичемъ, у котораго дядя сенаторъ, — и когда тетушка изъявляетъ полную готовность принять именитаго гостя, какъ только истекутъ законныя шесть недѣль, — Люба чаще и чаще подходитъ къ зеркаламъ и украдкой откалываетъ простыни, которыми они завѣшены, вѣроятно изъ одного любопытства, желая знать, насколько измѣнило ее недавнее горе. «Вотъ еще разъ, думаетъ она, послѣдній разъ поѣдимъ киселя,—и тогда можно будетъ»!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Нѣкоторыя удобства и неудобства купеческаго быта.

Пришелъ день, дотянулся часъ, доползла минута появленія желаннаго гостя. Въ гостиной, въ самомъ центрѣ штофнаго дивана сидѣла Мавра Савишна въ шелковомъ траурѣ, необыкновенно выпрямившись, точно это ей помогало въ затруднительныхъ обстоятельствахъ пріема. Когда Бармовъ отрекомендовалъ ей Бориса, она указала ему на кресло возлѣ себя и такъ безцвѣтно проговорила «про-

шу покорно», что это можно было понять и въ переносномъ смыслѣ, то-есть за удивленье необыкновенно страннымъ имени, отечеству и фамиліи гостя.

Настала минута напряженнаго молчанія; каждый порывался что-то сказать и, замѣчая то же поползновеніе на лицѣ ближайшаго сосѣда, уступалъ ему право первенства, отчего никто имъ и не пользовался. Люба съ Анетой шушукались на другомъ концѣ комнаты, поглядывая на всѣхъ, и вдругъ расхохотались. Тетенька съ укоризной поглядѣла на проказницъ, а Люба выдала сама себя, храбро замѣтивъ, что «мы, тетенька, ничего, мы такъ, про себя, сами съ собою»...

— Родители здѣсь у васъ есть? обратилась тетенька къ Борису въ этихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ.

— Нѣтъ, коротко отвѣтилъ Борисъ, видя, что тетушка избираетъ самую неудобную для него тему разговора.

— Помрѐши? спросила тетушка съ такимъ сокрушеннымъ видомъ, какъ будто они были ея собственные.

— Отецъ умеръ, а мать заграницей, сказалъ Борисъ, пытаясь еще разъ отдѣлаться категорическимъ отвѣтомъ.

Но тетушка рѣшилась не выпускать спасительной нити, какъ только почувствовала, что въ тѣни родословнаго дерева уютно и крѣпко сидится.

— Вы единственный сынокъ, или еще кто есть?

— Съ маменькой сестра, но я почти не знаю ея... то-есть помню еще дѣвочкой, сказалъ Борисъ съ отчаянной попыткой, но это еще болѣе запутало дѣло.

— Давно ли же матушка ваша изволила уѣхать?

— Двѣнадцать лѣтъ, я былъ еще студентомъ.

— Значитъ, и батюшки своего не помните? соболѣзновала старуха.

— Нѣтъ, отецъ умеръ десять лѣтъ тому назадъ; онъ служилъ на Кавказѣ, но иногда прiѣзжалъ къ себѣ въ деревню, я какъ сейчасъ его вижу...

Тетушка изобразила на лицѣ крайнее удивленiе, а Борисъ, видя, что надо во что бы то ни стало покончить и съ батюшкой, и съ матушкой, объяснилъ эту разлуку слабымъ здоровьемъ своей матери, которой необходимъ теплый климатъ чужихъ краевъ.

Появленiе чая положило перерѣзъ разговора, но не надолго.

— Большое у васъ имѣніе? спросила тетушка, подчуя гостя вареньемъ.

Борисъ взглянувъ на крыжовникъ и вишни, подумалъ, что именно этимъ фруктамъ обязанъ новымъ направленіемъ разговора, поблагодарилъ то и другое своимъ вниманіемъ и кратко отвѣтилъ: —Наши помѣстья въ трехъ уѣздахъ, все заводы, — впрочемъ, и земли за сто тысячъ десятинъ.

— Вы, значитъ, и тамъ и въ Москвѣ жительство имѣете?

— И тамъ... и въ Москвѣ...

Борисъ опять началъ падать духомъ, завидѣвъ на горизонтѣ родословное дерево.

Но при этомъ тетушка, истощивъ обѣ темы, родство и имущество, принялась за угощеніе.

— Тетушка, мы въ садъ пойдемъ, не вытерпѣла Люба, вставая и забывъ, что прежде никогда не спрашивала позволенія.

— Что-жъ, подите и гостя съ собой возьмите, а мы о дѣлѣ потолкуемъ. Ему съ вами веселѣй будетъ...

Люба шла черезъ дворъ, потупясь и взглядывая на Бориса такъ, какъ будто въ первый разъ отъ роду видитъ его. Садъ былъ настоящій купеческій, замоскворѣцкій, на цѣлую десятину, съ зеленою рѣшеткою, утыканною по-

верху гвоздями — острота предковъ, не достигающая, впрочемъ, своей цѣли: гвозди гвоздями, а кража яблоковъ и грушъ сама по себѣ, и то и другое очень мирно уживалось подобно многимъ явленіямъ старины. По какому-то неизбѣжному закону садовъ, и тутъ главную роль играли вездѣсущія и нераздѣльныя акація, сирень и бузина съ красными гроздьями; рѣзко зеленѣли новыя качели, точно и онѣ выросли тутъ совершенно естественнымъ процессомъ. Это такъ напомнило Борису дѣтство, деревню, что онъ тотчасъ же схватился за веревки.

— Анюта, садись, душечка, мы тебя покачаемъ, обрадовалась Люба.

— Я боюсь, говорила Анета, и почему-то полагая, что на Борисовой сторонѣ будетъ безопаснѣе, сѣла къ нему и взялась за веревки.

Доска стала раскачиваться, размахи становились шире и шире, достигая тѣхъ размѣровъ, когда сердце начинаетъ замирать, если прекратить раскачиванье. Борисъ и Люба не спускали глазъ другъ съ дружки, поочередно присѣдая. Когда Мезенскій поднимался вверхъ, изъ-за плеча Любы тоже поднимался блѣдный мѣсяцъ, на свѣтломъ небѣ сумерекъ; опускается Мезенскій—и мѣсяцъ уходитъ за ея спину. Люба

расхохоталась и кричала, что ея визави, m-lle Mezensky, отлично дѣлаетъ книксенъ.

— Люба, душечка, будетъ, у меня голова кружится, заговорила Анета, кокетливо прижимаясь къ Борису.

— Не слушайте ея, трусиху! кричала Люба, раскраснѣвшись отъ удовольствія,—шибче! шибче!

Доска становилась почти вертикально, но во всякой опасности для русскаго человѣка есть что-то чарующее.

— Шибче! расходилась Люба,—съ градомъ чтобы...

Борисъ, однако, сжалился надъ Бармовой, которая начала трусить непритворно, и пріостановился. Тутъ началась томительная щекотка сердца при спускахъ, которая составляетъ всю прелесть качанья. Но для Бориса на этотъ разъ она еще усиливалась тѣмъ, что поднимаясь вверхъ, онъ видѣлъ, какъ у Любы опускались рѣсницы и улыбка, и ему становилось еще жутче.

— Будетъ, Люба! сказала Бармова, соскочивъ на-земь, когда доска немного поугомонилась.

— Ну, давайте въ гулючки, предложила та, поправляя растрепавшіяся косицы и забрасы-

вая ихъ обѣими руками за уши, — въ гулючки!.. Мы схоронимся, а онъ пускай насъ ищетъ... Только чуръ не подсматривать; стойте такъ! и схвативъ его за плечи, она разомъ повернула его налѣво-кругомъ, лицомъ къ калиткѣ. По забору осторожно, лапка за лапкой, пробирался молодой пестрый котъ, въ которомъ Мезенскій тотчасъ узналъ стараго знакомаго: — это котенокъ успѣлъ вырости. Черезъ минуту гдѣ-то далеко въ саду послышалось тихое: ау-у!

Борисъ, посмѣиваясь и жмурясь отъ рябившей въ глазахъ желтой и серебристой листвы, рѣдко разсѣянной по дорожкамъ, пошелъ по свѣжимъ слѣдамъ на сыроватомъ пескѣ, о предательствѣ которыхъ проказницы и не подозрѣвали.

— Нѣтъ, это не *наша* ножка, соображалъ онъ, глядя въ землю: — очень ужъ мизерна и слабо отпечатана; а вотъ *эта* наша, настоящая, и дала себя почувствовать какъ слѣдуетъ...

Оставивъ въ сторонѣ куртину, въ которой просвѣчивало голубое платье, онъ пошелъ дальше по второму слѣду и перебрался по мостику черезъ ручей; тутъ возлѣ одного изъ кустовъ произошла остановка бѣглянки, колебаніе насчетъ выбора убѣжища, отчего на пескѣ вышло нѣчто въ родѣ заячьей сметки, а потомъ

слѣдъ опять потянулся на вершину искуственнаго холмика и затѣмъ исчезъ въ бесѣдкѣ акацій. Мезенскій взошелъ въ нее—тамъ изъ самаго частаго куста, низко-низко надъ землей, на него глядѣли два плутовскіе глаза со вздернутыми бровями, подбородокъ упирался на кисть руки, а указательный пальчикъ покоился на губахъ.

— Попались! проговорилъ Борисъ, поднимая ее за руки съ земли.

— Ну что это—какой востроглазый! сказала Люба, надувъ губки, точно это было и не-вѣсть какъ непріятно ей.—Ахъ, да! Вы пожалуйста не заключайте, что я звала васъ тогда, помните? Я не воображала, и не знала совсѣмъ, гдѣ вы... Она покраснѣла, потомъ разсердилась, что покраснѣла, потомъ сконфузилась, что разсердилась, и проговорила въ отчаяніи, топнувъ ножкой:—Это вы всему затѣйникъ—и въ окошко смотритъ, и Богу не даетъ молиться, и даже сюда пріѣхалъ! добавила она, разсмѣявшись.

— Хотите—удалюсь въ добровольное изгнаніе? спросилъ онъ съ такимъ же задушевнымъ смѣхомъ.

Она въ ту же секунду стала серьозною.

— А что вы мнѣ обѣщали... тамъ... (у ней

*

вдругъ выступили слезы на глазахъ) когда хоронили дядю?

— Люба!.. вырвалось у Бориса,—простите. я забываюсь...

— Люба, Люба, утвердительно кивнула она,— ну что же?

— Вѣрьте, что вамъ стоитъ только приказать, все что хотите...

Она подумала, пристально и пытливо глядя изподлобья...

— Хорошо, отвѣчайте мнѣ: зачѣмъ вашъ отецъ былъ на Кавказѣ, а маменька заграницей? зачѣмъ? Вы думаете, что я не слышала...

Мезенскій поглядѣлъ въ садъ, разстилавшійся у нихъ подъ ногами; въ ярко-желтыхъ липахъ рѣзко выступала свѣжая зелень тополя, и на широкой шапкѣ его низкое солнце отбросило тѣнь обоихъ молодыхъ людей. Тутъ Бармова показалась на тропинкѣ къ холму.

— Душечка, не ходи! крикнула Люба, махая рукой,—не ходи сюда, у насъ секреты... Мы сейчасъ придемъ.—Ну? обернулась она къ Борису, когда та, кинувъ ему томный взглядъ и примѣтно вздохнувъ всею грудью, вернулась назадъ.

— Право, это грустная исторія, сказалъ

Борисъ,—зачѣмъ вамъ знать то, чего съ вами никогда не будетъ?

— Я хочу про васъ все знать, все, все, все!

— Они оба несчастливы были, очень несчастливы... Это было сказано такимъ тономъ, что Люба невольно присмирѣла и задумалась.

— Это можетъ со мной случиться? спросила она,—если я выйду замужъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Борисъ,—этого не случится съ вами, если вы останетесь такою, какъ теперь...

— А развѣ я могу сдѣлаться другой?

Она такъ привыкла уже во всемъ ему вѣрить, что тотчасъ же прибавила: — Какъ же это не сдѣлаться-то, какъ? Скажите!

Онъ помолчалъ, но видя въ глазахъ ея настойчивость, продолжалъ: — Бросьте m-me Favre... Бѣгите отъ нея, какъ отъ чумы...

— Да, я давно ужъ просилась у дяденьки, торопливо заговорила она, — мнѣ самой тамъ не житье. А какъ же ученье?.. Нѣтъ, завтра же выйду изъ пансіона, проговорила она съ легкимъ гнѣвомъ и вдругъ прибавила:—вы къ намъ чаще ѣздите, мнѣ одной скучно...

Они присоединились къ Бармовой, отправились въ комнаты, и скоро Борисъ уѣхалъ со-

вершенно счастливый отъ уладившагося знакомства.

— Оно, конечно, какъ-то странно породниться съ Маврой Савишной и всѣми этими... Самострѣловыми!.. думалъ онъ, весело улыбаясь, — зато... Люба-то, Люба! Золотое сердечко!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Какъ неожиданны кризисы.

Изобрѣтатель часовъ былъ очень хитрый человѣкъ: онъ устроилъ ихъ такъ, что для каждаго человѣка порознь время идетъ чрезвычайно разнообразно, а у всѣхъ вмѣстѣ въ одни и тѣ же промежутки. Пропустивъ цѣлый день, Мезенскій на этотъ разъ явился въ сумерки одинъ, оставивъ экипажъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, съ коварнымъ намѣреніемъ застать его обитателей врасплохъ, и вошелъ заднимъ крыльцомъ, но какъ нарочно, въ стеклянной галлереѣ сѣней наткнулся на тетеньку: при помощи Параши, она варила тутъ яблочное варенье въ мѣдномъ тазу на жаровнѣ. Въ комнатѣ глухо раздавалось фортепіано.

— Пожалуйте, батюшка, пожалуйте, сказала старушка, показывая на двери,—Любушка тамъ у себя, и я сейчасъ отдѣлаюсь...

Борисъ поздоровался, отворилъ двери и тихо прокрался въ залу. Что это за звуки? Чѣмъ это пахнуло на него? Нѣтъ, это не та музыка, что слышна въ гостиныхъ, концертахъ и театрахъ; она не тамъ и раздается, не у фортепіано: она дрожитъ въ немъ самомъ, точно родилась вмѣстѣ съ нимъ, да какъ-то еще не подавала голоса до сихъ поръ. Это и не пьеса; пухлыя ручки не бѣгаютъ по клавишамъ, онѣ какъ-то неувѣренно перебираютъ одни аккорды, и тѣ далеко не полны, но угадываются, голосъ такъ и просится подтянуть... Вотъ одна, двѣ случайныя нотки, высокія, тягучія,—зала меркнетъ, въ глазахъ развертывается какая-то даль, деревня, стоги, дымокъ... И вдругъ все смолкло. Люба подошла къ нему.

— Насилу-то! Здравствуйте. Ну вотъ, смотрите—вышла!

— Когда? спросилъ Борисъ, разомъ понявъ, въ чемъ дѣло.

— Вчера! Поѣхала, сказала—не хочу больше у васъ учиться—и вышла. Она хотѣла меня ложкой удержать...

— Какъ ложкой? расхохотался Мезенскій.

— Такъ; вы, говоритъ, какими-то ложками пользовались за столомъ, надо заплатить... Ну, я, разумѣется, заплатила, и мое почтеніе.

— Я помѣшалъ; играйте.

— Ну вотъ! Я при васъ не стану; меня учили-учили, никакъ не могли со мною сладить; видите, какіе у меня короткіе пальцы; это я такъ сумерничаю. Изъ своей головы... Наши русскія...

— Нашу-то, нашу, пожалуйста! упрашивалъ Борисъ,—вѣдь не слыхать нигдѣ, вѣдь я такъ и обмеръ, какъ вошелъ.

— Ну, слушайте, сказала она, садясь опять за фортепіано;—какую же вамъ?

Она стала наигрывать, и опять что-то знакомое мушиными лапками заходило по сердцу; она чутко улавливала двувязныя ноты, когда запѣвалѣ, словно не выдержавъ, подтягивалъ другой голосъ, третій, и разомъ переходила въ басовой хоръ. Разыгрываясь понемногу, она подергивала плечиками, сквозившими въ прозрачной шемизеткѣ, и, округливъ руки, все громче и громче брала аккорды, взглядывая на Бориса свѣтлыми карими глазами, и сама начала вполголоса, сквозь улыбку, опустивъ рѣсницы:

Еще лучше угожу,
Еще лу-учше угожу,
Еще лучше, сиротинѣ, угожу...

И блеснула ему яснымъ, кроткимъ взглядомъ.

Поцѣлую, обойму,
Поцѣлую, обойму,
Поцѣлую, сиротину...

— Любочка! родная моя!

Пѣсня смолкла. Его руки охватили ее поясомъ и подняли съ мѣста; ея руки дрогнули и обвили его шею; пѣсня мелькнула въ глазахъ, близко-близко любовавшихся другъ другомъ; поцѣлуй—она откинула личико, смотря, что съ нимъ послѣ такого казуса, — еще поцѣлуй, и еще... И вдругъ стыдно-стыдно стало, руки упали, щеки зарумянились, рѣсницы опустились, блеснули двѣ свѣтлыя росинки; взглядъ, полный упрека,—и фортепіано такъ странно бѣлѣетъ косточками клавишей, и пѣсня, кажется, еще стоитъ въ воздухѣ...

— Какъ же теперь быть? проговорила Люба, не поднимая глазъ,—вотъ что вы надѣлали!

— Это не они, а... я, смѣялся Борисъ тихимъ, сердечнымъ смѣхомъ, широко трепетавшимъ въ груди.

— Ну, ты... милый... (совершенно въ другомъ тонѣ). Надо тетенькѣ сказать... Только ты самъ... Я низачто ни скажу... Пойдемъ.

Она крѣпко взяла его за руку, точно онъ самъ не умѣлъ ходить, или она боялась отпустить его, и повела въ сѣни; но тутъ какъ увидала доброе лицо старухи, глядѣвшей на нихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, такъ и не утерпѣла.

— Тетенька, мы теперь вотъ какъ съ нимъ! И, бросивъ руки вокругъ его шеи, поцѣловала, звучно чмокнувъ губками...

— Ахъ, безстыдница! крикнула тетка и выпустила изъ рукъ и тазъ и варенье...

— Тетенька, пѣнки! Душечка, пѣнки! Параша, Параша, пѣнки уйдутъ!

Произошло общее смятеніе, во время котораго Борисъ улыбался, глядя то на то, то на другое изъ дѣйствующихъ лицъ, прилагавшихъ всѣ усилія для задержанія дезертировъ.

— Мавра Савишна, сказалъ Борисъ, подвигаясь,—впередъ не оставляйте дѣтей однихъ, а ужъ на этотъ разъ отдайте мнѣ Любушку...

— Какъ же это такъ, батюшка? ворчала старуха,—что это за мода? Это дѣло большое... Какъ же такъ разомъ...

— Это не разомъ, тетенька, не разомъ! по-

доспѣла Люба навыручку,—вы простите насъ... Мы давно знакомы, только по секрету...

— О, чтобъ тебѣ! улыбнулась тетка,—кто жъ объ этомъ въ сѣняхъ говоритъ?.. пойдемте въ горницу, что ли...

Тетенька, такимъ образомъ приведя дѣла въ нѣкоторый порядокъ, а жениха съ невѣстой въ гостиную, сѣла на диванъ и оглядѣла ихъ съ ногъ до головы, словно готовясь наводить камеръ-обскуру. Женихъ сидѣлъ очень спокойно, положивъ нога на ногу, а руку вдоль ручки креселъ; невѣста около него стояла, облокачиваясь на его плечо; тетенька визави, точно фотографъ, снимающій группу. Начались распросы, разсказы, и, какъ водится, мало-помалу все успокоилось.

— Будете ли вы любить-то ее? начала старуха, окончательно смягчившись,—вѣдь она у меня почитай-что въ деревнѣ росла, баловница... Опять же и свѣту совсѣмъ не видала...

Женихъ переглянулся съ баловницей; оба засмѣялись, и тетушка присоединилась въ тріо.

— Вотъ и насчетъ приданаго тоже, заговорила Мавра Савишна, — у васъ большое состояніе, а Любушкѣ еще какъ тамъ...

Борисъ не далъ ей договорить и молча заключилъ ее въ объятія.

— Ну, Богъ васъ благословитъ, рѣшила Мавра Савишна,—кто жъ васъ разберетъ, ишь вы какіе проворные; въ старину такъ не водилось; ну да что ужъ... Поцѣлуемся, Борисъ Павловичъ. Грѣхъ сказать, какъ увидѣла — словно роднаго полюбила...

Люба обнимала старушку съ одной стороны, Борисъ съ другой; она сдвинула ихъ головы въ видѣ эксперимента надъ электричествомъ губъ, и опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ со звучной вспышкой... Тутъ Мавра Савишна оставила ихъ однихъ и принялась хлопотать о приличномъ угощеніи.

— Теперь вы откройтесь мнѣ въ любви, порѣшила Люба, вѣроятно находя это самымъ умѣстнымъ послѣ всего случившагося.

Женихъ съ невѣстой забились на диванъ и просидѣли цѣлый вечеръ, держа другъ друга за руку—положеніе, какъ извѣстно, выражающее высокую степень блаженства. Что касается до рѣчей, которыя говорились при этомъ торжествѣ, то самый опытный стенографъ, записавъ это засѣданіе и переводя его на обыкновенный языкъ, растерялся бы окончательно. Онъ былъ бы ослѣпленъ розовыми, золотыми и радужными лучами, сквозившими между строкъ, и не разобралъ бы ни одной изъ нихъ.

Проводивъ жениха до воротъ, Люба только тутъ вспомнила, что онъ между прочимъ говорилъ ей о письмѣ изъ-за границы; матушка и сестра увѣдомляли его, что ѣдутъ въ Россію, и назначали день, въ который онъ можетъ встрѣтить ихъ; онѣ хотѣли проѣхать изъ Варшавы на почтовыхъ, прямо въ свое имѣніе, а ужъ оттуда въ Москву. Мезенскій долженъ былъ завтра же собраться въ дорогу.

— Пріѣзжай же скорѣе назадъ! крикнула Люба, когда онъ сѣлъ въ коляску:—я ждать буду!..

Борисъ откинулся на подушки, протянулъ ноги на фордекъ и погрузился въ себя. И знакомый городъ казался помолодѣвшимъ и принарядившимся; окна, точно глаза счастливцевъ, искрились огоньками; шумная пестрая толпа на улицахъ, казалось, шла на праздникъ; прохладный вечерній вѣтеръ сдувалъ на губахъ не остывшій поцѣлуй, а въ ушахъ отдавался неотвязно-летѣвшій за покачивавшейся коляской звонкій напѣвъ: Еще лучше угожу... Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда все, что́ живетъ въ самомъ человѣкѣ, сливаясь со всѣмъ живущимъ въ окружающей природѣ, сосредоточивается въ одинъ фокусъ, погружается въ глубину его душевна-

го настроенія и созерцаетъ само-себя, какъ въ зеркалѣ, въ чистыхъ, прозрачныхъ волнахъ его внутренняго блаженства. Все очищается въ эти минуты все красота и гармонія увлекательная;—и человѣкъ не замѣчаетъ, что это въ немъ самомъ, что онъ смотритъ на міръ сквозь цвѣтное стекло; напротивъ, онъ спѣшитъ весь отдаться этому чудному міру и насладиться имъ.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ глуши.

Неподалеку отъ варшавскаго тракта, гдѣ онъ только-что свернулъ на среднюю полосу Россіи, въ строевомъ бору пролегаетъ проселочная дорога. Ямская четверка дробною рысцой тянетъ дорожную коляску съ привинченными назади чемоданами. Утренній свѣтъ понемногу, словно крадучись на цыпочкахъ, заглядываетъ въ чащобу; все тихо; только скрипятъ, покачиваясь, высокія сосны; поглядѣть на верхушку—шапка валится, а корней не видать: частая блѣдно-зеленая сѣть папоротника заволокла подножье, и въ промежуткахъ ея лѣпится словно кровью обрызганная черника, брусника и всякая мелюзга въ ярко-

цвѣтномъ осеннемъ уборѣ; кое-гдѣ выглянетъ сѣрая шапка боровика, или семья опенковъ усадитъ широкій, спиленный пень, и снова красноватые столбы, поддерживая темнозеленый сводъ, плавно скользятъ мимо экипажа, обгоняя другъ дружку, скрещиваясь и разбѣгаясь въ различныхъ сочетаніяхъ. Глубокій оврагъ перерѣзалъ дорогу; непродорный орѣшникъ съ палевыми листьями, красные гроздья калины черкаютъ и хлещутъ на спускѣ по крылу экипажа, еще медленнѣй взбирающагося въ гору; пошли кусты можжевельнику, зачастили ели, что дальше, то выше, раскидистѣй, и перепутались въ крѣпь; въ самой черной гущѣ переплета вѣтвей ослѣпительно проглянуло солнце и разошлось по темной зелени тонкими, волосными лучами. Вотъ и просѣка, сплошь озаренная, заставленная саженями рубленаго лѣса; мягкій смолистый ароматъ сдобренъ особеннымъ запахомъ свѣжаго хворосту, наваленнаго кучами; его гибкіе прутья словно ломаются въ серебристыхъ блескахъ припека...

Въ коляскѣ, подъ ладъ величавому шороху лѣса, никто не заговариваетъ. Пожилая дама, завернувшись въ теплую шаль, какъ-то уютно прижалась въ уголокъ и задумчиво смотритъ

вдаль еще свѣтлыми, синими глазами. Возлѣ нея стройная дѣвушка, почти ребенокъ; черная вуалетка, опущенная до половины смуглаго личика, смягчаетъ блескъ ея черныхъ глазъ и рѣзкія очертанія тонкихъ бровей, оставляя янтарный зайчикъ на щечкахъ съ изящнымъ подбородкомъ. Дѣвушка вся подалась на свою сторону экипажа; крошечная ручка, стянутая желтою перчаткой, лежитъ на откинутомъ верхѣ; улыбка энергически обрисованныхъ губъ, сверкая бѣлѣйшими зубками, то бродитъ по окраинамъ дороги, то ласкаетъ сидящаго напротивъ плечистаго мущину лѣтъ подъ-тридцать, въ легкомъ пальто и шляпѣ съ широкими полями.

Такъ они ѣхали нѣсколько времени, и вотъ прохладная стѣна рощи вдругъ порвалась, открывъ опушку съ широкою лѣсною поляной. Свѣжая трава сквозитъ прозрачною зеленью, пересыпанною тѣнями; каждая травинка выдѣляется, колышась вмѣстѣ съ желтыми зонтиками дикой рябинки, бурыми пирамидками конскаго щевелю, и смѣшанный, пряный букетъ ихъ несется по всей луговинѣ. Въ топкихъ травянистыхъ берегахъ пробирается узенькая, черная рѣченка, тихо буркоча и переливаясь тѣми лѣнивыми звуками, что наводятъ

истомное раздумье; солнце проясниваетъ на днѣ зеленыя кудри водоросли. Большія черно-пѣгія бабочки то медленно раскрываютъ и складываютъ бархатныя крылья, покоясь на припекѣ, то неуловимою спиралью вьются за экипажемъ; темносинія коромысла трепещутъ надъ водой, приникаютъ къ травинкамъ и стрѣлой уносятся прочь. А за тѣмъ берегомъ, какъ отставленный на пригоркѣ, ярко зеленѣетъ бѣлоствольный березнякъ и шумитъ чернолѣсье. Сивограки, отливая радужнымъ перомъ, пронзительною трещеткой перекликаются въ золотистыхъ макушкахъ. Сотни звуковъ: легкій посвистъ птичекъ, стрекотанье кобылокъ, шепотъ рѣчки, а въ общемъ—-необъятная, сонливая тишина; и широко хватила поляна межъ ельника и чернолѣсья; но и тамъ на краю небосклона синѣетъ зубчатка бора, и конца нѣтъ дремучему лѣсу... Но вотъ задребезжалъ утлый мостокъ, вскачнулъ экипажъ, и всѣ точно встрепенулись...

— Я все еще не могу привыкнуть къ мысли, что мы въ Россіи, заговорила молодая дѣвушка гортаннымъ акцентомъ, лишь только колеса на вязкомъ грунтѣ пошли безъ звука и только рессоры полязкивали.—Помнишь, Боря, когда мы въ послѣдній разъ видѣлись... Да, семь

лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ... Ты все спрашивалъ, помню ли я родину. А я какъ ни старалась, ничего не могла себѣ представить, кромѣ купола съ крестомъ и звѣздами, да еще какихъ-то розанчиковъ въ четвероугольникахъ, синихъ ободкахъ...

— Изразцы, Лидочка, въ дѣтской на лежанкѣ, сказалъ молодой человѣкъ.

— А потомъ ты уѣхалъ; мы послѣ какъ-то были на выставкѣ; меня поразила картина, простенькая: сѣренькія тучи, желтыя поля, грязная дорога; лежитъ мертвая лошадь; старичекъ въ изорванномъ платьѣ горюетъ около... какъ это... un chariot?

— Телѣга, сказала пожилая дама, переглянувшись съ своимъ спутникомъ.

— И далеко, далеко поля, надъ ними дождикъ, по всей картинѣ дождикъ, а у меня слезы, такъ просто сами, такъ сами собою... Подписано: vue de Russie; я такъ и закричала: родина! И было мнѣ больно и стыдно, что моя родина такая бѣдная...—Она вдругъ притихла и вполголоса сказала брату: — Посмотри, какъ maman печальна!..

Пожилая дама улыбнулась, подавивъ легкій вздохъ, и перемѣнила положеніе.

— Нѣтъ, моя птичка, maman не печальна,

проговорила она: — я только по-своему рада этимъ мѣстамъ: вижу въ нихъ старинныхъ друзей, смотрю, много ли они перемѣнились за двѣнадцать лѣтъ... Мнѣ жутко думать, что вотъ сейчасъ за березникомъ выглянетъ старый домъ со всею моею молодостью, со всѣмъ былымъ счастьемъ... гдѣ покойный отецъ вашъ...

Она мягко перевела взглядъ на молодаго человѣка, и не договоривъ, пожала его руку.

Дорога пошла въ гору, извиваясь зигзагами въ глинистыхъ обрывахъ, испещренныхъ солнцемъ въ перемежку съ синеватыми тѣнями выступовъ; все подгорье было изрыто, ископано, мѣстами обнажались значительной величины пласты желѣзной руды, и красноватый цвѣтъ ея, каждый камешекъ, всякая трещина такъ и били въ глаза. Кони дружно рванули въ гору, и вотъ зеленѣетъ конопляникъ, зычно скрипятъ жерди околицы, быстро мелькаютъ кирпичные домики съ темными тесовыми или красными желѣзными крышами; нѣсколько секундъ бородатый староста, болтая сапожищами по ребрамъ сѣренькой лошаденки, скачетъ вровень съ коляской, но и онъ остался позади; улица вывела на площадь, всю застроенную кирпичемъ по окраинамъ; трехъ и четырехъ-

этажные квадраты конторы, больницы и магазиновъ съ господскимъ домомъ и бѣлою церковью, казались, въ цѣломъ, порядочнымъ городкомъ,—и не виднѣйся за массою зданій двѣ высокія трубы съ вытянуто-вьющимися лентами чернаго дыму, никто бы не подумалъ, что это просто чугунно-плавильный и литейный заводъ Бориса Петровича Мезенскаго.

Экипажъ въѣхалъ на широкій дворъ, убитый алмазно-синеватыми плитками шлаку. Возлѣ чугунной рѣшетки тѣснились рабочіе въ бѣлыхъ войлочныхъ колпакахъ, бабы съ загорѣлыми лицами, точно изъ красной мѣди, еще рѣзче выдѣлявшимися отъ парчевыхъ кичекъ и множества синихъ и красныхъ вышивокъ на рубашкахъ. Наталья Николаевна не сразу узнавала бывшихъ дворовыхъ: кто выросъ изъ мальчиковъ, кто сгорбился старикомъ, дѣвушки стали замужними женщинами; едва успѣвая отвѣчать на привѣтствія, она шла, опираясь на руку сына. Лидой завладѣла совсѣмъ сморщенная старушенка въ невообразимой мантильѣ съ аграмантомъ, и пока вела ее по фигурной лѣстницѣ, все цѣловала, называя то выкормочкомъ, то ангелочкомъ. Молодая дѣвушка съ любопытствомъ присматривалась къ штучному полу, раздѣланному шашечницей, къ ста-

ринной мебели, мраморнымъ бюстамъ Екатерины и Александра, какъ вдругъ слабый крикъ матери заставилъ ее кинуться въ гостиную. Наталья Николаевна, закрывшись платкомъ, склонила голову на плечо сына; Борисъ, немного смущенный, усаживалъ ее въ кресла.

— Ничего, ничего, выговорила она, замѣтивъ испуганную фигуру дочери, остановившуюся въ дверяхъ:—это такъ вдругъ... Я совсѣмъ забыла про нихъ... Лида послѣдовала за ея глазами: на стѣнѣ висѣли два портрета во весь ростъ, и холста будто не было; какъ живые стояли они гдѣ-то дальше, позади массивныхъ рамъ...

Смуглый, черноволосый, отлично сложенный красавецъ съ энергическими чертами лица, въ гусарскомъ доломанѣ, стоялъ у камина, скрестивъ руки на серебряныхъ снурахъ груди, съ какою-то безпечностью силы и глядя на зрителя тѣмъ невыносимо-гордымъ взглядомъ, что въ тридцатыхъ годахъ назывался демоническимъ.

Молодая блондинка, съ нѣжно-матовымъ обликомъ и томными синими глазами, опиралась на садовую вазу съ цвѣтами, опустивъ другую руку съ хлыстикомъ вдоль живописныхъ складокъ амазонки.

Лида не нашла въ братѣ сходства ни съ тѣмъ ни съ другимъ портретомъ, но когда она обернулась къ нему, впечатлѣнія обоихъ слились на открытомъ лицѣ Бориса, и ей казалось, что онъ разомъ похожъ на мать и на отца.

— Завтракайте безъ меня, дѣти, сказала Наталья Николаевна, силясь улыбнуться:— все это немножко взволновало меня... И дорога беретъ свое... надо отдохнуть... Пойдемъ, старая, обратилась она къ кормилицѣ:—отведи меня, какъ бывало встарину, баиньки.

Лида съ братомъ проводили ее до спальни, потомъ вернулись рядомъ другихъ комнатъ на балконъ, гдѣ серебряный самоваръ напѣвалъ ужъ свою бравурную аріэтку посреди медвѣжьей ветчины, маринованныхъ куропатокъ и только-что снятыхъ персиковъ. Лида засмотрѣлась на видъ, открывавшійся съ балкона. Отдѣленное отъ него узкою полосой отлогаго берега, уходило въ ширь и даль на нѣсколько верстъ свѣтлое озеро сначала довольно крупнымъ, зеленоватымъ прибоемъ, потомъ чуть примѣтными волнами, въ которыхъ ослѣпительно разбивался солнечный дискъ, а дальше поверхность лежала гладкимъ зеркаломъ, отражая синеву и большія облака, словно

хлопья бѣлоснѣжной ваты, слегка растрепанныя по краямъ; вдругъ налетитъ полосой вѣтерокъ, и мелкая броня темносиней ряби словно кистью покроетъ и взбороздитъ острыйклинушекъ воды. А зеленая бахрома бора, и здѣсь огибая лѣвый берегъ широкою дугой, забирала на ту сторону, гдѣ ея дальнія, слабыя очертанія дрожали въ струящемся воздухѣ. По правому берегу шла плотина и гулко шумѣлъ шлюзъ; песчаный мысокъ вдавался въ озеро; на немъ полегло стадо; пять-шесть коровъ неподвижно стояли по щиколку въ водѣ, отражаясь опрокинутою тѣнью и лѣниво помахивая хвостами; какой-то величавый покой приникъ на тихомъ плескѣ, прохладѣ и манящей прозрачности водной перспективы...

— Странно!.. замѣтила Лида, притронувъ рукой братнино плечо, — кажется я такъ должна привыкнуть къ озерамъ... тамъ... въ Швейцаріи, — а между тѣмъ все хочется смотрѣть-смотрѣть и любоваться!.. Тамъ какъ-то загромождено горами, каждое озерко точно въ рамкѣ и ужасно похоже на кипсэки, — а здѣсь все такъ просторно... широко... неопредѣленно и какъ будто недокончено, — правда?

— Очень вѣрно, Лидочка!.. подхватилъ Борисъ, — мнѣ впрочемъ этого до сихъ поръ еще

не приходило въ голову... Вѣдь я тутъ родился, выросъ и всегда чувствую себя гораздо больше дȏма здѣсь, чѣмъ у насъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ! Не смотря на университетъ, у меня вь сущности очень мало общаго съ кругомъ нашихъ знакомствъ... Я гораздо ближе вонъ тому люду... И Мезенскій указалъ рукой на заводъ.

Рѣзкимъ контрастомъ, по ту сторону плотины въ черной лощинѣ кипѣла живая дѣятельность. Змѣевидныя тропинки сползали по скату въ лопухахъ; на нихъ какъ муравьи громоздились рабочіе; внизу тамъ и сямъ двигались по рельсамъ тачки съ рудой; въ дверяхъ домны, словно въ черной пасти, невыносимо глазу таялъ чугунъ, и лясканье машинъ прорывалось сквозь гулъ шлюза...

— Какъ жаль, что мы не долго здѣсь останемся, говорила Лида, ужъ хозяйничая за самоваромъ, — мнѣ хотѣлось бы побѣгать по всему заводу, всюду... Я не могу придти въ себя отъ этого богатства...

— То ли еще могло бы быть! полузадумчиво проговорилъ Мезенскій, — даже тебѣ, душка, бросилось въ глаза, что здѣсь все свое, только пользуйся... Да вотъ въ этомъ-то и бѣда вся! Некому пользоваться—рукъ нѣтъ. Неповорот-

ливъ еще твой сѣденькій старичекъ, а нашъ братъ...

— Что же «нашъ братъ?» лукаво подчеркнула Лида.

— Плохъ нашъ братъ, улыбнулся Мезенскій,—одни по воспитанію или по распущенности, наконецъ по самому характеру не могутъ ни за что взяться, а коли за все берутся, еще хуже выходитъ... другіе... но, дай Богъ тебѣ не знать ни тѣхъ, ни другихъ.

— Я надѣюсь, есть немножко и третьихъ? полушутливо перебила сестра: — иначе вѣдь ужъ слишкомъ грустно...

— Я шучу, дѣтка моя, развѣ ты не видишь, что я шучу? горячо заговорилъ Мезенскій, лаская сестру, и отвернулся отъ ландшафта, завидѣвъ на плотинѣ нѣмца-управляющаго съ рыжимъ, зубастымъ механикомъ, которые шли, размахивая руками, о чемъ-то споря и отшвыривая ногой плитки шлаку.—Разумѣется, есть люди; вотъ поживешь, увидишь, успокоивалъ онъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

По протекціи и безъ протекціи.

Въ круглой комнатѣ, украшенной рѣзьбой по цѣльнымъ дубовымъ стѣнамъ, на желтоватой мастикѣ паркета отражаются цвѣтныя стекла высокихъ оконъ; простѣнки заняты стеклянными шкафами довольно большой библіотеки; на срединѣ комнаты за громаднымъ письменнымъ столомъ, уставленнымъ бронзой и заваленнымъ бумагами, сидитъ Аполлонъ Ивановичъ Звѣздочкинъ, въ щегольской коротенькой жакеткѣ, съ небрежно повѣшенными концами цвѣтнаго галстучка. Противъ него на турецкомъ диванѣ лежитъ осанистый старикъ въ легкомъ шлафрокѣ и кованныхъ туфляхъ, вытянувшись во весь могучій ростъ, заложивъ руки подъ голову и глядя въ расписной потолокъ, диктуетъ ровнымъ и звучнымъ голосомъ...

«Такимъ образомъ приблизились мы къ подошвѣ Чимборазо, комма, нѣкогда почитавшагося величайшею горой въ свѣтѣ, комма, но, по изслѣдованію Александра Гумбольдта и дру-

гихъ позднѣйшихъ, имѣющаго не болѣе 3,350 туазовъ надъ уровнемъ моря... Написалъ?»

— Написалъ, ваше превосходительство,

— Экой ты чудакъ, братецъ! какъ у тебя языкъ не устанетъ? Кому сенаторъ, кому ваше превосходительство, а тебѣ просто Петръ Иванычъ: кратко и точно... На чемъ, бишь, мы остановились?

— Надъ уровнемъ моря.

«Точка! Я приказалъ разбить палатку, и тутъ-то мнѣ довелось быть свидѣтелемъ нарочито страннаго проявленія человѣческаго характера. Точка! Погоньщикъ вьючныхъ ламъ...»

На этомъ словѣ кабинетная дверь темнокраснаго дерева отворилась безъ всякаго звука; показался тучный пожилой камердинеръ и степенно доложилъ: «Николай Дементьевичъ!»

— А? Кто такой? досадливо проговорилъ сенаторъ, не поворачивая головы.

— Господинъ секретарь Бармовъ, погромче доложилъ Парфенычъ.

— Эхъ!... началъ-было Петръ Ивановичъ, но тотчасъ же вошелъ высокій господинъ во фракѣ, съ густыми бакенбардами и темнымъ румянцемъ на тронутомъ желтизною лицѣ, съ бриллiантовыми запонками на вычурной манишкѣ, съ зеленымъ портфелемъ подъ-мышкой.

Старикъ хотѣлъ-было приподняться, но видно крѣпко облежался, и только протянулъ руку.

— Присядьте-ка, проговорилъ онъ, кряхтя и отодвигая туфли къ спинкѣ дивана.

Бармовъ сѣлъ, и на лицѣ его какъ-то разомъ появилась улыбка, точно до сихъ поръ она была въ отпуску, а тутъ вдругъ получила предписаніе вступить въ должность.

Сенаторъ взялъ со столика табакерку, фуляръ, понюхалъ, утерся и устремилъ глаза на потолокъ.

— Сегодня, ваше превосходительство, на очереди то самое дѣло, въ которомъ вы изволите принимать большое участіе, проговорилъ Бармовъ необыкновенно мягкимъ голосомъ, сладкимъ и въ то же время исполненнымъ какого-то достоинства...

— Да, да, знаю... Спасибо... Ну-те-ка...

Николай Дементьевичъ нѣсколько подался впередъ и заговорилъ до грусти нѣжно, точно въ любви объясняясь:

— ***ской подгородной слободы мѣщанинъ Самострѣловъ въ жизнь свою былъ женатъ на двухъ женахъ: отъ первой, Прасковьи, имѣлъ сына Кузьму и прочихъ, умершихъ въ бездѣтности; отъ второй, Ѳедосьи, сына Савостьяна

и дочь Христодулу, а по смерти Силы, Ѳедосья вторично вышла замужъ за купца Панкратія Кожевина; по смерти Савостьяна, послѣдовавшей въ 18.. году, осталось капиталу милліонъ триста тысячъ...

— Ты, Аполлоша, спрячь мое путешествіе-то, на сегодня будетъ, проговорилъ сенаторъ сквозь зѣвокъ и повернулся на-бокъ.

— Права на наслѣдство предъявили племянница умершаго, дочь сестры его Любовь, по отцу Ясенева; племянникъ умершаго, сынъ единокровнаго брата его, Григорій Самострѣловъ, и единоутробный братъ умершаго, Иванъ Кожевинъ.

— Тоже сынъ... того... Силы? спросилъ сенаторъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, это сынъ жены его Ѳедосьи отъ втораго брака съ Кожевинымъ, единоутробный Савостьяну и дядя Любови...

— Да вѣдь она же не дочь Севостьяну?

— Племянница, ваше превосходительство, дочь родной сестры его Христодулы отъ одной и той же матери Ѳедосьи.

— Гдѣ же сынъ-то, сынъ-то Савостьяновъ?

— У Савостьяна, ваше превосходительство, не было дѣтей, а есть племянникъ его Гри-

горій, тотъ, что отъ другой жены дѣда Прасковьи, гдѣ еще прочіе-то въ бездѣтности, единокровный, значитъ...

— Д-да! Скажите, какое большое семейство, сказалъ сенаторъ съ глубокимъ вздохомъ: — этотъ Сила просто патріархъ!

Николай Дементьевичъ продолжалъ докладъ, но по мѣрѣ того какъ обстоятельства дѣла запутывались, глаза у сенатора смыкались; Бармовъ начиналъ понижать голосъ, дѣлалъ паузу, робко начиналъ фразу, спотыкался и совсѣмъ останавливался; тогда Петръ Ивановичъ отрывисто говорилъ: «Слышу, слышу: на основаніи чего гражданская палата... ну-те?» Наконецъ Николай Дементьевичъ прислушался къ его ровному дыханію, вынулъ серебряный портсигаръ и, закуривъ тоненькую папироску, отошелъ къ окну. Звѣздочкинъ, улыбаясь, подошелъ къ нему и тоже закурилъ.

— Извольте вотъ, вполголоса ворчалъ Бармовъ,—самъ же вздумалъ заниматься на дому предварительными докладами, да вотъ этакъ и прохлаждаемся. И разбудить неловко, и уйдти нельзя. Положеніе!—улыбка его также внезапно сбѣжала, и геморроидальная неподвижность вступила въ свои права.

— Не огорчайтесь, Николай Дементьевичъ,

дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, пояснилъ Звѣздочкинъ.

— То-то вы и нынче не были въ сенатѣ! Что это вы дѣлаете, въ самомъ дѣлѣ? Я по просьбѣ пріятеля рекомендовалъ васъ, Петръ Иванычъ принялъ васъ какъ роднаго, помѣстилъ у себя, и вы сами на первыхъ порахъ такъ принялись, что мы ужъ прочили васъ на штатное мѣсто,—и вдругъ манкируете, манкируете, наконецъ вовсе перестаете являться.

— Да вѣдь я, Николай Дементьичъ, потому что...

— Да что потому что... Не потому что, а для того, чтобы служба приносила вамъ пользу, надо ходить. Вы хоть ничего не дѣлайте, да только ходите.

— Но, Николай Дементьичъ, развѣ честно такъ пользоваться службой?

— Богъ ты мой, да куда вы торопитесь? успѣете такъ тонко разсуждать, когда у васъ будетъ тысячъ двадцать годоваго дохода; поспѣшите, только людей насмѣшите, увлекался Бармовъ, повышая голосъ и сопровождая рѣчь оживленными жестами, — вѣдь я не выговоръ вамъ даю... Мнѣ чертъ ее дери совсѣмъ эту службу, а я для васъ же говорю...

— Полно вамъ его журить, неожиданно про-

говорилъ сенаторъ, медленно открывая глаза,—молодъ еще, не обслужился; ну что-жъ, понемножку, не все разомъ... Вотъ что, Николай Дементьевичъ, я вѣдь это дѣло знаю въ общихъ чертахъ; вы пожалуйста поспѣшите докладомъ; ну какъ это въ самомъ дѣлѣ пятнадцать лѣтъ мыкается дѣло по всѣмъ инстанціямъ, точно метемпсихозизу какому подвергаясь, и все не могутъ утвердить наслѣдницей... Милліонерка—и должна была трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба... Положимъ, теперь и нѣтъ крайности, да все-таки вѣдь это ни на что не похоже!

— Дѣйствительно, ваше превосходительство, согласился Бармовъ, пряча кипу въ портфель и отдавая новое предписаніе улыбкѣ.

— Куда же вы? Посидѣли бы, или спѣшите куда-нибудь?

— Къ нашей даровитой артисткѣ, ваше превосходительство; Аполлонъ Ивановичъ ей что-то приготовилъ...

— Да, да, слышалъ... Охъ, ужъ эти секретари, неугомонный народъ!.. Ну, поѣзжайте... Аполлоша, вели-ка заложить карету... Надо бы въ клубъ, давно не былъ... Эхъ, старыя кости!.. Вели, Аполлоша, садитесь и поѣзжайте съ Богомъ...

Звѣздочкинъ повернулся на одной ножкѣ и почти бѣгомъ шаркнулъ изъ кабинета.

— Эхъ, постой-ка! Ну, не слышитъ... Ну, въ другой разъ...

— Что вамъ угодно, ваше превосходительство? Можетъ быть, я могу служить вамъ? отозвался Бармовъ.

— Да нѣтъ, совѣстно безпокоить... Развѣ ужъ не въ службу, а въ дружбу... Ну, зажгите канделябру, смеркается... Да вы всѣ свѣчи, вамъ свѣтлѣе будетъ. Вотъ такъ... Разверните, вонъ тамъ тетрадка: «Путешествіе вокругъ свѣта»... Вотъ она самая... Сколько лѣтъ собираюсь напечатать, все слогъ что-то не тово... Прочтите-ка послѣднюю строчку...

— Страннаго проявленія человѣческаго характера... Погоньщикъ вьючныхъ ламъ...

— Зачеркните «погоньщикъ вьючныхъ ламъ», говорилъ сенаторъ, заложивъ руки подъ голову и глядя въ потолокъ на фигуру славы съ золотою трубой: послѣ «характера» поставьте семипунктумъ; теперь пишите: «начиная отъ пустынь Огненной Земли до утонченнаго Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, еще не видывалъ я подобной лѣни, комма, каковую выказалъ погоньщикъ вьючныхъ ламъ. Точка. Это происшествіе послужитъ содержаніемъ для слѣдующей

главы. Точка». Покорнѣйше васъ благодарю.

Вернулся и Звѣздочкинъ, успѣвъ переодѣться; уѣхали оба чиновника, а сенаторъ все также лежалъ, закрывъ глаза и медленно шевеля губами; но вотъ на дворѣ загудѣлъ громоздкій экипажъ, гдѣ-то внизу хлопнула стеклянная дверь, кто-то пробѣжалъ комнаты черезъ двѣ отъ кабинета, по всему дому поднялась какая-то возня, шибче и шибче...

— Ба! ужъ не племянникъ ли пріѣхалъ? проговорилъ сенаторъ:—да нѣтъ, рано бы еще... Теперь на стеклянныхъ заводахъ такъ и кипитъ работа...

— Здравствуйте, дядюшка! ворвался Борисъ Павловичъ:—что, не ждали? Угадайте, кто со мной? Я нарочно вамъ не сказалъ уѣзжая... Вотъ сюрпризъ-то вамъ будетъ!..

— Постой, постой! Смялъ совсѣмъ, говорилъ сенаторъ, освобождаясь отъ объятій и отодвигая ноги,—присядь-ка. Ну, что тамъ еще? Какой сюрпризъ?

— Изъ дальнихъ странствій возвратясь, началъ-было Мезенскій, но тотчасъ разсмѣялся и залпомъ договорилъ:—мамаша и сестра сейчасъ представятся вашему превосходительству.

— О? право? Пора! проговорилъ сенаторъ

понюхавъ табаку и развертывая фуляръ. — Что жъ, они прямо въ деревню проѣхали?

— Да, встрѣчалъ ихъ на послѣдней станціи.

— Ну, скажи же, дружочекъ, скажи, какъ она,—я разумѣю Наталью Николаевну,—много перемѣнилась? а? оживлялся Петръ Ивановичъ,—шутка сказать, столько лѣтъ, а?

— Конечно, дяденька, отвѣтилъ Борисъ, удерживая улыбку.

— Я, чай, думаетъ, что я такой же ухарь-капитанъ? А? самодовольно перебилъ Петръ Ивановичъ и подложилъ подъ себя локоть.— Ну, а Лидочка? выросла? похорошѣла?

— Ахъ, дяденька! расхохотался Борисъ:— да вѣдь вамъ два шага ступить, и никакихъ распросовъ не надо.

— Воистину такъ, пробормоталъ сенаторъ и сталъ подниматься, опираясь на племянника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отблески прошлаго.

Старый сенаторъ, пріодѣвшись въ покойный сюртукъ и шагъ за шагомъ идучи съ Борисомъ по витой лѣстницѣ, все поглаживалъ рукою то-

ченыя балясы, приглядываясь къ нимъ съ какой-то безпокойной думой; черты красиво-морщинистаго лица начали нервно подергиваться. На площадкѣ бель-этажа онъ вдругъ остановился.

— Мы, Боря... Что жъ съ тобой чиниться!.. Я лучше бы... какъ-нибудь одинъ.—А то, сколько лѣтъ не видѣлись, кончилъ онъ скороговоркой и часто заморгавъ.

— Какъ угодно, дядюшка, отвѣтилъ Мезенскій улыбаясь, хотя чувствовалъ, что ему тоже не совсѣмъ ловко.

— Ну да... да, торопливо проговорилъ Петръ Ивановичъ и пошелъ зимнимъ садомъ, на тропинкахъ котораго слуги при свѣчахъ разбирали чемоданы и дорожныя шкатулки. Сенаторъ тотчасъ выпрямился грудью впередъ, выступая въ перевалочку, и началъ что-то напѣвать сквозь зубы.

Борисъ, поглядѣвъ ему вслѣдъ, повернулся налѣво и пошелъ залой на голосъ Парфеныча, раздававшійся въ большой гостиной. Тамъ затапливали камины, зажигали канделябры, поддерживаемыя темно-бронзовыми статуэтками на гранитныхъ пьедесталахъ въ египетскомъ вкусѣ: все это бросало пока еще слабый свѣтъ на массивную бархатную мебель, въ прихотливыхъ

группахъ скрывавшую размѣры салона сороковыхъ годовъ, и какъ-то жутко выдѣлялись на темно-вишневомъ фонѣ обой фамильные портреты въ бархатныхъ рамахъ съ золочеными арабесками по угламъ и гербовыми щитами.

— Вотъ, сударь, какую радость Богъ далъ! весь ликуя и собственноручно стирая пыль съ узенькаго рояля, проговорилъ Парфенычъ;— все ли въ добромъ здоровьи доѣхали? Какова дорога-то?

— Дорога хоть куда, старикъ, отвѣтилъ Борисъ:—и погода была отличная.

— Погода, Борисъ Павловичъ, на что лучше! словоохотливо подхватилъ Парфенычъ, — ужъ на что я, сударь, старожилъ въ Москвѣ, а такого бабьяго лѣта и не запомню: вотъ развѣ двѣнадцатый годъ можно приравнять; ну, тогда ведро еще покраснѣй было: эта паутина, словно серебряная мишура, такъ и носится въ синѣвѣ-то, а ужъ воздухъ дотого чукавъ... дотого чукавъ былъ, что господа студенты на университетскомъ дворѣ прислушивались къ Бородинскому погрому... Гудитъ таково, гудитъ, ровно вотъ море теперь взять хоть подъ Кронштатомъ... А барышни по садамъ, на гуляньяхъ — такъ по-лѣтнему и ходили: платья все кисейныя,

талья высоко перехвачена ленточкой, рукава широкіе съ буфами, шляпки соломенныя...

— Какая у тебя, однако жъ, память, Парфенычъ! ласково-разсѣянно проговорилъ Мезенскій, опускаясь въ кресло и самъ еще хорошенько не зная, остаться ли здѣсь.

— Какъ же, сударь, такого времени да не помнить: вотъ хоть бы дѣдинька вашъ покойникъ...

И старикъ занесъ-было руку съ опахаломъ изъ перьевъ надъ пыльнымъ портретомъ старика въ сѣромъ полушубкѣ на-распашку, да вдругъ одумался и даже оглянулся на молодаго барина: —Ну, и графъ-то Растопчинъ тоже удалой былъ, — перескочилъ онъ съ легонькой осѣчкой:—сейчасъ давай въ народѣ слухъ пущать: полетитъ, дескать, съ Воробьевыхъ горъ шаръ такой воздушный; ужъ молъ и шьется совсѣмъ: триста швей подряжено. Всего непріятеля сверху бомбами закидаемъ... Такъ чтобъ не сумнѣвались! А Кутузовъ, батюшка, только прошелъ Москвой, сталъ переправлять свою артерелію чрезъ Крымскій бродъ и тутъ они, говорятъ, съ графомъ-то крупно поспорили... Глядь-поглядь — и мы съ покойникомъ дѣдинькой вашимъ выбираться начали: все что попѣннѣй— картины, севрскіе сервизы, серебро... только и

половины вывезти не успѣли, а ворогъ-то ужъ на Поклонной...

Борисъ вовсе непрочь былъ еще разъ прослушать семейное преданіе и одобрительно взглянулъ на старика.

— Вотъ разъ вечеркомъ валятъ къ намъ на дворъ подмосковные крестьяне дѣдушкины, въ полушубкахъ вотъ въ эдакихъ же и всѣ при оружіи, лошадей въ поводу ведутъ, а въ сторонѣ колымага дожидается... Выходитъ на крыльцо баринъ и обоихъ малолѣточекъ за руки ведетъ, а домъ ужъ весь обложили сырмолотными снопами... Я тогда мальчишкой былъ, въ казачкахъ состоялъ: смотрю, дивуюсь, что молъ будетъ... «Ну-ка, говоритъ, Петя, Павлуша!» Да и подаетъ имъ по пучку зажженной соломы... Ихъ превосходительство, Петръ Ивановичъ-то, какъ сейчасъ вижу, засмѣялись таково звонко, а батюшка-то вашъ *соболиныя бровки* нахмурили-съ... побросали они солому на снопы— какъ взовьется полымя-то красноватыми этакими язычками, какъ пошло забирать, дымъ повалилъ, зазвенѣли стекла... Ужъ и не помню, какъ меня усадили въ колымагу съ мамушкой, съ барчуками, да въ дальнія помѣстья, а самъ-отъ баринъ сейчасъ на коня и маршъ со всею дворней подъ Француза...

Борисъ поглядѣлъ на портретъ сподвижника партизановъ, прошелся по комнатѣ и подсѣлъ къ роялю.

Парфенычъ, слѣдившій за нимъ неотступно-любящимъ взглядомъ, тотчасъ угадалъ, что ему не до разсказовъ, и вышелъ на цыпочкахъ обмахнувъ по дорогѣ тяжелую портьеру. Мезенскій поднялъ крышку обветшалаго инструмента и машинально взялъ аккордъ: странно, болѣзненно зазвенѣли струны, и почти въ то же мгновеніе старинные часы на каминѣ серебристо пробили половину... Слегка вздрогнувъ отъ страннаго созвучія, Мезенскій перевелъ на нихъ глаза, и взглядъ его упалъ на другой портретъ напудреннаго старика въ кармазинномъ кафтанѣ и замшевомъ открывномъ камзолѣ съ кружевнымъ жабо: что-то жесткое, злое свѣтилось въ напыщенно-желчномъ лицѣ родоначальника одной изъ тѣхъ фамилій, которыя при Павлѣ I изъ какихъ-то невѣдомыхъ захолустій вдругъ становились на высокую степень знати, съ громкимъ титуломъ и жалованнымъ богатствомъ, похоже на то, какъ въ потемкахъ являются яркія тѣни волшебнаго фонаря. Весь Петербургъ перешептывался объ его странной женитьбѣ на красавицѣ низкаго происхожденія: выходя изъ церкви, новобрачные сѣли въ раз-

ныя кареты и разъѣхались въ разныя стороны: молодая—въ роскошныя, заново-отстроенныя палаты,—молодой—на какой-то важный постъ на край имперіи. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ ихъ внучка, графиня Наталья Николаевна Астреина, слыла первою красавицею въ Петербургѣ. Братья Мезенскіе жили тамъ же: Петя сталъ уже Петромъ Ивановичемъ Мезенскимъ и быстро подвигался во флотѣ; ходила молва, что онъ женится на Астреиной. Младшій братъ въ кругу товарищей-гусаровъ такъ и остался *красавцемъ Павлушей*. Въ полку про него сложили пѣсенку:

Кто краса большаго свѣта,
Кто—повѣса изъ повѣсъ,
Вѣнчанъ лаврами поэта,
На остроты—сущій бѣсъ?
Кто горстями мечетъ злато,
Моетъ винами коня,
И мечемъ изъ супостата
Въ трубки рубитъ намъ огня?..

А сложена эта пѣсенка была у Павлуши за ужиномъ, гдѣ вокругъ стола—взамѣнъ статуй на пьедесталахъ—красовались корифеи балета и pour la bonne bouche на серебряномъ блюдѣ подали заѣзжую солистку.

Этотъ сорванецъ, по какой-то прихоти не обращавшій ни малѣйшаго вниманія на Астреину, вдругъ однажды проговорилъ съ нею цѣлый вечеръ, чаще и чаще началъ посѣщать домъ графини, словно рукой отстранилъ брата и подъ конецъ сезона—гордый, торжествующій повелъ ее къ вѣнцу. И такова была власть, такова чарующая сила этого человѣка, что старшій братъ еще больше привязался къ нему: только послѣ свадьбы не выдержалъ морякъ и съ горя махнулъ въ кругосвѣтную экспедицію...

Борисъ невольно улыбнулся при этомъ воспоминаніи: сценка на лѣстницѣ со старымъ холостякомъ такъ и стала передъ нимъ.—Сильная страсть захватила сполна Павла Мезенского. Проживъ цѣлый годъ въ деревнѣ, онъ перемѣнилъ военное поприще на дипломатическое; въ домѣ его собирался цвѣтъ петербургскаго общества, и все это какъ бы освѣщалъ и освящалъ прелестный образъ молодой жены съ груднымъ малюткой... Въ числѣ обычныхъ посѣтителей Павла Ивановича былъ родственникъ одного изъ вліятельнѣйшихъ людей того времени: его называли въ шутку l'ombre de la famille Mezensky. Павелъ неожиданно получилъ назначеніе при какомъ-то посольствѣ и

долженъ былъ немедленно уѣхать заграницу, оставивъ жену въ Петербургѣ...

Прошла зима. Однажды Павелъ работалъ заполночь въ своемъ отелѣ надъ важною депешей: вдругъ постучались въ кабинетную дверь — и вошелъ мертвецки-блѣдный человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, весь въ пыли, едва держась на ногахъ.

Павелъ узналъ Парфеныча

Тотъ хотѣлъ говорить и не могъ, полѣзъ въ карманъ, зашатался и упалъ на коверъ. Мезенскій перенесъ его на диванъ, досталъ изъ конвульсивно стиснутой руки письмо, сорвалъ обертку и прочелъ немногія строки:

«Пріѣзжай, какъ можно скорѣе, дѣло идетъ о твоемъ имени: ему *тѣнь* грозитъ. Болтаютъ, что твое блестящее назначеніе оказалось ширмой. Жена твоя не дождется тебя, и пока выписала меня къ себѣ. Борька здоровъ.

«Отецъ твой И. Мезенскій».

Павелъ взглянулъ на число, выставленное въ письмѣ, и сообразилъ, что Парфенычъ долженъ былъ скакать безостановочно по двадцати пяти верстъ въ часъ: у несчастнаго начиналась горячка.

На другой день срочныя бумаги посольства напрасно ждали Мезенскаго: въ квартирѣ его

нашли больнаго слугу, который на всѣ вопросы: куда же дѣвался баринъ?—отвѣчалъ какую-то безсвязицу на двухъ языкахъ: поштильонъ... письмо... живѣе пфертъ... гельдъ на водку, и тому подобное...

А черезъ нѣсколько дней Павелъ Мезенскій вошелъ къ отцу въ кабинетъ ихъ петербургскаго дома на Литейной и положилъ на столъ тонкій, бѣлый платокъ, смятый, скомканный, весь въ круглыхъ вырѣзкахъ и красныхъ пятнахъ...

— J'ai donné dans le blanc, равнодушно проговорилъ онъ, глядя на отца:— J'aurais dis que je l'ai touché au coeur, mais ça n'avait pas d'entrailles.

Поутру видѣли Мезенскаго, ѣхавшаго самчетвертъ къ коляскѣ по направленію къ Парголову: денекъ былъ такой славный, солнечный, жаворонки поднимались съ луговинъ и золотистыми блестками тонули въ блѣдной синевѣ; два спутника Павла весело болтали, у третьяго изъ боковаго кармана пальто на лѣвой сторонѣ груди бѣлѣлся щегольски выставленный кончикъ платка; назадъ въ той же коляскѣ секунданты везли трупъ. Мезенскій, призванный къ суду, не далъ никакихъ объясненій; понятно, что его разжаловали въ сол-

даты, сослали на Кавказъ; Наталья Николаевна вмѣстѣ со свекромъ отправилась въ деревню.—Богъ-вѣсть какими путями вернулся Парѳенычъ на родину, но таки вернулся, и впослѣдствіи, ставъ первымъ довѣреннымъ лицомъ въ московскомъ домѣ Мезенскихъ, только улыбался въ отвѣтъ на данное ему дворней прозвище *курьера*: онъ и самъ не зналъ, зачѣмъ ѣздилъ. Еслибъ его забыли, онъ вѣроятно и тѣмъ остался бы доволенъ.

Лѣтъ семь спустя, Павелъ выслужился и снова появился въ сѣверной столицѣ. Его узнать нельзя было. Желчный, озлобленный умъ его разилъ всѣхъ и все ядовитыми колкостями: какимъ-то холодомъ вѣяло отъ его сумрачно-горделивой фигуры, неизбѣжно появлявшейся на всякомъ сколько-нибудь значительномъ сборищѣ. Онъ сразу взялъ прежнее первенство, какъ собственность, какъ неотъемлемое право, и скоро, будто натѣшась имъ всласть, наигравшись своими пѣшками, ни съ кѣмъ не простившись — уѣхалъ въ Москву и зажилъ въ московскомъ домѣ. Но семейное счастіе не вернулось: черныя думы, какая-то *возвратная* подозрительность, мрачныя воспоминанія прошлаго все чаще стали овладѣвать Павломъ, все дольше и дольше держали его въ

своихъ когтяхъ, доводя до болѣзненныхъ припадковъ меланхоліи... Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы не только спросить, а даже слегка намекнуть женѣ о томъ, что̀ отравляло ему жизнь; Наталья Николаевна была слишкомъ чиста и слишкомъ уважала себя для того, чтобы снизойдти до предупредительности въ такомъ дѣлѣ, какъ оправданіе себя передъ ревнивцемъ... Иногда затаенная пытка становилась не подъ силу обоимъ, роковое объясненіе готово было вырваться у той или другой стороны—тутъ являлась какая-нибудь помѣха: незначущій, но дурно понятый взглядъ, улыбка, некстати обыденный вопросъ и тому подобная мелочь сковывала языкъ, или самъ Павелъ съ тупой деликатностью уклонялся отъ подаваемой ему спасительной нити, рѣшимость истощалась по каплѣ—и все шло по прежнему... Какъ бы не зная, куда уйдти отъ самихъ себя, Мезенскіе часто мѣняли мѣста—жили то въ Петербургѣ, то въ Одессѣ, то въ деревнѣ; шли годы... Наталья Николаевна замѣтно гасла, Павелъ быть можетъ въ душѣ страдалъ больше ея. У нихъ родилась дочь, но и это не воскресило прошлаго. Наконецъ, будто по уговору, отправились они заграницу: оттуда Павелъ вернулся одинъ съ сыномъ, побывалъ у отца въ

деревнѣ и уѣхалъ служить на Кавказъ, предоставивъ дѣду воспитаніе его любимца-Борьки. «Опять я твой, свободная стихія!» говорилъ онъ, простившись съ отцомъ; до самой смерти бросался онъ впередъ всѣхъ на завалы и умеръ передъ полкомъ.

— Неоткровенность, дружочекъ, неоткровенность погубила и заѣла ихъ... А славные были оба — и какъ любили другъ друга! послѣ ужъ я это понялъ!.. говаривалъ старикъ-дѣдъ Бориса, передавая эти подробности уже совершеннолѣтнему внуку, когда тотъ съ мучительной тоской молодаго сердца добивался правды о своемъ отцѣ...

Звонко задрожали серебристые удары трехъ четвертей и долго не замиралъ въ углахъ послѣдній звукъ ихъ, напомнивъ Борису, какъ скоро идетъ время въ одинокой думѣ. Онъ прошелъ вторую гостиную и длинную амфиладу комнатъ, въ которыхъ пахнуло легкою сыростію нежилыхъ покоевъ. Странно зачастило его сердце при входѣ въ будуаръ сороковыхъ годовъ: свѣтлый атласъ обоевъ, мебель розоваго дерева, пышныя занавѣси по окнамъ — все уцѣлѣло, до малѣйшей фарфоровой бездѣлушки, только видимо полиняло отъ времени. Часы,

остановленные двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—такъ и показывали безъ четверти два.

Онъ вздохнулъ полегче, видя, что Петръ Ивановичъ, мать и сестра такъ уютно сидятъ вокругъ мозаичнаго столика: дядя и Наталья Николаевна говорятъ межъ собой такъ просто, такъ отъ души, а Лида словно кошечка прижалась къ спинкѣ кресла и съ улыбкой поглядываетъ на нихъ, допивая чашку...

Но какъ непріятно упало въ немъ сердце, когда онъ вслушался въ предметъ разговора; словно избѣгая воспоминаній прошлаго, они толковали о ближайшемъ будущемъ: о женитьбѣ самого Бориса...

— Да, накуралесилъ, не отрапортовавъ даже и мнѣ, говорилъ Петръ Ивановичъ, вертя въ пальцахъ табакерку:—и вотъ теперь никакихъ связей не сдѣлаетъ...

— О, mon oncle, слегка вскрикнула Лида, взглядывая на брата и силясь улыбнуться: je ne vous croyais pas si tschinownik.

— Э, душечка, что я за чиновникъ! отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, держа въ рукѣ понюшку: — on m'a planté la, вотъ я и сижу,. какъ левъ на воротахъ...

Лида засмѣялась, а дядя потрепалъ ее по щечкѣ тремя пальцами, посыпая на воротни-

чекъ лафермомъ въ видѣ особенной милости...

— О, дядя, смѣялась Лида, спѣша замять разговоръ: — вы хотите сказать: въ клѣткѣ?

— Куда! отвѣтилъ сенаторъ: — вотъ покойникъ отецъ твой — это дѣло другаго рода, продолжалъ онъ задумчиво и видимо увлекаясь: — помню... разъ... въ Алжирѣ... неподалеку отъ арабскаго дуара охотились мы по этому звѣрю: смертельно раненый, онъ только гривой тряхнулъ, лапой разбросалъ собакъ какъ щепки, повалилъ одну лошадь съ охотникомъ, прорвалъ ряды стрѣлковъ и, весь пронизанный пулями, такъ еще страшно поводилъ глазами, что никто изъ насъ не рѣшался подойдти... Странно, прибавилъ сенаторъ, защелкнувъ табакерку: — только-что заговорю о Павлѣ — сейчасъ и вспомнится этотъ эпизодъ изъ моего путешествія...

— А мнѣ странно, дяденька, что вы такъ хорошо разсказываете и такъ затрудняетесь въ слогѣ при диктовкѣ, засмѣялся Борисъ.

Надо было видѣть, какъ горделиво улыбалась Наталья Николаевна, слушая разсказъ! Какою нѣжностію звучалъ ея голосъ, когда она обратилась къ сыну:

— Извини, Боринька, что̀ ближе къ сердцу —

о томъ и говоришь прежде всего: я не дождусь поскорѣй увидѣть твою невѣсту...

— Еслибъ вы знали, *maman*, какъ я боюсь за первое впечатлѣніе! отвѣтилъ Борисъ, наклоняясь къ рукѣ матери.

— Est elle belle, mon frère? Est ce une bonne et douce créature surtout? подоспѣла Лида...

— Всего понемножку, Лида, уклончиво сказалъ Мезенскій.

— Гдѣ же мы познакомимся? спросила Наталья Николаевна.

Мезенскій видимо растерялся.

— Что, механикъ, опѣшилъ? подтрунилъ сенаторъ: — что касается ея личныхъ качествъ, такъ я объ этомъ не хлопочу: объѣхалъ весь свѣтѣ и нахожу... (Онъ хотѣлъ сказать, *что всѣ женщины одинаковы*, да взглянулъ на свояченицу и поперхнулся)... И нахожу, что я нигдѣ не видалъ ничего подобнаго, такъ-какъ... потому что и самоё-то ее еще не видалъ, торопливо докончилъ морякъ:—даже процессъ ея давеча спуталъ съ чьимъ-то чужимъ...

Всѣмъ какъ-то неловко стало.

— Пожалѣйте, *maman*, бѣдную мою Любу, ее некому представить: она ни съ кѣмъ не знакома, прямо сознался Мезенскій. Наталья Ни-

колаевна невольно переглянулась съ дочерью.

— Что за бѣда! весело подхватилъ сенаторъ, спѣша загладить обмолвку: — у насъ въ роду странные браки.

— Что вы хотите сказать, beau frère? вспыхнула Наталья Николаевна.

— Нѣтъ.... я.... такъ, спохватился Петръ Ивановичъ:—вспомнилъ о прадѣдѣ... Вѣдь вы знаете, ma soeur?..

Наталья Николаевна невольно улыбнулась: дѣло въ томъ, что одинъ изъ прадѣдовъ Мезенскаго по боковой линіи купилъ себѣ чужую жену отъ живаго мужа: какъ это устроилось— неизвѣстно, только они были обвѣнчаны... Тогда это еще водилось...

— Э, полноте, какъ-нибудь сладится, заговорилъ сенаторъ:—ложи возьмемъ рядомъ, что ли, или на дачѣ гдѣ-нибудь съѣдемся...

И онъ рѣшительно перемѣнилъ разговоръ.

Поздно вечеромъ проходя обратно гостиную, Борисъ пріостановился у фамильныхъ портретовъ.

— Все какъ будто снова собирается, все прошлое выплываетъ, подумалъ онъ и подошелъ къ окну: ровная темь лежала на безлунномъ полѣ; вдали словно въ черномъ воздухѣ дрожали искорки фонарей...

Какое-то предчувствіе налетало на него, и страшновато стало ему за свое близкое, за свое рѣдкое счастье.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Искуство, которымъ держится искуство.

Квартира нашей даровитой артистки сразу ошибала плохо удавшеюся претензіей на комфортъ, начиная отъ стальныхъ крючковъ передней, гдѣ Бармовъ и Звѣздочкинъ оставили свои пальто; бѣленькая миніатюра залы съ тусклою стѣнною лампочкой, не скрывавшею впрочемъ затоптаннаго пола, едва успѣла мелькнуть мимо сослуживцевъ, какъ они очутились въ сѣренькой миніатюрѣ гостиной, гдѣ свѣтъ великолѣпной столовой лампы былъ слишкомъ силенъ относительно комнаты и откровенно рекомендавалъ гостямъ потертый коверъ, а вся меблировка дышала такою легкостью, что садиться на нее было страшновато. Взбитая, античная прическа, угольки-глаза и литыя плечи молодой хозяйки еще рѣзче выступали при свѣтѣ фотогена; красная шаль, брошенная во-

кругъ стана, придавала всей фигурѣ что-то задорное, вакхическое...

Возлѣ нея помѣщалась соперница по искуству, сверкая брилліантами, а вокругъ размѣщалась очень юная молодежь, и нѣсколько театральныхъ личностей, попахивающихъ режиссерствомъ, бутафорствомъ и тому подобнымъ.

Артистка протянула руку обоимъ сослуживцамъ, защебетала, какъ ей пріятно, какъ она благодарна m-r Бармову за доставленіе удовольствія видѣть у собя m-r Звѣздочкина, и усадила ихъ поближе къ себѣ...

— А что же, Аполлонъ Иванычъ, вы, надѣюсь, исполнили ваше обѣщаніе? Привезли? обратилась она съ чарующею улыбкой.

— Привезъ, отвѣтилъ тотъ, и краснѣя, и сіяя отъ счастія при такомъ сближеніи съ представительницей свободнаго искуства.

Въ это время въ гостиную вошелъ безукоризненно блестящій господинъ, не спѣша приблизился къ хозяйкѣ, съ какимъ-то холодкомъ подалъ ей руку, подалъ ее двумъ-тремъ изъ гостей и лѣниво опустился въ кресло, точно не онъ выбралъ мѣсто, а само оно къ нему подъѣхало... Звѣздочкинъ посмотрѣлъ на него въ наивномъ изумленіи.

— Вы очень кстати, заговорила артистка, обратясь къ новоприбывшему,—Аполлонъ Иванычъ сегодня читаетъ намъ свою драму... m-r Звѣздочкинъ, Александръ Петровичъ Астреинъ, представила она ихъ другъ другу.

Астреинъ проговорилъ что-то похожее и на «очень радъ познакомиться» и на «провались въ преисподнюю», а соперница процѣдила съ кислой-прекислой улыбкой:

— Какъ ты счастлива, душечка! Давно ли вышла изъ школы и вдругъ получаешь бенефисъ и даже оригинальную пьесу...

— Что дѣлать! Надо хоть счастьемъ брать, отсыпала артистка ѣдкою щелочью,—мнѣ блистать нечѣмъ... Развѣ немножко искусства, да кому оно нужно?

Такъ какъ встрѣча этихъ двухъ элементовъ театральной соли грозила шипѣньемъ посильнѣй содоваго порошка, то Звѣздочкинъ инстинктивно подоспѣлъ на выручку.

— Я вижу явное доказательство вниманія публики, сказалъ онъ, кивнувъ головой на лавровый вѣнокъ, висѣвшій на зеркалѣ.

— Это все моя милая молодежь, отвѣтила артистка, подаривъ бывшихъ налицо представителей молодежи ласковымъ взглядомъ.—Что же, m-r Звѣздочкинъ, угодно вамъ начать?

— Я готовъ, отвѣтилъ молодой авторъ, вынимая изъ шляпы свертокъ.

Артистка приняла возлѣ него позу дремлющей нимфы; Астреинъ сѣлъ за соперницей, и огорошенный вѣстью о чтеніи, довольно безцеремонно положилъ локти на спинку ея кресла, а она прислонилась къ нимъ шиньйономъ. Прочіе размѣстились кружкомъ.

Авторъ прочелъ пикантное заглавіе и принялся перечислять дѣйствующихъ лицъ. Астреинъ считалъ-считалъ и счетъ потерялъ, рѣшивъ, что съ такою процессіей нетолько драму разыграть, а пожалуй можно и крѣпость взять...

— Явленіе первое... Входитъ... началъ-было Звѣздочкинъ, но вдругъ осѣкся, потому что въ комнату дѣйствительно входило новое лицо и озиралось, отыскивая хозяйку. Аполлонъ Ивановичъ глазамъ не вѣрилъ; ему казалось, что судьба, чтобы помѣшать ему, выдумываетъ просто невозможныя вещи: это былъ не кто иной, какъ самъ Юрій Васильевичъ Люцкой, да такъ щеголевато перемѣнившійся, что на улицѣ онъ его низачто бы не узналъ...

— Извините мою навязчивость, началъ тотъ послѣ первыхъ привѣтствій хозяйкѣ, — я взялъ смѣлость расчитывать на вашу готовность по-

мочь доброму дѣлу... Устраивается литературный вечеръ въ пользу бѣднаго семейства; надѣюсь, вы не откажетесь принять участіе и скрасить вечеръ... Бѣднымъ людямъ *кусать* нечего...

Модное слово было встрѣчено одобрительными взглядами.

— Право не знаю, что вамъ сказать, m-r Люцкой, отвѣтила артистка, рѣшая мудреную задачу съ двумя неизвѣстными. Люцкому хотѣлось подсказать рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ, но онъ не смѣлъ заподозрить артистку въ незнаніи этой части математики.—Кто еще у васъ читаетъ? проговорила та съ разстановкой.

Люцкой назвалъ двѣ-три фамиліи de haute volée, не зная еще, согласятся ли они дать хоть одно имя для украшенія афиши.

— Не могу обѣщать навѣрно, протянула артистка, — но если ничто не помѣшаетъ... быть по сему... Я вижу, вамъ хочется пригласить m-r Звѣздочкина? Не стѣсняйтесь...

— Такъ пожалуйста, не стѣснился Люцкой, кивнувъ автору.

— У меня такъ мало времени, заломался тотъ въ свою очередь, и это ломанье, не смяг-

ченное женскою граціей, вышло такъ неловко, что Люцкой коротко срѣзалъ:

— Дѣлать нечего. Не смѣю безпокоить...

— Нѣтъ... что жъ... какъ-нибудь постараюсь, спохватился авторъ.

— Еще разъ прошу извиненія въ томъ, что нечаянно прервалъ ваше чтеніе, сказалъ Люцкой, взявъ шляпу.

— Если вамъ не жалко вечера, m-r Люцкой, подарите его намъ, любезно проговорила хозяйка.

Люцкой поблагодарилъ поклономъ и сѣлъ, оправляясь и оглядываясь назадъ, точно опасаясь, чтобы на него не наѣхали дышломъ.

— Кто этотъ предусмотрительный юноша? спросилъ Астреинъ, наклоняясь къ соперницѣ:—я, кажется, гдѣ-то видалъ его...

— Пишетъ въ журналахъ, отвѣтила та, сверкая бриллiантами,—недавно выступилъ съ такимъ успѣхомъ.

— Часъ отъ часу не легче, подумалъ Астреинъ, отваливаясь на спинку своего кресла.

Звѣздочкинъ продолжалъ чтеніе; занавѣсъ поднялся надъ маленькой комнаткой въ два окна съ плющемъ и геранью, съ ширмами, оклеенными модными картинками. Дѣйствующее лицо, именуемое Парашей, доложило слу-

шателямъ, что она есть весьма бѣдная швея, проживающая трудами рукъ своихъ, и только что произнесло нѣсколько цитатъ изъ политической экономіи, какъ послѣдовалъ новый перерывъ. На этотъ разъ въ дверяхъ гостиной то появлялась, то пряталась горничная нашей даровитой артистки, выглядывая и скрываясь, точно вертишейка. Хозяйка вышла къ ней, и среди общаго молчанія слышался полушопотъ: «чай готовъ... сами будете разливать?»

Перерывъ послѣдовалъ полный, и новыя извиненія только заставили автора выдѣлывать жалко-любезныя гримасы. Онъ почувствовалъ какую-то неловкую робость, и подойдя къ новому знакомому, признался, что ему почти страшно читать въ присутствіи такого критика, какъ Люцкой, и такого таланта, какъ наша даровитая артистка...

— Конечно, сказалъ Астреинъ,—но я позволю себѣ спросить, вполнѣ ли вы знакомы съ ея талантомъ? Хотите, я вамъ покажу его во всемъ объемѣ?... Пойдемте, я сейчасъ попрошу ее продѣлать въ гостиной все то, что̀ она исполняетъ на сценѣ... И почти за словомъ, ловко скользя по паркету, онъ подсѣлъ къ своей жертвѣ.

— Слышали новость? безпечно проговорилъ

онъ: — сегодня двоихъ убило громомъ... Актриса всплеснула руками, хрустнула пальчиками и вскинула глаза наверхъ...

— До смерти? проговорила она глухимъ голосомъ.

— До смерти, проговорилъ Астреинъ.

Черты лица его собесѣдницы задрожали, точно мелькая въ грошевомъ и волнистомъ зеркальцѣ, и она, вздрогнувъ плечами, закрыла глаза.

— Да, печальное происшествіе, соболѣзновалъ Астреинъ: — говорятъ, одинъ изъ нихъ чревовѣщатель, который давалъ свои представленія, по желанію публики, на-дому и показывалъ дикобразовъ.

Артистка пожала плечами, свернувъ голову на-бокъ, и искоса поглядѣла на него.

— Что такое вы говорите? прощебетала она, недоумѣвая.

— Виноватъ, перебилъ Астреинъ, — я это спуталъ! Впрочемъ, очень можетъ быть, ничего подобнаго и не бывало.

Артистка уронила руки, залилась гармоническимъ смѣхомъ, потомъ будто по командѣ остановилась и передала чашку своему собесѣднику.

Астреинъ вернулся къ озадаченному юношѣ и скромно занялъ свой стулъ.

— Вотъ я показалъ вамъ *ужасъ*, *недоумѣніе* и *смѣхъ*, остальной мимики сами добирайтесь.

За чаемъ завязался общій разговоръ; мужчины курили, громко смѣялись, артистка неумолкаемо щебетала, и время прошло такъ скоро, что дочитывать драму стало ужъ поздно; да объ ней почти и забыли. Всѣхъ занималъ пріѣздъ семейства Мезенскихъ, которыхъ Астреинъ встрѣтилъ по дорогѣ къ артисткѣ.

— Притащите же, Александръ Петровичъ, вашего дикаря, упрашивала она, — вѣдь это наконецъ невѣжливо; сколько разъ вы мнѣ обѣщали...

— Къ несчастію, это зависитъ отъ него по крайней мѣрѣ столько же, какъ и отъ меня, вяло проговорилъ тотъ.

— Не вѣрю... это вы за-глаза его злословите... отшучивалась артистка.

Мало-по-малу стали разъѣзжаться. Артистка прощалась съ молодымъ драматургомъ, охвативъ рукой портьеру гостиной и прижимаясь головкой къ фону драпировки, пока онъ надѣвалъ перчатки.

— Мнѣ жаль, что нашему чтенію такъ помѣшали, говорила она, — пріѣзжайте, завтра запросто; у меня никого не будетъ... Прощай-

те, прибавила она, взявъ его руку въ обѣ свои, пожимая ее и обдавая его такимъ взглядомъ, что онъ вспыхнулъ до ушей. Не ноги несли его по улицѣ, пока онъ шелъ съ Люцкимъ и Бармовымъ до биржи.

— Какъ мила! воскликнулъ онъ.—Такъ просто себя держитъ! Такъ ласкова съ этой молодежью!

— Еще бы! отвѣтилъ Бармовъ: — молодежь пока нужна; приласкать ее ничего не стоитъ, а за добрыя дѣла награда и въ раю, и въ партерѣ... Это просто даровые клакеры...

Артистка, проводивъ послѣдняго гостя, тотчасъ вышла изъ своей роли, направилась въ маленькую спальню, сѣла передъ зеркаломъ, и горничная, убирая на ночь ея волосы, видѣла, какъ морщится ея лобъ, сводя счеты вечера.

— Пятьдесятъ три чашки чаю! вскрикнула актриса, оборачиваясь къ ней: — это ужасно! Эдакое несчастіе, Маша: думала подхватить что-нибудь свѣженькое къ бенефису, а этотъ Звѣздочкинъ должно-быть въ четырехъ стѣнахъ выросъ!... Разсужденія, монологи... О, Боже мой! Боже мой! И конца этому нѣтъ, а ничего не подѣлаешь... Хоть бы Мезенскій, что ли.. добавила она мысленно, прищуриваясь, и улыбнулась чему-то недоконченному.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Нашла коса на камень.

Мѣрно и не тревожа покоя столичнаго города отсчитывали Спасскіе часы мелодичныя четверти съ гармоніей часовыхъ ударовъ, добрались до девяти утра и принялись за курантную музыку. Все это слабо отдавалось въ сенатскомъ корридорѣ, начинавшемъ наполняться писцами и штатными мелкаго разбора. Толпа все прибывала, точно это длинное, узкое, сводистое горло получало свою пищу и никакъ не могло насытиться. На-скоро затянувшись папиросной, служители Ѳемиды переходили въ прожорливый желудокъ — Канцелярію, уцѣлѣвшую чуть ли не съ самаго основанія сената. Шкапы, выкрашенные бѣлою краской и похожіе на двери; стеклянныя двери, похожія на окна; окна, по своей ветхости, пыли и сырости, ни на что не похожія; кухонная мебель и столы, на которыхъ сукно вывѣтрилось, подобно древнимъ памятникамъ,—все это уже давно требовало сдачи въ архивъ.

Казалось, что желудокъ обладаетъ сильными

мышечными волокнами; трудно было бъ иначе объяснить себѣ, какъ могли попавшія сюда личности до такой степени сгладиться, притереться и пріобрѣсть общій колоритъ геморроя и желчи. Это пернатое населеніе усердно скрипѣло своими орудіями, строча на всевозможные и невозможные почерки: *кто что слушалъ и кто что приказалъ,* и въ дружномъ скрипѣ на одномъ изъ столовъ гудѣло что-то въ родѣ чтенія псалтири надъ покойникомъ. Сплошь сіяя, прошелъ оберъ-секретарь и скрылся въ полости сердца—Секретарской; тутъ все было классомъ или двумя почище; изъ громаднаго количества припасовъ, свозимыхъ со всѣхъ концовъ Россіи, сюда поступали только выжимки самыхъ питательныхъ веществъ, переработанныхъ желудкомъ, для того чтобы сосуды этой полости несли квинтъ-эссенцію въ высшую и главную полость. Процессъ этотъ, съ такимъ неутомимымъ рвеніемъ ежедневно совершаемый Николаемъ Дементьевичемъ Бармовымъ, состоялъ въ слѣдующемъ: усѣвшись за красный столъ и вооружась краснымъ карандашемъ, солидный секретарь клалъ передъ собой апеляціонное дѣло такого объема, что въ немъ умѣстился бы какой угодно энциклопедическій словарь.

Николай Дементьевичъ прежде всего бѣгло просматривалъ всю кипу, потомъ херилъ около трехъ четвертей ея, состоявшихъ: 1) изъ переписки о томъ, что такой-то земскій судъ вотъ уже столько-то лѣтъ не исполняетъ указа такого-то губернскаго правленія за такимъ-то №, о чемъ и дѣлается ему каждый мѣсяцъ подтвержденіе съ наистрожайшимъ выговоромъ; 2) изъ двухъ-трехъ десятковъ рапортовъ такой-то гражданской палаты, повторяющихъ другъ друга листахъ на пяти, и, словно сказка о бѣломъ быкѣ, начинающихся сначала, прибавляя въ концѣ новое свѣденіе строчекъ въ пять, и наконецъ 3) изъ жалобъ просителей, наполненныхъ слезами сироты и знаками вопіющими, которыя слѣдуетъ читать, начиная только съ *дабы повелѣно было*. Заготовивъ такимъ образомъ эссенцію, Николай Дементьевичъ приступалъ къ обработкѣ ея вчернѣ, дѣлая возможно краткій экстрактъ и заучивая его на память.

Въ половинѣ одинадцатаго оберъ-секретарь. Лихонинъ вышелъ въ канцелярію и освѣдомился о Бармовѣ; того еще не было. Оберъ-секретарь покосился на Звѣздочкина и покачалъ головой, но ничего не сказавъ однако, также важно вернулся въ присутствіе. У подъ-

ѣзда стала карета. Два курьера высадили маститаго старца, въ военномъ пальто и повели его подъ-руки на лѣстницу. Войдя въ залу присутствія, онъ опустился на свое кресло, поникъ сѣдою головой передъ зерцаломъ и погрузился въ дѣла давно минувшихъ дней.

Пріѣхалъ оберъ-прокуроръ, еще одинъ старичекъ-сенаторъ, за нимъ и Петръ Ивановичъ; понемногу собралось все присутствіе. Оберъ-секретарь приходилъ въ отчаяніе, но вмѣстѣ съ послѣднимъ ударомъ одинадцати, явился и Бармовъ, какъ всегда, въ бѣломъ жилетѣ подъ растегнутымъ мундиромъ.

— Экъ, батюшка! суетливо заворчалъ оберъ-секретарь, подсовывая ему кипу:—это по первой части, начинайте съ Самострѣловскаго; отвалимъ, и къ сторонѣ... Да, пожалуйста, не тарантите, отбирайте бумагу за бумагой, по порядку, какъ лежатъ, а то у васъ Богъ знаетъ что выходитъ...По реестру ждешь одного дѣла, а вы другое выхватите... Никакъ не сообразишь.

Бармовъ обѣими руками насилу держалъ передъ собою эту кипу и медленно послѣдовалъ за начальникомъ, который несъ кипу еще больше. Процессія пошла вокругъ длиннаго стола, за которымъ уже собралось все присутствіе.

Вдругъ... Но, нѣтъ! надо самому быть оберъ-секретаремъ, чтобы вообразить себѣ весь ужасъ Лихонина!

Бармовская кипа выскользнула изъ рукъ докладчика и разъѣхалась по полу въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Николай Дементьевичъ кинулся подбирать, и ужъ кто его знаетъ, второпяхъ что ли, началъ выдергивать листы изъ разныхъ дѣлъ и окончательно перепуталъ докладъ. Присутствующіе съ недоумѣніемъ смотрѣли на жертвоприношеніе, совершаемое у ногъ ихъ колѣнопреклоненными жрецами.

— Ужъ докладывайте, шипѣлъ Лихонинъ, выхвативъ Самострѣловское дѣло и простираясь надъ остальными,—разберу самъ.

Онъ сгребъ весь докладъ въ охапку и унесъ на отдѣльный столикъ въ углу присутствія, а Бармовъ положилъ дѣло на длинный столъ и картинно оперся на него рукой.

— Извольте начинать, сказалъ одинъ изъ сенаторовъ и заглянулъ въ реестръ: — дѣло о наслѣдствѣ купца Самострѣлова...

Николай Дементьевичъ, по обыкновенію, наклонился нѣсколько впередъ и заговорилъ однообразнымъ тономъ лѣтописца.

***ской подгородной слободы мѣщанинъ, Сила Самострѣловъ, въ жизнь свою былъ же-

натъ на двухъ женахъ, и т. д., что уже извѣстно читателю и не безъизвѣстно было самимъ сенаторамъ, такъ-какъ дѣло передокладывалось уже въ третiй разъ.

Докладъ длился уже довольно долго, какъ послѣдовалъ неожиданный перерывъ.

— Какой слободы? спросилъ вдругъ маститый старецъ.

Произошло нѣкоторое замѣшательство; Бармовъ торопливо перелистовывалъ дѣло; ему озлобленно вторилъ оберъ-секретарь, шелестко перебирая спутанный докладъ на своемъ столѣ.

— Да не трудитесь, проговорилъ другой сенаторъ, и наклонившись къ сосѣду, шепнулъ ему что-то, вслѣдствiе чего тотъ пересталъ освѣдомляться.

— Палата рѣшила въ пользу Григорiя Самострѣлова, отказавъ Кожевину и Любови Ясеневой: первому на томъ основанiи, что единоутробные братья не наслѣдуютъ, а второй на основанiи статьи X тома, въ силу которой потомство сестры при потомствѣ брата не наслѣдуетъ.

— Да, проговорилъ одинъ изъ сенаторовъ, обращаясь къ Лихонину,—такъ вы полагаете...

Лихонинъ торопливо складывая кипу, отозвался отъ своего стола:

— Я полагаю, ваше превосходительство, утвердить рѣшеніе палаты и согласно съ нимъ выдѣлить вдовѣ Самострѣловой седьмую часть.

— Осмѣлюсь обратить вниманіе вашего превосходительства, задрожалъ позади первоприсутствующаго взволнованный голосъ.

— А? первоприсутствующій положилъ поднятое перо.

Бармовъ перевелъ духъ и собрался съ силами.

— Осмѣлюсь обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что эта статья въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ силы.

— Э? произнесъ другой сенаторъ.

Лихонинъ бросилъ неразобранный докладъ и торопливою походкой приблизился къ столу, спѣша остановить «прорванную плотину», какъ онъ называлъ Бармова, когда тотъ не въ мѣру разговорится при докладѣ...

— Не имѣетъ силы? спросилъ оберъ-прокуроръ:—почему?

— Николай Дементьевичъ, вѣроятно, собственно не то хочетъ сказать, началъ Лихонинъ, бросая Бармову взглядъ, который означалъ: образумьтесь!

— Дайте ему говорить, перебилъ Петръ Ивановичъ Мезенскій,—почемъ вы знаете, что̀ онъ хочетъ сказать...

Петръ Ивановичъ всталъ изъ-за стола и началъ ходить по залѣ, пожимая плечами.

— Вотъ въ юридическомъ сборникѣ, продолжалъ Бармовъ,—напечатанъ указъ о томъ, что потомство единокровныхъ братьевъ, каковъ Григорій Самострѣловъ, при потомствѣ родныхъ, хотя бы и сестеръ, каковы Любовь Ясенева, не наслѣдуетъ...

— Знаю, помню, живо перебилъ оберъ-прокуроръ, привставъ съ мѣста, — изъ ума вонъ при этой кучѣ дѣлъ... Что же вы на предварительномъ докладѣ не сказали мнѣ?

— Я еще плохой юристъ, ваше превосходительство, улыбнулся Бармовъ, — и только вчера узналъ о существованіи этого указа.

Лихонинъ, пораженный фокусомъ появленія сборника изъ кипы и смутно догадавшійся, что не могла же книжка попасть туда сама собою, теперь готовъ былъ прострѣлить Бармова своимъ взглядомъ...

— Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать наслѣдницей Ясеневу, а прочимъ отказать и палатское опредѣленіе отмѣнить, ясно рѣшилъ первоприсутствующій и подписалъ рѣшеніе.

— А я остаюсь при мнѣніи палаты, сказалъ другой сенаторъ, — просители тоже могли не знать о существованіи указа...

— Они дѣйствительно и не знаютъ, перебилъ Петръ Ивановичъ, складывая докладную записку въ разныя формы,—такъ не рѣшать же для нихъ по Ярославовой Правдѣ... Только дѣло затянете, выйдетъ разногласіе, въ общее собраніе перейдетъ, надо же будетъ тамъ согласиться... Мнѣ домой поскорѣе бы...

— И то дѣло!

— Ваше превосходительство, не угодно ли? подошелъ Бармовъ къ маститому старцу.

Тотъ вздрогнулъ, и такъ удивился, точно прямо съ поля сраженія попалъ въ курульное кресло, и только осмотрѣвшись, понялъ, чего отъ него требуютъ.

— Я согласенъ, согласенъ... и написалъ было: *согл...*

— Фамилію вашу! крикнулъ Бармовъ въ испугѣ, что придется опять передокладывать. Генералъ молодецки тряхнулъ эполетомъ и расчеркнулся.

— Однако вы таки... тово... понавострились! злобно проговорилъ Лихонинъ, выйдя въ секретарскую.

— Помилуйте, много чести! поблагодарилъ Бармовъ.

— Послушайте, Николай Дементьичъ, продолжалъ Лихонинъ, перебирая бумаги, — вы

очень хорошо понимаете, что и та комната и эта (онъ поглядѣлъ въ канцелярію и въ присутствіе) мало значатъ въ сравненіи съ нашей; насъ тутъ двое, не тѣсно ли намъ будетъ?

— Я не совсѣмъ понялъ васъ, отвѣтилъ Бармовъ, — можетъ быть оттого, что вы изволили выразить ваше мнѣніе о нашихъ начальникахъ въ такой формѣ, какой я себѣ не могу позволить; да сомнѣваюсь, чтобъ и они сочли ее за лучшую...

Лихонинъ поглядѣлъ на него, какъ пѣшій на коннаго, и понялъ, что далеко ему не товарищъ.

— Видно мнѣ у васъ поучиться еще, выговорилъ онъ съ аффектированнымъ поклономъ, — мы хоть по-просту, по-старинѣ; а вы свою проволочку и тонко тянете, да толсто выходитъ.

— Много чести, повторилъ Бармовъ, и выйдя въ канцелярію, бросилъ докладъ Звѣздочкину, приказавъ ему отмѣтить и сдать какъ можно скорѣй писцамъ опредѣленіе.

— За что? За что? Вы слышали, господа? зашумѣло въ канцеляріи:—за что такое наши не поладили?

— А вотъ за что, сказалъ Звѣздочкинъ на всю комнату, и его тотчасъ обступили:—оберъ нашъ держалъ ту сторону, а Николай Дементь-

ичъ Ясеневскую, потому что нельзя! hommage aux dames! можно и карьерой пожертвовать! Онъ же кстати за ней и пріударилъ... Вотъ будетъ комедія-то, господа, какъ она ему носъ натянетъ!

Пріѣхавъ домой, въ скромную чиновничью квартирку, Николай Ивановичъ съ особеннымъ чувствомъ обнялъ сестру, передалъ ей новость и, выразительно улыбаясь, напомнилъ объ условіи...

Между ними давно было порѣшено, что въ случаѣ выигрыша дѣла, Анета поѣдетъ къ пансіонской подругѣ и сдѣлаетъ ей предложеніе отъ имени брата.

Бармова тотчасъ же уѣхала, обѣщая изо всѣхъ силъ хлопотать о счастіи своего Колечки.

Николай Ивановичъ ходилъ изъ кабинета черезъ залу въ комнату сестры и обратно все время, пока та исполняла возложенное на нее порученіе. Кровь его безпокойно волновалась, минуты казались часами; въ душѣ была пытка: то ему казалось, что сестра не съумѣетъ какъ слѣдуетъ взяться за дѣло, — оно и прежде приходило ему въ голову, но поручить ходатайство свахѣ было совѣстно, а самому подвергаться риску отказа не хотѣлось; то самый отказъ ка-

зался ему невозможнымъ: въ домѣ онъ свой человѣкъ, старуха къ нему благоволитъ и наконецъ чѣмъ же онъ въ самомъ дѣлѣ не женихъ?..

Онъ подходилъ къ зеркалу и самодовольно поправлялъ бакенбарды...

Наконецъ, къ вечеру, въ передней дрогнулъ звонокъ; Бармовъ поблѣднѣлъ, въ глазахъ у него зарябило, и онъ безсознательно глядѣлъ, какъ сестра разбрасывала по стульямъ капоръ, муфту, хвосты и прочія принадлежности...

— Ахъ, Колечка, угадай — какая новость! радостно объявила сестра.

— Ну? задыхаясь выговорилъ Бармовъ.

— Ахъ, бѣдный Колечка! совсѣмъ другимъ тономъ воскликнула Анета.

— Да что ты, съума что ли сошла? нервно перебилъ Николай Ивановичъ:—неужели отказъ? Прямой отказъ?

— Нѣтъ, очень благодарятъ за честь... которую ты имъ сдѣлалъ... запиналась Бармова, испуганно глядя въ мѣнявшееся лицо брата,— только ты опоздалъ, кажется...

— Да скорѣй же, скорѣй!.. Не мучь меня...

— Душечка, ты не сердись... Это Любочка мнѣ по секрету сказала...

— Фу, къ чорту! Да что такое?..

— Она ужъ помолвлена за кого-то...

Солидный секретарь хватилъ со стола лампу и въ дребезги грянулъ ее объ полъ...

— Николя!!...

— Николя! Николя! Николя! гримасничая на разные акценты, подхватилъ Бармовъ къ немалому изумленію сестры:—только и знаетъ: бя! бя—я! бя—я! Сваха!.. И высунулъ языкъ...

— Самъ ты должно быть съ ума сошелъ, обиженно проговорила сестра, пятясь къ своей комнатѣ..

— Сойдешь! закричалъ Николай Ивановичъ, окончательно выходя изъ себя:—чортъ дернулъ рискнуть во всю игру! Только съ начальникомъ поссорился... И ушелъ, хлопнувъ дверью кабинета.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Удальцы.

Поскрипывала свѣтлая крещенская ночь; въ тиши голубенькой гостиной на Старой Конюшенной соединялись три освѣщенія: зеленымъ абажуромъ столовой лампы, раскаленными угольями въ каминѣ и мѣсяцемъ, искрившимся въ иглистыхъ лѣсахъ пальмъ и елей, причудливо

совмѣщенныхъ морозомъ на оконныхъ стеклахъ. На диванчикѣ полулежала Даша, свертывая листокъ мелко исписанной бумаги въ корабликъ. Астреинъ сидѣлъ у камина передъ столикомъ съ недопитымъ стаканомъ чая. Сквозь дремоту ему чудилось посѣщеніе навязчивой гостьи, нигдѣ не пользующейся хорошимъ пріемомъ и всюду проникающей... Вонъ она такъ и вьется вокругъ Даши... Вотъ она теперь около него...

Онъ открылъ глаза и въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ, что кто-то стоитъ за его кресломъ, поёжился, всталъ и прошелъ по ковру; гостья такими же неслышными шагами прошла за нимъ нога въ ногу, заглядывая ему въ лицо. Астреинъ досадливо тряхнулъ головой и отошелъ къ окну, надѣясь хоть этимъ отвязаться; но въ нетронутую морозомъ часть стекла виднѣлся тотъ же фонарь и церковь, которые стояли тутъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ видѣлъ ихъ, нанимая квартиру... Гостья злобно улыбнулась, обвилась вокругъ него змѣйкой и давай сосать за сердце. Астреинъ протяжно вздохнулъ и пробормоталъ: «она и есть...»

Даша тревожно поглядѣла на профиль его, блѣдный въ свѣтѣ мѣсяца:

— Что съ тобой?

— Такъ, ничего, пройдетъ, отвѣтилъ тотъ,

не отводя глазъ съ улицы. По бѣлому снѣгу бѣгала отсталая собака, обнюхивая тумбы, фонарь и прохожихъ и поджимая хвостъ.

«Точно я, подумалъ Астреинъ: — куда ни ткнешься, все не къ мѣсту»... Онъ подошелъ къ Дашѣ и сѣлъ возлѣ нея. На него глядѣли милые, любящіе глазки; нѣжная бѣлая рука играла его волосами,—а другая, чужая рука медленно подкралась къ самому горлу, тиснула его и, понемногу сжимая, стала душить. Онъ потянулся къ Дашѣ и поцѣловалъ ее—но такимъ холоднымъ поцѣлуемъ, что она подалась назадъ, а потомъ наклонилась къ нему на грудь; гостья теперь ужъ обоихъ ихъ обвивала...

— Что-то не по себѣ, проговорилъ Астреинъ:—я пройдусь немного...

— Что же, ступай, сказала Даша.

Онъ обнялъ ее одною рукой, а другою отвелъ ея волосы, набѣгавшіе на лицо, нѣжно посмотрѣлъ на нее и поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что она опять подалась назадъ.

— Не тревожься, это пустяки, рѣшилъ онъ, взявъ шляпу.

Оставшись одна, Даша позвонила горничную, велѣла ей зажечь карсели въ залѣ и съ полчаса ходила по комнатамъ. Разноцвѣтный мраморъ ужъ не лоснился, мебель потускла, все

какъ-то позапылилось. Даша взяла со столица свою бумажку, сложенную ширмочкой, и, поставивъ ее на каминъ, зажгла сверху; красноватый отсвѣтъ облилъ ея задумчивое лицо съ большими грустными глазами; не успѣла еще бумажка догорѣть, какъ въ передней сильно рванули звонокъ...

Даша выбѣжала-было навстрѣчу Астреину, но, увидавъ съ нимъ незнакомаго мужчину, пріостановилась на порогѣ.

— Какъ у васъ нынче освѣщено! проговорилъ Астреинъ, здороваясь съ нею какъ-будто въ первый разъ въ этотъ вечеръ.—Наконецъ-то я имѣю удовольствіе представить вамъ одного изъ моихъ родственниковъ, съ которыми вы такъ желали познакомиться... Позвольте отрекомендовать: четвероюродный братъ мой, Борисъ Павловичъ Мезенскій...—Потомъ обратясь къ нему, сказалъ: «Дарья Николаевна...» запнулся, повторилъ: «Дарья Николаевна...» и умолкъ.

— Горенкина, торопливо помогла Даша.

— Вѣдь это со мной только и можетъ случиться, оправдывался Астреинъ: — ради Бога! простите мою разсѣянность...

Мезенскій не могъ скрыть улыбки.

— Ужъ позвольте и мнѣ извиниться, прого-

ворилъ онъ,—въ этомъ позднемъ визитѣ; почтенный родственникъ мой три мѣсяца тому назадъ узналъ о моемъ пріѣздѣ, а сегодня мы съ нимъ въ первый разъ имѣемъ счастіе видѣться, и то встрѣтясь случайно...

— Другъ мой, увѣряю тебя, что, недѣли двѣ тому назадъ, я совсѣмъ-было собрался къ тебѣ, да вспомнилъ о пріѣздѣ кузины и подумалъ, ужъ полно ловко ли будетъ явиться послѣ такой непозволительной медленности...

— Не лучше ли вовсе не являться? засмѣялся Мезенскій:—не правда ли, Дарья Николаевна, какъ это трогательно?

Даша немножко робѣла и конфузилась, чувствуя себя какъ-то на выставкѣ, и взглянула съ упрекомъ на фельетониста. Мезенскій пожалъ ея руку, не поднимая на нее глазъ. Астреинъ потихоньку смѣялся, любуясь ихъ замѣшательствомъ, и всѣ стояли, словно дожидаясь чего-то...

— Пойдемте въ гостиную, пригласила Даша и пошла впередъ. Астреинъ въ дверяхъ толкнулъ Мезенскаго подъ локоть, подмигнулъ ему и тутъ же комично извинился.

Есть дома, или лучше сказать комнатки, которыя мягко дѣйствуютъ на человѣка, точно нашептывая, что въ нихъ все мирно, тихо и

хорошо; есть люди, съ которыми сразу сходишься; Мезенскій тотчасъ почувствовалъ это, грѣясь предъ рѣшеткой съ каменнымъ углемъ. На каминѣ еще стоялъ пепелъ ширмочки·

— О чемъ вы гадали? спросилъ Борисъ.

— О томъ, что будетъ, пояснила Даша; — что-то нехорошее вышло, прибавила она, всматриваясь въ узорную тѣнь.

— Да вѣдь это съ одной стороны, шутилъ Мезенскій, — а вы попробуйте повернуть ее, можетъ быть лучше будетъ...

— Я и объ этомъ не тужу, просто и какъ-то серьозно сказала Даша.

— Вы насъ не уморите съ голоду для перваго знакомства? вмѣшался Астреинъ.

— Найдется что-нибудь!

Обѣщанное что-нибудь очень скоро нашлось; въ залѣ на кругломъ столикѣ появился холодный пирогъ, сыръ и бутылка съ зелеными рюмками. Гости весело заняли свои мѣста.

— Вотъ хорошо бы теперь прокатиться на тройкѣ, съ бубенчиками... сказала Даша, развеселившаяся къ концу ужина.—Да подальше куда-нибудь.

— Отличная мысль, проговорилъ Астреинъ,—а ты, Борисъ, какъ полагаешь? Ѣдемъ, что-ли?

— Отчего жъ и не поѣхать? отвѣтилъ тотъ, — ночь, просто читать можно! Морозъ и мѣсяцъ, и всѣ удовольствія...

— Такъ я пойду одѣнусь, а вы поскорѣй кончайте... Ахъ, морозъ-морозецъ, молодецъ ты русскій!..

Черезъ минуту она вернулась въ шубкѣ и собольей бояркѣ и торопила пріятелей. Тѣ поднялись.

Игриво сбѣжала Даша съ крыльца и прыгнула въ сани Мезенскаго, напѣвая: «ужъ кутить, такъ кутить, я женюсь такъ и быть»...

Пріѣхали къ Ечкину, давай стучаться въ ворота, подняли всѣхъ ямщиковъ, живо заложили тройку и выѣхали подъ предсѣдательствомъ чуть виднаго мальчугана, туда же съ павлиньимъ перомъ на шапкѣ. По Москвѣ ѣхали довольно тихо; лошади, покручивая завернутыми кренделькомъ хвостами, еще не разошлись; но какъ только миновали пустынную заставу, Даша стала къ облучку, взяла у мальчишки возжи, Мезенскій присвиснулъ, и ковровыя сани понеслись вдоль по шоссе, съ громомъ ныряя и переваливаясь на ухабахъ. Бѣлыя поляны съ рѣдкими деревьями, чорныя рощи, неслись по обѣимъ сторонамъ дороги, подъ синимъ фономъ юрко дрожавшихъ

звѣздъ; комки снѣга и мерзлой земли стрекали по лицамъ, бубенчики сладко журчали, а пристяжныя, завалясь на бокъ, такъ и драли во всѣ лопатки, словно качаясь на срединной оси тѣла; синеватая тѣнь ихъ неподвижно лежала подъ ногами... Даша все постегивала кнутомъ...

— Не балуй, не балуй, подавалъ недовольный голосъ мальчишка, — подхватятъ, упаси Богъ!

Но совѣтъ опоздалъ. Сначала никто этого не замѣтилъ, только толчки пошли такъ часто, что духъ захватывало; Даша чувствовала, что ее тянетъ черезъ облучокъ и поотпустила возжи: это было масло въ огонь.

— Ай, крикнула она, еще смѣясь:—ай, не удержу.

Ее легонько ударило чѣмъ-то въ открытое горло и что-то холодное скользнуло по груди. Мальчишка вцѣпился въ бразды, какъ ракъ, и, упершись ногами въ передокъ, опрокинулся навзничъ головой въ животъ Астреина. Куріозный маневръ не помогъ: его также быстро поставило на ноги, а сани понесло вихремъ...

— Саша! Разобьютъ! вскрикнула дѣвушка, падая назадъ и закрывая лицо муфтой.

Вдругъ она почувствовала что-то странное:

сани какъ будто клюнулись, пошли тише и стали совсѣмъ. Даша отвела муфту отъ глазъ. Мезенскій, сбросивъ шубу, стоялъ у облучка, натянувъ возжи и оговаривая лошадей ласковыми названіями.

— Вишь ты, купецъ! проговорилъ мальчишка, ужъ откуда-то подбѣгая къ санямъ, поправляя сбитую на бокъ шляпу и весь въ снѣгу,—не обидѣлъ Богъ силкой...

— Есть-таки, отвѣтилъ Мезенскій, посмѣиваясь. — Такого какъ ты, посажу на ладонь, да какъ прихлопну, что будетъ?

— Ну, то и будетъ, вразумительно проговорилъ мальчишка, взбираясь на свое мѣсто,и только тутъ прибавилъ:—я съ ладони-то соскочу...

— Ужъ я вижу, что ты на это мастеръ! Развѣ покатать? сказалъ Мезенскій, пуская лошадей:—эхъ, трогай, милыя!

— Что ты жмешься? спросилъ Астреинъ у Даши,—тебѣ холодно?

— Кусочекъ льду попалъ за платье, отвѣтила та.

— Помилуй, и не скажешь? вскрикнулъ Астреинъ.

— Да теперь ужъ разстаялъ...

— Такъ простудишься? настойчиво проговорилъ онъ, закутывая ее.

— Э, не въ первый разъ, отвѣтила она, махнувъ рукой,—самъ-то смотри не простудись...

Мезенскій любилъ править и умѣлъ дѣлать это съ толкомъ. Лошади, казалось, молчаливо порѣшили межъ собой, что съ такимъ не долго нашалишь, и когда, по общему желанію, вернулись назадъ, онѣ шли какъ по стрункѣ, чутко слушая возжу. По дорогѣ весело мелькали огоньки просыпавшейся деревни, которой катальцы не замѣтили во время бѣшеной скачки въ тотъ конецъ; утренній сумракъ смѣнилъ свѣтлую ночь. Мезенскій присвиснулъ и покатилъ вплоть до заставы.

— Вотъ и сердце разгорѣлось, проговорилъ онъ, передавая возжи мальчишкѣ...

Даша не подавала голоса до самаго дома, и когда бубенчики замерли послѣднимъ теньканьемъ у подъѣзда, она проворно выскочила изъ саней, крикнула Борису: прощайте! и юркнула въ сѣни.

— Теперь съ тебя на водку, сказалъ Мезенскій, подходя къ мальчишкѣ.

— Не обидьте! нашелся тотъ и, съѣзжая со двора, прикрикнулъ на лошадей звонкимъ дѣтскимъ голосомъ.

— Таки не утерпѣлъ, чтобы не похвалиться, сказалъ Борисъ Астреину, кивая навстрѣчу

двигавшуюся въ окнахъ, и пересаживаясь въ дожидавшіяся его сани...

— Надо жъ было показать тебѣ, гдѣ я прятался, отвѣтилъ тотъ, и оба засмѣялись; но когда Астреинъ остался одинъ у крыльца, онъ еще долго не двигался съ мѣста, рѣдко и тяжело дыша морознымъ воздухомъ...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

День субботній.

На другой день, часовъ около девяти вечера, Астреинъ и Мезенскій, оба во фракахъ, тихо разговаривая, шли по большой лѣстницѣ изъ швейцарской.

— Ты до того запропалъ, говорилъ Борисъ,—что тебя надо немножко оріентировать въ наши дѣла: во-первыхъ, у насъ постоянные, званые дни, сегодня именно одинъ изъ нихъ...

— Вотъ это я не очень-то долюбливаю... вставилъ Астреинъ, пристегивая пуговицу бѣлой перчатки.

— Во-вторыхъ, это дѣлается ради моей

невѣсты: впрочемъ, о свадьбѣ еще не говорятъ, пока это дѣло семейное...

— Ты женишься... вяло проговорилъ Астреинъ, слегка приподнимая брови:—это на той?

— Да ты ее сегодня увидишь... Только ради Бога осторожнѣй: она понемногу освоивается съ нашимъ бытомъ, но ее часто приходится выручать: имѣй въ виду...

— Въ-третьихъ — будетъ что-нибудь? перебилъ Астреинъ, зѣвнувъ.

— Въ-третьихъ, мать и сестра будутъ очень рады тебѣ, кончилъ Мезенскій. Входя въ залу, освѣщенную а giorno, Астреинъ пошелъ за нимъ съ видомъ жертвы, повѣся голову.

Въ большой гостиной, на угловомъ диванѣ, уходя въ пружины, сидѣла неизбѣжная московская барыня, до того полная, что можно было опасаться за плотно-прильнувшій корсетъ, вся красненькая, съ бѣлымъ вѣеромъ, съ лорнетомъ, съ буклями подъ наколкою, словомъ, все какъ слѣдуетъ... Астреинъ порывался признать въ ней тетушку, но она такъ величественно не замѣчала его, да и Борисъ, удержавъ за руку, потянулъ его къ женщинѣ, сидѣвшей рядомъ и сохранившей при вечернемъ освѣщеніи въ полномъ смыслѣ замѣчачательную красоту.

— Вотъ и нашъ дезертиръ, maman, сказалъ Мезенскій.

— Повинной головы и мечъ не сѣчетъ, ma tante, проговорилъ въ свою очередь Астреинъ, красиво склоняя одну голову.

— Право суда за мной, улыбнулась Наталья Николаевна, протягивая руку: — а теперь заглаживайте вину, prenez place, monsieur, soyez des notres...

Въ гостиную вошли новыя лица, и Мезенская обратилась къ нимъ.

— Уфъ! Ну? вздохнулъ Астреинъ, оставшись позади съ Борисомъ и вопросительно глядя на него.

— Теперь я представлю тебя сестрѣ: видишь трехъ дѣвицъ вонъ тамъ у столика, надъ альбомомъ карточекъ? вполголоса говорилъ Мезенскій.

— Двѣ изъ нихъ непремѣнно дщери, отвѣтилъ Астреинъ, кивнувъ на почтенную барыню: — одна какъ двѣ капли воды похожа на мать отъ глазъ до носу, а другая — отъ носу до подбородка, такъ что... впрочемъ, это одно предположеніе: еслибъ приставить нижнюю половину лица старшей къ верхней — младшей, то по аналогіи долженъ бы выйдти отецъ этого почтеннаго семейства...

— Не совсѣмъ такъ, улыбнулся Борисъ:— вонъ онъ во второй гостиной играетъ съ дядей въ ералашъ... Это семейство Осининыхъ...

У отца семейства не было бровей, зато были сѣдые усы и генеральскій мундиръ.

Лида казалась драгоцѣннымъ камнемъ въ болѣе чѣмъ скромной оправѣ двухъ перезрѣлыхъ дѣвицъ. Ея роскошныя черныя косы были захвачены золотымъ гребнемъ въ античную прическу; голубовато-лиловое платье такъ шло къ изящнымъ чертамъ смуглаго личика...

— Александръ Петровичъ Астреинъ, ma soeur, подвелъ его Мезенскій.

— Здравствуйте, cousin, улыбнулась она, сверкнувъ своими зубками: — насилу-то дали себя увидать...

Онъ пожалъ явно-музыкальную ручку ея, слегка ослѣпленный граціозною кузиной. Она хотѣла что-то сказать, вдругъ обернулась и проворно пошла навстрѣчу новыхъ гостей, плавно шелестя шлейфомъ.

Въ сопровожденіи пожилой родственницы Мезенскихъ, въ гостиную входила Люба въ черномъ кружевномъ платьѣ и—Борисъ невольно потупился — вся засыпанная брилліантами: по рукамъ, на груди, на шеѣ, въ ушахъ и съ діадемой надъ прической...

— Таки обновила! подумалъ онъ, подвигаясь къ группѣ, образованной вокругъ нея хозяйками.

— Здравствуй, душечка! громко раздался ея голосъ и звучный поцѣлуй Лидѣ, словно приложенная печать. Мезенскому она уже успѣла чуть кивнуть головой, отходя съ дѣвицами.

— Позвольте, Любовь Романовна, представить вамъ моего кузена... Александра Петровича Астреина.

— Очень рада имѣть эту честь, отрѣзала Люба, передернувъ плечиками; потомъ, какъ бы и дѣло сдѣлавъ, усѣлась къ дѣвицамъ.

— Что, ты еще долго будешь меня совать? шепнулъ тотъ съ какимъ-то отчаяніемъ, опускаясь въ кресла у большаго дивана, и въ первый разъ еще лѣниво обвелъ глазами общество; вѣчно-молодящійся старичокъ со шляпой, въ бѣлыхъ перчаткахъ, занималъ дамъ зачитанными до-смерти анекдотцами; бѣлый, румяный, синій съ золотомъ гусаръ лучезарно молчалъ; нѣсколько безукоризненныхъ фрачниковъ торчали въ разсыпную съ очевиднымъ желаніемъ дать тягу отъ изящной скуки въ первую благопріятную минуту. На всемъ кружкѣ лежалъ отпечатокъ *субботы*, съ обязательной causerie. Многіе посматривали на Астреина, какъ будто ужъ

совсѣмъ выдохлись и ждали, что-то принесетъ новый притокъ свѣжаго воздуха. Каково же было разочарованіе, когда оказалось, что новый притокъ ровно ничего не принесъ, точно сразу испортился!...

Астреинъ взялъ стаканъ чаю и подошелъ къ Любѣ, сидѣвшей въ сторонкѣ, подъ массивнымъ канделябромъ, словно въ тѣни фантастическаго дерева, разбрасывая кругомъ радуги своими камнями.

— Мы немножко знакомы, началъ онъ,— хотя я не смѣю думать, чтобы вы меня помнили?

— Напротивъ, я никогда не забуду нашего визави, лукаво отвѣтила она:—у васъ и теперь такой же видъ, какъ тогда.

— Я радуюсь чужому веселью, отвѣтилъ онъ, ставя свой стаканъ на гранитный пьедесталъ египетской статуэтки.

— Вы думаете, здѣсь весело?... Ахъ, что̀-было я сказала!... Ну да все равно: вѣдь вы свой, я съ вами не стану въ гулючки играть; вы можетъ быть знаете, какъ меня прошлый годъ связали воры по рукамъ и по ногамъ, ротъ мнѣ забили платкомъ, такъ что едва дышать могла... Слышали?

Астреинъ слегка наклонилъ голову.

— Ну, вотъ это самое я чувствую на этихъ субботахъ.

Астреинъ посмотрѣлъ на нее съ уваженіемъ.

— Вотъ что̀ я надѣлала! вдругъ опомнилась она, чуть отвертываясь съ досадливой ужимкой: — теперь вы будете смѣяться надъ моею откровенностью.

— Развѣ обижусь такимъ мнѣніемъ, холодно отвѣтилъ Астреинъ.

— А можетъ быть вы похожи на m-me Осинину? лукаво проговорила Люба, поведя ясными глазами на собесѣдницу Мезенской.

— Развѣ она провинилась въ чемъ-нибудь? спросилъ Астреинъ, садясь возлѣ Любы, которая стала нешутя интересовать его.

— Она-то? — она препротивная: прошлую субботу, еслибы вы слышали, какъ она отдѣлывала заглаза вонъ того гусара: просто косточки живой въ немъ не оставила; — вдругъ онъ является, она къ нему со всевозможными любезностями, на четверги къ себѣ зоветъ, чуть не плачетъ, что онъ рѣдко у нея бываетъ...

— Признайтесь, и вамъ отъ нея досталось?

— Охъ, ужъ мнѣ-то она просто проходу не даетъ: каждый мой шагъ мнѣ же самой разсказываетъ, и все это намеками, точно я не понимаю; мнѣ ее всегда такъ жалко сдѣлается;

вѣдь она, бѣдная, такъ завидуетъ моимъ деньгамъ, что еслибъ не Бор... еслибъ не M-r Мез... то-есть я не то хотѣла сказать, а просто я съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, привыкла видѣть около себя такія кучи денегъ и такъ мало тратить ихъ на себя, что съ радостію бы отдала ей половину, только оставь меня въ покоѣ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ намекнулъ ей объ этомъ, поучилъ Астреинъ.

— Ахъ, полноте... Я не умѣю, да и учиться не хочу: развѣ пріятно обижать? у меня языкъ не поворотится; Богъ съ ней, мнѣ все равно, какъ будто ея и нѣту.

А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Астреинъ, можно ли сердиться на во̀рону, если она мимолетомъ положитъ вамъ на шляпу пятно? Да и что̀ проку!

— Впрочемъ, знаете что? заговорила Люба,— я бы на ея мѣстѣ не стала этого дѣлать: вѣдь она мнѣ даровой безмѣнъ: я по ней себя взвѣшиваю.

Ого! подумалъ Астреинъ: — увѣсисто и кстати.

— Вотъ и теперь вижу, что я чѣмъ-то промахнулась... Хотѣла спросить у Лидочки, да неловко при ея подругахъ... А то у меня и книжка такая есть: *искуство жить въ обществѣ* или *вѣрное средство въ самомъ непро-*

должительномъ времени сдѣлаться свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ...

— M-me Осинина должно быть близорука и приняла васъ за бразильянку, серьозно сказалъ Астреинъ.

— Вы какъ нибудь попроще скажите...

Астреинъ замялся:—Вы вѣроятно только-что примѣривали эти вещи въ магазинѣ и не успѣли заѣхать домой, убрать ихъ въ шкатулку...

— Ахъ, только-то? Ну, вотъ и вы смахиваете на m-me Осинину!... Такъ только-то? Слава Богу, этому горю легко помочь... Куда же вы?

— Да мнѣ ужъ пора и отойдти отъ васъ, улыбнулся Астреинъ: — а то m-me Осинина вспомнитъ поговорку Наполеона перваго, что нѣтъ той компаніи...

Онъ вернулся къ кружку ио становился невдалекѣ отъ одной знакомой дамы, пріѣхавшей во время разговора его съ Любой; онъ стоялъ въ районѣ ея взглядовъ, улавливая случай поклониться. Недюжинная красавица, она сидѣла въ задумчивой позѣ, вся собранная въ одинъ фокусъ изящества и изысканности вечерняго туалета. Быстрый взглядъ ея молніеносно-темныхъ глазъ упалъ немного правѣе Астреина, скользнулъ зигзагомъ въ сторону,

задумчиво метнулъ наверхъ и снова палъ чуть-чуть полѣвѣе фельетониста. Съ каждымъ разомъ онъ готовился отвѣсить свой поклонъ, и никакъ не могъ встрѣтиться глазами. Она чуть замѣтно улыбнулась, и снова начались промахи взглядовъ по Астреину.

А, ну такъ интересничай на здоровье! подумалъ онъ, отворачиваясь:—вотъ этакую жену Богъ пошлетъ: наизустъ всѣ прелести выучила и самоё въ три дня наизустъ выучишь, и живи какъ съ картоннымъ паяцомъ: за какую нибудь ниточку дернешь, и заранѣе знаешь, какое произойдетъ тѣлодвиженіе.

Тутъ подошелъ Мезенскій съ сестрою.

— Cousin, проговорила Лида,—не откажитесь разнообразить нашъ вечеръ: меня просятъ играть, а братъ говоритъ, что вы еще не забыли своей скрипки.

Астреинъ звѣремъ поглядѣлъ на Мезенскаго.

— Нѣтъ, не отговаривайтесь, подоспѣла Наталья Николаевна:—вы такъ много виноваты, что вамъ слѣдуетъ заглаживать вины.

Лида повела кузена въ залу выбирать ноты, а Борисъ послалъ наверхъ за отцовскимъ Страдиваріусомъ. Вручивъ кузену великолѣпную скрипку, онъ вернулся въ гостиную и прямо на глаза ему попалась Люба, выходившая изъ

маленькой гостиной, гдѣ старики углубились въ карты.

— M-r Мезенскій! принесите мнѣ винограду, сказала она мимоходомъ и сѣла въ сторонкѣ на козетку.

Борисъ подалъ ей блюдечко.

— Спасибо, милый, сядь ко мнѣ: цѣлый вечеръ двухъ словъ не сказали, прошептала она, пользуясь всегда смѣшными звуками настраиваемой скрипки.

Онъ подсѣлъ взглянулъ на нее и чуть не вскрикнулъ.

— Гдѣ же твои брилліанты? на тебѣ и половины ихъ нѣтъ!

— Душечка, я ихъ въ карманъ спрятала, отвѣтила та, уничтожая виноградъ надъ блюдечкомъ.

Борисъ въ другое время непремѣнно расхохотался бы отъ всего сердца, но тутъ одна искра блеснула въ глазахъ, и строго дисциплинированныя губы чуть улыбнулись.

— Ты думаешь, этого не замѣтятъ? шепнулъ онъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, передъ ними-то ужъ я все равно отличилась, а это на случай, если еще кто-нибудь пріѣдетъ.

Борису хотѣлось разцѣловать ее.

Въ залѣ грянулъ густой двойной аккордъ и быстро покатилась прелюдія, къ самому краю дисканта; запрыгали переливы звонкихъ нотокъ, задробили-задробили, затрепетала нѣжная трель и затихла, словно умирая... Въ гостиной всѣ какъ-то повыпрямились: на мигъ тишина... два-три плавные, тихіе раската того мягкаго туше, что французы называютъ jeu chaste, и вотъ, какъ бы вливаясь въ нихъ живымъ, женскимъ голосомъ, запѣла скрипка. То были «Пловцы» Варламова, переложенные для фортепіано. Что волна волну, нагоняли другъ друга ровныя рулады, навѣвая впечатлѣніе мѣрнаго взмаха весла и затихая журчащими звуками...

Астреинъ импровизировалъ свою партію, легко и свободно ходилъ смычокъ въ рукѣ его, самъ онъ сидѣлъ въ безсознательно-горделивой позѣ, изрѣдка прижимая лицо къ скрипкѣ, наклоняя ухо, и только-что не говоря: какъ я люблю это мѣстечко!

Люба смотрѣла на исполнителей, виднѣвшихся въ перспективѣ изъ дверей гостиной; ни однимъ словомъ не обмѣнялась она съ Борисомъ: съ другой стороны хорошаго общества, съ его изящной стороны, впервые еще передъ ней вполнѣ открывалась завѣса; она за-

глянула туда и осталась, какъ завороженная. Лида вдругъ быстро наклонилась къ роялю, проворные пальцы ея такъ и забѣгали... Сильно и мужественно зарокоталъ аккомпаниментъ извѣстнаго перехода «Пловцовъ», поднялась страстная перекличка двухъ голосовъ, постепенно теряясь и мчась въ туманную даль, тише, тише, затихла — и вотъ опять ровно и плавно катятся рулады; набѣгаетъ волна за волной... Скрипка молчитъ нѣсколько тактовъ и вдругъ... Лида такъ и похолодѣла отъ нервной дрожи: дотого безнадежно запѣла мелодія; точно пловецъ бросилъ весла и въ скорбной думѣ не смотритъ, куда несетъ его волна... Ровно, не отставая другъ отъ друга, какъ бы спѣваясь, играли они, сливаясь въ общую гармонію... Лида боялась взглянуть на него и, опустивъ густыя рѣсницы на клавиши, съ какою-то нѣжностію оттѣняла переливы, но дума росла, энергичнѣе хватая за сердце до боли—жгучими звуками подавляя аккомпаниментъ и точно отталкивая непрошенное участіе... Еще минута, и Лида не выдержала бы, но вотъ опять зарокотали басы: какимъ-то призывомъ, ободрительнымъ утѣшеніемъ прозвучали они— скрипка не отозвалась; уныло вторя имъ, сходя на нѣтъ, она замолкла — и только средніе

звуки рояля, приглушенные лѣвою педалью, покорно договорили тихій упрекъ.

Оба исполнителя остановили другъ на другѣ долгій, вдумчивый взглядъ, точно знакомясь...

Астреинъ уложилъ скрипку въ футляръ и взялъ стоявшую на роялѣ шляпу.

— Такъ скоро? проговорила Лида.

— Прогоните меня, пока m-me Осинина еще не успѣла навязать вамъ Бетховена божественнаго! проговорилъ онъ, поднимая глаза къ потолку.

— Вы ошибаетесь, отвѣтила Лида:—madame Осинина больше политикъ...

— Боги!.. Это впрочемъ все равно: восточнымъ вопросомъ дорѣжетъ...

Лида тихо улыбнулась: чувство мѣры подсказало ей, что Астреину можно вернуться въ толпу гостиной только для того, чтобъ откланяться.

Онъ протянулъ ей руку и осѣкся: изъ дверей гостиной выплывала m-me Осинина...

Но за ней показались обѣ дочери, кокетливо прихвативъ платье бѣлыми перчатками, а наконецъ и самъ генералъ съ Борисомъ...

Астреинъ легко вздохнулъ, видя, что Лида прощается съ ними.

— А ты куда же? мимоходомъ кинулъ ему

Борисъ и, преспокойно взявъ изъ рукъ шляпу, побѣжалъ провожать Осининыхъ.

— Попались? улыбнулась Лида, направляясь въ гостиную; онъ, дѣлать нечего, пошелъ за нею: тамъ фрачники радостно двигали креслами, прощались гурьбой... Суббота разъѣзжалась.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, говорилъ Мезенскій, очутившись возлѣ кузена: — сперва поужинаемъ, а тамъ по-старому заберемся ко мнѣ на вышку, и завтра волей-неволей ты намъ подаришь утро: а то вѣдь родные такъ не знакомятся...

Странное дѣло! У Астреина точно камень свалился; ему даже пріятно стало, что онъ хоть сегодня не ѣдетъ домой, что это какъ-то помимо его воли устроилось, — нельзя же въ самомъ дѣлѣ отказываться.

— А! зимняя радуга! встрѣтилъ его Петръ Ивановичъ, когда маленькій кружокъ *своихъ* собрался въ маленькой гостиной, украшенной старинными фресками по стѣнамъ, которыми Астреинъ такъ любовался въ дѣтствѣ. Непосредственно съ цвѣтущаго луга уходило блѣдно-зеленоватое море, на которомъ ближайшія волны означались черными и бѣлыми штрихами вперемѣшку, а на второмъ планѣ стоялъ греческій корабль съ носомъ, закрученнымъ въ

видѣ лебединой шеи; нимфы въ прозрачно-розовыхъ туникахъ группировались на лугу, съ горестью показывая золочеными луками на бѣлые паруса—какъ на предвѣстниковъ разлуки, несмотря на то что на морѣ повидимому былъ штиль. Справа надъ водою высилась громадная буро-песчаная скала, обвитая плющемъ и павиликой, а на вершинѣ утеса разыгрывался послѣдній актъ пребыванія Телемака у неутѣшной Калипсо... Сѣдовласый Менторъ только-что далъ знаменитый толчокъ въ спину своего питомца, и будущій повелитель Итаки остался на одной ножкѣ, поднявъ другую наподобіе балетныхъ корифей: малиновый плащъ уже сорвало вѣтромъ съ бѣло-снѣжнаго хитона, тѣло давно перешло за предѣлы устойчиваго равновѣсія, а плачущей Евхаритѣ (сидѣвшей въ тѣни совершенно синей рощи налѣво) такъ и не суждено было видѣть паденія своего amant éploré...

— Подвигайте себѣ стулъ, Alexandre, достаньте сигару — я вижу, вамъ давно курить хочется,—будьте какъ дома, сказала Наталья Николаевна, прижимаясь въ уголъ дивана въ слегка утомленной позѣ.

Онъ взглянулъ на Лиду: та, лукаво улыбаясь, подсѣла къ матери. Борисъ возлѣ Лю-

бы вознаграждалъ потерянный вечеръ. Петръ Ивановичъ похаживалъ, заложивъ руки за спину и повертывая въ пальцахъ табакерку.

Воспоминанія дѣтства, родныя лица, близость изящныхъ женщинъ въ привычно-роскошной обстановкѣ — разомъ заставили Астреина почувствовать себя въ своей сферѣ.

— А помните, кузина, какъ мы съ вами на этомъ коврѣ поссорились за куклу и какъ вы плакали, называя меня жаднымъ, и потянулись ко мнѣ, со слезами на глазахъ, крошечными ручонками, а я кричалъ изо всѣхъ силъ и зашвырнулъ ее вонъ на ту этажерку, чтобъ никому не доставалась?...

Всѣ засмѣялись; Астреинъ улыбнулся и двинулъ свое кресло въ кружокъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Первый страшный сонъ.

Поздно пріѣхавъ домой, Люба долго еще не могла заснуть, какъ всегда послѣ *этихъ субботъ*. На мраморномъ столикѣ у постели горѣла лампочка, лежали привезенныя отъ Ме-

зенскихъ книги, которыя она взяла у Натальи Николаевны *почитать*. Тетенька Мавра Савишна сидѣла въ спальномъ капотѣ, распрашивая свою баловницу о подробностяхъ вечера въ большомъ домѣ, куда она, разъ побывавъ, никогда уже не ѣздила, отговариваясь недосугомъ.

— Не знаю, тетенька, вдругъ заговорила Люба:—я какъ-то на-двое съ нимъ... Давеча, какъ мы расходились послѣ ужина, онъ въ потемочкахъ гостиной... поцѣловалъ меня вотъ сюда, стыдливо признавалась она, шевельнувъ плечикомъ, выглядывавшимъ изъ кружевнаго пеньуара:—такъ и не знаю, что со мной сдѣлалось... Точно я горѣла вся: кажется, не разсталась бы съ нимъ... А иногда... голосъ ея сталъ глуше, вдумчивѣй и почти шопотомъ докончила она:—вы не повѣрите, когда его со мной нѣтъ и я о немъ думаю... хотѣлось бы, чтобъ ему гибель пришла...

— Что ты это?! вскрикнула Мавра Савишна,—Богъ съ тобой!

— А чтобъ кинуться между ними, заслонить его отъ смерти и самой принять ее... Право, тетенька, такъ это сладко... сладко!

— А ты очень-то его не балуй, наставительно произнесла Мавра Савишна: — вотъ я

своему покойнику... не къ ночи память... волю дала, такъ чего натерпѣлась...

Добрая старушка отъ души вѣрила, что судьба замужней женщины во всѣхъ слояхъ общества одинакова,—и напоминала собою тѣхъ жучковъ, что, привыкши къ родному навозу, тотчасъ пытаются зарыться, куда ихъ ни посади: на скатерть, на руку или на зеркало...

Перекрестивъ баловницу на сонъ грядущій, она, шлепая башмаками, отправилась въ жилье. Люба, невольно улыбаясь, взяла со столика книгу, поправила свѣтильню и разсѣянно развернула французскій романъ: глаза ея упали на листокъ почтовой бумаги, мелко исписанный женскимъ почеркомъ... Что это?

«Боря гибнетъ, и спасти его нѣтъ никакихъ средствъ...»

Люба безсознательно пробѣжала нѣсколько строкъ...

«Милая Lise, писала Наталья Николаевна тѣмъ почеркомъ, что такъ нравился Любѣ въ пригласительныхъ записочкахъ:—вы помните, какъ болѣзненно сжалось мое сердце, когда я узнала изъ письма сына, что онъ выбралъ себѣ подругу жизни, а я была тамъ... на чужбинѣ, со всею отвѣтственностію матери... Серд-

це не обмануло меня: Боря гибнетъ, и спасти его нѣтъ никакихъ средствъ...»

— Что я дѣлаю? сверкнуло въ головѣ Любы, и рука съ письмомъ безсильно упала на колѣно:—чужое письмо!... Да, Боже мой, вѣдь я почти родная... А *ему*-то больше родной... Какъ же не знать, отчего онъ гибнетъ?.. Что такое?... Нѣтъ, не могу... силъ нѣтъ...

Она опять поднесла письмо къ глазамъ и вдругъ—словно ее кистенемъ свиснули, кровь жарко хлынула въ лицо, застучала въ виски, вся комната завертѣлась, всѣ предметы дрожали и покрывались тѣми зигзагами, что у микроскопистовъ извѣстны подъ названіемъ mouches volantes... Несмотря на то, Люба читала съ лихорадочною жадностію:

«Онъ женится на совершенной дѣвочкѣ, безъ связей, безъ имени, даже безъ образованія: словомъ, mésalliance complète. Ужъ я не говорю вамъ, какую бурю подыметъ это въ роднѣ и свѣтѣ, — ужасно и то, что карьера его потеряна навсегда. Мы, женщины, очень дорожимъ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, иногда значеніемъ, но можемъ и обойдтись безъ нихъ; мужчины же на словахъ съ такимъ презрѣніемъ относятся къ этому, а на дѣлѣ про-

сто гибнутъ, если имъ не удастся выйдти въ люди...»

Люба опять пріостановила чтеніе, опустивъ голову на руку: несмотря на тревожное состояніе, эти мысли уже не были такъ чужды и дики ей, какъ могли бы показаться нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

«Да, и въ *нихъ* повторилась эта старая, безконечная, предокучная сказка: и *онъ* для *нея* готовъ бросить все; но послѣ, когда пройдетъ первый пылъ увлеченія, когда онъ увидитъ опередившихъ его товарищей, честолюбіе проснется и заговоритъ съ ужасною силою. Съумѣетъ ли она тогда наполнить его жизнь до такой степени, чтобъ онъ довольствовался своимъ очагомъ и забылъ форумъ? Боюсь, что нѣтъ!... А если къ этому еще присоединится какой-нибудь faux pas съ ея стороны—хотя бы самаго безвиннаго свойства... если она по молодости, по неопытности, разбудитъ въ немъ ревность, эту гидру, у которой несмотря ни на какія обоюдныя усилія ростутъ все новыя и новыя глазатыя головы на мѣстѣ обсѣкаемыхъ... Но что я пишу вамъ?... Вы знавали Павла, вы помните нашу жизнь... Никакія ласки, ни самая любовь дѣтей нашихъ не могли подавить этого червя, который внутренно грызъ его...

Я отжила свое, а и теперь словно лезвіе повертывается въ сердцѣ при одномъ воспоминаніи того недовольства жизнью, того озлобленія... Мы только терзали другъ друга...»

Внезапно, съ поразительною живостію воскресъ передъ Любой осенній вечеръ въ саду, двѣ статныя тѣни *его* и *ея* на густолиственной шапкѣ тополя и грустный голосъ Бориса: «они были несчастливы, очень несчастливы... и добровольно разстались.»

Безсознательно она дочитала:

«Мнѣ грустно, дорогая моя, тѣмъ болѣе грустно, что я чувствую невольную симпатію къ этой бѣдной дѣвочкѣ: точно ея счастье ужъ не чужое для меня... Мнѣ страшно за нее... Пока возможно будетъ откладывать свадьбу подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, я употреблю всѣ силы для этого; что будетъ дальше...»

Письмо явно было не кончено... Еще разъ опустилась рука съ письмомъ; Люба осталась въ той же позѣ, какъ читала его, вся разбитая, подавленная, уничтоженная внезапнымъ потрясеніемъ... Лампочка разливала вокругъ ея спокойно-матовый свѣтъ, а дальше внѣ свѣтлаго круга комнатка росла и ширилась... Всѣ вещи приняли какой-то небывалый видъ и да-

же—странное, мимолетное, но до боли живое ощущеніе!—Любѣ чудилось, что *сама* она—не *она* сама, но кто-то посторонній. Глаза безучастно принимали впечатлѣнія. Внизу подъ поломъ слабо гудѣла трактирная машина, и Любѣ съ какой-то странной отрадой казалось снос҃нѣй, что тамъ еще не спятъ, что не одна она мучится безсонницей. Она погасила лампу... Медленно и тихо поползло ночное время; вотъ и машина замолкла, оборвавшись на какой-то плясовой... Въ головѣ у Любы не было никакой мысли, только словно тяжелые валы поднимались въ груди, выше, выше, сдавливали горло спазмой, да сердце сжалось тѣснымъ комочкомъ. Въ дальнихъ комнатахъ пробило два часа. Люба встала, накинула сверхъ пеньюара широкій клѣтчатый плэдъ и пошла, неслышно ступая, чрезъ библіотеку, темную какъ сама ночь, черезъ гостиную и залу съ голубоватыми отраженіями оконъ на полу, въ которыхъ мѣсяцъ велъ ея черную тѣнь, и вышла въ сѣни дохнуть чистымъ воздухомъ. Сколько простояла она здѣсь, гдѣ бродила послѣ, она сама не знала—только съ изумленіемъ осмотрѣлась въ какой-то безконечной комнатѣ: на группахъ стульевъ и столиковъ, по стѣнамъ, на полу жутко разливался тотъ-же лун-

ный колоритъ, исчерченный, изломанный переплетами оконныхъ рамъ; машина громоздилась какимъ-то чудовищемъ; въ углу передъ золоторизнымъ образомъ теплилась лампадка. Люба была въ общей залѣ трактира.

Она сѣла къ одному столику, положивъ локти на скатерть и склонясь лицомъ на руки: истомило ли ее горе въ конецъ или ночь сама въ себѣ имѣетъ нѣчто умиротворяющее, только мысли ея пошли ровнѣе—спокойнѣе.

Ей думалось, какимъ образомъ это письмо попало въ книгу, данную ей на прочтеніе; и какая притворщица Мезенская, какъ ласкала ее сегодня; и сколько людей перебываетъ въ этой залѣ, какъ они всѣ лебезятъ другъ передъ другомъ, сколько нечистыхъ и грязныхъ дѣлъ здѣсь ладится, и о чемъ они хлопочатъ, изъ-за чего они ссорятся, ненавидятъ, копаютъ ямы другъ другу... Пріобрѣтать и терять!.. Что тутъ прочнаго, когда сами люди здѣсь на время!... И какъ дяденька строилъ и отдѣлывалъ этотъ домъ, а и денечка не довелось ему пожить въ немъ... И зачѣмъ она забрела сюда...

Ей хотѣлось опять идти куда-нибудь подальше, лишь бы идти, лишь бы уйдти отъ чего-то, но какая-то сила не пускала ее. Люба боролась, одолѣла, встала и пошла: вышла изъ

дому, перешла дворъ и толкнула калитку въ садъ. Вотъ онъ сіяетъ на нее черными пропастями кустовъ и аллей; легкій запахъ пармской фіялки носится въ воздухѣ. Мѣсяцъ высоко, высоко въ темномъ небѣ, дышетъ словно живой, сжимаясь и расширяясь, и все вокругъ нея: кусты и деревья, самый воздухъ дышатъ на нее, обвѣвая лицо и локти горячимъ дыханіемъ... Потеряла я что-то, думаетъ Люба, наклоняясь къ дорожкамъ, — и никакъ не могу найдти... Это я счастье мое потеряла!... Видитъ Богъ, я не вѣрила въ такое большое счастье... Я давно видѣла, что Боря не пара мнѣ... Я еще дяденькѣ покойнику намекала объ этомъ, только тогда мнѣ какъ-то легко было отступиться... Отчего же теперь? О, какъ больно! какъ трудно!... Цвѣтики вы мои, листочки, мелюзга моя, травки, былинушки,—всѣ вы росой залиты...

— Это я, это я, шепчетъ и ластится къ ней безформенная, туманная дымка: — развѣ ты не узнаешь меня? И вся бѣлая, прозрачная, словно сотканная изъ ночнаго туманнаго пара, смотритъ на нее Наталья Николаевна грустными глазами...

— Это не капли росы, Любочка, это слезы мои; каждую ночь прихожу я сюда пла-

кать на Борину могилу, и вотъ отчего здѣсь такъ много цвѣтовъ: гдѣ падетъ моя слезка, тамъ лазоревъ цвѣтъ...

Люба охватываетъ и ловитъ руками неуловимо-прозрачную дымку...

— Нѣтъ, не узнать васъ, не узнать, голубушка: во снѣ вы совсѣмъ другая; вѣдь это во снѣ? Только не хочу стать поперегъ его дороги. Передъ Богомъ и передъ вами отступаюсь, отрекаюсь его.... Вотъ еще росинка переливается серебромъ на листочкѣ... Что она шепчетъ? Сестрица, сестрица! полетимъ со мною, окунемся въ море, побываемъ въ тучѣ, а завтра растаемъ въ лазури, вѣчныя, какъ небо...

Капля заиграла въ живомъ лунномъ свѣтѣ, брызнула во всѣ стороны растопленнымъ золотомъ, заслѣпила глаза...

Люба вздрогнула: вокругъ нея та-же зала, на глазахъ слезы, и жарко теплется лампадка передъ золотою ризой. Дѣвушка опустилась на колѣна и шептала: Господи, возьми меня, возьми меня къ себѣ!..

Сѣроватый свѣтъ утра медленно расплывался вокругъ; вдали гудѣлъ тихій благовѣстъ къ заутрени, долгій, кроткопризывный.... *Эти* звуки отлагали въ душѣ всякое житейское попеченіе, какъ будто послѣдніе вздохи земли

растаяли въ пылавшей зарѣ, и вмѣстѣ съ первыми, трепетными передразсвѣтными сумерками, ангельскіе хоры невидимо столпились вокругъ больной души, заслонили ее лазурными крыльями, навѣвая чуднымъ, небеснымъ успокоеніемъ...

«Господи, возьми меня, возьми меня къ себѣ!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Семейная драма.

Съ утра небо стало кругомъ обкладываться и къ обѣденному времени сплошь заволоклось тучами; въ цѣльныя окна зимняго сада у Мезенскихъ виднѣлись блѣдно-молочныя пятна и просвѣты скученныхъ облаковъ, обдававшіе слабою свѣто-тѣнью зелень банановъ, юккъ и мелколиственныхъ миртъ, а цвѣтники пестрѣли вяло-болѣзненнымъ колоритомъ. У одного изъ оконъ стояла Лида, глядя на мятель: по всему двору прихотливыми извивами летѣли бѣлыя бабочки, нагоняя другъ дружку, перекрещиваясь и часто сплетаясь въ прозрачное кружево; налетитъ вѣтеръ, скомкаетъ кружево бѣлыми складками на фонѣ чугунной рѣшетки,

а тамъ опять ровно и мѣрно вьются мелкія мушки, снова просвѣчиваетъ окрестность въ бѣломъ флерѣ...

— Все, что вы говорите, cousin, такимъ холодомъ обдаетъ, обернулась Лида къ Астреину, задумчиво сидѣвшему на садовомъ диванчикѣ подъ бересту: — пустота... вездѣ пустота... Но неужели нечѣмъ наполнить этой пустоты?

— Вы несовсѣмъ поняли меня, кузина, отвѣтилъ Астреинъ, поднимая голову:—пустоту еще можно чѣмъ-нибудь наполнить; не ею всѣ мы страдаемъ, а распущенностію.... Вотъ съ этой ничего не подѣлаешь: она какъ ржавчина разъѣдаетъ все, что приходитъ съ нею въ соприкосновеніе...

— Voilà le grand mot... Но взгляните на эти цвѣтники... Отчего они такъ хороши, такъ нарядны?... Вѣдь отъ заботливаго ухода—оттого что ихъ такъ старательно выпалываютъ...

— Вы думаете, что отъ насъ зависитъ вырвать изъ себя распущенность, какъ сорную траву? глухо отозвался Астреинъ.

— Не думаю — увѣрена въ этомъ, горячо возразила Лида.

— Да спасетъ васъ эта вѣра, мягко проговорилъ Астреинъ:—и она непремѣнно спасетъ

васъ, если даже вчужѣ, вблизи отъ нея чувствуешь что-то бодрящее,—вы не можете себѣ представить, кузина, сколько добра въ свѣжемъ словѣ для такого человѣка, какъ вашъ покорнѣйшій слуга...

— Вы шутите, cousin, сдержанно проговорила Лида, чуть отвертываясь:—но, знаете что... Ужъ если вы, понимая жизнь такъ чутко... и такъ серьозно... Не улыбайтесь: я еще не слыхала отъ васъ ни одной банальности... Такъ, если *вы*, по вашимъ словамъ, сорвали магнитную стрѣлку съ своего компаса, — страшно жить на свѣтѣ...

— Мнѣ просто совѣстно, кузина, если я подалъ поводъ имѣть обо мнѣ сколько нибудь хорошее мнѣніе: я только фотографическая карточка общаго потока: tout comprendre c'est tout pardonner...

— Mais pas à soi même, быстро отвѣтила Лида.

Астреинъ опустилъ голову.

— Кузина, вы неотразимы, какъ правда, тихо проговорилъ онъ:—и еслибы почаще слышать слово истины, быть можетъ человѣкъ исправится...

— Развѣ это не отъ васъ зависитъ? шутливо сказала Лида:—бывайте у насъ хоть два раза

въ годъ... она засмѣялась: — и я по чувству христіанскаго милосердія... она смѣялась все больше и больше отъ души: — буду приготовлять для васъ по словечку этой истины... Какъ только вы начнете манкировать своими обязанностями, я скажу: Voilà le Nord, monsieur!... Вотъ вы недавно проговорились, что вамъ еще вчера слѣдовало быть дома... Итакъ — она въ театрально-граціозной позѣ протянула руку къ дверямъ:—Voilà le Nord, monsieur...

Астреинъ поклонился и вмѣстѣ съ нею пошелъ откланиваться Натальѣ Николаевнѣ, которая въ ожиданіи обѣда сидѣла съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиной. Лида смотрѣла въ окно, какъ ему подали сани; какъ онъ сѣлъ, надвинувъ шляпу, кутаясь въ бобровый воротникъ, и тихонько поѣхалъ со двора; но въ ту же минуту въ ворота стрѣлой влетѣлъ сѣрый рысакъ Бориса, и видно было, какъ оба молодые человѣка привстали въ саняхъ, перекинулись парою словъ, и затѣмъ сани Астреина медленно повернули назадъ и остановились у крыльца.

— Est ce qu'il fait du vent du Nord, cousin? встрѣтила Лида, когда молодые люди вошли въ гостиную.

— Извините, проговорилъ Астреинъ, обра-

щаясь къ Натать Николаевнѣ и кинувъ взглядъ Лидѣ:—Борисъ вернулъ меня выслушать важную новость... Vous voyez que le vent est contraire, отнесся онъ въ полголоса къ Лидѣ, проходя мимо.

И мать и сестра тотчасъ увидѣли по лицу Бориса, что произошло нѣчто изъ ряду вонъ.

— Мнѣ очень прискорбно, maman, что я долженъ потревожить васъ моими личными дѣлами, заговорилъ Мезенскій, добродушно и грустно улыбаясь: — но все равно: рано или поздно вы узнаете... Не пугайтесь, прибавилъ онъ, обращаясь какъ-то ко всѣмъ:—ничего особеннаго не случилось—дѣло самое обыкновенное: вчера я еще былъ женихомъ, а нынче въ отставкѣ...

— Какъ? Что такое? отозвались всѣ разомъ; Лида слегка вскрикнула.

— Мнѣ очень тяжело говорить объ этомъ, но дѣло конченное: Любовь Романовна никогда не будетъ носить нашей фамиліи, спокойно проговорилъ Мезенскій:—она хочетъ удалиться отъ свѣта...

— Онѣ всѣ помѣшались на этомъ! вскрикнулъ Петръ Ивановичъ: — это причуда молоденькой дѣвочки... Пройдетъ само собою...

— Дядюшка, сказалъ Мезенскій, крѣпко

сжимая руку старика:—я имѣлъ съ нею долгое объясненіе и пришелъ къ тому, что мнѣ остается только уважать ея рѣшимость.

— А! ну, какъ знаешь! отозвался сенаторъ, махнувъ рукою.—Suum cuique, прибавилъ онъ совершенно неожиданно.

— Боринька, нерѣшительно выговорила Наталья Николаевна:—хочешь... я съѣзжу къ ней?

Мезенскій пристально взглянулъ на нее и поцѣловалъ ея руку.

— Вѣрьте, maman, я искренно цѣню вашу доброту... Но... не будемъ больше говорить о невозможномъ... Дѣло кончено, и вы ее даже не застанете: она съ первымъ поѣздомъ уѣзжаетъ въ Лавру, потомъ на дальнее богомолье...

Лида грустно молчала, смутно понявъ, что дѣло дѣйствительно кончено.

— Какъ же это такъ вдругъ? про себя недоумѣвалъ Астреинъ:—вчера еще... Но ничего не сказалъ: онъ слишкомъ хорошо зналъ Бориса: значитъ *такъ*. Сцена становилась тяжелою. Вдругъ послышалась быстрая походка, и вошелъ Звѣздочкинъ во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, подвитой и уморительно сіяющій какимъ-то восторгомъ.

— Извините меня, проговорилъ, раскланявшись:—сегодня въ бенефисъ даровитой нашей

артистки идетъ моя драма... Позвольте вамъ предложить ложу, пришаркнулъ онъ Лидѣ, подавая билетъ...

Та подалась назадъ, чуть усмѣхнувшись, и выразительно указала глазами на мать.

— Ахъ, извините-съ, я васъ не замѣтилъ, бормоталъ сконфуженный авторъ: — позвольте надѣяться, что вы не откажетесь взглянуть на мое бѣдное произведеніе...

— Merci, m-r Звѣздочкинъ, едва нашлась Наталья Николаевна:—сегодня... право...

— Ахъ, развѣ сегодня? вставилъ Борисъ:— maman вѣрно не откажетъ намъ въ удовольствіи вмѣстѣ полюбоваться новинкой...

— Еще разъ, merci, улыбнулась Наталья Николаевна, протянувъ руку невзвидѣвшему свѣта Звѣздочкину.

— Кушать готово, доложилъ Парфенычъ, появясь въ дверяхъ.

— Оставайся-ко, братъ! шепнулъ сенаторъ, дернувъ за рукавъ Астреина.

— Не угодно-ли, messieurs? сказала Наталья Николаевна, подавая руку Астреину.

Петръ Ивановичъ повелъ Лиду. За столомъ она очутилась возлѣ Астреина и, откладывая салфетку, сказала вполголоса:—Où est le Nord?

— C'est mon vis-à-vis, тихо отвѣтилъ Астреинъ.

Противъ него задумчиво сидѣлъ Борисъ. Говорилъ одинъ Звѣздочкинъ и безъ умолку; ему позволили выложить все, что̀ въ головѣ было по поводу драмы, и этого хватило на цѣлый обѣдъ.

Пока всѣ сидѣли въ гостиной съ маленькими чашками кофе, Лида, замѣтивъ, что братъ незамѣтно стушевался, тоже тихонько вышла черезъ залу и осторожно скользнула наверхъ. Чѣмъ ближе подходила она къ вышкѣ, тѣмъ тише становились ея шаги, она даже подобрала шлейфъ; и когда глаза ея выглянули изъ люка,—совсѣмъ остановилась. На письменномъ столѣ уже горѣла лампочка съ абажуромъ, ярко выдѣлявшимъ брата. Онъ сидѣлъ у стола, запустивъ одну руку въ курчавые волосы, а другою придерживая ручку пресса съ его гербовою печатью. Лицо его виднѣлось узенькимъ профилемъ, и тѣмъ рѣзче выступало легкое подергиванье щеки; рука безсознательно давила на прессъ, и бронзовая ручка гнулась, гнулась, треснула и отскочила на столъ, а рука сама собой опустилась на желѣзную дугу подставки и скоро съ легкимъ стукомъ повалила ее возлѣ ручки. Не перемѣнивъ положенія, онъ

взялъ ее въ обѣ руки и держалъ передъ собою, разсѣянно глядя въ упоръ; локти его не трогались со стола, а дуга разогнулась и лопнула пополамъ...

Лида, не смѣя шевельнуться, почти съ ужасомъ смотрѣла, какъ ломалось желѣзо, хрустя въ тишинѣ кабинета. Когда куски измельчали, Борисъ принялся за толстую рѣзную бронзу ручки, но та не такъ скоро подалась. Лида неслышно подкралась, вытянувъ шейку; тонкія, голубыя жилки на рукахъ у брата выступали рѣзче, и вмѣстѣ съ сухимъ звукомъ лопнувшей мѣди—алая струйка брызнула на какую-то газету. Лида кинулась и схватила эту окровавленную руку, доставая платокъ. Онъ обернулся, какъ школьникъ, пойманный въ продѣлкѣ...

— Вотъ задумался-то!.. Ничего—царапинка, успокоивалъ онъ сестру.

— Боринька, проговорила она, выпустивъ руку, но какимъ-то еще неслыханнымъ, непривычнымъ брату голосомъ:—tu souffres...

— Нѣтъ же, душка, улыбнулся онъ.

— Не то... Я говорю: тебѣ нехорошо. Я сама, quand je souffre, я тоже дѣлаю себѣ больно... Это у насъ отцовское...

Мезенскій протянулъ ей руки; она склони-

лась къ нему, какъ-то особенно улыбаясь красиво и рѣзко очерченными губами. Онъ обнялъ ее отъ полноты сердца.

— Я знаю, что это безполезно, шептала она, прижимаясь къ нему:—но все-таки... не могла не придти...

— И это безполезно? ласково укорилъ онъ:— ты мнѣ открываешь свое сердечко—и это безполезно?.. Теперь оно мнѣ дороже прежняго... И вотъ что я тебѣ скажу, продолжалъ онъ, прямо и нѣжно глядя ей въ глаза: — ты никогда больше не увидишь меня грустнымъ; гдѣ бы мы ни были вмѣстѣ, знай, что я не притворяюсь, не веселю себя насильно,—и будь увѣрена, что если я не вполнѣ счастливъ, то все-таки спокоенъ, и недовольства судьбой во мнѣ тѣни нѣтъ...

Она глядѣла на него съ удивленіемъ.

— Меня зовутъ холоднымъ свѣтскимъ юношей; вѣть ты почти выросла въ Швейцаріи и знаешь, что чѣмъ выше гора, чѣмъ ближе къ солнцу, тѣмъ больше на ней снѣгу и льду, и такъ до снѣговой линіи, улыбнулся онъ, поцѣловавъ ее; — теперь же... не забудьте, что мы ѣдемъ въ театръ, а я хочу, чтобы моя сестричка затмила весь бель-этажъ...

— Нѣтъ, не вѣрю, думала Лида, идя на-

задъ по витой лѣсенкѣ: — это неестественное спокойствіе...

Совсѣмъ готовая къ выѣзду, она вошла въ гостиную и съ крайнимъ изумленіемъ встрѣтила Астреина, преспокойно прохаживавшагося съ Петромъ Ивановичемъ. Оба при входѣ ея тотчасъ замолчали...

— Какъ? проговорила она: — вы съ нами? Я думала, вамъ путь сѣвернѣе...

— L'homme propose, кузина, отвѣтилъ Астреинъ, вынимая бумажникъ: — этотъ бенефисъ напоминаетъ мнѣ, что я роздалъ по крайней мѣрѣ милліонъ триста тысячъ билетовъ, и надо въ нихъ отдать отчетъ собственницѣ...

Такимъ образомъ на глазахъ у Звѣздочкина, втайнѣ считавшаго свое произведеніе чуть не міровымъ явленіемъ, доигрывался послѣдній актъ семейной драмы и завершился такъ ровно и тихо, что юный наблюдатель нравовъ не подозрѣвалъ и существованія оной. Онъ даже не обратилъ вниманія на то, что Наталья Николаевна, заставивъ себя прождать такъ долго, что авторъ сталъ уже побаиваться, какъ бы не опоздать въ театръ, явилась въ гостиную подъ-руку съ Борисомъ прямо изъ своей половины.

Немного спустя, со двора выѣхала четвероместная карета и пара саней.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Бенефисъ нашей даровитой артистки.

Ложа самый лучшій реактивъ противъ семейныхъ событій, при которыхъ членамъ семьи какъ-то неловко быть вмѣстѣ. Въ ложѣ всѣ вмѣстѣ, а сцена избавляетъ ихъ отъ тягостной необходимости заниматься другъ другомъ.

Театръ былъ полнехонекъ. Звѣздочкинъ красовался въ директорской ложѣ. Люцкой въ первомъ ряду креселъ, почему-то язвительно улыбаясь, навелъ бинокль на Лиду и сталъ глядѣть въ упоръ; та повернулась спиной, положивъ на барьеръ свою ослѣпительную руку. Въ сталѣ сидѣлъ Бармовъ, позѣвывая возлѣ сестры. Петръ Ивановичъ отправился въ свои абонированныя кресла *людей посмотрѣть* и конечно ужъ никакъ не ожидалъ себя показать... но это именно и случилось. Бѣдное произведеніе, какъ называлъ его авторъ, оказалось достойнымъ эпитета: оно все вертѣлось

около судьбы молодой труженицы и новаго человѣка, изнемогавшихъ въ борьбѣ съ аристократами. Но аристократы не дались автору. Какой-то *князь* N даже на Бармова производилъ впечатлѣніе сенатскаго сторожа. Зато героиня объяснялась съ нимъ высоко-Ломоносовскимъ слогомъ, произносила цѣлыя цитаты изъ краткихъ руководствъ къ политической экономіи и въ заключеніи выругалась подлецомъ. Дѣйствія впрочемъ не было никакого, все ограничилось одними словами: авторъ заставлялъ персонажей и шить, и въ карты играть, и метаться изъ угла въ уголъ, и даже умирать на сценѣ, а дѣйствія все-таки не выходило, хоть ты что хочешь. Посреди этого хаоса, на сценѣ вдругъ появился старикъ въ бархатномъ халатѣ съ табакеркой и фуляромъ въ рукахъ, легъ на диванъ и началъ что-то диктовать. Ложа Мезенскихъ не могла удержаться отъ смѣха и окончательно развеселилась, когда Петръ Ивановичъ, посидѣвъ немножко, всталъ съ креселъ и пошелъ, пробираясь по ногамъ сосѣдей.

— Что, дяденька? встрѣтилъ его Астреинъ, когда дверь въ ложу отворилась и сенаторъ вошелъ, обмахиваясь платкомъ.

— Да что — къ вамъ пришелъ: совѣстно

вѣдь смотрѣть на себя изъ своимъ собственныхъ креселъ, проговорилъ сенаторъ.

— Не пощадилъ? усмѣхнулся Борисъ.

— Что жъ! по крайней мѣрѣ увѣковѣчилъ для потомства мой халатъ, отозвался Петръ Ивановичъ, садясь.

Когда упалъ занавѣсъ, въ раю раздались хлопанья не жалѣючи рукъ, и требованія автора: онъ имѣлъ любезность выйти къ барьеру ложи и раскланяться *съ даровыми клакерами* артистки. Въ антрактѣ Астреинъ сбѣжалъ въ кафе: тамъ въ кружкѣ молодежи ораторствовалъ Люцкой, браня піесу на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Помилуйте, подошелъ Астреинъ, познакомившійся съ нимъ у артистки:—авторъ не разъ говорилъ, что онъ пользовался вашими совѣтами...

— Нѣтъ-съ, видно не пользовался, ѣдко возразилъ тотъ,—потому что я съ перваго же чтенія совѣтовалъ ему лучше сѣрныя спички выдѣлывать, чѣмъ этакія представленія...

Слѣдующая піеска была изъ *настоящихъ*, какъ объяснилъ Астреинъ кузинѣ. Появилась бенефиціантка, и при всей незавидности своихъ средствъ, очень мило сыграла свою роль. Вызовамъ не было конца.

— Вотъ настоящая минута, проговорилъ Астреинъ, доставая стоявшій въ его шляпѣ букетъ, захваченный по дорогѣ: — послушай, обратился онъ къ Борису,—я, кажется, говорилъ тебѣ, что она очень обижается твоей якобы невнимательностью къ ея дарованію... Потѣшь бѣдняжку: позволь сказать, что это отъ тебя...

— Пожалуй, улыбнулся Мезенскій, — только букетъ незавидный...

— Attendez, Alexandre, поспѣшно проговорила Наталья Николаевна и, снявъ золотой браслетъ, замкнула его вокругъ букета.

Астреинъ убѣжалъ. Букетъ изъ рукъ капельмейстера перешелъ на сцену; артистка прижала его къ груди, кидая долгій взглядъ и улыбку въ ложу Мезенскихъ.

Прошелъ антрактъ, начались отрывочныя сцены изъ какой-то піесы à grand spectacle, а фельетонистъ не появлялся. Вдругъ позади Бориса раздался его шепотъ:—Потѣшь еще разикъ...

— Что тебѣ? обернулся Мезенскій.

— Пойдемъ со мной...

— Куда? говорилъ Борисъ, выйдя изъ ложи...

Они быстро сбѣжали въ коридоръ партера: тамъ Астреинъ обогнулъ къ оркестру, отворилъ

дверь въ концѣ коридора, закрутилъ по какимъ-то переходамъ, гдѣ Борису часто приходилось подскакивать и спотыкаться на порогахъ, и вдругъ оба очутились, согнувшись, въ какомъ-то низенькомъ подпольѣ, гдѣ, словно частый лѣсъ колоннъ и каріатидъ египетскаго храма, стояли ряды вертикальныхъ, поперечныхъ и косвенно-скрещенныхъ брусьевъ изъ побурѣвшаго дерева, образующихъ громадныя рамы на колесахъ, ярко освѣщенныя висячими лампочками. Надъ головою пріятелей топотали шаги, глухо слышались какіе-то изступленные крики; въ перспективѣ брусьевъ мелькали гигантскія тѣни.

— Что это за чертовщина? выговорилъ Мезенскій.

— Подсценникъ; на этихъ колесахъ переѣзжаютъ дворцы, лѣса, горы, и прочія декораціи... Это кратчайшій путь на сцену; по лѣсенкѣ наверхъ, вотъ сюда, отвѣтилъ Астреинъ, взявъ его подъ руку.

— Да развѣ можно за кулисы?

— Намъ вездѣ дорога, успокоилъ тотъ: — она сама хочетъ поблагодарить тебя...

Борисъ, потерявъ совершенно руководящую нить въ этомъ лабиринтѣ переходовъ, ожидалъ попасть на сцену гдѣ-нибудь около задней де-

кораціи, а потому невольно попятился назадъ, увидавъ передъ собой широкій прорѣзъ просценіума и сотни зрительскихъ головъ по всѣмъ ярусамъ.

— Легче, отдернулъ его Астреинъ,—не спѣши выходомъ на сцену. На сегодня будетъ и дядюшки!

Странно было Мезенскому видѣть въ двухъ шагахъ отъ себя загримированное, напудренное, нарумяненное, но все-таки миловидное лицо артистки, одѣтой въ пышную бархатную робу съ мишурнымъ шитьемъ и кружевнымъ воротомъ. Случайно она глядѣла прямо на Бориса и называла его злодѣемъ, извергомъ, котораго ненавидитъ вся Англія...—Боже! спаси меня отъ него! воскликнула она, ломая руки; молящій взоръ ея, обращенный вверхъ, скользнулъ по балкамъ, потомъ она кинулась въ объятія соперницы по искуству и, нѣжно прижимаясь къ ней, заклинала ее всѣми силами неба увезти ее изъ этой ужасной страны...

Борисъ ничего не понималъ изъ піесы, но его коробило смутное ощущеніе, что она явно не по силамъ артисткѣ.

— Какъ цѣлуются-то! шепталъ Астреинъ:— а хочешь, вотъ только сцена кончится, я скажу, что букетъ ошибкой поданъ ей и назначался

соперницѣ, –такъ посмотри, что за кутерьма пойдетъ...

— Нѣтъ, пожалуйста, началъ-было Мезенскій, но тутъ надъ самымъ ухомъ его хлопнулъ выстрѣлъ... другой... Борисъ чуть не вскрикнулъ, заткнувъ уши; въ глазахъ его промелкнула фигура упавшей замертво артистки... Астреинъ потянулъ его въ сторону отъ опускающагося занавѣса,—и не успѣлъ онъ еще порядкомъ ошалѣть, какъ въ ушахъ его раздавался ласковый голосъ и передъ нимъ стояла живая артистка.

— Merci, merci, m-r Мезенскій, говорила она, протянувъ обѣ руки;—я давно просила Александра Петровича доставить мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя... Но вы такой спѣсивый! нынче, надѣюсь, не откажетесь отпраздновать мой бенефисъ...

— Благодарю васъ... но я не одинъ сегодня.

— И слышать не хочу... Букетъ надо полить, иначе онъ завянетъ... Ну, такъ будете? кокетливо настояла она.

— Остается повиноваться, улыбнулся Мезенскій.

— То-то же... Такъ до свиданья. Васъ я ужъ не зову, обратилась она къ Астреину:—

ваше отсутствіе немыслимо... и побѣжала въ уборную.

Начался водевиль, и театральное торжество хотѣло завершиться неизбѣжнымъ канканомъ; Мезенскіе вышли изъ ложи.

— Нѣтъ, кузенъ, я рѣшительно отказываюсь напоминать вамъ объ этомъ сѣверѣ, говорила Лида, сходя къ подъѣзду рядомъ съ Астреинымъ:—вы неисправимы.

— Я говорилъ вамъ, что это не отъ насъ зависитъ, серьезно возразилъ тотъ:—на этотъ разъ впрочемъ...

— Знаю, знаю, не оправдывайтесь, говорила она, ставъ въ дверяхъ, пока жандармы кричали карету, и, протянувъ ему руку съ особеннымъ чувствомъ, проговорила:—берегите брата и навѣщайте насъ для него.

— Угостили! коротко заявилъ сенаторъ и кряхтя полѣзъ въ карету.

— Теперь живѣй на актерскій подъѣздъ, скомандовалъ Астреинъ, садясь съ Борисомъ въ сани:—посмотри, что тамъ будетъ... На актерскомъ подъѣздѣ дожидалась толпа, и когда вышла актриса, закутанная въ шубку, ее привѣтствовали взрывомъ возгласовъ, рукоплесканій, хотѣли отпрягать лошадей, нести ея карету на рукахъ.

— Не надо, господа, не надо, улыбнулась артистка, кивая головкой изъ окна; карета покатилась, пріятели помчались за нею.

Квартирка даровитой артистки почистилась и поукрасилась къ торжеству; въ залѣ накрытъ былъ длинный столъ, нарядно сервированный. Хозяйка приказала поставить на средину его букеты, полученнные въ подарокъ, а сама принимала гостей въ гостиной.

Въ какомъ-то жемчужно-бѣломъ шелкѣ, открывшемъ ея роскошную грудь и полныя руки, съ зеленью и цвѣтами въ волосахъ, разгорѣвшись отъ недавнихъ волненій, она была необыкновенно эфектна, полулежа на диванчикѣ возлѣ Мезенскаго и опахиваясь вѣеромъ. Отовсюду на нее сыпались поздравленія: она отвѣчала съ разсѣянною любезностію и безпрестанно обращалась къ Мезенскому. За ужиномъ по правую руку сидѣлъ авторъ драмы, по лѣвую—Борисъ.

Вино, какъ извѣстно, весьма коварный напитокъ; всякій разъ оно заявляетъ себя однимъ и тѣмъ же вліяніемъ, и каждый разъ люди, собираясь покутить, надѣются избѣжать его. Сначала все идетъ тихо и чинно; какая-нибудь острая закуска раздражитъ аппетитъ, и первое блюдо уничтожается почти молча; запьютъ его

стаканомъ вина, и кто-нибудь непремѣнно похвалитъ букетъ; прочіе подхватятъ, — и вотъ говоръ становится оживленнѣе; тамъ и сямъ звонко чокаются рюмки, громче и чаще звякаютъ промахи ножа по тарелкѣ; глядишь — у того, у другаго вспыхиваетъ румянецъ, раздается безпричинный смѣхъ, и всѣ дружно, точно части машины, раскачиваются, раскачиваются, а тамъ вдругъ пошло, пошло, завертѣлось, хвать!—и остановиться нельзя...

Хлопнула пробка, и кто-то предложилъ тостъ за процвѣтаніе искуства.

— Не отставайте, Борисъ Павловичъ, улыбалась хозяйка, доливая бокалъ Мезенскаго.

— Нѣтъ, шутливо отвѣтилъ онъ:—я съ удовольствіемъ выпью за ваше здоровье и талантъ, а ужъ процвѣтанія подобному искуству вовсе не желаю...

— Да, что дѣлать? падаетъ искуство, со вздохомъ отвѣтила артистка и вдругъ шепнула Борису, наклонясь близко:—И m-r Люцкой кажется падаетъ...

Люцкой стоялъ, опершись руками о столъ, и, цѣлясь въ свѣчу сигарой, упорно водилъ концомъ ея вокругъ свѣтильни.

Артистка съ хлопотливымъ видомъ хозяйки встала изъ-за стола и громко потребовала еще

шампанскаго, прося гостей позволить ей распорядиться десертомъ.—M-r Мезенскій! позвала она уже изъ гостиной.

Борисъ пошелъ за нею въ маленькій, изящно убранный будуаръ, освѣщенный сверху фонарикомъ цвѣтнаго стекла.

— Извините, что я притащила васъ сюда для такихъ пустяковъ, кокетливо проговорила она, взявъ со стола букетъ и придавая лицу дѣтское выраженіе:—никакъ не могу отомкнуть вашего подарка... и протянула его Борису.

— Я тоже не мастеръ, отвѣчалъ онъ,—впрочемъ позвольте...

Браслетъ тотчасъ открылся.

— Ахъ, какъ просто! улыбнулась артистка;—надѣньте мнѣ сами!

Она подала ему полную, бѣлую руку, но только-что онъ защелкнулъ вокругъ нея браслетъ, артистка вскрикнула.

Мезенскій вопросительно взглянулъ на нее.

— Это я должно-быть, падая давича на сценѣ, ушибла себѣ плечо; вѣрно есть знаки? Она слегка присѣла передъ зеркаломъ и, лебяжьи выгибая станъ, старалась оглянуться на свои плечи литыя, закусивъ ослѣпительными зубками нижнюю губку.

— Кажется нѣтъ? недовѣрчиво спросила она, повертываясь къ Борису.

— Никакихъ, успокоилъ Мезенскій.

Она подошла къ зеркалу и поправила прическу.

— Я хочу привѣсить вашъ подарокъ сюда, сказала она, показывая на лавровый вѣнокъ надъ зеркаломъ, и съ легкостью котенка прыгнула на стулъ съ букетомъ въ рукахъ.

— Ахъ, поддержите! вскрикнула она вытягиваясь на ципочки:—сейчасъ упаду...

Мезенскій слегка дотронулся ея стана.

— Крѣпче, не бойтесь! смѣялась она, укрѣпивъ наконецъ букетъ,—держите крѣпче: упаду... И она, пошатнувшись, оперлась на его плечо, задѣвъ его шею горячей рукой. Онъ приподнялъ ея какъ перышко и поставилъ на полъ.

— Хотите? сказала она, взявъ изъ-за зеркала свою карточку и очаровательно улыбаясь...

— Я буду весьма счастливъ, пробормоталъ Борисъ и, спрятавъ фотографію въ бумажникъ, сдѣлалъ рѣшительное движеніе къ двери.

— Да это пень какой-то, подумала артистка, выходя изъ будуара.

Въ залѣ шелъ оживленный разговоръ, звонъ бокаловъ, веселый смѣхъ; но если правда, что истина скрывается на днѣ стакана, то все-

таки эта истина довольно мелкаго разбора, и горизонтъ остротъ и мыслей, высказываемыхъ друзьями артистки, былъ еще тѣснѣе ея миніатюрной залы. Звѣздочкинъ и Люцкой сидѣли другъ противъ друга, наполовину потерявъ другъ друга изъ виду; лица ихъ словно въ чаду мелькали еще одно передъ другимъ и взаимно казались красиво оживленными физіономіями, между тѣмъ какъ прочіе гости, вслѣдствіе какого-то оптическаго обмана, видѣли въ нихъ только глуповатыя улыбки, оловянные глаза и вовсе не интересную блѣдность.

— Ѣдемъ, сказалъ Мезенскій, подходя къ Астреину:—Аполлонъ Ивановичъ, вы съ нами?

— Нѣтъ, пробурчалъ Звѣздочкинъ, глупо ворочая глазами:— скажите вашему дядюшкѣ, что я ему больше не батракъ... Онъ хотѣлъ гордо выпрямиться и не могъ.

— Что это вы говорите, милѣйшій!.. презрительно сказалъ Борисъ, отходя прочь, и сталъ откланиваться.

— Полноте, останьтесь, упрашивала артистка, поглядывая на Астреина: — Александръ Петровичъ, уговорите вашего друга... Пусть они разъѣзжаются, прибавила она, указывая глазами на гостей,—а мы будемъ чай пить еп

petit comité... Вы любите желтый чай? отнеслась она къ Мезенскому.

— Съ величайшимъ бы удовольствіемъ, но я завтра уѣзжаю въ деревню, отвѣтилъ Мезенскій, не зная, какъ отдѣлаться.

— Ну, домой? спросилъ онъ Астреина, садясь въ сани, — или еще куда-нибудь потащишь?

— Душа моя, извини, проговорилъ Астреинъ:—я хотѣлъ развлечь тебя...

— А я, добродушно улыбнулся Мезенскій,— видѣлъ это, и помѣшалъ... Но теперь ѣдемъ къ тебѣ...

— То-есть куда же это ко мнѣ? туда или...

— Въ твои chambres garnies, если ты не прочь поболтать до разсвѣта... Я спать не могу...

— Изволь, отвѣтилъ Астреинъ, мысленно махнувъ на себя рукою.

ГЛАВА XI.

Une nuit percée.

Когда запоздалые гости артистки дружной гурьбой высыпали на улицу, мятель замѣт о

стихала; только мелкія свѣжинки часто моросили въ лицо. Люцкой, идя съ кѣмъ-то по улицѣ, ковылялъ зигзами отъ тротуарныхъ тумбъ на плечо спутника и обратно.—Не робѣй, сынъ мой, не робѣй! кричалъ онъ точно въ лѣсу:—надоѣли барчуки, швырнулъ ихъ въ сторону и ступай дальше, — надо свою тропу пробивать...

— Отвяжитесь вы! брякнуло ему въ отвѣтъ: — какую къ чорту тропу?.. И на Люцкаго при свѣтѣ фонаря строго глянули усы, каска, военная шинель.

— Mille pardons, храбрый воинъ, пробормоталъ онъ и, обернувшись назадъ, сталъ звать во весь голосъ: — Эй, Аполлонъ! Фебъ Звѣздочкинъ! Гдѣ ты, пиголица?..

Какимъ-то чутьемъ угадавъ его въ тѣни противоположнаго тротуара, Люцкой побѣжалъ черезъ улицу, чувствуя странную легкость въ верхней половинѣ туловища и, точно сваями, дробя ногами по морозному снѣгу; но Звѣздочкинъ, какъ услыхалъ его за собой, такъ и кинулся прочь во всѣ лопатки; Люцкой наддалъ и только-что хотѣлъ схватить его, какъ тотъ полетѣлъ со всѣхъ ногъ на-земь и растянулся.

— Этакъ-то негодится, проговорилъ кри-

тикъ, осматривая злополучнаго автора, и, увидавъ надъ головой вывѣску виннаго погреба съ просвѣтами въ ставняхъ, сталъ поднимать своего спутника.

— Послушай, Звѣздочкинъ!

— Чо... зволь? отвѣтилъ тотъ на языкѣ разсказщиковъ изъ народнаго быта.

— Вставай, вѣдь ты не Антей, уговаривалъ Люцкой:—силы у земли не почерпнешь, только замерзнешь.

— Р-р-р-зумѣется, р-р-р-зумѣется, торопливо забормоталъ тотъ:—тар-ра бара...

— Э, братъ, у тебя ужъ ничего и не выходитъ, порѣшилъ Люцкой, поднимая его за шиворотъ:—надо опохмѣлиться...

Часу въ пятомъ темнаго утра, сторожъ, обходя зданіе Большаго театра, увидалъ на главномъ подъѣздѣ двухъ молодыхъ людей въ растерзанномъ видѣ, шуба на одномъ плечѣ, шапка на глазахъ, ломившихся въ среднія двери.

— Никакъ вы съ ума спятили? окликнулъ онъ, подходя ближе.

— Какъ же! отвѣтилъ одинъ, рыдая на всю площадь:—стучимся, стучимся—не пускаютъ...

— Гдѣ вы живете-то? спросилъ сторожъ, хладнокровно доставая тавлинку.

— Мы... въ маскарадъ... пріѣхали, всхлипывалъ Звѣздочкинъ...

Въ это время съ другой стороны подъѣзда темная фигура стала противъ Звѣздочкина и проговорила, сдѣлавъ подъ козырекъ:— Bonne nuit et bonjour! отставному кавалеристу что-нибудь s'il vous plait! Лошадей мылъ шампанскимъ! По десяти тысячъ на карту ставилъ и пр-ромотался, какъ чор-ртъ!

— Ахъ, какая встрѣча! Здравствуйте, здравствуйте! восклицалъ Звѣздочкинъ, съ жаромъ пожимая ему руку, — что вы никогда ко мнѣ не завернете? Милости просимъ, милости просимъ...

Сторожъ, видя, что сошлось трое старинныхъ пріятелей, благоразумно пошелъ своей дорогой.

Немного спустя, всѣ трое куда-то ѣхали въ пошевняхъ: Люцкой съ гусаромъ изо всей мочи пѣли: *Не бѣлы снѣги.* Люцкому казалось, что голосъ его сталъ и чистымъ, и сильнымъ, и весьма гармонично сливается въ дуэтѣ.

Звѣздочкинъ поклевывалъ въ спину извозщику съ такимъ постоянствомъ, словно хотѣлъ проклевать въ ней дыру. Навремя окрестности пропали изъ глазъ; потомъ онъ чувствовалъ, что сани забираютъ куда-то въ глубокую про-

пасть, и въ лицо ему рѣзнуло морозомъ. — Онъ открылъ глаза, въ которыхъ тотчасъ загромоздились какіе-то высокіе костры, полузасыпанные снѣгомъ, сплошной заборъ, тянувшійся словно развернутый альбомъ фотографическихъ карточекъ съ однимъ фономъ безъ портретовъ, частоколъ, сквозь который бѣлѣло широкое поле и вдали два-три дерева; но глаза слипались серебристымъ инеемъ рѣсницъ, и онъ даже не потрудился дать себѣ отчетъ, гдѣ онъ и зачѣмъ сюда попалъ. Ощущеніе теплоты заставило его снова открыть ихъ передъ выскобленнымъ деревяннымъ столомъ съ мерцающей плошкой, посылавшей въ промерзлые углы и на стѣны тѣни различныхъ предметовъ, которыхъ онъ не могъ разобрать, видя только то, что рѣзче освѣщенное лѣзло въ глаза: кирпичный полъ съ выбоинами, какъ на тротуарахъ иныхъ переулковъ, палати, какого то бородача, сидѣвшаго съ Люцкимъ. Они дружески разсуждали про какую-то гору, что съ горой не сходится, и Звѣздочкинъ былъ убѣжденъ, что это та самая гора, по которой они сейчасъ ѣхали. Retiré de service прислуживался имъ полуштофомъ и называлъ бородача Волжанкой. Возлѣ Звѣздочкина сидѣла дѣвушка въ затасканномъ ситцевомъ платьѣ,

съ какимъ-то неестественнымъ румянцемъ, и поила его водкой. Всѣ лица разомъ глянули на него и расплылись въ туманѣ.

Полчаса спустя, надъ опоеннымъ Люцкимъ, спавшимъ въ растяжку на лавкѣ, стоялъ Волжанка и сводилъ старые счетишки, фабря ему все лицо сажей; Люцкой безсознательно морщилъ носъ и дергалъ губами.

— Те... те... те, не нравится? Полно, сударь, чихнешъ неравно—правда будетъ, убѣждалъ Волжанка. Поищи-ка, тамъ у меня ляпись былъ, отнесся онъ къ отставному гусару и сталъ припѣвать:

Гусарина черноусый,
Чомъ у тебя мундиръ куцый!

Немного позже, Волжанка съ отставнымъ пріятелемъ своимъ вышли на пустынное побережье одного изъ замоскворецкихъ захолустій; у каждаго изъ нихъ было по туго набитому мѣшку за плечами.

— Вали тутъ, скомандовалъ Волжанка, вытряхивая свой мѣшокъ.

Retiré de service опросталъ свой.

Изъ одного мѣшка выкатился критикъ, изъ другаго авторъ.

— Клади ихъ вмѣстѣ рядышкомъ. Не трожь, прохладятся!

Еще разъ очнулся Звѣздочкинъ въ нестерпимомъ запахѣ тютюна; вмѣсто черной драповой шубы, на немъ была синяя, вытертая чуйка въ лохмотьяхъ; онъ отвернулъ полу, не вѣря глазамъ: увы! американскій енотъ сбѣжалъ на родину; онъ сбросилъ чуйку и очутился въ такомъ костюмѣ, что совѣстно было бы явиться даже къ отставному гусару, еслибъ онъ зналъ, гдѣ его найти. Вокругъ него узенько сдвинутые печь, столъ и лавка, — это будка! На лавкѣ Люцкой, еще мизерабельнѣй одѣтый, разрисованный сажей и на лбу написано: «Люби да помни!» Тутъ и онъ вспомнилъ, что въ бумажникѣ его были деньги — слѣдующая ему часть сбора съ бенефиснаго спектакля,— отданныя ему вчера артисткой,—и холодъ пробѣжалъ по его спинѣ при мысли о своемъ положеніи. Въ головѣ сильно трещало. Все прошлое, начиная со встрѣчи съ Люцкимъ на мосту, привольная жизнь у сенатора, служебная дѣятельность, авторскій успѣхъ и даже вчерашній вечеръ показались ему какимъ-то невозвратимо-мелькнувшимъ сномъ. Онъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ и растолкалъ Люцкаго...

Тотъ нехотя открылъ глаза, протянулся, оглядѣлся вокругъ и сначала довольно хладно-

кровно замѣтилъ:—Вѣдь я говорилъ, что порядочный человѣкъ безъ этого не обойдется... Но когда зарубленное на память, отразившееся въ осколкѣ зеркала, несмотря ни на какія усилія, со лба не стиралось, онъ понялъ, какъ злостно потѣшился надъ нимъ Волжанка.

Астреинъ тоже долго не просыпался въ своей chambre garnie. Часу въ первомъ пополудни его разбудилъ коридорный.

— Чего тебѣ? проворчалъ онъ въ просонкахъ.

— Васъ тамъ спрашиваютъ.

— Я сплю, категорически отвѣтилъ тотъ.

— Говорятъ—очень нужно.

— Да кто такой тамъ—мужчина или женщина?

— Мужскаго полу-съ, отвѣтилъ тотъ, почему-то запинаясь.

— Ну, проси, проворчалъ Астреинъ и тотчасъ задремалъ...

— Милостивый государь, раздалось у него въ ушахъ.

Онъ протеръ глаза и увидалъ передъ собою какого-то офицера, говорившаго, кажется: — Мѣстный квартальный надзиратель!

— Вѣдь приснится же! проговорилъ Астреинъ, зѣвнувъ и поворачиваясь на другой бокъ.

— Господинъ Астреинъ!

— Да что вамъ наконецъ угодно? воскликнулъ онъ, сѣвъ на постель и потягиваясь.

— Мѣстный квартальный надзиратель, повторилъ офицеръ съ пріятною улыбкой и красивымъ поклономъ.

— Ахъ, извините, я думалъ, что вы просто сонъ, сказалъ Астреинъ,—а вы, господа? прибавилъ онъ, съ удивленіемъ замѣтя въ комнатѣ еще двоихъ.

— Добросовѣстный свидѣтель, Исай Кудрехвостовъ-съ, здѣшній обыватель, отрекомендовался одинъ.

— Что жъ это за чертовщина?..

Третій гость побагровѣлъ.

— Я-съ, Александръ Петровичъ, не чертовщина, а законный кредиторъ вашъ, выговорилъ онъ, подступая къ постели:—да-съ, и въ этомъ развѣ могу только удивляться, какъ это люди дѣлаютъ долги, а никогда не подумаютъ объ уплатѣ.

— Почтеннѣйшій, васъ-то я и не разглядѣлъ... Успокойтесь: вся вселенная должна, проговорилъ Астреинъ: — и потомъ увѣряю васъ, что я ни о чемъ такъ не задумывался, какъ объ уплатѣ...

— Да-съ, но въ началѣ вы хоть принимали

меня, обѣщая расчесться въ самомъ скоромъ времени, а теперь вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не имѣю удовольствія встрѣчаться съ вами.

— Почтеннѣйшій, я беру примѣръ съ мѣсяца, отвѣтилъ Астреинъ,—то-есть не съ того мѣсяца, про который вы изволите говорить, а съ луны, съ міроваго тѣла, съ планеты. Она тоже вся въ долгу, вотъ ужъ сколько лѣтъ заимствуя свой свѣтъ отъ солнца и никогда не возвращая; поэтому она всегда появляется на горизонтѣ, когда кредиторъ ея ложится спать, и такимъ образомъ не рискуетъ непріятной встрѣчей; а вы вотъ наоборотъ...

Кредиторъ повидимому окончательно разсердился.

— Милостивый государь, я васъ предупреждаю, что пришелъ сюда не для шутокъ... Вамъ извѣстно, что я скупилъ ваши векселя. А теперь я пришелъ сказать вамъ, что потерялъ всякое терпѣніе и представилъ уже кормовыя, для содержанія васъ въ ямѣ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, съ чувствомъ произнесъ Астреинъ. Это новое одолженіе съ вашей стороны, на которое я впрочемъ не расчитывалъ,—истинно обязали ..

— Но позвольте, миролюбиво вмѣшался над-

зиратель:—весьма возможно, что г-нъ Астреинъ пожелаетъ удовлетворить васъ.

— Даже болѣе, чѣмъ возможно, согласился Астреинъ:—потому что мнѣ болѣе ничего не остается, какъ удовлетворить, и я только прошу небольшой отсрочки.

— Нѣтъ-съ, ужъ это извините... У меня эти отсрочки-то вотъ гдѣ сидятъ, возразилъ кредиторъ, указывая на затылокъ.

— Ну, не мягко же имъ, проворчалъ Астреинъ.—Вы не поняли меня, господа, я прошу только трехъ-часовой отсрочки и даю вамъ честное слово при добросовѣстномъ свидѣтелѣ... виноватъ—какъ васъ зовутъ?

— Исай Кудрехвостовъ-съ.

— По батюшкѣ?

— Отецъ неизвѣстенъ-съ.

— Вѣрно это? серьезно отнесся Астреинъ къ надзирателю.

— Да-съ, отвѣтилъ тотъ съ изысканною вѣжливостiю:—у него такъ и въ бумагахъ прописано.

— Да, такъ вотъ при г-нѣ Исаѣ, по неизвѣстности отца, Кудрехвостовѣ, честное слово—черезъ три часа я прiѣду къ вамъ на домъ и тотчасъ же удовлетворю.

Увѣренный тонъ произвелъ впечатлѣніе на заимодавца.

— Что жъ, если такъ, мнѣ пріятнѣй покончить полюбовно, сказалъ онъ:—а если же вы не исполните вашего обѣщанія...

— Мѣстопребываніе мое вамъ, полагаю, извѣстно, улыбнулся Астреинъ.

— Извольте-съ, такъ ужъ я буду ожидать васъ, сказалъ кредиторъ, протягивая руку.

— До пріятнѣйшаго свиданія, отвѣтилъ Астреинъ:—а теперь чтобы приготовиться къ этому, я не задерживаю васъ, господа... Онъ пожалъ имъ руки и, проводивъ до дверей, крикнулъ:—Эй, коридорный! воды въ умывальникъ.

Вымывъ руки, онъ освѣжилъ себѣ лицо и одѣлся въ просторный пиджакъ. — Теперь за дѣло, сказалъ онъ самъ себѣ и, доставъ изъ стола бумажникъ, высыпалъ одну трехрублёвую, одну рублевую, три четвертака и пятакъ мѣди—все, что тамъ было...—Маловато, подумалъ онъ:—впрочемъ хватитъ...

Позвонивъ коридорнаго, онъ потребовалъ счетъ.

— Недавно изволили уплатить за треть впередъ-съ, отвѣтилъ коридорный:—развѣ думаете съѣзжать отъ насъ?..

— Да, я на Амуръ ѣду, разсѣянно отвѣтилъ

Астреинъ, — уложи мои вещи... А самъ принялся бриться.

Коридорный выдвинулъ изъ-подъ кровати чемоданъ и сталъ усердно набивать его всякой всячиной: бѣльемъ, платьемъ, настольными бездѣлками, добросовѣстно уминая все и затягивая ремни.

— Теперь вотъ тебѣ на чай, не поминай лихомъ, сказалъ Астреинъ, подавая трехрублевую,—и кликни мнѣ извощика.

Астреинъ собралъ свои документы и видъ на прожительство, пересмотрѣлъ, положилъ въ карманъ и надѣлъ шубу. Коридорный снесъ ему на крыльцо чемоданъ и крайне удивился, что баринъ торгуется съ извощикомъ, чего никогда не бывало.

Ровно черезъ два часа Астреинъ остановилъ извощика у подъѣзда своего кредитора и позвонилъ. Кредиторъ даже самолично отворилъ ему.

— Надѣюсь, не опоздалъ? спросилъ, Астреинъ, расклапиваясь.

— Напротивъ, даже раньше срока, любезно проговорилъ кредиторъ и еще любезнѣй прибавилъ: —и привезли?

— И привезъ, отвѣтилъ тотъ, показывая на чемоданъ, лежавшій на саняхъ.

— Это зачѣмъ же? изумился кредиторъ.

— А все затѣмъ же, чтобы удовлетворить васъ.

— Какъ? этимъ? попятился кредиторъ:—въ видѣ обезпеченія? имуществомъ? Что жъ у васъ тамъ? драгоцѣнныя вещи?

— Какже, какже! отъ шила ручка, отъ мыла коробочка и тому подобное; но не въ томъ дѣло, спокойно проговорилъ фельетонистъ:— вѣдь вы выразили желаніе посадить меня въ яму; ну вотъ я и удовлетворяю васъ: это называется: payer de sa personne. Ѣдемте. Сей самый возница и свезетъ насъ, но за это вы дадите мнѣ чашку кофе, такъ-какъ, съ одной стороны уже приняли на себя кормовыя, а съ другой стороны, платить прогоновъ я не обязывался.

И онъ вошелъ въ домъ, приказавъ извощику дожидаться.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Алчущіе, жаждующіе, нагіе и странные.

Зимній сезонъ кончился; прекратились и субботы у Мезенскихъ. Семейство жило тѣмъ спокойнымъ far niente, когда городская жизнь замѣтно притихаетъ, а загородная еще не рѣ-

шается бравировать весенніе утренники. Изрѣдка получалось письмо изъ деревни, въ которомъ Борисъ увѣдомлялъ о себѣ и въ концѣ всегда приписывалъ просьбу не отвѣчать ему, такъ-какъ онъ думаетъ на дняхъ вернуться въ Москву; но дни проходили, а его все не было. Наталья Николаевна въ это время была озабочена другимъ обстоятельствомъ: ее безпокоило здоровье дочери. Лида безъ всякой видимой причины день ото дня становилась грустнѣе и задумчивѣе: вся прежняя живость ея исчезла; движенія стали плавнѣе, сдержаннѣй. Даже самая комната ея, въ которой было собрано все, что такъ нравится и вмѣстѣ служитъ изящной рамкой молодымъ дѣвушкамъ,—даже комната ея преобразилась, и въ этой перемѣнѣ чуялась тайная связь съ пережитымъ, какъ будто и внѣшняя оболочка жизни не осталась равнодушною къ радостямъ или горю обитателей и постепенно приноравливалась къ ихъ душевному состоянію. Прежде всего завяли букеты изъ зимняго сада, которыми Лида каждый день украшала прозрачно-легкія мраморныя вазы. Первые два дня Лида сама не замѣтила этого: на третій, проходя мимо, она была поражена тѣмъ особеннымъ запахомъ, когда махровые вѣнчики, сморщась, точно ста-

рѣя, клонятся на сухихъ стебелькахъ, и краски ихъ, выступая темнѣе, борятся еще со смертію, какъ румяна сверхъ почернѣвшихъ свинцовыхъ бѣлилъ. Она велѣла ихъ вынести, а потомъ уже вазы наполнялись лишь пылью да прахомъ, будто урны древнихъ гробницъ.

Въ одномъ изъ великопостныхъ концертовъ Лида заслушалась грустнаго соло на фисгармоникѣ и, долго спустя, мерещились ей эти скрипичные звуки. Теперь у нея въ комнатѣ стоялъ палисандровый инструментъ съ двумя серебрянными подсвѣчниками, бросая какимъ-то строгимъ оттѣнкомъ на коровокъ Розы Бонеръ въ округлыхъ рѣзныхъ рамахъ и дорогія бездѣлки зеркальнаго столика.

Какъ-то вечеркомъ Наталья Николаевна, проходя мимо ея комнаты, остановилась послушать игру.

Прозрачныя сумерки прохладно заглядывали въ отворенное окно, и послѣдній косой лучъ игралъ еще на верху шелковой занавѣски, обливая свѣтомъ фигуру молодой дѣвушки.

Лида наигрывала изъ Lieder ohne Worte, и звуки инструмента, развивающаго меланхолію въ слушателяхъ, приглушенные мохнато-узорчатымъ ковромъ и портьерами, жалобно дрожали въ воздухѣ. Тихо рокочатъ аккорды съ

легкимъ tremolo и покрываются заунывно-звонкою ноткой, и поетъ, и плачетъ эта грустная нотка, и замираетъ, и вспыхиваетъ, какъ погасающая лампа, и снова ропщутъ аккорды...

— Не пора ли закрыть окно, Лидочка? выговорила Наталья Николаевна.

— Кто это? Ахъ, какъ ты меня испугала! вскрикнула Лида, откидываясь на спину табуретки.

Наталья Николаевна наклонилась и поцѣловала ея лобъ...

— Ты больна, Лидочка, все грустишь, и все у тебя одна и та же грустная пѣсенка.

— Ахъ, да, maman, надо перемѣнить ноты, отвѣтила та, слегка вспыхнувъ, и вдругъ разсмѣялась:—я все ждала, что cousin привезетъ: помнишь, онъ обѣщалъ?.. Кстати, maman, отчего онъ у насъ не бываетъ? равнодушно уронила она, подходя къ окну...

— Qui sait?! отвѣтила Наталья Николаевна, внимательно поглядѣвъ ей вслѣдъ.—Мнѣ кажется, у тебя начинается mal de pays... Не Не вернуться ли намъ *въ горы родныя*?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Россія для меня теперь все... мнѣ трудно будетъ разстаться съ нею и со всѣми нашими... Посмотри, это Любочка ѣдетъ! вдругъ вскрикнула Лида, по-

казавъ Натальѣ Николаевнѣ маленькую каретку, запряженную парою знакомыхъ вятокъ, мелкой рысцей пылившихъ на полѣ:—это она въ монастырь ѣдетъ... А я и не знала, что она въ Москвѣ...

— Я недавно слышала, что она съ теткой съ недѣлю уже какъ вернулись изъ дальней поѣздки на богомолье, сказала Наталья Николаевна не хотя, какъ будто ей было непріятно вспоминать объ этомъ.

Въ эту минуту тихо и торжественно прогудѣлъ ударъ втораго звона.

— Maman, поѣдемъ взглянуть на нее, сказала Лида.

— Quelle idée! отвѣтила Наталья Николаевна, слегка вздохнувъ.

Лида стала упрашивать, говоря, что можно закутаться густыми вуалями, оставить лошадей у монастырскихъ воротъ—и только взглянуть на нее.

Онѣ поѣхали.

Вечеръ былъ тихій, ясный; воздухъ полонъ той тепловатой прохлады, когда весна только начинаетъ издали впивать знойное дыханіе подходящаго лѣта. Солнце еще рано скрывалось въ зубцахъ монастырской стѣны, заволакивая тѣнью все кладбище. Ракиты и березки чуть

зеленѣли, какъ деревья старинныхъ акварелей, дѣланныхъ пунктиромъ, тѣснясь надъ могилами рода Самострѣловыхъ. Надъ послѣднею изъ нихъ значительно понизившаяся насыпь успѣла покрыться свѣжимъ дерномъ, а рядомъ съ ней разбита была клумба въ высаженными ранними цвѣтами, разносившими вокругъ благоуханіе. Здѣсь-то, въ кружкѣ послушницъ и строгихъ лицъ давно постриженныхъ монахинь, Лида и Наталья Николаевна, выходя отъ всенощной, издали узнали Любу. Она была въ простенькомъ коричневомъ платьѣ и темно-вишневомъ казакинѣ съ бѣлой выпушкой. Низенькая шляпка итальянской соломки оттѣняла ея слегка похудѣвшее лицо, сіявшее какимъ-то успокоеннымъ кроткимъ довольствомъ. Небольшая райская птичка, сверкая рубиномъ, дрожала на тульѣ и глядѣлась въ чистой лобъ монастырской гостьи. Люба положила долгій поклонъ могилѣ и, простясь съ сестрами, пошла къ выходу изъ ограды. За воротами она прямо наткнулась на толпу нищихъ, въ которой какая-то растерзанная фурія тормошила визжавшую дѣвочку, таская за волосы по землѣ.

— Для чего я васъ держу? хрипѣла она, задыхаясь:—хозяйка я или нѣтъ? Самой мнѣ, что ли, собирать милостыню? А ты что набра-

ла? Семь копѣекъ за весь день?... Трудись! Трудись! Трудись! не лѣнись!!..

Остальныя подъ эту музыку преспокойно занимались своими дѣлами. Богатое зрѣлище для ваятеля! Словно въ музеѣ собрались представительницы всѣхъ древнихъ и новыхъ школъ. Болѣе зябкія, закутанныя въ какое-то подобіе одѣялъ, казались чудовищными индѣйскими истуканами, не отрѣшившимися еще отъ животныхъ формъ и даже отъ скалы, изъ которой были вырублены. Переходъ къ египетскому искуству проявлялся въ загадочныхъ сфинксахъ, лежавшихъ у ограды, яснѣе выразился въ муміи старушенки, штопавшей свои іероглифы, и достигъ полнаго развитія въ колоссальной дѣвѣ, сидѣвшей на тумбѣ, съ опущенными и соединенными ногами, и руками на колѣнахъ, и неподвижно-поднятой головой; тронутыя болѣе искуснымъ рѣзцомъ, греческія статуи отличались оживленіемъ: иная, наклонивъ станъ, распускала сандаліи и, убѣдясь въ негодности ихъ *на площадь*, тутъ же отправляла ихъ черезъ ограду; другая подносила къ устамъ глиняную амфору съ оцтомъ, обдававшимъ хитонъ ея желтыми пятнами. Въ толпѣ ихъ мизерное произведеніе современной скульптуры, еще въ глинѣ, послѣ таски сѣло на земь, спря-

тавъ курчавую головку въ колѣнахъ, точно обдумывая, къ какой школѣ пристать въ окончательной отдѣлкѣ; а потому такъ и не видало, чего всполохнулись нищіе, когда передъ ними стала богатая барынька..

— Барынька наша! Золотая наша! Кормилица!.. пошло кругомъ.—Родненькая! слышалось въ хорѣ; подходили даже мужчины, чуя поживу.

— Какъ это вы можете такъ жить? говорила Люба, раздавая милостыню: — вѣдь это не жизнь.

— Какъ можно жить! Ужъ какое житье! издыхали пролетаріи, забывая, что иные другой десятокъ лѣтъ коротаютъ такимъ образомъ.

— Ну, слушайте же... Милостыни подавать вамъ я больше не буду, а кто хочетъ работать—идите ко мнѣ: у меня фабрика. работы много, плата хорошая...

— Такъ! отрѣзалъ небритый солдатъ, повернулся на костылѣ налѣво кругомъ и пошелъ прочь, какъ будто весь интересъ для него покончился.

— Охъ, кормилица, много ли мы выработаемъ-то, на старости лѣтъ? отозвалась мумія:—куда намъ? изъ какихъ силъ тянуться-то?

— Кто что можетъ, говорила Люба, гладя по головѣ дѣвочку: — со старушки много не положатъ, на кухнѣ приглядишь или что, а потяжелѣ работа—это молодымъ..

— Легко ль дѣло! огрызлась египетская дѣва: — ишь ты какая выискалась! молодымъ тоже! Молодыя, да не лошади, вотъ что, милая!..

Озадаченная этой истиной, Люба только-что повернулась къ ней, по сзади раздавались другіе голоса...

— Ну-ко-ся, я вотъ сходила къ Василью Блаженному, отстояла копѣекъ пять и сыта... Своя воля, милая, дороже... Хоть на людей посмотришь, а то сиди...

— Что галдѣть-то? Надо сперва-на-перво толкомъ знать, что за работа будетъ? сказалъ старикъ, основавшій постоянное пребываніе у одного изъ мостовъ, и полѣзъ въ карманъ, точно за памятной книжкой.

— Работа всякая, обрадовалась Люба: — у меня ситцы дѣлаютъ, промывка, окраска — мало ли что...

— Канитель значитъ, произнесъ старикъ и, доставъ берестовую тавлинку, съ азартомъ набилъ себѣ обѣ ноздри въ общемъ хохотѣ.

— Поѣдемъ, чего стоять! сказала Мавра Савишна, подходя къ Любѣ изъ воротъ.

— Никто не хочетъ? А ты, старичекъ, — работа и мужская найдется, совсѣмъ сконфуженно проговорила Люба.

— Я бы радъ—не пустятъ, хныкалъ тотъ:— я тутъ у нихъ старостой...

— Комендантъ! отвалила египетская дѣва и фыркнула на все поле.

— Пойдемъ, пойдемъ! торопила тетенька Любу...

— Милости просимъ еще когда! провожали ихъ, покатываясь со смѣху. Навстрѣчу имъ вдоль ограды двигалось что-то въ родѣ большой собаки; онѣ хотѣли обойдти, но, приблизясь, разглядѣли убогаго, который ползъ на колѣнахъ при помощи лѣвой руки, а правую выворотивъ и неестественно скорчивъ, держалъ у самыхъ глазъ вмѣстѣ съ деревянной чашкой. Поровнявшись, онъ замычалъ дикимъ зыкомъ:—Подайте близорукому!

— Вотъ я тебѣ! крикнула тетенька, поднявъ зонтикъ. Убогій вскочилъ на ноги, давай улепетывать...

— Тетенька! отчаянно проговорила Люба:— вѣдь это адъ! Обманъ, одинъ обманъ! Наглый, ничѣмъ не прикрытый!..

Каретка виднѣлась уже въ тѣни, какъ за ними послышались торопливые шажки, мелко шлепавшіе по землѣ и гнавшіеся за ними. Люба обернулась: за ней стояла дѣвочка-нищая.

— Что тебѣ?

Дѣвочка заложила палецъ въ ротъ, пугливо глядя на Мавру Савишну. — Баинька, возьми меня *туда*, меня всѣ бьютъ...

— Поди ко мнѣ, поди скорѣй, обрадовалась Люба, опускаясь возлѣ ребенка на одно колѣно и привлекая его къ себѣ: — кто у тебя здѣсь—отецъ? мать?

— Нѣту, отвѣтила дѣвочка, оглядываясь назадъ и тяжело дыша.

— Тетенька, помогите мнѣ донести ее... Хоть это сдѣлаемъ! Тѣ погибли; дѣтей надо вырывать отсюда! Крошка ты моя, милая!..

Онѣ сѣли въ карету; Люба взяла дѣвочку къ себѣ на колѣна, цѣловала ея грязную мордочку и кутала накидкой, что было уже излишкомъ благотворительности въ началѣ мая. Мизерное произведеніе современной школы не вѣрило ласкамъ, какъ собаченка, которую такъ часто бьютъ, что она при малѣйшемъ движеніи руки падаетъ навзничъ, вверхъ ножками. Ему и страшно было ѣхать въ первый разъ

отъ роду въ темномъ ящикѣ, и жарко стало, и такъ славно пахло отъ бѣлаго платка у барыньки, что оно не вынесло всѣхъ этихъ ощущеній и принялось хныкать.

Новое пріобрѣтеніе было привезено домой такъ бережно, какъ будто это было хрупкое ископаемое, только-что добытое на геологической экскурсіи, внесено съ радостнымъ кликомъ и усажено въ гостиной. Прибѣжала Параша; начались разсказы, во время которыхъ находка страшно ворочала глазами то на ту, то на другую изъ незнакомыхъ. По предварительномъ изслѣдованіи наружныхъ признаковъ, рѣшено было сдать его на руки Парашѣ для промывки, снабдивъ тщательно сберегавшимся дѣтскимъ туалетомъ самой Любы. Послѣ этихъ операцій оно явилось въ образѣ представительницы современнаго періода, который прежде былъ неудобораспознаваемъ по причинѣ множества наносныхъ формацій, особенно буроугольной, мѣловой, песчаника и юрской грязи. До помѣщенія въ музеумѣ надо было наклеить ярлычекъ, почему Люба и спросила, какъ ее зовутъ.

— Розиня, отвѣтило это существо.

— А еще какъ?

— Еще-то?... Куковяка...

Такъ какъ эти имена, независимо отъ большей или меньшей образности, не употребляются въ метрическихъ книгахъ, а другихъ дѣвочка не знала, то и рѣшено было вытребовать бумаги ея черезъ посредство полиціи.

За ужиномъ неопредѣленное существо выказало большое сходство съ фауной Австраліи, которая, хоть и живетъ въ современномъ періодѣ, но по строенію и рѣзкимъ особенностямъ принадлежитъ болѣе къ дилувіальнымъ формаціямъ и составляетъ переходный моментъ. Видя, что жизни его ничто не угрожаетъ, оно осмѣлилось брать предложенныя ему яства вилкой, а потомъ, снимая куски съ зубцовъ помощію лѣвой руки, отправляло ихъ въ пищепріемный каналъ; равно незнакомое съ употребленіемъ салфетки, оно утиралось плечевыми мускулами, заворачивая рукава и поглядывая на цвѣтное платьице съ глубокими вздохами блаженства. Притомъ, отличаясь непомѣрною прожорливостью и необыкновенною поспѣшностію въ процессѣ жеванія и глотанія, оно часто давилось или душа его вдругъ ощущала потребность бесѣды съ Богомъ. Вообще всѣ отправленія совершались до того ненормальнымъ путемъ, что Люба расхохоталась отъ души.

— Вотъ, тетенька, теперь я нись невѣста,

нись жонушка, нись вдовушка, — всего понемножку, а это мнѣ Богъ дочку послалъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Посѣщеніе болящихъ.

Едва ли есть мѣстности грустнѣе больничныхъ садовъ. Высокія, сплошно-густыя липы по куртинамъ, заросшимъ травою, засореннымъ обломками вѣтвей и побѣговъ прошлогодней бузины, не даютъ свѣта на широкія дорожки, вѣчно сырыя и усѣянныя катышками дождевыхъ червей. Въ самый солнечный день по коричнево-землянымъ лентамъ ихъ только перебѣгаютъ рѣдкіе зайчики, точно ихъ наводятъ божки всевозможныхъ болѣзней, засѣвши въ листву и взбалтывая аптекарскія склянки. Полнѣйшее отсутствіе цвѣтовъ, кое-гдѣ на дорожкѣ сиротливо желтѣетъ одуванчикъ, и на всей зелени сада такъ и ждешь ярлычковъ съ надписями: flos tillyae, sambucus, leontodon taraxacum. А тамъ на травяной лужайкѣ заглохшій прудъ, задернутый блѣдно-зеленой ряской, которую раздвинетъ, извиваясь, лѣнивая піявка, да лягушки, выставляя голову, жалобно

стонутъ, словно души больныхъ, скончавшихся въ жестокомъ недугѣ. Гнилью несетъ отъ воды; на высокихъ гнѣздахъ какъ-то злорадно перекликаются грачи; больные въ бѣлыхъ, какъ саванъ, халатахъ уныло бродятъ по дорожкамъ. Если случайно зайдетъ сюда здоровый человѣкъ, ему начинаетъ казаться, что у него припадокъ ипохондріи...

Въ такомъ саду на другой день поутру бродила Люба, задумчиво чертя зонтикомъ по дорожкамъ. Но вотъ, въ концѣ аллеи, у самыхъ воротъ, показывается женщина въ коленкоровомъ чепцѣ, точно крылатомъ отъ широчайшихъ оборокъ, въ бѣломъ передникѣ поверхъ синяго шерстянаго платья—это сидѣлка, Люба пошла ей навстрѣчу, и обѣ онѣ вышли изъ сада.

— Проснулась? участливо спросила Люба.

— Сейчасъ только проснулась, отвѣтила сидѣлка:—на зарѣ такъ чуть успокоилась, а то, почитай, всю ночь ни однимъ глазомъ не вздремнула... И ни разу не позоветъ, не покличетъ ночью-то... Съ роду не видывала такой...

Онѣ миновали длинное и сравнительно низкое зданіе главнаго корпуса N—ской больницы, напоминавшее гробъ, выкрашенный блѣдно-желтою краскою, съ зеленой крышей. Фа-

садъ его съ высокимъ крыльцомъ и колоннами обдавало тепломъ и свѣтомъ славное весеннее утро. Тѣмъ разительнѣе сталъ контрастъ, когда Люба вошла въ темноватый коридоръ *лѣтника*, пропитаннаго запахомъ пластыря, мазей и травъ. Сидѣлка отворила дверь крайней палаты; на желтомъ лощеномъ полу, по обѣ стороны узенькаго половика, стояли пустыя койки; одна только была занята Въ больничномъ халатѣ, накрытая сѣренькимъ одѣяломъ, Даша лежала пластомъ, тяжело дыша, разметавъ исхудалыя руки; ярко-алыя пятнушки рдѣли на щекахъ больной; сухими прядями выбивались изъ-подъ чепца ея нѣкогда роскошные волосы...

На сосѣдней койкѣ мрачно сидѣлъ Люцкой, весь въ черномъ, съ коротенькимъ плащемъ на рукѣ. Длинные черные волосы и густая борода придавала рѣзкую выразительность его блѣдному лицу и немного впалымъ глазамъ. Они съ Любой поклонились другъ другу, какъ знакомые.

Люба приложила пальчикъ къ губамъ и хотѣла вернуться, но больная медленно открыла глаза и, поднявшись на локтѣ, прислонилась къ подушкѣ. Она такъ привыкла къ посѣщеніямъ Любы, что даже не здоровалась, а только смотрѣла на нее съ привѣтливой улыбкой

*

мягкимъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ; при худобѣ лица, они точно выросли. Странный блескъ ихъ производилъ какое-то болѣзненное впечатлѣніе.

— Какъ вы себя чувствуете? спросила Люба, садясь къ ней на койку.

— Сегодня такъ хорошо... такъ легко, точно выздоравливаю, отвѣтила Даша, взглянувъ на черную дощечку съ бѣлыми плерезами: *pneumonia;* такъ стали въ то время писать эту болѣзнь, чтобы не пугать паціентовъ зловѣщимъ названіемъ легочной чахотки.

Люцкой для чего-то взялъ со стола склянку, взболталъ и посмотрѣлъ на свѣтъ, какъ будто бы его въ самомъ дѣлѣ занимали пузыри.

— Вы не сердитесь на меня, голубчикъ Юрій Васильичъ, что я въ больницу легла, заговорила Даша тихимъ голосомъ:—вѣдь вы не знаете, обратилась она къ Любѣ,—когда я заболѣла, онъ меня къ себѣ взялъ, туда, гдѣ я прежде жила... Я тогда, Юрій Васильичъ обѣщала вамъ сказать, отчего я легла въ больницу, и скажу... Не изъ гордости; не оттого, чтобы я боялась надѣлать вамъ хлопотъ, нѣтъ! Мнѣ самой надо было... Вы не думайте, что мнѣ безпокойно было у васъ... нѣтъ, голубчикъ! вы всегда такъ ласковы были до меня,

что право я не знаю, какъ и благодарить васъ... только вотъ отъ ласки-то я и бѣжала...

— Богъ съ вами, Даша, что это вы говорите?.. сказала Люба.

— Вы не думайте, что я не въ свомъ умѣ, улыбнулась Даша:—мнѣ надо было побыть одной... Я можетъ быть не съумѣю вамъ этого выразить; ваши ласки не давали мнѣ одуматься, а мнѣ надо было... присмотрѣться, какъ люди умираютъ. Богъ знаетъ, что случится; мнѣ хотѣлось приготовиться, всѣ мы, бѣдные люди, въ потемкахъ ходимъ, а это великій шагъ... Больная закашлялась, но такъ тихо, чуть слышно, что можно было принять это за послѣдніе остатки болѣзни.

— Вѣдь я знаю, что я опасна, и долгъ свой христіанскій уже исполнила... только, мнѣ кажется, поторопилась; а все-таки, помните, я вамъ говорила, что мнѣ надо вамъ кое-что передать?... хотѣлось бы это теперь...

— Это развѣ такъ важно, что стоитъ себя тревожить?

Даша потянула шейный шнурокъ и, снявъ его, подала Любѣ; рядомъ съ крестикомъ на немъ была малиновая ладонка ввидѣ сердца.

— Разорвите ее, сказала больная, присталь-

но глядя на Любу свѣтлыми глазами:—разорвите, у меня силы не хватитъ...

Люба осторожно раздѣлила ее по шву и вынула золотую булавку съ подковой, согнутую въ кольцо.

— Отдайте это ему, когда увидитесь, сказала Даша, опуская глаза, между тѣмъ какъ раскаленный румянецъ пылалъ на лицѣ:—скажите... Даша взглянула вверхъ въ окно въ чистую синеву, но внезапно припадокъ кашля поколебалъ ее; она откинулась на подушку и на руку Любы.

— Еще, голубушка, начала Даша, оправившись:—это ужъ такъ, мой капризъ... Тутъ у смотрителя мои деньжонки есть; ужъ я говорила ему; посмотрите, чтобъ это такъ и было сдѣлано; въ томъ саду, гдѣ я гуляла здѣсь, чтобы цвѣтовъ насадить побольше, покрасивѣй; больнаго человѣка это радуетъ...

— Да что жъ это вы говорите, улыбнулась Люба сквозь слезы:—вы еще поправитесь...

— Дай Богъ! сказала Даша:—только мнѣ кажется, что моя жизнь далеко ужъ гдѣ-то, назади.. Я не жалуюсь; мнѣ былъ бы грѣхъ пожаловаться: были и радости, было всего...

Какія были у тебя радости! подумала Люба.

— Нѣтъ, не качайте такъ вашей милой го-

ловкой... Было и горе, были и радости... Я никому не завидую... Чѣмъ я лучше другихъ многихъ, кому и въ жизнь-то во всю не удастся радостно взглянуть на свѣтъ Божій?.. Я сама грѣшница... Вѣдь что жъ, передъ смертью надо правду сказать!.. Когда я отъѣзжала къ Александру Петровичу, меня и жизнь эта хорошая соблазняла также, какъ и сердце свое. Ну, а потомъ... точно—любила его... И хорошее это было времячко! Правда, не надолго; я сама догадалась, что этому счастью коротокъ вѣкъ... Что *ему-то* было во мнѣ? могъ ли онъ раздѣлить со мной душу?.. Бывало и въ простомъ разговорѣ такое мудреное скажетъ, а когда крушиться начнетъ, такъ онъ для меня словно книга, не при мнѣ писанная... Скучно ему было со мной... Тутъ вотъ и горе началось... И когда онъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ ко мнѣ проститься, говорилъ, что ѣдетъ не надолго, — я промолчала, а ужъ сердце-то не обмануло, что это навсегда...

— Господи, вы все не вѣрите мнѣ! перебила ее Люба:—все думаете, что я напрасно утѣшаю васъ... Но сколько разъ я васъ увѣряла, что мнѣ только не хотѣлось бы говорить вамъ, гдѣ онъ теперь,—а стоитъ вамъ только захотѣть--и онъ будетъ возлѣ васъ!.. Вы сами

всегда отклоняли это и бзяли съ меня слово, чтобъ я не увѣдомляла его о вашей болѣзни... Зачѣмъ же? зачѣмъ вы такъ настаивали?

— Чтобъ не огорчить его, кротко проговорила Даша,—я знаю, что онъ всегда мучился изъ-за меня совѣстью, хоть и скрывалъ это... Не такъ вы меня, голубушка, поняли; если я говорю: «знала, что навсегда разстаемся», такъ это я себя знала-то... Я давно порѣшила скрыться отъ него и развязать ему руки, — а тутъ и случай подвернулся... Одно меня мучило — это, что онъ такой умный, а не могъ понять, что я ему не пара, и все себя винилъ... Ну, а какъ ушла, такъ и увидѣла, что ужъ слишкомъ я на себя понадѣялась — и какъ-то мнѣ безъ него—вотъ тутъ—въ груди—совсѣмъ нечѣмъ жить стало...

— Онъ... прервалъ ее Люцкой какимъ-то надтреснутымъ голосомъ, — онъ просто... Голосъ окончательно измѣнилъ ему.

— Но видитъ Богъ, не такую бы скорбь еще приняла я съ охотою за то свѣтлое, милое времячко... Вѣдь ужъ какъ я старалась забыть прошлое: работать - было принялась опять,—не могла—и руки не тѣ стали, отвыкла, и въ головѣ не то. Нѣтъ, я свою жизнь изжила, голубушка моя. . Увидите его, ска-

жите, что я не виню его... Не *прощаю*, а такъ и скажите, что не виню; кто можетъ прощать? Всякій чѣмъ-нибудь да виноватъ передъ другими,—одинъ Богъ милосердъ!..

Ужасающій кашель снова заколыхалъ ея грудь. Люцкой торопливо сталъ размѣшивать красноватое питье, наклонясь надъ стаканомъ, и вдругъ — свѣтлая капля скатилась туда и расплылась легкимъ пятнышкомъ въ струйчатомъ сахарномъ растворѣ. Лицо Любы выражало какую-то внутреннюю борьбу: она нѣсколько разъ порывалась что-то сказать и, наконецъ, не выдержала...

— Est ce que sa mort est certaine? быстро и взволнованно шепнула она Люцкому.

— Très proche même, отвѣтилъ онъ, отворачивая лицо.

— Laissez nous, выговорила Люба.

Люцкой вышелъ въ коридоръ и началъ быстро ходить изъ конца въ конецъ: въ немъ что-то необычайное дѣлалось.

Прошелъ цѣлый часъ прежде нежели его позвали въ палату...

Прежде всего ему бросилось въ глаза привѣтливое лицо Даши.—Спасибо вамъ, говорила она:—вы утѣшили меня!..

Люба, словно изнеможенная, вышла, закрываясь платкомъ, и тотчасъ уѣхала домой.

Но вечеркомъ за ней прислали изъ больницы нарочнаго съ просьбой пожаловать къ ея знакомой. Съ тревожнымъ предчувствіемъ собиралась она; впрочемъ, казалось, тревога была напрасной; Люба застала больную спящей; докторъ сидѣлъ у койки, пробуя пульсъ; только ему и было ясно значеніе этого обманчиваго сна. Люцкой стоялъ тутъ же совершенно убитый. — Немного спустя, больная начала безпокойно метаться и открыла глаза.

— Окно... отворите окно, слабо проговорила она.

Люцкой, перемолвя съ докторомъ, пошелъ къ окну и протянулъ руку къ задвижкѣ.

— Что вы дѣлаете? шепнула Люба, очутившись подлѣ него и безсознательно схватила его за руку.

— Все равно, пасмурно проговорилъ онъ, стараясь освободить руку и поднять задвижку.

Произошла нѣмая сцена борьбы; они точно оспаривали другъ у друга нѣсколько лишнихъ минутъ чужой жизни; раздался легкій стукъ, окно распахнулось, пустивъ живительную струю теплаго вечерняго воздуха вмѣстѣ съ грохо-

томъ проѣзжавшихъ экипажей и всѣмъ уличнымъ гуломъ.

— Благодарю, сказала Даша, когда они вернулись къ ней:—мнѣ лучше теперь. Благодарю за неоставленіе!.. Пока я лежала, здѣсь такъ много умирало... безъ утѣшенія... глядя на чужія лица...

Она вдругъ остановилась и стала внимательно прислушиваться; гдѣ-то вдали слышалась разбитая шарманка изъ тѣхъ, что называются трень-брень, и все ближе и громче дребезжали звуки, опредѣляясь яснѣй и яснѣе; наконецъ, подъ самымъ окномъ задребезжала давнишняя пѣсня: *Въ селѣ малый Ванька жилъ*, передѣланная на польку и въ этомъ инструментѣ выходившая преотвратительной; но больной она, повидимому, доставляла большое удовольствіе; Люцкой и Люба смотрѣли, какъ она сѣла на койку, опустила ноги на полъ, и лицо подернулось какою-то смѣсью страха и улыбки...

— Нѣтъ!.. Нѣтъ! вскрикнула она вдругъ и схватила руки Люцкаго и Любы:—Ради Бога... держите меня ..

Покоряясь странному выраженію голоса, они въ самомъ дѣлѣ держали ея руки, присѣвъ съ обѣихъ сторонъ. Даша смотрѣла прямо въ

окно съ полуоткрытыми губами; прямо противъ нея поднималась высокая колокольня, охваченная кругомъ темносинимъ сумракомъ, задернутая до половины тѣнью больничной крыши съ двумя трубами, а выше—обвѣянная ярко-янтарнымъ свѣтомъ заката. Стрижи, чертя воздухъ неуловимыми линіями, гонялись другъ за другомъ съ протяжнымъ пискомъ.

Вдругъ и Люцкой и Люба почувствовали, что рука, лежавшая въ ихъ рукѣ, затрепетала; Люба близко наклонилась къ лицу больной: миніатюра ея въ Дашиныхъ глазахъ была неподвижна. Люцкой ужъ поддерживалъ ея голову. Даша съ усиліемъ вздохнула...

— Что это? зашептала она, улыбаясь: — какъ хорошо!.. какъ свѣтло!..

Голова ея закинулась; они тихо спустили ее на подушки; роскошные волосы лежали безпорядочнымъ вѣнцомъ вокругъ блѣднаго лица; рука шевельнулась на груди, но ужъ не имѣла силы сдвинуться; Люцкой взялъ ее и освободилъ грудь отъ лишняго гнета.

— Матушка, прошептала Даша, но такъ тихо, что слышала только Люба:—матушка... вижу...

Но что видѣла—осталось при ней одной.

— Наука была безсильна, тихо проговорилъ

докторъ: — процессъ конченъ... И любопытно впечатлѣніе на сѣтчатую...

— Докторъ! перебила Люба, — Боже мой, какъ вы привыкли къ вашему ремеслу!.. Она перекрестилась и закрыла глаза покойницы. Вокругъ уже толпились больничные; священникъ читалъ отходную. Среди этого тихаго чтенія, по коридору пронеслись торопливые шаги, толпа у дверей раздалась; вошелъ молодой господинъ, окинулъ растеряннымъ взглядомъ всю палату, и прежде чѣмъ Люцкой узналъ Астреина, смертная блѣдность разлилась у него на лицѣ, шляпа выпала на мощеный полъ, заставивъ вздрогнуть стоявшихъ спиною, и не успѣли тѣ обернуться, какъ и самъ онъ, зашатавшись, грянулся возлѣ... Мигъ ничтожества... Легкая боль въ плечѣ... Онъ открываетъ глаза: вокругъ него другая больничная комната, пустая; онъ сидитъ въ покойныхъ креслахъ; надъ нимъ склонилось печальное женское лицо; глаза скорбно утѣшаютъ его, и тихой торжественностію звучитъ завѣтное слово: — «Она не винила васъ... Не прощала, — кто можетъ прощать? Одинъ Богъ милосердъ!..»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Утѣшеніе въ скорби.

Выѣзжая изъ воротъ больницы, Люба увидала на улицѣ Люцкаго: онъ шелъ, безсильно уронивъ голову на грудь и безсознательно скользя взглядомъ по тротуарнымъ плитамъ...

Ей стало до сердечной боли жалко его, но она сама была такъ сильно потрясена всѣмъ происшедшимъ, что новое ощущеніе, только ужаливъ ее, уже замирало понемногу,—а карета все катилась да катилась... Еще нѣсколько минутъ—и двѣ жизни, одна другой невѣдомыя до этого дня, разминовались бы навсегда и безслѣдно...

Но вотъ опять является передъ ней это блѣдное, бородатое лицо съ неподвижнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ землю, словно тамъ у него въ холодныхъ недрахъ общей матери, схоронено все когда-то жившее, дорогое... И стоитъ этотъ страдальческій обликъ предъ ея мысленнымъ взоромъ, и вновь болѣзненной тревогой зашевелилось ея сердце...

— Хорошо ли я дѣлаю, что покидаю его?

думалось ей, — имѣю ли я право такъ поступать послѣ даннаго себѣ обѣщанія?..

Она выглянула изъ экипажа—Люцкой чуть виднѣлся ей далеко позади, но ей почудилось, что теперь онъ уже не идетъ, а стоитъ, прислонясь къ стѣнѣ какого-то дома. Люба высунулась въ окошко и приказала кучеру вернуться. Поровнявшись противъ этого дома съ Люцкимъ, она, казалось, ясно видѣла, какъ онъ отдѣлился отъ своей каменной опоры и зашагалъ дальше...

— Юрій Васильевичъ! крикнула она, дернувъ снурокъ у кареты.

Онъ встрепенулся и медленно подошелъ къ остановившемуся экипажу.

— Намъ не по дорогѣ ли? спросила Люба, стараясь поласковѣй улыбнуться: — куда вы идете?

— Самъ не знаю, куда, отвѣтилъ онъ такимъ голосомъ, что не могло быть ни тѣни сомнѣнія въ искренности.

— Поѣдемте къ намъ посидѣть вечерокъ; надо же отдохнуть: сегодня такой день... Я живу одна съ тетенькой... Вамъ рады будутъ...

Онъ пристально и долго смотрѣлъ на нее, будто вдумываясь и не понимая, молча сѣлъ въ карету и молчалъ всю дорогу. На крыльцѣ

онъ слегка оправился и пошелъ по роскошной лѣстницѣ съ видомъ человѣка бывалаго, которому ничто не въ диковину. Въ залѣ прямо подъ ноги ему подкатилась хорошенькая дѣвочка, голубоглазая крошка, съ бѣлыми какъ ленъ волосами, и начала увиваться около Любы, прищелкивая пальчиками и шепелявя: подайте хвистаяди... подайте хвистаяди.

— Что такое? невольно улыбнулся Люцкой.

— Черносливу проситъ, отвѣтила Люба, проводя гостя въ богатую гостиную и развязывая ленты шляпки: — Параша, дай намъ чаю, а Розинѣ черносливу, обратилась она къ вошедшей за ними дѣвушкѣ.—Садитесь, Юрій Васильевичъ... Что это вы осматриваетесь?..

— Сказать правду, я какъ-то еще теряюсь въ большихъ комнатахъ, отвѣтилъ онъ, кладя шляпу: —неуютно въ нихъ какъ-то...

— Этому горю легко помочь, улыбнулась Люба:—пойдемте сюда, здѣсь вы не потеряетесь...

— Да, это роднѣе, согласился гость, осматривая круглую, малиновую комнату; за стеклянными дверцами шкафовъ тѣсно жались другъ къ дружкѣ сотни разноцвѣтныхъ корешковъ, и вся эта масса книгъ бросалась въ глаза какимъ-то внушительнымъ покоемъ. Люба

подвинула гостю кресло къ мраморному столику и помѣстилась на диванѣ, полукругомъ обводившемъ комнату.

— Это ваша родственница? спросилъ онъ, указавъ глазами на Розиню.

— Дочь моя, смѣясь, отвѣтила Люба и начала въ забавной формѣ разсказывать исторію Розини.

Параша принесла на серебряномъ подносѣ два чайника и чайный приборъ.

— Скажите, Любовь Романовна, проговорилъ онъ, выслушавъ разсказъ:—правда ли, что вы посѣщали въ острогѣ этого убійцу...

— Бѣднаго дяди? переспросила Люба, разливъ чай и подавая гостю: — васъ это удивляетъ? Вѣдь это у насъ въ купеческомъ быту такъ просто дѣлается—не то по завѣту, не то по примѣру... Мнѣ самой сначала страшно было входить въ этотъ ужасный домъ... Душа захолонула, какъ завизжалъ этотъ желѣзный засовъ у воротъ; и самое желѣзо на немъ такое свѣтлое, точно облизано отъ частой службы; мнѣ такъ гадко было, когда меня обыскивали.—А когда я увидѣла эту клѣтку, сквозь которую несчастные говорятъ съ своими посѣтителями, и какъ онъ просунулъ въ нее руку, ту самую руку, на которой еще такъ недавно

была дядина кровь,—я не знаю, что со мной было... Вѣдь я съ дѣтства знала этого Волжанку, а тутъ онъ совершенно другимъ человѣкомъ стоялъ передо мною... Но еслибы вы видѣли, какъ онъ рыдалъ, упавъ на колѣна, какъ онъ умолялъ простить ему... Вѣдь онъ самъ добровольно пришелъ и объявился... его совѣсть замучила... Меня въ ознобъ кидало, когда онъ мнѣ разсказывалъ, каково ему было... Чего-чего, говоритъ, я не дѣлалъ, чтобъ отвязаться... Лягу спать, бывало, говоритъ, и чую *его* во всѣхъ углахъ; въ разгулъ ударюсь — и тутъ *онъ* со мною... На тройкѣ бывало вихремъ лечу, а *онъ* за санями гонится, того и гляди на запятки вскочитъ... Возьму, говоритъ, сяду спиной къ облучку, а онъ кругомъ обѣжитъ, да подъ ноги лошадямъ и бросится... ѣдемъ по немъ, да и только!.. Изсохъ онъ весь, блѣдный такой, самъ-то мертвецомъ глядитъ... Суди его Богъ, глухо проговорила Люба, медленно поднявъ глаза на Люцкаго...

Весенній сумракъ незамѣтно сгущался въ комнатѣ; лицо гостя, сливаясь въ немъ, потемнѣло настолько, что ясно можно было различить одни глаза, разсѣянно глядѣвшіе всторону. Люцкой повидимому не слушалъ или безсознательно пропускалъ слова собесѣдницы.

Вдругъ онъ очнулся, всталъ и взялся за шляпу.

— Какъ мы засумерничались! Надо зажечь газъ—проговорила Люба:—Да вы кажется уходите? Что жъ это, Юрій Васильевичъ?..

— Нѣтъ, отпустите меня, Любовь Романовна, проговорилъ онъ.—Понимаю, цѣню ваше доброе расположеніе ко мнѣ... конечно, я потерянный человѣкъ; самъ не знаю, что дѣлаю; пришелъ сюда потому, что мнѣ думалось, что мнѣ легче будетъ... Но я не стою, не стою...

— Вы? Да что же такое, Юрій Васильевичъ?

— Нѣтъ, прогоните меня съ глазъ долой... Я .. Я хуже Волжанки...

Люба подошла къ Люцкому и взяла его руку...

— Юрій Васильевичъ, успокойтесь, нѣжно проговорила она: — вы просто больны... Эта смерть, это разстройство подѣйствовали на васъ... Вы... вы любили Дашу?.. Не говорите, я это поняла давеча... ея смерть потрясла васъ...

— Спасла можетъ быть, отвѣтилъ Люцкой, уступая движенію ея руки и садясь на мѣсто.— Я чувствую, что это еще возможно: теперь или никогда... Знаете ли, что я за звѣрь? Усмѣхнулся онъ, взглянувъ на нее:—могли ли вы предполагать, что я — вотъ я самый, что

теперь сижу передъ вами — я первый открылъ тогдашнее преступленіе... Я встрѣтилъ Волжанку въ самый день убійства, убѣдился въ его виновности, въ моей власти было задержать его — и я далъ ему свободно уйдти и скрыться?

Онъ помолчалъ, выжидая отвѣта...

— Вы скажете, что это сокрытіе виновнаго только противъ закона преступно, а по человѣчеству, по совѣсти въ иныхъ случаяхъ еще извиняется... Но вы не знаете, зачѣмъ я это сдѣлалъ... Говорить ли?

Онъ опять пріостановился, и все-таки отвѣта не было, но чувствовалось, что ему не мѣшаютъ высказываться...

— Для того, чтобъ онъ совершилъ еще десять, двадцать, если можно — сотню такихъ злодѣйствъ, глухо проговорилъ Люцкой.

Онъ кинулъ ей быстрый, жадный взглядъ, но не могъ видѣть впечатлѣнія, производимаго его словами; темная фигура ея неподвижно сливалась съ диваномъ.

— Я, кажется, чую мой приговоръ, горько проговорилъ Люцкой: — но выслушайте до конца... Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я такъ же, какъ и вы теперь, видѣлъ вокругъ себя непроходимую бездну лишеній, горя,

страданій; я рано вглядѣлся въ темную сторону жизни .. Да только въ нее и вглядѣлся. Я не могъ вынести вашего ангельскаго чувства доброты, я былъ самъ такой же бѣднякъ безъ роду и племени, я ничѣмъ не могъ пособить имъ... одну злобу вынесъ я, одну непримиримую ненависть къ богачамъ...

Темная фигура поколебалась, мягко шелестнуло платье, вспыхнула спичка и почти вслѣдъ затѣмъ газовый рожокъ бросилъ бѣлымъ свѣтомъ по всей комнатѣ ..

— *Однимъ врагомъ больше*, вотъ что я думалъ, выпуская Волжанку... Этого мало: я пытался искуственно натравливать несмысленныхъ птенцовъ.

Люцкой горько разсмѣялся и допилъ остывшій стаканъ...

— И что же, продолжалъ онъ болѣе ровнымъ голосомъ:—все это кончилось злѣйшимъ банкротствомъ... Тотъ, кому я спасъ волю, можетъ быть жизнь, самъ надругался надо мной ужаснымъ образомъ, а птенца я напрасно сбилъ съ толку; впрочемъ особеннаго-то и не имѣлось... Вотъ полюбуйтесь, что изъ него вышло: это я на память берегу.—Онъ вынулъ изъ боковаго кармана и подалъ Любѣ поллиста бумаги, мелко исписанные на разные рос-

черки: сенаторъ Звѣздочкинъ директоръ театровъ Звѣздочкинъ, свободный художникъ Звѣздочкинъ, генералъ Звѣздочкинъ, помѣщикъ Звѣздочкинъ-Мезенскій. — Это онъ, пробуя перо, всѣ поприща перепробовалъ, пояснилъ Люцкой.

— Ахъ, кстати, скажите, что же сталось съ этимъ мальчикомъ? участливо спросила Люба.

— Гдѣ онъ теперь?

— Успокойтесь: я не бросилъ его, холодно отвѣтилъ Люцкой,—на двоихъ меня хватитъ.

— Юрій Васильевичъ, простите можетъ быть неумѣстный вопросъ, проговорила Люба, помолчавъ: —вы рано потеряли родныхъ? матушку?

— Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, — я былъ одинъ... Одинехонекъ...

— Вы никогда не любили?

— Я ни отъ кого любви не видалъ, а самъ... вѣдь вы же давича сказали, что я любилъ... Ну, да, любилъ и... Да смотрите же, смотрите, что я за уродъ!..—и стыдился въ этомъ признаться себѣ... Мы жили рядомъ; я каждый вечеръ приходилъ къ ней, какъ будто для того, чтобы наблюдать экономію въ свѣчахъ, въ самоварѣ и прочемъ, и велъ общій счетъ, и глупѣйшимъ образомъ сидѣлъ въ углу за лекціями, которыхъ не читалъ, и уходилъ, про-

клиная свѣчи, самоваръ и лекціи и себя больше всего. А если заговаривалъ иногда въ годъ разъ, такъ оно еще глупѣй выходило... Пробовалъ я и запивать не разъ... Но въ этомъ отношеніи заступлюсь за себя: я смѣло взгляну въ глаза кому угодно и honny soit qui mal y pense! Вѣдь мнѣ чего нибудь стоило три года представлять изъ себя противоположность давешнему сердцеѣду... И откуда онъ взялся вдругъ? Я подозрѣваю, что это еще одно изъ вашихъ благодѣяній? А впрочемъ—всего ему хорошаго. Что толковать, прошлаго не вернешь!.. Тяжело вздохнулъ онъ, облокотясь на столъ и подпирая голову рукою.—И вотъ сегодня, когда я услышалъ это послѣднее слово всепрощенія, во мнѣ что-то надломилось... Я лѣтъ пятнадцать не плакалъ... А тутъ и вы явились мнѣ какимъ-то откровеніемъ... Я почуялъ, что меня что-то сводитъ на нѣтъ; страшно стало оглянуться назадъ; — вотъ что меня разбило... *Она* для меня разъ уже была потеряна; стерпѣлъ бы и нынче,—не впервой! А вотъ себя-то видѣть за-живо-мертвымъ страшно, Любовь Романовна,—это прискорбіе до-смерти, — и не окликните вы меня давеча на улицѣ, я, кажется, десяти шаговъ не прошелъ бы — упалъ.

Оба нѣсколько минутъ молчали. Люцкой ждалъ съ какимъ-то новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ ему томленіемъ, что она скажетъ,—онъ, для котораго чужое мнѣніе было по собственнымъ словамъ: кимвалъ пустой, мѣдь звѣнящая. Люба давно уже, съ обычно-кроткой улыбкой, разливала чай...

— Вотъ со мной нынче совершенно небывалое, сказалъ онъ съ какой-то растерянной улыбкой:—я къ вамъ точно на исповѣдь пришелъ и на столъ положилъ передъ вами самые затаенные помыслы... Какъ это вдругъ случилось, не знаю, а точно легче стало, и вмѣстѣ съ тѣмъ точно меня на эшафотъ ведутъ...

— Вы, пожалуй, скажете, что отвѣтъ мой одни легкомысленныя слова, сказала Люба; — но это не мои слова, они только прочувствованы и стали моими любимыми;—помните вы, что говоритъ поэтъ о явленіи ему въ минуты скорби свѣтлаго генія... кажется такъ, если припомню, задумчиво начала Люба:

Подавленъ скорбію земною,
Я падалъ, я изнемогалъ...

Она не сладила съ голосомъ и, глотая слезы, едва могла договорить взволнованнымъ полушепотомъ:

А онъ молился надо мною
И въ новый путь благословлялъ...

— И вы думаете, что этотъ новый путь возможенъ для меня послѣ моего прошлаго? раздумчиво проговорилъ Люцкой съ какою-то недовѣрчивою улыбкою.

— Жизнь пережить не поле перейдти, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, улыбнулась Люба.

— Любовь Романовна, скажите мнѣ, кто научилъ васъ истинному призванію женщины? просто и вмѣстѣ съ глубокимъ чувствомъ сказалъ Люцкой.—Я не о себѣ говорю: меня не такъ легко утѣшить чьими бы то ни было словами... Но смотрѣть на васъ отрадно и мнѣ. Кто былъ вашимъ учителемъ?

Она слегка вспыхнула.

— Я не знаю, про что вы говорите, Юрій Васильевичъ; если про то, что я помогаю добрымъ людямъ по силамъ, такъ вѣдь это мнѣ ничего не стоитъ, и въ нашемъ купеческомъ быту...

— Не то, не то, перебилъ Люцкой: — кто пробудилъ въ васъ это чуткое пониманіе всякой струнки въ болящемъ сердцѣ... Вы такъ молоды, простите меня...

— Бываетъ, что люди сѣдѣютъ въ одну без-

сонную ночь, Юрій Васильевичъ, шутливо сказала она и тотчасъ стала серьезною.—Одинъ учитель у всѣхъ у насъ — бѣдныхъ, темныхъ людей, какъ говорила бѣдная Даша; вотъ мы съ вами до сихъ поръ были чужіе другъ другу, а его завѣтъ и свелъ и словно породнилъ насъ нынче... Почемъ знать, увидимся ли мы еще когда-нибудь... Я въ Москвѣ не много пробуду: на этихъ дняхъ уѣзжаю далеко отсюда, и, кажется, надолго, если не навсегда. Мнѣ хотѣлось бы, если позволите, оставить вамъ на память...

Она подошла къ шкафу и, поискавъ глазами въ тѣсно сплоченной массѣ корешковъ, достала небольшую книжку въ бархатномъ переплетѣ съ золочеными застежками. Люцкой принялъ ее, не спуская серьезнаго взгляда съ ея лица.

— Черкните что-нибудь, сказалъ онъ: хоть строчку вашей рукой, хоть одно имя ваше...

— И то и другое тамъ есть, отвѣтила она: это я когда-то для себя написала...

Онъ развернулъ заглавную страничку и прочелъ нѣсколько строкъ, написанныхъ нетвердымъ, женскимъ почеркомъ:

Сердце твое—кремень,
Слово Божіе—огниво;
Извлекай чаще искру божественной любви.

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древняя исторія.

Горные заводы Мезенскихъ съ полвѣка славились на Руси, разсылая во всѣ концы ея, на всѣ ярмарки, громадную массу издѣлій. Основателемъ ихъ былъ дѣдъ Бориса Павловича, человѣкъ ума обширнаго, предпріимчиваго, воли непреклонной. Онъ, какъ большая часть людей стариннаго закала, отличался крутымъ нравомъ и не зналъ середины въ отношеніяхъ къ своимъ крѣпостнымъ: казнить — такъ казнить безпощады, жаловать—такъ ужъ жаловать во всю барскую милость.

Но лѣтъ за двадцать до начала нашего разсказа, силы бывшаго сподвижника партизановъ стали быстро клониться къ упадку: свѣтлый

умъ его незамѣтно, какъ тающій ледъ, утрачивалъ ясность; самая память начала измѣнять.

А впрочемъ дѣла шли постарому. Два человѣка, за которыми давнымъ-давно упрочивалась добрая слава извѣданной честности, стояли во главѣ управленія завода, оба изъ дворовыхъ: Лазарь ворочалъ всею хозяйственною частью, Акимъ Никитичъ держалъ въ рукахъ рабочій людъ. Старикъ Мезенскій далъ вольную Лазарю и приписалъ его въ купцы. Это былъ видный молодецъ, кровь съ молокомъ; носилъ окладисто-пушистую бородку, ходилъ въ черномъ кафтанѣ со сборами назади, въ русскихъ сапогахъ поверхъ шароваръ. Любо смотрѣть бывало, какъ онъ степенно сидитъ въ конторѣ, костя на счетахъ десятки тысячъ, а молодые конторщики даже духъ при немъ задерживаютъ, или какъ онъ идетъ по заводу въ толпѣ, головой выше всѣхъ рабочихъ, а тѣ въ поясъ отвѣшиваютъ ему поклоны. Акимъ Никитичъ, какъ помнилъ его Борисъ съ самаго дѣтства, такъ и остался сивенькимъ старичкомъ, сгорбленнымъ, и зиму и лѣто въ заячьемъ тулупчикѣ, и вѣчно подпершись на дубинку, все покашливалъ да поглядывалъ вокругъ хитрыми глазками. Борисъ очень любилъ

послушать росказней этого смѣшнаго старичка, ежедневно приходившаго къ барину въ кабинетъ съ вечернимъ докладомъ. Въ кабинетѣ бывало съ какимъ-то затишьемъ горятъ восковыя свѣчи; старикъ, дѣдъ, надвинувъ зеленый зонтикъ на глаза, полулежитъ въ вольтеровскомъ креслѣ съ разными пюпитрами да подставками; тутъ и стальная меледа, и бисерная табачница съ пенковой трубкой, и развернутая исторія войны 12-го года, и теплый стаканъ домашняго сбитня; Борисъ на коврѣ возится съ какой-нибудь моделью машины, а смѣшной Акимъ Никитичъ, въ своемъ тулупчикѣ, заложивъ руки на спину и вертя позади себя дубинкой, докладываетъ барину, что вотъ-молъ Карпъ съ Максимомъ опять задурили...

Дѣдъ и не спрашиваетъ, въ чемъ заключалась ихъ дурость, а только скажетъ:—Гм! ну, какъ же ты посудишь, Акимушка?

— Да что, сударь, пармапиксу имъ хорошаго задать, чтобъ до новыхъ вѣниковъ помнили—вотъ и все тутъ...

— Резонъ, скажетъ старикъ Мезенскій, нанизывая меледу.

Борисъ даже голову подниметъ и взглянетъ на докладчика: очень ему нравились эти таинственныя слова: *пармапиксъ* и *резонъ*, неиз-

бѣжно являвшіяся на сцену, словно запахъ русскаго духа въ няниныхъ сказкахъ.

— Акимъ Никитичъ, съ нѣкоторымъ почтеніемъ спросилъ его однажды Борисъ, — что это вы лѣтомъ въ шубѣ?

— Паръ костей не ломитъ, сударь, отвѣтилъ старикъ, пожевавъ губами.

— А пармапиксъ тоже не ломитъ? засмѣялся Борисъ, болтнувъ спроста первое, что пришло въ голову.

Старикъ нахмурился: дубинка зашевелилась у него въ рукѣ, и глазки быстро, злобно забѣгали... Мальчикъ никогда не могъ забыть ихъ выраженія.

— Пармапиксъ — мужику наука, угрюмо проговорилъ Акимъ Никитичъ и тотчасъ ушелъ.

Весело и привольно катилось дѣтство Бориса. Наталья Николаевна видѣла въ немъ единственное утѣшеніе своей одинокой жизни; но постоянное горе и частое нездоровье какъ-то ослабляли ея вліяніе, а когда вернулся Павелъ Мезенскій и началась ихъ перелетная жизнь, Борисъ окончательно привязался къ дѣду. Такъ шли годы, и барчикъ незамѣтно сталъ молодымъ бариномъ. Привольная деревенская жизнь, покосы, тони, охоты закалили его здоровье; заводъ наглядно познакомилъ съ механикой.

Толпа учителей все-таки не смогла заслонить народнаго быта, хотя жизнь сельчанъ выдавалась ему одною свѣтлой стороной. Онъ полюбилъ родные обычаи, бывая на свадьбахъ и крестинахъ, сталкиваясь повсюду съ рабочимъ людомъ; что же до темныхъ явленій прошлаго, то они лишь скользили въ дѣтски-счастливой душѣ юноши... Впрочемъ, иногда и онъ призадумывался; университетъ сдѣлалъ остальное. Веселый, живой слетокъ, весь неопредѣленно закипая мечтами о будущей дѣятельности, прилетѣлъ онъ въ старое гнѣздо по окончаніи курса и нашелъ дѣда въ томъ же кабинетѣ, въ вольтеровскихъ креслахъ. На шеѣ у старика была подвязана салфетка; дворецкій подносилъ ему къ губамъ чашку бульона.

— Вотъ... я, шамкалъ старикъ, дѣтски убываясь: — вотъ я братъ какой... сталъ; теперь самъ запрягайся...

Борисъ пошелъ на заводъ и чуть не оглохъ отъ грохота машинъ. Англичанинъ-механикъ попробовалъ-было убѣдить его, что: it's all right, всегда такъ, пепемайтъ?—но Мезенскій велѣлъ запереть шлюзъ, остановилъ машины и шагъ за шагомъ указывалъ ему на стертыя цѣпки зубчатыхъ колесъ, на расшатавшіеся рычаги... Мистеръ Джекъ сдался. Мезенскій

завернулъ въ больницу, поговорилъ съ докторомъ и ужаснулся, узнавъ количество оторванныхъ пальцевъ, рукъ, ногъ, иногда головъ. Побывалъ и въ конторѣ: тамъ Лазарь почтительно поднесъ ему заводскіе отчеты.

— Вы намъ теперь земной богъ, вамъ и книги въ руки, говорилъ онъ, отвѣшивая поясные поклоны и встряхивая все еще русыми кудрями... Земной богъ взялъ заводскія книги въ руки, но скоро пришелъ къ убѣжденію, что въ нихъ только чорту впору ноги ломать. Свѣдѣнія въ механикѣ оказались неприложимыми: тутъ была подведена механика первый сортъ. Во всѣхъ частяхъ ея особенно хорошо соблюдался балансъ; круглыя суммы, для большей прочности, подпирались копѣйками съ денежками и полушками. Особенно эти денежки да полушки бросались въ глаза, давая чувствовать, какъ дорогъ управляющему каждый хозяйскій грошъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Борисъ сообразилъ, что итогъ этихъ дробей составлялъ только пятиалтынный, и въ то же время не могъ отдѣлаться одъ инстинктивнаго чутья, что за этими четвертями копѣйки кроются *денежки* крупнѣе. Ощупью пробираясь въ путаницѣ отчетовъ за прошлые годы, Мезенскій явно казался жалкимъ въ глазахъ улыбавшагося Ла-

заря. Молодой заводчикъ одно видѣлъ: барыши годъ отъ году таяли... Выходя изъ конторы, онъ унесъ одно смутное сознаніе чего-то непонятнаго, но странно стѣснившаго широкіе замыслы молодаго ума...

Неожиданный толчекъ опрокинулъ весь старый порядокъ и разрушилъ въ конецъ. Наиболѣе заинтересованныя въ немъ лица только ахнули, а старичокъ Акимъ Никитичъ долго не могъ взять въ толкъ, отъ какого пустяшнаго дѣла рухнула вся статья — смѣшно сказать: отъ пармапикса.

Какъ-то, утромъ, къ Борису ворвалась хилая старушка-няня, бывшая его кормилица, и съ воплемъ и причитаньемъ повалилась ему въ ноги.

— Сергунька... Сергунька мой, всхлипывала она: — забьютъ его, на смерть забьютъ!... Мезенскій насилу понялъ, что молодаго конторщика, сына бывшей кормилицы, въ эту минуту наказываютъ на заводѣ. Онъ поспѣшилъ туда—и засталъ безобразную сцену въ полномъ разгарѣ. Спину несчастнаго парня почти сплошь исполосовали, а старичекъ Акимъ Никитичъ, въ заячьемъ тулупчикѣ, стоялъ надъ нимъ въ свистѣ лозановъ и, поджимая губы, указывалъ дубинкой...—«Вотъ тутъ-то... вотъ тутъ-то...

Э-те-те-те, по цѣленькому-то...»—егозилъ онъ, захлебываясь и глотая слова. Парень лежалъ, закусивъ руку до синевы, и—хоть бы крикъ, хоть бы стонъ одинъ...

При входѣ барина всѣ разступились, парень поднялся и прислонился къ косяку. Блѣдное лицо его вспыхнуло яркой краской на щекахъ; курчавые вылосы влажными колечками вились на лбу; глаза съ непримиримою ненавистью вонзились въ Акима... но пошевельнуться онъ уже не могъ. Мезенскій, ни на кого не взглянувъ, приказалъ подать кабріолетъ, самъ отвезъ несчастнаго въ больницу и просидѣлъ у койки весь день и всю ночь, выславъ изъ палаты всѣхъ, кромѣ доктора... На другой день, когда Мезенскій вошелъ въ контору, Лазарь, тише воды, ниже травы, доложилъ ему кое-что и затѣмъ потребовалъ увольненія отъ должности...

— Вся ваша воля, говорилъ онъ обиженнымъ голосомъ:—а коли мнѣ за мою ревность всякимъ наговорамъ подчиняться, то я такъ понимаю, что лучше это дѣло совсѣмъ бросить...

Но, къ удивленію его, Мезенскій заговорилъ совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ...

— Что тамъ еще за наговоры? отвѣтилъ Бо-

рисъ.—Кто за собой ничего дурнаго не знаетъ, тому никакіе наговоры не повредятъ. А я тебя не отпущу, Лазарь: ты мнѣ еще нуженъ... Только я хотѣлъ тебѣ сказать, чтобъ ты не позволялъ Акиму истязать людей безъ моего вѣдома... Въ хозяйство же я пока мѣшаться не хочу, и кромѣ тебя мнѣ завода не на кого оставить.

«Побоялся мальчишка!» подумалъ тотъ, горделиво поведя рукой по бородѣ, и, поломавшись вдосталь, согласился попрежнему править заводомъ.

Дѣло дѣйствительно словно въ воду кануло. Борисъ проводилъ время то на охотѣ, то у сосѣдей. На заводѣ обычнымъ порядкомъ шла работа... Однажды Лазарь доложилъ Борису, что нашелъ въ городѣ выгоднаго покупщика на бракованный чугунъ. Мезенскій пошелъ съ нимъ по магазинамъ, осмотрѣлъ вещи, нашелъ цѣну выгодной и далъ разрѣшеніе за своей подписью на доставку ихъ въ городъ. Обозъ двинулся въ ночь. Дорога пролегала лѣсомъ. Лазарь самъ велъ тяжело-нагруженные скрипучіе возы, ѣдучи впереди въ небольшой таратайкѣ; вдругъ на перекресткѣ двухъ просѣкъ изъ засады грянуло: «стой!» и человѣка четыре окружили передовыхъ возчиковъ...

*

— Что вы, мошенники! вотъ я васъ! крикнулъ Лазарь, слѣзая наземь и прицѣлясь дорожнымъ мушкатаномъ: — прочь, убью!.. Но вдругъ онъ и мушкатанъ опустилъ и самъ весь поблѣднѣлъ и затрясся...

Мезенскій снабѣга сильно рванулъ его за воротъ, грохнулъ о земь и наступилъ на него ногой.

— Вяжите вора! крикнулъ онъ возчикамъ.

Тѣ, узнавъ барина, безпрекословно повиновались.

Утромъ, по заводу громомъ раскатилась вѣсть о томъ, что Лазарь сидитъ въ кандалахъ, а молодой баринъ на перепутьи чай пилъ у Сергуньки. Толстый рябой дворецкій, съ узенькой коемочкой лакейскихъ бакенбардъ, въ сѣренькомъ люстриновомъ казакинѣ и грязно-бѣломъ жилетѣ, первый отправился къ молодому конторщику.

— Такъ вотъ оно какъ-съ, Сергѣй Тимофеичъ, осклабился онъ, усаживаясь на кожаный диванъ и вытирая лицо городомъ Петербургомъ на фулярѣ.

Не успѣла еще старуха кормилица собрать закуску и вздуть самоваръ, какъ подъ окномъ остановились дрожки главнаго механика. Мистеръ Джекъ былъ не совсѣмъ въ духѣ: онъ съ

вечера, думая сыграть штуку, велѣлъ намалевать на задкѣ докторскихъ дрожекъ ланцетъ и піявицу,—а тотъ, малый не промахъ, отправился на конный дворъ, сѣлъ въ дрожки механика и уѣхалъ по больнымъ. Англичанину пришлось оставаться дома или попасть въ свою западню, а онъ все-таки не замедлилъ явиться...

— Авдуюду, Ѳома Самойлычъ? встрѣтилъ его молодой человѣкъ...

— Tolerably well, my boy! Молодецъ, пенемайтъ? нараспашку отвѣтилъ британецъ, оскаливъ зубы.

Приползъ и регентъ, лицо немаловажное, собрались конторщики, и скоро маленькая комнатка, увѣшанная картинами крымской кампаніи въ рамахъ краснаго дерева, стала тѣсна для гостей... Пошли поздравленія, хотя еще, собственно говоря, не съ чѣмъ было поздравлять; но крѣпостныя души чуяли, что Сергѣй Тимофеевичъ идетъ въ гору.

А Борисъ между тѣмъ разсказывалъ дѣду, какъ Лазарь съ Акимкой обворовывали заводъ; какъ первый показывалъ въ отчетѣ значительныя суммы задѣльной платы рабочимъ, а выдѣланныя будто бы вещи ставилъ въ счетъ бракованныхъ, хотя въ дѣйствительности ихъ вовсе не существовало, и онъ просто-на-просто клалъ

деньги въ карманъ; какъ онъ лучшій товаръ браковалъ на виду всѣхъ рабочихъ, пряталъ его и потомъ тайно перепродавалъ за бракъ, въ чемъ и пойманъ вчера съ поличнымъ; какъ рабочіе и молодые конторщики не разъ хотѣли довести это до барина, но Акимка всегда умѣлъ ихъ угомонить пармапиксомъ, причемъ человѣкъ съ пятокъ были засѣчены въ смерть и схоронены по ночамъ кое-гдѣ подъ мостами, а наѣзжавшее слѣдствіе щедро ублаготворялось... И много темныхъ, кровавыхъ дѣлъ безконечнымъ свиткомъ встало изъ мрака и развернулось передъ остолбенѣвшимъ старикомъ. Столбнякъ его длился не долго впрочемъ: онъ судорожно позвонилъ, призвалъ дворецкаго и приказалъ разорить Акимку. Напрасно Борисъ представлялъ ему резоны: старикъ поставилъ на своемъ, и барскій приказъ былъ исполненъ.

Разоренія съ незапамятныхъ временъ вошли въ курьезный обычай того уголка. Дѣло было просто до крайности: все имущество провинившагося, всѣ животы, весь домашній скарбъ его выбрасывался на улицу, передъ домомъ: перины, окорока, самовары, печные горшки, стулья, зеркала, шубы, ведра, лопаты — все валилось подъ-рядъ, словно куча бирюлекъ, и

сходство окончательно дополнялось тѣмъ, что каждый заводскій могъ прійдти и тащить любое, впрочемъ не опасаясь зацѣпить и еще что-нибудь. Виновника торжества ссылали въ дальнія деревни ходить за свиньями или на иную не менѣе почетную должность, и затѣмъ никто уже не интересовался его судьбой.

Такъ стало и съ Акимкой. О Лазарѣ старикъ Мезенскій дня два ничего не хотѣлъ слышать: гордость его страдала невыносимо. Вспыхнули всѣ силы юности, вся могучая энергія былаго ума. Какъ! онъ взыскалъ этого человѣка щедрою милостью, вывелъ его изъ ничтожества на высшую ступень заводской іерархіи, далъ ему вольную, приписалъ въ купцы, не разъ крестилъ его дѣтей—и вдругъ!—публично преслѣдовать его за воровство, публично сознаться въ своемъ неумѣньи выбирать людей!..

Онъ услалъ внука съ какимъ-то порученьемъ въ городъ, призвалъ дворецкаго, далъ ему приказъ тайно освободить Лазаря и не трогать его имущества. Ночью воровски выѣхалъ бывшій глава завода и бѣжалъ съ мѣста своего всемогущества...

Но старику Мезенскому не прошелъ даромъ этотъ переломъ: въ недѣлю его такъ свернуло, что едва успѣли пособоровать. Передъ смертью

бывалый свѣтъ еще разъ озарилъ его старую голову: онъ созвалъ всѣхъ рабочихъ, велѣлъ выкатить свое кресло на балконъ и слезно просилъ у нихъ прощенія...

Такъ склонилось и тихо погасло старое свѣтило.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Средняя исторія.

Не легко было Борису: онъ чувствовалъ себя вдвойнѣ осиротѣвшимъ и какъ-то потерялся. Петръ Ивановичъ, пріѣхавъ на похороны, покончилъ съ формальностями наслѣдства, посмотрѣлъ, какъ дѣйствуетъ молодой технологъ, и вернулся къ своимъ въ сенатъ, предоставивъ ему полную свободу... А просторъ былъ широкій. Почти всѣ прежніе управляющіе остались на своихъ мѣстахъ. Только Сергѣй Тимофеичъ былъ новымъ человѣкомъ. Пророчества сбылись: онъ смѣнилъ Лазаря. Но Мезенскій самъ ежедневно бывалъ въ конторѣ, на заводѣ, въ магазинахъ, всюду, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда объѣзжалъ другіе заводы. Въ этихъ объѣздахъ онъ, какъ снѣгъ на голову, часто яв-

лялся къ кому-нибудь изъ опальныхъ или недовольныхъ, ночевалъ у него, заставлялъ разговориться и вывѣдывалъ все, что̀ на мірѹ гуторятъ про начальство. Хищничество съежилось до размѣровъ, неизбѣжныхъ при всякомъ сколько-нибудь крупномъ хозяйствѣ. Полегче вздохнулъ рабочій людъ; сокращеніе рабочихъ часовъ, отмѣны разныхъ поборовъ, всякія льготы перегоняли другъ дружку...

Но не дремала и старая дворня, та самая дворня, которая собиралась у Сергѣя Тимофеевича на основаніи поговорокъ: *кто ни попъ, то батька*, и *рука руку моетъ*. Теперь они поняли, какъ обманулись въ разсчетѣ... Мезенскій сталъ замѣчать косые взгляды, угрюмо-лакейскую сдержанность, шушуканье и прочія ухватки, которыми холопство выражаетъ свое неудовольствіе, не смѣя протестовать явно. Наконецъ дворецкій позвалъ къ себѣ кого покрупнѣе на имянины и задалъ вечеринку. Пока дамы въ зеленыхъ и голубыхъ шаляхъ или съ цвѣтными платочками на головахъ услаждали себя орѣшками, мятными пряничками съ домашней наливкой и доморощенными комплиментами юныхъ ловеласовъ, — болѣе зрѣлая половина заводской аристократіи, роспивая пуншъ за преферансомъ, жаловалась на тяжесть на-

ступившихъ временъ, раскидывала умомъ-разумомъ насчетъ будущаго — и додумалась, ни много, ни мало, до того, что вѣдь въ животѣ и смерти Богъ воленъ, и умри какъ нибудь Борисъ Павловичъ, волей-неволей ихъ превосходительство Петръ Ивановичъ долженъ будетъ принять на свой страхъ заводы, а тогда дѣло-то наше словно какъ бы выгоритъ... Мысль сама по себѣ довольно простая, но сообщалась она почему-то подъ величайшимъ секретомъ, и то лишь немногимъ избраннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ припоминались и такіе анекдотцы изъ прошлой жизни...

Сердитъ былъ Ѳедоръ берейторъ на горинскаго управляющаго за то, что тотъ его пьянаго въ шурали ставилъ (шуралями на стеклянныхъ заводахъ называются рабочіе, которые топятъ плавильныя печи; топка помѣщается внизу подъ заводомъ, и, при низкихъ сводахъ подземелья, жара тамъ невыносимая, отчего самая работа становится каторжною и нерѣдко замѣняетъ наказаніе). Вотъ только и была охота на лосей. Управляющему-то и не покажись отведенное ему мѣстечко, гдѣ стоять значитъ, а въявь перейдти нельзя: баринъ увидитъ. Онъ себѣ зашелъ къ опушкѣ да и пробирается лѣскомъ, хрустъ да хрустъ по

сухимъ вѣткамъ, а Ѳедоръ не будь дуракъ:— ребята, говоритъ, лось валитъ! — приложился да какъ ля-япнетъ — управляющій и не пикнулъ. Ну, а Ѳедоръ этакъ съ полгодика на церковномъ покаяніи помаялся...

Оно и все бы ничего, но какъ на смѣхъ за-утро назначена была медвѣжья облава. Эти сборныя охоты споконъ вѣку были въ праздникъ рабочимъ. Они брели со всего околодка: у кого было ружьишко, тотъ шелъ съ ружьемъ; у кого не было такой роскоши, являлись съ сѣдельными, солдатскими пистолетами, съ ножами, рогатинами, даже просто съ дубинами: это были просто кричана и загонщики.

Въ тотъ годъ зима была поздняя: хотя ноябрь шелъ уже къ концу, и звѣрь позалегъ въ берлоги, но саннаго пути еще не было. Снѣгъ лежалъ по оврагамъ лѣсистой мѣстности, сверкая на склонахъ ихъ золотистою искрой въ лучахъ высокаго, зимняго солнца, да застывшія, мелкорастресканныя колеи слегка порошило снѣжкомъ, отчего самая дорожка вилась вдали, словно серебряная съ чернью чешуя земерзшей змѣи. Тамъ и сямъ на суровой зелени ельника четко стояли на опушкѣ лиловыя метлы облетѣвшихъ осинъ. Но трава лужаекъ еще мало сдала цвѣта, и даже озими

взошли изумрудной фланелью, рѣзко расчерченною бѣлыми ленточками занесенныхъ межъ. Изрѣдка набѣгали черныя тучи, не частый, но крупный дождь серебристыми нитями просѣкалъ воздухъ и словно прозрачной кисеей задергивалъ родную картину. По этой дорогѣ, верхомъ на породистомъ жеребцѣ, ѣхалъ Борисъ, почти вплоть до самой крѣпи, гдѣ обложили медвѣдя; тутъ Борисъ отдалъ лошадь берейтору и, вскинувъ на плечо двухударный, англійскій штуцеръ, съ однимъ, тяжелымъ стволомъ, пошелъ въ лѣсъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Тимофеичемъ.

Они выбрали одинъ изъ лучшихъ лазовъ и стали подъ столѣтней осиной, широко развѣсившей обиндевѣлыя вѣтви. Прочіе стрѣлки уже заняли свои мѣста; только дворецкій съ однимъ конторщикомъ, Акимовымъ сыномъ, да еще человѣка два записныхъ охотниковъ прошли мимо Бориса, и скрылись въ далекихъ просвѣтахъ чащи.

Прошло нѣсколько минутъ какого-то кипучаго ожиданія. Разомъ захлопали холостые заряды, застоналъ весь островъ крикомъ загонщиковъ, ближе, ближе... вдругъ все смолкло, Мезенскій не спѣша сталъ взводить курки, вытянувъ шею и напряженно прислушиваясь...

Въ дальнемъ, лѣвомъ углу лѣса зычно рявкнулъ звѣрь; дробью раскатилось три, четыре выстрѣла... И опять продолжительное затишье.

— Эхъ, досадно, сказалъ Борисъ:—должно быть убили... Плутяги себѣ...

Онъ не договорилъ: неподалеку сухо затрещалъ валежникъ,—и на лужайку, саженяхъ въ двадцати отъ стрѣлковъ, неуклюжимъ галопомъ, оттягивая задніе окорока, выбѣжалъ всклоченный, вываленный въ снѣгу медвѣдь...

Борисъ мигомъ приложился... Но справа изъ лѣсу будто ударъ кнута, приглушенный снѣгомъ, хлопнулъ выстрѣлъ, и длинная вѣтка осины, хрустнувъ пополамъ, склонилась на Мезенскаго...

Пока онъ выдирался изъ-подъ нея, а медвѣдь озадаченный звукомъ, поднялся на заднія лапы и, стоя на мѣстѣ, поводя мордой, подозрительно нюхалъ воздухъ, надъ ухомъ Бориса словно жукъ пролетѣлъ, и въ ту же минуту изъ лѣсу бухнулъ еще выстрѣлъ.

— Баринъ, это насъ бьютъ! отчаянно закричалъ управляющій, хватая сбитую шапку, и опрометью бросился прочь. На крикъ его медвѣдь повернулъ голову и медленно пошелъ

на Бориса, вытянувъ когтистыя лапы, сверкая бѣлыми какъ снѣгъ зубами.

Мезенскій инстинктивно сталъ за осину, чтобъ загородиться отъ невѣдомыхъ враговъ, положилъ штуцеръ на сукъ и выстрѣлилъ по звѣрю. Медвѣдь заревѣлъ, сгребъ молодую сосенку, выворотилъ ее съ корнемъ, кувырнулся, но тотчасъ же справился и, рубя лапами воздухъ, ринулся на стрѣлка... Между ними оставалось шаговъ семь, когда Борисъ лихорадочно прижалъ спускъ: блеснулъ огонекъ, облако дыма покрыло разъяреннаго звѣря... Темная масса шумно пронеслась мимо Бориса, что-то сильно хватило его въ бокъ... Онъ перевернулся раза два на каблукахъ, какъ на оси, колѣна подогнулись, въ головѣ зазвонило и спуталось...

Громкій говоръ странно шумѣлъ въ ушахъ Мезенскаго; кто-то поднималъ его подъ-мышки. Онъ открылъ глаза прямо въ толпу охотниковъ. Убитый звѣрь лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Борисъ тотчасъ опамятовался. Тяжелый ударъ лапой лишь оглушилъ его; толстая дубленка спасла... Мезенскій поднялся на сѣдло, разсѣянно выслушалъ, что звѣрь убитъ имъ, только первая пуля слегка поранила, а ужъ вторая, пройдя межъ реберъ, раз-

дробила позвонки,—и, выслушавъ, понуря голову, тихо поѣхалъ назадъ.

Толпа валила за нимъ, не отставая ни на шагъ. Гнѣвный говоръ жужжалъ по кружкамъ. Сергѣй насупясь ѣхалъ возлѣ. Мезенскій прислушался къ говору и, сильно тронутый, понялъ все.

— Братцы, громко и весело сказалъ онъ въ толпу:—вы слышали?—сейчасъ въ меня стрѣляли... Выручили вы—спасибо!

— Батюшка, отозвался сѣдой старикъ съ длинной винтовкой на плечѣ:—гдѣ твоя голова, тамъ и наша ляжетъ... Укажи только ворога.

Гордо и весело вернулся Мезенскій домой. Но недолго поликовалъ онъ.

Русачокъ, извѣстное дѣло, пуще отца родного радъ всякому новому человѣку: не знаетъ, куда посадить, чѣмъ на первыхъ порахъ приголубить, а тамъ посмотритъ, прикинетъ его на глазомѣръ, смекнетъ въ чемъ дѣло, — глядишь — и чортъ ему не братъ. Мезенскій не миновалъ общей доли. Бабы и дѣвки, отбывавшія барщину въ шлифовнѣ, первыя поняли, куда потянулъ вѣтеръ. То и дѣло, сперва помаленьку, а тамъ цѣлыми гуртами, являлись онѣ въ больницу и выпрашивали у доктора

увольнительныхъ свидѣтельствъ по болѣзни. Глядя на нихъ, и мужички принялись усердствовать спустя рукава. Мезенскій быть можетъ и не обратилъ бы вниманія — оно такъ исподоволь подошло—но послѣдствія сказались очень осязательно. Два-три крупныхъ транспорта были возвращены заказчиками обратно съ требованіемъ денегъ назадъ. Мѣстные покупатели то и дѣло браковали заводскія издѣлія. Мезенскій призвалъ управляющаго на совѣтъ относительно мѣръ по управленію рабочими. Сергѣй Тимофеичъ въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣлъ отростить брюшко, прицѣпить на немъ золотую цѣпочку и пріобрѣлъ привычку въ разговорѣ отдавать какимъ-то смѣшаннымъ букетомъ спирта и корицы. Донести на высшаго было въ силахъ и въ самой крови его, но, ставъ на его мѣсто, Сергѣй Тимофеичъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ втупикъ, однако подумалъ-подумалъ и присовѣтовалъ: посѣчь.

Борисъ обратился къ французу-сахаровару и дистиллятору водокъ, слывшему за великаго мудреца. Младшій сынъ богатаго торговаго дома въ Парижѣ, mr. Brouilletout пережилъ революцію 48 года и показывалъ всѣмъ и каждому бамбуковую трость со свинцовымъ набал-

дашникомъ, нѣкогда бывшую tue-gendarme, а теперь называемую *заблужденіемъ юности.*

— Ne vous fiez pas aux masses, важно поучалъ онъ своего принципала: — les masses vous deborderont.

Мезенскій пробовалъ возразить ему, что виноваты не массы, а отсутствіе свободы въ отношеніяхъ къ нимъ, отсутствіе свободнаго труда.

— La liberté! воскликнулъ mr. Brouilletout: — mais qu'est ce que la liberté? C'est un vain mot...

Странны казались эти парадоксы въ устахъ француза.

— Exemple, продолждалъ тотъ, сильно затягиваясь сигарой:—мы вчера съ Огюстъ немножко... Nous étions un peu soul...

— Пьяны были, подсказалъ Мезенскій.

— Пьяни?—jamais de ma vie! Только русски свиня пьяни... Nous n'avions bu qu'un coup de trop et — pure fantaisie!... простой фантазій пришоль оба на заводъ, гдѣ спаль эти русски свиня... couchés par terre...

— Ночью? спросилъ Мезенскій.

— Comment? Ночью? Bah! certainement; nous faisions nos ébats... и нѣтъ дорога. Я говоритъ Огюстъ—пашоль прямо...

— Какъ — по людямъ? вскрикнулъ Мезенскій, поднявъ брови.

— Eh? отозвался Brouilletout.

— Ces hommes dormant vous avez marché dessus?

— Ces hommes!!. Эти каналь—чіловѣкъ?

— И васъ не побили?

— Мені-і-а? съ неописаннымъ изумленіемъ проговорилъ французъ, бросивъ сигаретку:— moi? citoyen français?! Ell est bonne cette blague que vous me contez lá... И онъ съ хохотомъ бросился въ кресло.

Мезенскій прогналъ mr. Brouilletout и Огюста. Но дѣло не ждало: надо было что нибудь предпринять. Огромное хозяйство день ото дня лѣзло по швамъ, ползло врозь, уходило изъ рукъ: тамъ отъ недосмотра лопался паровикъ и пріостанавливалъ ходъ всего завода; здѣсь цѣлыя десятины свекловицы травили свиньи; чаще и чаще стали случаться порубки въ заповѣдныхъ рощахъ... А тутъ еще генералъ Осининъ, сосѣдъ - заводчикъ и заклятой крѣпостникъ, публично обозвалъ Мезенскаго краснымъ, причемъ кашлянулъ, тряхнулъ эполетомъ и строго прибавилъ: «весьма!» И, въ довершеніе всѣхъ непріятностей, Лазарь, въ двадцати верстахъ отъ владѣній Мезенскаго,

построилъ чугунно-плавильный заводъ, освятилъ его съ архіереемъ, задалъ пиръ на славу и открылъ производство: множество покупателей потянуло къ своему брату не-барину. И невольно смутила Бориса скверная мысль, что деньги эти выжаты Лазаремъ изъ его же завода, что были же барыши, шло дѣло,—и глубоко затаилъ онъ въ себѣ это послѣднее оскорбленіе...

Онъ выписалъ къ себѣ погостить одного изъ бывшихъ московскихъ наставниковъ, думая почерпнуть что-нибудь изъ офиціальной мудрости. Кабинетный ученый, пройдясь по заводу въ своемъ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, сурово нахмурилъ брови, наморщилъ лобъ и попросилъ Бориса созвать рабочихъ на бесѣду. Выбрали просторную залу чертежной. Рабочіе, въ лаптяхъ и войлочныхъ колпакахъ, собрались по барскому приказу, разсѣлись по лавкамъ и ждали, что̀ будетъ. Маститый жрецъ науки открылъ бесѣду рѣчью, въ которой излагалъ выгоды, пріобрѣтенныя отъ успѣховъ промышленности, коснулся быта рабочихъ заграницею, подробно налегъ на обязанности рабочаго, какъ гражданина, лица подчиненнаго, человѣка семейнаго и существа нравственнаго... И много и долго повѣствовалъ ученый; бесѣда

длилась болѣе двухъ часовъ. Рабочіе обливались потомъ. Мезенскій тутъ же слушалъ съ какимъ-то уныло-смѣшнымъ ощущеніемъ. Наконецъ ораторъ всталъ и обратился къ аудиторіи съ вопросомъ:—какъ имъ показалось то, что̀ онъ имъ говорилъ?..

Рабочіе переглядывались, чесали въ затылкахъ.

— Что жъ, іонъ это все правду гуторилъ, громко отозвался одинъ парень, не то въ воздухъ, не то въ потолокъ.

— Іонъ, братъ, до всего чукавый, дотошный человѣкъ! замоталъ головой старый-престарый старикашка:—Іонъ что хошь можетъ.

Въ толпѣ поднялся говоръ, загалдили, загалдили, словно на сходкѣ, и давай помаленьку подвигаться къ оратору.

— Что, братцы? чѣмъ порѣшили? спросилъ тотъ, благосклонно улыбаясь.

— Да оно, тые... выступилъ дюжій мужикъ съ черными выстриженными на лбу волосами:— оно, баринъ, какъ ни какъ, а надо что - нибудь...

— Ну, то-то же, сами видите, поддакнулъ ученый.

— Почто не видѣть!.. мужикъ словно обидѣлся и уткнулся глазами въ землю, разставивъ

пальцы:—ты теперь согналъ насъ, почитай часа два держалъ, то-то я и гуторю, надо что нина-есть... Ты намъ хоть по полтинѣ мѣдью, а то обидно будетъ—мы люди рабочіе.

Мезенскій чуть не расхохотался и увелъ ученаго, обѣщавъ рабочимъ людямъ заплатить за поученье. Проводивъ съ честью бывшаго наставника, Борисъ невесело задумался — и не скоро вышелъ изъ этого раздумья. Мало-помалу онъ пересталъ ходить на заводъ, въ контору и вовсе прекратилъ объѣзды. Старая дворня подняла голову и пріободрилась: явно стало, что соколъ высоко взмылъ, да тутъ же и сѣлъ—живо умаялся. Дѣйствительно, весной Борисъ явился въ Москву къ дядѣ, объявилъ, что ему необходимо съѣздить хоть не надолго заграницу, и уѣхалъ, взявъ съ собой человѣкъ пять заводской молодежи. Прошло полгода, прошелъ годъ и другой, а онъ все не возвращался. Въ эту поѣздку онъ повидался съ матерью и сестрой, поразсѣялся въ Парижѣ, побывалъ въ Бельгіи, заѣхалъ наконецъ въ Англію, да тамъ и застрялъ. А между тѣмъ заводы кое-какъ поскрипывали, старая слава ихъ все еще держалась въ дальнихъ краяхъ, контора понемножку опять заусердствовала, иностранцы нюхались съ конторой, драли свое жалованье въ-

три-дорога, машины понемножку рвали руки и ноги рабочихъ, и—чего не осилитъ крѣпкая сносливая спина русскаго мужика!—доходы все-таки посылались и въ Москву и на двое рукъ заграницу.

Наконецъ благодать 19-го февраля развѣяла путаницу отношеній, и вмѣстѣ съ первымъ весеннимъ дождемъ вернулся Борисъ Павлычъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Новая исторія.

Пріѣхалъ онъ въ ночь, такъ-что многіе только утромъ узнали.

День начался молебствіемъ. Старинная церковь была полна рабочихъ. Въ сторонѣ особымъ кружкомъ держались конторскіе, съ ихъ женами и дѣтьми, разодѣтыми, какъ на праздникъ, въ матерчатые шугаи. Хрустальные иконостасъ и паникадилы переливались радужными отблесками сотни свѣчъ. Согласный хоръ заводскихъ пѣвчихъ величественно дрожалъ подъ сводомъ купола, расписаннаго мѣстными художниками чертежной... Все говорило о прошломъ и какъ бы родномъ...

И вотъ раздалась толпа отъ дверей, отхлынувъ на обѣ стороны: замѣтно возмужалый, нѣсколько загорѣлый, въ бѣломъ кителѣ и съ лѣтней фуражкой горнаго вѣдомства въ рукѣ, Борисъ прошелъ межь народа и съ покойнымъ, яснымъ взоромъ сталъ у амвона; щеголеватая молодежь, бывшая съ нимъ заграницей, помѣстилась позади его. Приложась ко кресту, Мезенскій пригласилъ священника съ причтомъ и всю контору къ себѣ. Въ залѣ господскаго дома накрыта была закуска. Хозяинъ радушно угощалъ своихъ гостей, благодарилъ за долгую службу, потомъ собралъ управляющихъ въ кабинетъ, щедро наградилъ каждаго изъ нихъ и далъ имъ новыя назначенія по ярмаркамъ и столичнымъ магазинамъ, съ прибавкою жалованья; потомъ представилъ гостямъ новыхъ управляющихъ, вернувшихся изъ-за границы... Потомъ всѣ разошлись, слегка озадаченные такимъ исходомъ.

Нѣсколько дней спустя, изъ-за границы пришелъ огромный транспортъ машинъ съ иностранными машинистами. Заводъ принялъ новый видъ, работы сильно упростились, на произведенія была понижена цѣна. Послѣднее обстоятельство взволновало всѣхъ сосѣдей-заводчиковъ. Муравейникъ загомозился. Ближе всѣхъ

дѣло коснулось Лазаря. Какъ всякій русскій человѣкъ, онъ былъ великій мастеръ сразу рѣзать не примѣрявъ, и ухлопалъ на свой заводъ весь капиталъ, сколоченный двадцати-лѣтнимъ грабежемъ, да кромѣ того сильно прихватилъ кредита, а дѣло-то не шибко спорилось, теперь же при невозможной конкуренціи и совсѣмъ стало.

Надо было брать не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Онъ сталъ засылать на вражьи заводы ловкихъ людей, которые толковали рабочимъ, что имъ слѣдуетъ потребовать прибавки задѣльной платы, что эти машины имъ же на пагубу; рабочему человѣку скоро нечего будетъ дѣлать и придется положить зубы на полку; что вотъ, молъ, у Лазаря люди ничѣмъ противъ нихъ не вышли, а плата имъ идетъ чуть не вдвое.

Большая часть рабочихъ слушали недовѣрчиво, по врожденной инерціи русачка; зато на одномъ изъ небольшихъ заводовъ мужички вдругъ, безъ всякихъ околичныхъ разсужденій, собрались къ домнѣ, порѣшили всѣ машины сломать—навалились всѣмъ міромъ и что-то сломали.

Мистеръ Джекъ прискакалъ къ Мезенскому перепуганнымъ зайцемъ и объявилъ, что у рабочихъ a strike — стачка, пенемайтъ? Борисъ

равнодушно осадилъ его, замѣтивъ, что если машины поломаны, то разбирать это дѣло слѣдственной комиссіи, которая и дѣйствительно не замедлила прибыть на мѣсто.

А Лазарь тѣмъ временемъ, чуя бѣду неминучую, кинулся въ губернскій городъ, подмазалъ кой-какія мелкія колеса мѣстной администраціи—и та машина тоже пошла въ ходъ.

Однажды, утромъ, къ подъѣзду господскаго дома, въ щегольской коляскѣ, подлетѣлъ губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій, большой франтъ и страстный охотникъ погуманничать на чужой счетъ. Войдя въ переднюю, онъ велѣлъ доложить о себѣ и уже стряпалъ въ умѣ грозную рѣчь, съ невообразимою смѣсью экономическаго laissez aller и соціалистскаго droit au travail, какъ вдругъ лакей передалъ ему приглашеніе пожаловать въ контору, гдѣ Борисъ Павлычъ въ 12 часовъ изволятъ принимать *всѣхъ*...

Свиданіе тамъ и состоялось.

— Его сіятельство, господинъ начальникъ губерніи, началъ чиновникъ: — весьма недоволенъ здѣшними безпорядками...

— Весьма пріятно такое совпаденіе чувствъ: я тоже очень ими недоволенъ, сказалъ Борисъ, приглашая чиновника садиться. — Но за что

же собственно гнѣвается господинъ губернаторъ?

— Господинъ начальникъ губерніи надѣется, что вы сдѣлаете все возможное, чтобъ уладить законныя требованія тружениковъ.

— Очень радъ, но, признаюсь, не могу сразу овладѣть такимъ смѣлымъ сопоставленіемъ понятій... Позвольте узнать, вслѣдствіе какихъ соображеній господинъ губернаторъ полагаетъ, что требованія ихъ законны и что я обязанъ удовлетворить ихъ?...

— Милостивый государь, не мое дѣло разсуждать о томъ, что не входитъ въ данное мнѣ предписаніе, холодно замѣтилъ чиновникъ.

Мезенскій помолчалъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ отправиться со мной на самое мѣсто безпорядковъ, предложилъ онъ чиновнику: — затѣмъ вы донесете губернатору о моихъ распоряженіяхъ.

Казенный эмансипаторъ поёжился.

— Но рисковать... въ минуты народнаго раздраженія...

— Э, полноте, перебилъ Борисъ:—ужъ если я рѣшаюсь на этотъ подвигъ, вамъ-то чего безпокоиться? Мужикъ грубъ, да вѣдь и правда груба, и онъ ее не хуже насъ съ вами понимаетъ... Впрочемъ я желалъ только доста-

вить вамъ удовольствіе этимъ предложеніемъ, а въ сущности ни ѣздить туда, ни вообще особенно хлопотать, по крайнему моему разумѣнію, надобности нѣтъ...

Поѣхали.

Мезенскій собралъ мужиковъ и объяснилъ имъ, что съ главными зачинщиками будетъ вѣдаться слѣдствіе, и для нихъ онъ ничего не можетъ сдѣлать, а остальныхъ ужъ Богъ проститъ, если они желаютъ вести дѣло попрежнему да исподоволь заработать убытки отъ попорченныхъ машинъ...

Вся масса хоромъ заголосила, что мы, молъ, этого не могимъ...

— Ну, а не могите, стало-быть и толковать нечего, сказалъ Мезенскій: — а то подумайте сперва хорошенько: вѣдь мнѣ придется заводъ закрыть—вы же на мель сядете... Вотъ вамъ полчаса сроку, прибавилъ онъ, вынимая часы:— толкуйте и приходите въ контору.

Толпа молча переминалась во все время срока, потомъ подвалила къ конторѣ съ тѣмъ же отвѣтомъ. Мезенскій велѣлъ приготовить отчеты, контору перевести въ главное управленіе, а заводъ закрыть.

— Вы мнѣ дайте по крайней мѣрѣ какое-нибудь письменное объясненіе, сказалъ губер-

наторскій чиновникъ, нѣсколько смущенный.

— Извините, не могу, отвѣтилъ Мезенскій: — а развѣ, изъ чувства признательности за вниманіе ко мнѣ господина губернатора, увѣдомить его частнымъ письмомъ — это пожалуй... И, войдя въ контору, онъ написалъ длинное письмо, въ которомъ довольно подробно изъяснилъ его сіятельству, что какъ цѣны на товаръ ограничиваются суммой стоимости матеріала, задѣльной платы рабочимъ и прочихъ издержекъ производства, съ прибавленіемъ законныхъ процентовъ барыша, такъ съ другой стороны задѣльная плата рабочимъ зависитъ отъ соображеній заводчика относительно существующихъ цѣнъ, возможнаго сбыта произведеній и доброкачественности работы; но ни то, ни другое никому не обязательно, и всякій воленъ назначить какую угодно цѣну своимъ продуктамъ, если найдутся охотники давать ее, а равно и уменьшить задѣльную плату до нуля въ случаѣ желанія рабочихъ подарить свой трудъ. Такъ и онъ, заводчикъ, не имѣетъ возможности неволить своихъ рабочихъ, сохраняя только за собою право закрыть невыгодное производство, что̀ и сдѣлалъ нѣсколько раньше чѣмъ слѣдовало, въ уваженіе просвѣщеннаго вмѣшательства его сія-

тельства, и не замедлитъ увѣдомить горное правленіе, которому заводы подвѣдомственны.

Дѣло это кончилось, какъ большая частъ дѣлъ того времени, ничѣмъ.

Только рабочіе, отвыкнувъ отъ обработки пашень, помаялись мѣсяца два и пришли къ Мезенскому бить челомъ до земли, въ голосъ прося о томъ, что̀ онъ самъ предлагалъ имъ: чтобы все бы попрежнему...

И не мало было еще разныхъ исторій, съ болѣе или менѣе просвѣщеннымъ вмѣшательствомъ; но Мезенскій твердо держалъ кормило и настойчиво шелъ къ цѣли.

Годъ за годъ, заводы мало-по-малу стали на свою ногу и дѣйствовали ровно и неуклонно, какъ разъ заведенные часы.

А вмѣстѣ съ тѣмъ сама собой, силой естественнаго хода дѣлъ, подошла и минута возмездія за прошлое оскорбленіе: Лазарь, изъ послѣднихъ силъ соперничая съ бывшею жертвой, дотого запуталъ дѣла, что заводъ его пошелъ съ молотка; самъ заводчикъ, явясь къ Борису, просилъ какъ милости мѣста конторщика, и тотъ, хорошо зная, какъ легко могла закружиться голова у самаго честнаго раба во время крѣпостнаго права, сжалился надъ нимъ и пріютилъ его.

Да онъ ужъ и не рисковалъ ничѣмъ: при заведенномъ порядкѣ, недобросовѣстности некуда было прятаться.

Мезенскій не безъ гордости сознавалъ, что имъ держатся десятки тысячъ рабочихъ рукъ, что имъ однимъ заводы возстановили прежнюю славу, что они какъ бы вновь созданы имъ.

Все это стало извѣстно Лидѣ по дорогѣ изъ Москвы на заводы, гдѣ Наталья Николаевна собиралась провести лѣто. Онѣ ѣхали въ уютномъ дормезѣ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ, пользовавшимся сенатскими каникулами; съ ними былъ и Астреинъ.

Старшихъ обыкновенно скоро укачивало, и Астреину поневолѣ приходилось занимать молодую дѣвушку во время скучнаго сидѣнія съ глазу на глазъ. Сначала онъ пробавлялся коментаріями къ балясамъ Подольскаго моста и памятнику въ Маломъ Ярославцѣ, а потомъ перешелъ къ заводамъ и невольно остановился на личности Бориса.

— Большое вамъ спасибо, cousin, сказала молодая дѣвушка: — вы мнѣ разгадали брата; и какъ это я ничего не слыхала отъ него?

— Ужъ это русскій человѣкъ такъ устроенъ, что охотнѣй налжетъ на себя всякую небы-

вальщину, чѣмъ истинной правдой похвалится.

— Скажите, cousin, еслибъ вамъ представился случай, женились ли бы вы на простой дѣвушкѣ... на простушкѣ?

Астреинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Не знаю, медленно проговорилъ онъ,—можетъ быть и женился бы... но... мнѣ кажется, только погубилъ бы ее этимъ...

— Ахъ, такъ и вы также находите, что Боря не былъ бы счастливъ съ Любой? живо перебила Лида.

— Борисъ—другое дѣло, возразилъ Астреинъ:—онъ не только умѣетъ жить съ простыми людьми, онъ самъ въ душѣ такой же—только внѣшность у него чуждая... Нѣтъ, если хотите знать мое искреннее мнѣніе: ему слѣдовало жениться на ней...

— А знаете, мнѣ теперь почти страшно... Что, если всѣ эти труды, всѣ прошлыя бѣды, вся энергія и настойчивость пропали даромъ? Что, если все это разлетѣлось прахомъ, и мы найдемъ его разбитымъ, уничтоженнымъ, безъ всякой охоты къ дѣятельности?

— Почему вы такъ думаете? спросилъ Астреинъ.

— Неужели же вы не чувствуете, какое право онъ имѣлъ писать maman, что начинаетъ

тяготиться одиночествомъ? Вѣдь не легкомысленно же онъ тянулся за счастьемъ, какъ дитя къ огню! грустно проговорила Лида:—и вотъ какъ подшутила надъ нимъ жизнь! А теперь мы скоро полгода ничего и не знаемъ о немъ...

Астреинъ помолчалъ.

— Водевиль: *Все для женщинъ*, очень устарѣлъ, кузина, и страшно заигранъ; едва ли Борисъ будетъ фигюрировать въ немъ.

— Дай Богъ, вздохнула Лида, глядя на дорогу:—я въ этомъ не судья.

Передъ молодой дѣвушкой вновь неслись, уходя въ ширь и даль, тѣ мѣста, что такъ понравились въ первый пріѣздъ; только теперь они стали еще милѣй: все кругомъ вызеленилось, процвѣло, зажурчало и пѣло радостную пѣснь по лѣсамъ и полямъ, на водѣ и въ самомъ воздухѣ... Всюду проглядывали слѣды безостановочно-развивающейся дѣятельности: то шоссе пересѣкало лѣсную дорогу, только-что проложенное и заваленное кучами шлака; то вдали надъ рѣкой бѣжалъ дымокъ парохода; мѣстами разработывали каменный уголь; по заводу двигались возы съ сосновыми ящиками уложенныхъ въ соломѣ издѣлій; на площади было шумно и людно. У крыльца ихъ встрѣтилъ дворецкій и объявилъ, что Борисъ Павлычъ на

заводѣ. Пока старики оправлялись съ дороги, Лида хотѣла сама извѣстить брата и вмѣстѣ съ Астреинымъ отправилась къ плотинѣ. Солнце сильно пекло и золотило всю окрестность; земля и сухая травка жарко ложились подъ ноги, особенно на склонѣ въ лощину. Опираясь на руку Астреина, Лида стала осторожно спускаться по змѣевидной тропинкѣ, обросшей сухопахучимъ репейникомъ.

Гулъ, шумъ и говоръ, жужжа въ долинѣ, словно рой шершней, все усиливался и наконецъ перешелъ въ хаосъ у дверей завода. Въ одномъ изъ притворовъ съ глухимъ рокотомъ вращалось громадное колесо; по немъ съ ревомъ и пѣною била вода; непріятная, красноватая полутьма охватывала со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ ослѣпительнѣй пылали доменныя печи; запахъ кузницы жарко вѣялъ въ лицо, а цѣлыя груды желѣзныхъ машинъ ляскали, визжали и скрежетали вокругъ: то громадныя, полукруглыя ножницы разомъ перекусывали желѣзную слегу въ руку толщины; то изъ-подъ механическаго струга со свистомъ вылетала желѣзная стружка въ поларшина, завитая спиралью. Весь полъ былъ усыпанъ этими локонами... И всюду блещетъ желѣзо то холоднымъ, сизоватымъ лезвіемъ, то искорками огнистыхъ отра-

женій. Тамъ и сямъ перебѣгали совсѣмъ черные рабочіе, и глухой говоръ подъ темными сводами, тяжкіе удары молотовъ придавали сценѣ истинно адскій колоритъ...

Когда глаза нѣсколько попривыкли къ сумраку, Лида увидала брата. Онъ стоялъ къ ней спиной и толковалъ что-то англичанину-механику, держа передъ собой развернутую книгу. Лида заглянула чрезъ его плечо и прочла: *iron and steel*... Въ ту же минуту онъ обернулся, радостно вскрикнулъ и обнялъ ее.

Она взяла его за руки, повернула къ свѣту и стала-было къ самой пасти скрежещущей машины.

— Патихонька, пенемайтъ? крикнулъ англичанинъ словно въ рупоръ:—патихонька! только палецъ туда—и фьють! за нимъ рука, голова, нога и фьють!.. минуточка, пенемайтъ... Like sodaic powder — парашки, пенемайтъ?..

— Въ порошекъ тебя сотретъ, понимаешь? засмѣялся Борисъ и представилъ ихъ другъ другу: — Mister Jack, my sister...

Англичанинъ, весьма довольный, взялъ ее руку и дернулъ, словно пробуя, крѣпко ли сочлененіе плечевыхъ костей.

Они тронулись вдоль по заводу. Лида осма-

тривала диковинки съ видимымъ удовольствіемъ и такъ дошла до конца зданія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, вокругъ формы, наполненной расплавленнымъ чугуномъ, стоялъ кружокъ рабочихъ. Они дразнили чуть виднаго мальчишку и подбивали его на какую-то штуку. Мальченка, весь раскраснѣвшись подъ копотью на щекахъ, нѣсколько разъ замахивался рукой на форму и никакъ не могъ рѣшиться.

— Стой! крикнулъ Мезенскій, схвативъ его за руку:—а вамъ какъ не стыдно? маленькіе! укорилъ онъ рабочихъ.

Тѣ посмѣивались: мальченка снялъ войлочный колпачокъ и смотрѣлъ въ землю...

— Очень хочется хлопнуть? обратился Борисъ къ мальчишкѣ, показывая глазами на поверхность жидкаго чугуна. Онъ провелъ рукой по лбу, покрытому легкой испариной отъ невыносимой жары, и, засучивъ рукавъ, ловко шлепнулъ ладонью по расплавленной массѣ... Лида и крикнуть не успѣла.

— Ну, смотри теперь, какая мнѣ отъ этого польза, убѣдительно проговорилъ онъ, протянувъ руку мальчишкѣ:—позолоты на рукѣ не явилось, а чуть оплошай—и безъ руки на весь вѣкъ...

*

— Well said, флегматически замѣтилъ англичанинъ: — теперь спросить его, miss Mezensky, зачѣмъ же онъ самъ это сдѣлалъ? пенемайтъ?

— Good by, mister Jack! сказалъ Борисъ, разсмѣясь.

Всѣ вдругъ какъ-то хорошо почувствовали себя, выйдя на дневный свѣтъ.

— Такъ ты не скучалъ тутъ? допытывалась Лида, выбираясь съ братомъ на плотину:—не тосковалъ безъ насъ?

— Недосугъ было, душечка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не вполнѣ удавшійся планъ.

Знойно-лазурная ночь облегала окрестности завода. На большую террасу барскаго дома, сходившую каменными ступеньками въ садъ, падалъ красноватый свѣтъ изъ дверей залы и растворенныхъ оконъ гостиной; тамъ, за колеблемой драпировкой, слышался голосъ Натальи Николаевны и басистый смѣхъ Петра Ивановича.

На террасѣ, облокотясь на перила, стояла

Лида, глядя прямо передъ собою на широкій газонъ, обрамленный кругомъ высокими деревьями, перерѣзанный вдали узкимъ заводьемъ озера, ночной туманъ расползался у того берега прозрачной бѣловатой дымкой; а тамъ дальше садъ незамѣтно переходилъ въ паркъ и чернолѣсье...

На краю балюстрады, возлѣ кузины, сидѣлъ Астреинъ. Дымокъ его сигары столбикомъ поднимался на черномъ фонѣ кустовъ. Въ легкихъ перисто-бѣлыхъ облакахъ, словно играя въ прятки, то меркли, то просвѣчивали звѣзды.

Тепловато-сухой, раздражительно-душистый вѣтерокъ порхалъ вокругъ; запахъ сирени проникалъ сквозь общій ароматъ рощи и самаго воздуха. Высокая, сѣдоватая струйка фонтана посрединѣ лужайки тихо лепетала въ чугунной чашѣ, и вотъ гдѣ-то близехонько въ кусту чокнулъ соловей, чокнулъ еще разъ и замолкъ, будто настраиваясь... Въ отвѣтъ ему, протяжно во всю рощу свиснулъ другой—и жалобно, словно флейтой, взялъ двѣ нотки, такъ-что по сердцу пошло и жутко стало... Еще одинъ, съ вершины боковыхъ аллей, началъ нѣжнымъ теньканьемъ по одной и той же стрункѣ, чаще, чаще, щелкнулъ и раскатился. Садовый подхватилъ, въ рощѣ отозвалось еще два-три—и

пошло: десятки голосовъ разомъ переливались вдали, пересыпались дробью,—и какъ-то забывалось, что это голоса крошечныхъ, чуть замѣтныхъ пичугъ, словно сами собой зарождались они въ могучемъ и свѣжемъ лонѣ темной рощи.

Лида повернула къ Астреину блѣдное лицо; грудь ея высоко поднималась, и мѣсяцъ фосфоромъ скользнулъ по влажнымъ глазамъ...

— Вся ночь поетъ! едва выговорила она.

Астреинъ встрепенулся, пристально посмотрѣлъ на нее и опять поникъ головой...

— Какъ вы разсѣяны, тихо проговорила она, слегка отвернувшись.

— Нѣтъ, кузина, вѣрю я вамъ, что въ эту минуту вся ночь поетъ, и звѣзды можетъ быть искрятся въ тактъ, заговорилъ Астреинъ съ внезапнымъ жаромъ. — Вы начинаете жить... И если отъ кого-нибудь вы услышите кощунство надъ святостью первыхъ чувствъ, бѣгите такого человѣка: на немъ проклятье. Не штука загрязнить ихъ и размѣнять на мелочь; сила— завладѣть имъ, тѣмъ рѣдкимъ счастьемъ, что немногимъ дается. Берегите свою свѣжесть: это богатство; разбросавъ его недостойнымъ кумирамъ—людямъ или идеямъ, это все равно— пожалуй можно послѣ и свергнуть идоловъ и

предать забвенью, но богатство потрачено и не вернется: соловьиныя ночи не повторятся...

Онъ вдругъ замолчалъ, словно сконфузясь, бросилъ сигару и, надвинувъ шляпу, сошелъ въ садъ, какъ бы избѣгая возраженія.

Тамъ нашелъ его Борисъ, когда остальное общество разошлось на покой: они молча шли широкой аллеей; и въ небѣ и по землѣ въ саду все было такъ серебристо-свѣтло; негустая листва сквозила лазурью, лишь изрѣдка застилая небо темными пятнами; луна кроткимъ свѣтлячкомъ кралась въ вырѣзкахъ и просвѣтахъ вѣтвей, приноравливаясь къ тихой походкѣ гуляющихъ, а по краямъ деревьевъ и на макушкѣ каждый листикъ четко пролагался въ небѣ; мѣстами бѣловатый паръ стоялъ надъ лужайками; крѣпче пахло тополемъ и березой...

Въ совершенно-темной, нависшей кущѣ, у чернаго входа въ бесѣдку, гладко сіяла мѣсячнымъ отблескомъ простая деревянная скамья. Астреинъ прилегъ на нее навзничь, закинувъ руки подъ голову.

— Вотъ когда я чувствую, что усталъ! какъ-то безцвѣтно проговорилъ онъ.

— Вернемся, отвѣтилъ Борисъ, подсѣвъ къ нему.

— Нѣтъ, я еще останусь: тутъ хорошо, дай

мнѣ вздохнуть на свободѣ, я усталъ окончательно.

Мезенскій не зналъ что̀ отвѣтить; по кустамъ и въ листвѣ стихалъ шепотъ ночнаго вѣтерка; близехонько щелкавшій соловей тоже замолкъ, словно прислушиваясь къ людскому говору.

— Послушай, сказалъ Астреинъ, поворачиваясь на бокъ и подпирая голову локтемъ:— мы съ тобой никогда не пытались окрестить наши отношенія, а вѣдь ихъ пожалуй можно и дружбой назвать...

— Какъ мило это: *пожалуй!* улыбнулся Борисъ.

— И ты, надѣюсь, считаешь меня довольно честнымъ малымъ?

Борисъ нагнулся и смѣясь посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Надо будетъ все это привести въ ясность, съ комическою важностію проговорилъ Астреинъ:—я долженъ заявить тебѣ объ одномъ чрезвычайно щекотливомъ дѣлѣ—и то единственно на правахъ дружбы; можно бы обойдтись и безъ этого, но тогда я принялъ бы на себя слишкомъ большую отвѣтственность, мое положеніе могло бы стать двусмысленнымъ, а мнѣ, ей-Богу, и такъ нелегко...

— Да ты морочишь по обыкновенію?

— Нѣтъ, напротивъ, дѣло весьма серьезное; началось оно зимнею сказкой, а кончается сномъ въ лѣтнюю ночь... И пока это къ счастію только сонъ: дѣло въ томъ, что certaine jeune personne, которую я безконечно цѣню и уважаю, открыла, кажется, во мнѣ такія достоинства, какихъ у меня въ наличности не имѣется...

— Лидочка? встрепенулся Борисъ.

— Я говорю только — кажется; что жъ въ имени тебѣ ея? Продолжаю: тебѣ извѣстны результаты моихъ попытокъ сдѣлаться *человѣкомъ какъ всѣ*; поэтому мнѣ оставалось только предупредить развитіе этихъ иллюзій на мой счетъ...

— Ты хочешь уѣхать? быстро проговорилъ Борисъ.

— Уѣзжали при подобныхъ обстоятельствахъ въ доброе старое время, вотъ еще когда уста, вѣроятно дѣлаясь жидкими, сливались въ лобзаньѣ, и когда кровь, горя огнемъ, въ то же самое время кипѣла ключомъ,—ну, словомъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Выражаясь ихъ же языкомъ, герои тѣмъ самымъ подливали масла въ огонь. Въ разлукѣ, то-есть издалека-то, они ужъ совсѣмъ героями казались. А я, какъ видишь, сюда пріѣхалъ и на-

мѣренъ погостить и дамъ поближе присмотрѣться къ себѣ... Разобрать меня вовсе не трудно; иллюзія разсѣется, и все будетъ ладно, и конечно все останется между нами...

Борисъ крѣпко пожалъ его руку.

— Цѣню всю деликатность этого поступка; но мнѣ больно въ тебѣ такое уныніе.

— Ну, прости, душа моя, et que tout soit dit: будь увѣренъ, все выйдетъ ладно; обо мнѣ не хлопочи. Я усталъ, пойми меня — просто жить усталъ.

Астреинъ тихо выпустилъ его руку и пошелъ въ глубь рощи. Одному ему легче стало, вольнѣе дышалось ночною прохладой. Долго скитался онъ безъ цѣли, пока не набрелъ на какой-то крутой и темный обрывъ, поросшій высокою сочной травой. Онъ прилегъ на нее надъ бездной. Тамъ глубоко во мракѣ слышался тихій лепетъ, похожій на трескотню коклюшекъ: должно быть ручеекъ пробирался по камешкамъ. Легкія, неясныя очертанія тѣней клена, подъ которымъ улегся Астреинъ, медленно двигались и кивали по землѣ. Чуть брезжетъ заря; спать не клонитъ, уйдти не хочется; такъ бы вѣкъ и остаться тутъ на краю бездны; а загадочные звуки все слышнѣе лепечутъ на днѣ... Возможно ли? это въ самомъ дѣлѣ Даша

сидитъ за зеленымъ сукномъ и нижетъ на коклюшкахъ вопросъ за вопросомъ... Астреинъ обмеръ: вокругъ него университетская зала, сегодня экзаменъ, а онъ вовсе не готовился. Трепетно протягиваетъ онъ руку за билетомъ:— такъ и есть!—какое-то *право на борти въ Лидинъ день!* Хоть бы въ зубъ толконуть...

— Позвольте перемѣнить билетъ? глухо дрожитъ его голосъ...

— Извольте, строго и насмѣшливо тянетъ профессоръ, а Даша съ какимъ-то печальнымъ упрекомъ во всемъ ея обликѣ подсыпаетъ въ кучу все новые и новые билеты... Астреинъ не смѣетъ глазъ на нее поднять и отчаянно выхватываетъ первый попавшійся...

— *Постойный укладъ и отъѣзжія льготы*, едва выговариваетъ несчастный; губы его склеиваются, и на лбу выступаетъ холодный потъ...

— Ну-съ, извольте отвѣчать, говоритъ профессоръ, и черные глаза его язвительно стоятъ на экзаменующемся.—Что же? Не можете? Какой же вы юристъ, если уклада не знаете?...

Колѣни у него такъ и подгибаются... Фу-у! стыдно... скверно...—Позвольте еще одинъ... Но его уже не слушаютъ, Даша закрывается рукавомъ, чтобъ не видѣть, какъ его привязываютъ къ позорному столбу, слезы давятъ

ему горло, а любопытные взгляды товарищей устремляются на него, со всѣхъ сторонъ спѣшатъ новые свидѣтели его стыда, бѣгутъ, топочатъ—и топотъ ихъ отдается у него въ груди съ поразительной отчетливостью...—Слава Богу, сонъ! вскочилъ Астреинъ, оглядываясь въ крайнемъ изумленіи. Бѣлый день; солнце высоко въ синевѣ надъ деревьями; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ клена, подъ амазонкой, прелестной и свѣжей какъ утро, породистая лошадка, собранная на мундштукъ, такъ и перебираетъ ногами, не двигаясь съ мѣста...

— Vous êtes bien matinal, cousin! весело звенѣлъ голосокъ Лиды.—Что это вы дѣлали? спали на прогулкѣ?

Онъ подошелъ, поздоровался и пошелъ у стремени. По мѣрѣ того, какъ вороная, быстроглазая лошадка, вся въ глянцовитыхъ жилкахъ по изгибу шеи, на красивой мордочкѣ, съ раздутыми ноздрями и чутко настороженнымъ ухомъ, горделиво ступала тонкими стрѣлками ногъ, вся дрожа отъ избытка крови, — на лицѣ амазонки выступало задумчивое выраженіе, съ отпечаткомъ той трогательной нѣжности въ глазахъ, которая характеризуетъ конецъ дѣвичества. Куда ни падалъ ихъ взглядъ, въ далекую ли перспективу рощи, въ синеву

неба или на спутника,—все ласкали эти глаза, словно это не зависѣло отъ нихъ и не могли они сдержать ласки...

Лошадь шла совсѣмъ тихо, обмахиваясь хвостомъ отъ зелено-глазыхъ оводовъ, которые такъ и липли со всѣхъ сторонъ. Горьковато-ароматичный запахъ березъ и распускавшагося тополя словно курился, подогрѣтый томительнымъ зноемъ; лѣсные, лиловые колокольчики тихо качались на тонкихъ стебелькахъ; бѣлыя облака медленно таяли въ туманной синевѣ. Внезапно по всему чернолѣсью порывистымъ шепотомъ гнался вѣтеръ, вся листва ослѣпительно трепетала, и вѣтви метались, точно не зная, куда дѣваться, обсыпая траву и тропинку палящими зайчиками солнца. Вся роща сквозила свѣтомъ и золотистыми полосками въ травѣ. Молодые люди пробирались по краю глубокаго оврага, у самаго верховья, начинавшагося неширокой трещиной, на днѣ ея деревянный срубъ колодца казался игрушечной коробочкой.

Лида потянула поводъ и загладѣлась въ бездну.

— Сойдемъ внизъ, проговорила она, спрыгнувъ съ сѣдла:—я здѣсь еще никогда не бывала...

Астреинъ привязалъ лошадь къ дереву и, подавъ Лидѣ руку, цѣпляясь другою за кусты

орѣшника, сталъ тихо спускаться по тропинкѣ на крутомъ склонѣ, до самаго низу обстановленной деревьями.

Часто скользя и пріостанавливаясь, онъ свелъ ее къ потемнѣвшему, облѣпленному шелковистымъ мохомъ срубу; изъ-подъ него тихо сочился прозрачный, студеный ключъ; кругомъ росла травка, такая свѣжая, зелененькая; въ самомъ колодцѣ глянцовито чернѣла вода, отражая темнымъ зеркаломъ лица посѣтителей; на краю сруба лежалъ черпакъ изъ березовой коры, оставленный на произволъ прохожихъ... Удивительное спокойствіе, чувство уединенія словно гладили по сердцу въ этомъ мѣстечкѣ. Высокія ели стремились въ высь по обѣимъ съуженнымъ стѣнамъ оврага и все-таки не достигали верхнихъ краевъ, а тихій шепотъ макушекъ чуть касался слуха; было какъ-то сумерочно-свѣтло и прохладно кругомъ; крошечныя синички-гаечки беззвучно прыгали съ прутика на прутикъ въ частой сѣткѣ ельника. Молодые люди пошли подъ-руку внизъ по ручью. Хрустальная лента его то плавно катилась въ отлого-песчаномъ руслѣ, волнообразно сглаженномъ весенними разливами, то журчала на мелкомъ гравелѣ и голышахъ, извиваясь параллельно всѣмъ выемкамъ оврага и безпрестанно

открывая новую частичку пейзажа. Парочка черныхъ, бѣлохвостыхъ куликовъ, дугой расправивъ крылья,—когда незваные гости, подходя ближе, показывались имъ,—рѣзвымъ полетомъ скрывались за ближайшей извилиной, и бойко-мелодичный посвистъ ихъ только сугубилъ затишье. Ручей становился шире, мутнѣе; по берегу зачастилъ ивнякъ, и стѣны оврага понизились, расходясь широкимъ водоемомъ... Еще нѣсколько шаговъ... Развѣсистыя ракиты блѣдной зеленью рельефно склонились надъ совершенно темнымъ отраженіемъ въ заводьѣ проточнаго пруда, и тихо дрожитъ въ легкой ряби яркая зелень березъ съ изломанными бѣлыми пеньками, а возлѣ осоки вода совсѣмъ черная и рыба медленно пускаетъ пузырьки съ самаго дна. На кудрявомъ суку высокаго дуба двѣ горленки протяжно ворковали, лаская другъ дружку носиками... Минута забвенья осѣнила молодыхъ людей; вся картина какъ-то замерла въ глазахъ... Астреинъ жутко чувствовалъ близехонько возлѣ себя молодое существо, словно сотканное изъ свѣта, красоты и граціи... Онъ попробовалъ было, не глядя на нее, освободить свою руку; но ее удержали. Онъ повернулъ къ ней лицо и встрѣтилъ этотъ ласкающій, нѣгу сулящій взглядъ, устремленный въ

его глаза; чувство близкой бездны — бездны у самыхъ ногъ—обдало его холодомъ: ему казалось, что это ея чистая, свѣжая душа распахнулась передъ нимъ, — и въ ужасѣ, порывистымъ движеніемъ закрывъ лицо руками, онъ кинулся прочь...

— Александръ Петровичъ! какъ-то странно раздалось въ его ушахъ, и онъ дрогнулъ на ходу. — Остановитесь! рѣзко и повелительно прозвучалъ ея голосъ въ общемъ затишьѣ.

Онъ обернулся и сталъ какъ вкопанный. Слегка прихватя шлейфъ и судорожно стиснувъ тою же рукой хлыстикъ, она быстро шла къ нему, вся блѣдная, хмуря тонкія брови и закусивъ губку...

— Александръ Петровичъ, гнѣвно проговорила она, съ трудомъ роняя слова:—кто далъ вамъ право до такой степени забыться?

— Кузина... пробормоталъ Астреинъ.

— Monsieur, je vous préviens, que je déteste ces manières et que j'aurai toujours à cœur cette insulte... Vous étes brutal!... разомъ проговорила она и, отвернувшись отъ него, проворно пошла назадъ къ лошади по краю оврага, который все поднимался по мѣрѣ удаленія отъ мѣста сцены.

Но Астреинъ уже овладѣлъ собою и шелъ возлѣ нея.

— Кузина, заговорилъ онъ ровнымъ голосомъ:—я непростительно виноватъ... Вы видѣли, какъ я растерялся... Но — ради всего святаго—не придавайте этому случаю...

— Чего?... Она все еще сверкала негодующимъ взглядомъ, хотя яркая краска выступала на лицѣ.

— Дурнаго значенія... Все время, пока мы шли по ручью, вѣрьте или не вѣрьте, я предчувствовалъ, что̀ случится; я хотѣлъ многое сказать вамъ, а тутъ просто испугался, чтобъ вы не предупредили меня...

— А! впрочемъ, какое мнѣ дѣло, равнодушно сказала Лида.

— Нѣтъ, кузина... Вотъ я теперь иду за вами въ такомъ унизительномъ положеніи, что худшее трудно и придумать; но... И голосъ его зазвучалъ какимъ-то достоинствомъ: — Вы меня выслушаете...

Она поглядѣла на него, внѣ себя отъ новой дерзости.

— Я былъ великій мастеръ показывать другихъ на посмѣшище почтеннѣйшей публикѣ, теперь позвольте мнѣ показать себя... Право, оно не будетъ лишено интереса... Вы

можетъ быть считали меня дюжинно-распущеннымъ человѣкомъ, который самъ не знаетъ что̀ дѣлаетъ? Многіе такъ на меня смотрѣли, и даже, прощая все моему характеру, думали, что я напримѣръ способенъ... ну хоть взять на свою отвѣтственность судьбу женщины и потомъ легкомысленно бросить ее, не говоря уже о томъ, что вѣрили слухамъ, будто бы я сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги...

Онъ помолчалъ, какъ бы ожидая, что̀ она скажетъ; но Лида шла молча, отворотясь и упорно глядя на дно оврага, гдѣ все также носились чернокрылыя птицы. Впереди уже виднѣлась привязанная къ дереву лошадка, и Астреинъ, взглянувъ на нее, заговорилъ еще спѣшнѣе и почти безъ связи...

— Но вотъ охладѣть къ предмету самой искренной привязанности, день-за-день донельзя откладывать исполненіе самыхъ настоятельныхъ требованій чести—на это я въ высшей степени способенъ... И я не виноватъ въ этомъ: тотъ, у кого нѣтъ серьезной цѣли въ жизни, тотъ и самимъ собой не дорожитъ... А я только могу глумиться надъ русской жизнью, со всѣми ея прелестями общественными и частными, avec tous ses vertus civiles et militaires, начиная отъ православнаго мужичка, что разво-

дитъ милліоны таракановъ въ избѣ словно боясь общества покровительства животныхъ, и до... и до верха тому подобныхъ совершенствъ.

— Не довольно ли, Александръ Петровичъ? Я васъ выслушала... Я думала, что вы хоть разъ не задрапируетесь въ любимую тогу, сказала Лида:—Нѣтъ! вы даже даете понять, что подъ этимъ глумленіемъ кроется что-то высокое, quelque chose comme Héraclite et Démocrite mi-parti... Пора бы вамъ открыть глаза на себя! заговорила она съ внезапною силой:— Только тотъ имѣетъ право смѣяться, кто сознаетъ въ себѣ дѣятеля; а вы... что вы сдѣлали для этой бѣдной русской жизни?

Они пришли на мѣсто, и Лида сама развязала поводъ своей лошадки. Астреинъ былъ такъ оглушенъ, что только смотрѣлъ на нее...

— Вы ничего не сдѣлали, проговорила она, уже сидя на сѣдлѣ,—потому что вы сами ничто, и презрѣніе — вотъ одна законная плата вашимъ эксцентрическимъ выходкамъ.

— Лидія Павловна! крикнулъ онъ: — это слишкомъ жестоко! Я хотѣлъ васъ оттолкнуть ради васъ же самой, уберечь васъ я хотѣлъ...

— Уберечь! произнесла она, съ холоднымъ, подавляющимъ удивленіемъ:—да развѣ я была

бы съ вами запросто здѣсь, еслибъ считала нужнымъ беречься васъ?...

Онъ пошатнулся и протянулъ руки, точно пытаясь удержать ее за платье. Она взмахнула хлыстомъ, и замшевая перчатка конвульсивно стиснулась въ кулачокъ. Казалось, она ударитъ его по рукѣ, но хлыстъ ляскнулъ по боку вороной лошадки; та взвилась, дала лансаду и понеслась къ заводу, чуть касаясь земли тонкими стрѣлками ногъ.

— Да не сонъ ли это? вслухъ проговорилъ Астреинъ, озираясь кругомъ на деревья: — нѣтъ! нѣтъ! ужъ это не сонъ!...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Заброшенное.

Онъ потихоньку добрелъ до дому. Навстрѣчу изъ воротъ шажкомъ выѣзжалъ Борисъ въ одноколкѣ.

— Куда? спросилъ Астреинъ.

— На пристань, отвѣтилъ тотъ, подбирая возжи.

Астреинъ сѣлъ къ нему и взялъ бичъ. Они молча выѣхали за околицу.

— Тебѣ что жъ это вздумалось? спросилъ Борисъ, немного погодя.

— Такъ... коротко отвѣтилъ Астреинъ.

— Ну, и что же — все ладно? улыбнулся Мезенскій, отъѣхавъ еще подальше.

— Такъ ладно, что я даже и не ожидалъ; ничего не бывало, мнѣ просто померещилось...

Сухмень стояла страшная; земля мѣстами трескалась отъ жару; грачи по полямъ ходили какіе-то сонные, разинувъ бѣлый клювъ; солнце такъ и жгло по ихъ золотисто-воронымъ крыльямъ. Астреинъ вяло смотрѣлъ на окрестный видъ, одинъ изъ тѣхъ неразнообразныхъ видовъ, гдѣ перспектива низменна и точно узка...

Вотъ близехонько влѣво тянутся гряды разсады, и тамъ, гдѣ поверхность ихъ волнообразно вздымается, скрывая отъ глазъ продолженіе, тотчасъ за плетнемъ выглянула бѣленькая церковка, вся въ темной зелени — сдается дубняка — и воробьи, пропорхнувъ сѣрой кучей и взмывъ надъ грядами, кажется такъ и разсядутся по его кустамъ; но это не дубнякъ, а цѣлая роща, и до церкви считается верстъ пять...

Вонъ правѣе нивы, согрѣтыя палящимъ зноемъ. Пролегла въ нихъ дорога, пропала, словно окунулась въ узенькой полоскѣ зеле-

нѣющей щетины и вынырнула на дальнемъ холмѣ, чуть примѣтной тесемочкой; по ней чернѣются двѣ недвижныя точки... Астреинъ сталъ приглядываться къ нимъ съ тупымъ вниманіемъ. Одноколка быстро катилась, пыля колесами. Точки росли, стали похожи на муравьевъ, ползущихъ въ гору медленными зигзагами, потомъ понемногу приняли форму людей... Уже впереди виднѣлся стеклянный заводъ съ рѣшетчатыми балками подъ крышей гуты *), когда одноколка нагнала прохожихъ; они оказались крестьянами, пробиравшимися тоже къ заводу. Мужичонка въ синей, пестрядевой рубахѣ, сильно покачиваясь и разъѣзжаясь лаптями врозь по дорогѣ, опирался на плечо загорѣлой молодки въ парчевой кичкѣ, съ кучей бисерныхъ привѣсокъ на вискахъ и пестрыхъ прошивокъ на груди, въ ситцевомъ передникѣ и красномъ сарафанѣ. Мужичонка безалаберно моталъ растопыренной рукой передъ глазами, бурча: — Отцы вы мои... свѣтики... Покровское, Петровское... Куда меня шишига завелъ?

— Нишни, сейчасъ дома будемъ, сказала баба, протянувъ руку.

---

*) Glas-Hutte.

Мужикъ повидимому тутъ только замѣтилъ ее и, еле ворочая языкомъ, сердито проговорилъ:—Хорошо погуляли? А? любо, что ли?

— Что хорошаго! укоризненно запѣла баба.

— А! что хорошаго!... Мужичонка развернулся и всадилъ ей тумака въ спину, словно въ бубенъ. Баба застонала.

— Что, теперь любо, али нѣтъ?

— Ой, да любо!

— То-то! любо! любо небось!—Еще ударъ въ спину, словно въ бочку...

— Трогательная картина семейнаго счастія, проворчалъ Астреинъ и, выпрыгнувъ изъ кабріолета, рознялъ чету супруговъ... Баба повалилась въ ноги и заголосила: — Все пропилъ, все что ни было со двора волокетъ... Батюшка, заступись!... День-деньской колотитъ. Моченьки моей не стало...

— Любезный землякъ, вы за что же такъ больно деретесь, или крѣпко любите? спросилъ Астреинъ.

— Не вважаетъ... это у ей порча... она вѣдьма, бормоталъ землякъ, тупо вглядываясь въ кабріолетъ и сидѣвшаго тамъ Бориса.

— Чѣмъ же она васъ не уважаетъ? допытывался Астреинъ...

— Все мое доброе шатунамъ-обоянцамъ про-

дала... И холсты ткацкіе, и что напряла пеньку... тальки... трубку мою продала... накося, какой сарафанъ справила, фря!... И, вцѣпясь бабѣ въ поясъ, онъ разомъ полоснулъ полотнище надвое.

— Что жъ ты это разбойничаешь, мошенникъ? крикнулъ Астреинъ, схвативъ его за руки...

— Кто разбойничае? отозвался тотъ, безсмысленно ворочая глазами, — это я-то?

— Да, ты-то... Хочешь, къ старостѣ сведу?

Мужичонка клюнулся на сторону, высморкался въ рукавъ, поднялъ четырехугольно-простриженный лобъ и проговорилъ: — Веди!

Астреинъ преспокойно повелъ мужика за воротъ. Баба посмотрѣла вслѣдъ, почесала спину и поплелась въ сторону черезъ пашню. Мезенскій придержалъ лошадь и подождалъ Астреина.

— Кто мнѣ указъ? ворчалъ арестованный, впрочемъ совершенно пассивно повинуясь тащившей рукѣ: — кто могитъ?... жена моя?...

— Твоя! отвѣтилъ Астреинъ.

— Ну, и слава Ему, Создателю!...

Такъ-какъ отъ него невыносимо разило сивухой, то Астреинъ повернулъ его въ полоборота и повелъ траверсомъ. Мужикъ и этому не прекословилъ, только замѣтилъ: — Ступай

шибче: упаду — отвѣтишь! и продолжалъ бормотать:—А я ее... дай срокъ... А я ее... вокакъ рознесу!... Астреину скоро наскучила эта процедура. Давъ бабѣ скрыться изъ виду, онъ выпустилъ и мужика; но тотъ все шелъ за одноколкой и сталъ ругаться... Такъ подъѣхали къ самой чертѣ завода. Рабочіе не безъ удивленія кланялись, глядя на тріо.

— Нашъ Егорка опять пьянъ!

— Пьянъ да уменъ — два угодья въ іомъ, пробурчалъ Егорка, оглядывая всю толпу, двинулся вкось и сѣлъ на-земь.

— Уберите-ка его, сказалъ Мезенскій.

— Кого? меня?... вскочилъ мужикъ и, раскачиваясь на мѣстѣ, подбоченился съ вызывающимъ взглядомъ... Нѣтъ — меня, Борисъ Павлычъ, за эти дѣла надо подъ шуръ отдать...

Рабочіе захохотали.

— Шуровать хочетъ, старину вспомнилъ, на штрафную работу, объяснилъ Борисъ.— Ну, гдѣ тебѣ шуровать! проспись лучше...

— Нѣтъ, я еще другихъ поучу, какъ шуровать... Вò-какъ! проговорилъ онъ, пускаясь бѣгомъ въ гуту.

Мезенскій взялъ подъ-руку Астреина и пошелъ, посмѣиваясь, подъ темные своды завода, гдѣ свѣтились окна верхней части печей со

вмазанными въ нихъ котлами, въ которыхъ топилось ярко-красное стекло. Нижняя часть этихъ печей находится въ подпольѣ, и тамъ огонь топки прямо подогрѣваетъ днище котла.

Въ жизни часто весьма кстати случаются катастрофы, необыкновенно просто и логически вытекающія изъ предшествующихъ событій; но свидѣтели ихъ всегда при этомъ разводятъ руками, удивляются, приговаривая: «вотъ тебѣ разъ!» или что-нибудь въ этомъ родѣ, какъ-будто бабушка-жизнь не даетъ этихъ разовъ цѣлыми десятками.

Мезенскій стоялъ у одного изъ оконъ печи, объясняя Астреину ея устройство, какъ вдругъ котелъ звякнулъ—и вся масса расплавленнаго стекла ухнула въ подполье... Почти вслѣдъ за этимъ оттуда взбѣжали по лѣстницѣ человѣка три шуралей съ крикомъ: «Братцы, бѣда!»

Мезенскій бросился внизъ по лѣстницѣ, Астреинъ за нимъ, — и оба остановились на предпослѣдней ступенькѣ: передъ ними еще расплывалась по полу масса стекла, сплотясь какимъ-то яркимъ комомъ возлѣ печи...

— Ахъ, разбойникъ! Это онъ полѣномъ пустилъ, пробилъ котелъ... вотъ и полѣно... Да гдѣ-жъ онъ самъ-то?... Мезенскій бродилъ глазами вокругъ, остановилъ ихъ на огненномъ

комкѣ стекла—и невыразимый ужасъ зашевелилъ его волосы; но онъ все еще не вѣрилъ глазамъ своимъ и продолжалъ упорно глядѣть на сплавленную массу. Комокъ, медленно охлаждаясь, переливался пурпуромъ, потомъ принялъ бурый цвѣтъ; по немъ забѣгали зеленоватыя жилки...

— Смотри, смотри! прошепталъ Мезенскій, стиснувъ руку Астреина...

Комокъ весь позеленѣлъ, и въ прозрачной стеклянной массѣ обрисовалась скорченная, въ уголь спаленная человѣческая фигура...

Одна стихійная сила поглотила другую.

Астреинъ какъ сумашедшій выбѣжалъ на свѣтъ и воздухъ изъ ужаснаго подземелья—и бросился въ одноколку. Немного спустя, и Мезенскій, блѣдный, разстроенный, присоединился къ нему и, медленно разобравъ возжи, молча поѣхалъ заводомъ...

— Что, братъ? началъ Астреинъ, когда они выбрались за околицу, и вновь раскинулись передъ ними широкія поля: — или тебѣ ужъ не въпервой, привыкъ?

— Къ этому не привыкнешь, сумрачно отвѣтилъ Борисъ.

— А я вотъ заграницей, въ Берлинѣ кажется, насмотрѣлся на разныхъ насѣкомыхъ,

залитыхъ въ янтарѣ; ну, а эдакой рѣдкости не видывалъ... Не продажная ли? я бы у себя на селѣ на показъ выставилъ своимъ землякамъ...

Но внутри его говорилъ другой голосъ, и кощунство неумѣстной шутки не глушило его...

«Нѣтъ, не имъ, а себѣ заруби его на память. Они будутъ имѣть очи — и не увидятъ; покачаютъ головой, да и скажутъ: «на, молъ, поди, какой случай вышелъ! что̀ человѣку на роду написано»... Себѣ заруби. Ты понимаешь, что этого никакому человѣку на роду не пишется; а кому изъ этихъ бывшихъ твоихъ людей помогъ ты сдѣлаться человѣкомъ?»

И голосъ этотъ противъ воли облекался въ плоть и кровь, принималъ прекрасный образъ, и жгучею болью звучали слова презрѣнія: — На что ты негодуешь? Что ты самъ-то сдѣлалъ для этой бѣдной русской жизни?

Версты три подальше одноколка остановилась на берегу рѣки. Серебристая лента ея то пряталась въ илистыхъ берегахъ, то просвѣчивала въ густой каймѣ кустовъ и деревьевъ, давала излучину и чуть видными проблесками терялась въ поемныхъ лугахъ. Съ того берега двигался паромъ, управляемый сѣдымъ какъ лунь старикашкой въ бѣлой рубахѣ и лаптяхъ.

— Здоровъ ли, Федулычъ? окликнулъ Мезенскій, сводя лошадь на шаткія доски.

— Живу, кормилецъ, живу помаленьку, зашамкалъ старикъ, выкрехтывая слова: — знахарь сказывалъ: тяни молъ паромъ-то на здоровье; пока тянешь, потоль и живъ... Сто девятый вѣдь съ Покрова-то пошелъ... Прадѣдушку твоего еще важивалъ.

Мезенскій сильно налегъ на канатъ. Паромъ наддалъ, и тотъ берегъ, ровно и плавно бѣжавшій навстрѣчу, тоже словно прыти прибавилъ. Вода ложбинками крутилась у столбовъ. Нѣсколько дальше, внизъ по теченію рѣка широкимъ заводьемъ вдавалась въ отлого-песчаный берегъ: здѣсь обыкновенно грузились пароходы Мезенскаго, идущіе въ Нижній на Макарьевскую, а самое мѣсто называлось *Астреина пристань.* На томъ берегу ютились вразбросъ деревеньки, родовыя имѣнія той отрасли Астреиныхъ, которую обошло жалованное графство. Послѣдній представитель ея въ прошломъ поколѣніи, отецъ Астреина, былъ уѣзднымъ предводителемъ. У него были свой театръ и крѣпостной кордебалетъ (особенно отличались Устюжка въ сильфидѣ и Дунька въ пери), безчисленная псарня и французъ-метр-дотель. Астреинъ, разумѣется, унаслѣдовалъ имѣнія

въ залогѣ и перезалогѣ. Онъ тогда былъ еще студентомъ-юристомъ и сильно занимался политической экономіей. Но его какъ-то угораздило попасть въ исторію и прокатиться, не кончивъ курса, внизъ по матушкѣ по Волгѣ. Вернувшись оттуда, онъ совсѣмъ-было собрался въ деревню поправлять дѣла, да вдругъ увлекся заѣзжей оперной феей и махнулъ за ней до Парижа. А потомъ ужъ онъ такъ отвыкъ отъ всякаго дѣла, что поступилъ въ россійскіе фельетонисты и тянулъ день за день въ Москвѣ. Имѣніями завѣдывали Мезенскіе, а самъ онъ и двухъ разъ не побывалъ какъ слѣдуетъ на родинѣ.

Казенные долги мало-по-малу погасились; но владѣлецъ принялъ другую систему и дѣлалъ частные, подъ огромные проценты, въ счетъ какихъ-то будущихъ благъ... Эти гипотетическія блага неожиданно для него самого олицетворились въ выкупной суммѣ, и онъ наконецъ расплатился въ тотъ самый день, когда кредиторъ хотѣлъ засадить его...

Громыхнули колеса на утлыхъ доскахъ парома, вынесли одноколку на крутой скатъ берега,—и вотъ оно, заброшенное для безтолковой толкотни на рынкѣ мелкихъ страстей и пошлыхъ интересовъ, крытое дранью, сквозя-

щее рѣшетомъ, голодное-холодное, все какъ на ладонкѣ, развернулось передъ владѣльцемъ. Онъ то и дѣло подхлестывалъ бичемъ лошадь, чтобъ не видать этихъ черныхъ, косыхъ избенокъ съ клочьями соломы въ разбитыхъ стеклахъ, замореннаго скота, тамъ и сямъ провожавшаго экипажъ неотвязно-жалобнымъ взглядомъ, — и сердце ёкнуло въ немъ отъ щемящаго напѣва, подъ который на выгонѣ игралъ хороводъ...

«Какъ ударилъ парень дѣвицу
«По бѣлому лицу,
«По румяной по щекѣ,
«По земчужной по сергѣ»...

— Ишь какъ ловко потрафилъ, ажъ въ ухо свиснулъ! Чѣмъ не пѣсня: съ измалѣтства обучаются, проговорилъ Астреинъ.

Не весело глянулъ на него и господскій домъ съ колонками на помостѣ крыльца, въ которомъ разъѣхавшіяся плиты покрылись какой-то зеленцой, и въ одно изъ крайнихъ оконъ, выпирая стекло, лѣзла вѣтка черемухи.

Взъерошенный, весь нанковый мальчишка гулко растворилъ стеклянную дверь, и Астреинъ соскочилъ на крыльцо.

— А ты развѣ не зайдешь къ управляющему? спросилъ Мезенскій въ догонку.

— Приду... послѣ, глухо отозвался тотъ въ сѣняхъ точно совсѣмъ пустаго дома.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пристань.

Мезенскій обогнулъ господскій домъ и погналъ къ стоявшей на пригоркѣ по-надъ рѣкой усадьбѣ управляющаго. Чистенькій, новенькій двухэтажный тесовый домикъ, съ обводной галлереей на столбахъ и выдающимся навѣсомъ желѣзной крыши, весь обсаженный кудрявыми березками, сквозь зелень которыхъ плутовски сверкали глянцовитыя окна, словно швейцарская игрушка, тѣшилъ глазъ, выступая на темной зелени сада.

Борисъ привязалъ коня къ столбу и взбѣжалъ по лѣсенкѣ на галлерею.

Привинченная на кругломъ столикѣ стальная птичка держала въ носикѣ повидимому только-что брошенное шитье. Въ отворенную дверь съ галлереи виднѣлась уютная гостиная. На порогѣ бѣлокурая крошка шила себѣ платье. Ея рученки выводили неправильную, кривую строчку, наперстокъ не слушался, но лицо швеи

отличалось тѣмъ большею строгостью и самымъ напряженнымъ вниманіемъ.

— Здравствуй, сказалъ Мезенскій, садясь возлѣ нея на полъ:— а мама гдѣ?

Дѣвочка закончила строчку, привстала и расправила передъ собой, держа за рукава, это платье, казавшееся ей такимъ большимъ, широкимъ и пышнымъ...

— Все сама, тихо и важно проговорила она, глянувъ на него голубыми глазенками, и перекусила ниточку.—Мама сейчасъ придетъ...

Почти за словомъ, въ гостиную вошла Люба. Синій шелковый сарафанъ, кисейная рубашка, гладко причесанные, по-дѣвичьи заплетенные въ двѣ косы русые волосы—еще рѣзче выдѣляли бѣлизну и свѣжесть слегка пополнѣвшаго лица...

Мезенскій переступилъ порогъ, и она, вся расцвѣтая улыбкой, подошла къ Борису, положила ему руки на плечи...

— Видѣла, какъ вы ѣхали... Что, усталъ? Какой ты пыльный!—Она достала изъ кармашка тонкій платокъ, заботливо обмахнула его лицо. — И вотъ опять эта противная складочка на лбу! Тебя чѣмъ-то разстроили... Ну, садись ко мнѣ, разсказывай... Она потянула его за руки на диванъ.

— Вѣдь сама знаешь, если и было что, такъ за тѣмъ берегомъ осталось, улыбнулся Мезенскій.

— Нѣтъ, вы не смѣйте мнѣ такъ говорить, перебила она, нетерпѣливо притопнувъ. — Не на то я сюда шла... Ну-съ, огорчайте...

— Полно, родная, сказалъ Мезенскій:—смотри, вотъ и нѣтъ ничего... Вотъ мы сейчасъ съ Лелей танцовать будемъ, обратился онъ къ дѣвочкѣ, которая вошла въ комнату съ цѣлымъ ворохомъ работы...

— Нѣтъ, серьезно проговорила та: — надо маминъ секретъ спрятать...

— А у тебя секреты завелись? засмѣялся Мезенскій: — что жъ это такое? и онъ протянулъ руку къ работѣ...

Люба быстро вскочила съ мѣста и загородила работу. Яркая вспышка разлилась у нея по лицу и по шейкѣ...

— Не смѣйте трогать — это не про васъ... это васъ вовсе не касается... Леля, душечка, бѣги скорѣе!.. Гдѣ же нашъ другъ дома? тихо прибавила Люба, осиливая волненіе:—придетъ онъ? давно ли онъ пріѣхалъ?

— Придетъ, отвѣтилъ Борисъ. — Какая ты все еще дѣвочка у меня... Вѣрно какой-нибудь подарокъ готовишь?

— Да гдѣ жъ это тетенька? схитрила она послѣдней попыткой.

— Тута я, тута, отозвался голосъ Мавры Савишны вмѣстѣ со звономъ чашекъ въ сосѣдней комнатѣ. Они вошли туда.

— Здраствуй-ка, Борисъ Павлычъ, хлопотала старушка:—а мы тутъ заждались васъ... Любушка-то не разъ тосковала... Что-то, говоритъ, тетенька, пятый день не бывалъ...

— И неправда, неправда, живо перебила Люба:—точно я не знаю, сколько ему хлопотъ... Попробуй-ка онъ для меня пошабашить — я сейчасъ: мое почтенье, и маршъ въ Москву.

— Опять по тюрьмамъ, въ больницы, къ нищей братіи? засмѣялся Борисъ...

— А вамъ ужь успѣли разсказать?.. Ну и пусть, но вы не смѣйтесь надо-мною. Помните, я вамъ говорила, что дала себѣ обѣтъ, на случай, если сбудется то большое счастье, о которомъ я все мечтала съ перваго свиданья съ вами... Въ ту страшную ночь, когда мнѣ показалось, что я теряю васъ навсегда, я вспомнила объ этомъ обѣтѣ и сочла свое горе наказаніемъ за мою забывчивость... Тутъ я дала себѣ слово выполнить это обѣщаніе во что бы то ни стало—и даже вы сами не могли удержать меня на самыхъ первыхъ порахъ мо-

*

его большаго счастія... Вотъ зачѣмъ потянуло меня въ эти тюрьмы, въ больницы, къ нищей братіи... Да; вѣдь это по-вашему все пузыри, ну такъ вотъ я вамъ въ наказаніе и примусь за нихъ; а самое-то болото, откуда они поднимаются, пускай здѣсь на вашихъ плечахъ останется... Какъ начнетъ оно засасывать, вотъ вы и хватитесь Любы; а Люба тютю! Николай Дементьичъ опять предложеніе сдѣлаетъ, а Юрій Васильевичъ по-старому будетъ учить какому-то соці... со... ціализму. Они же кстати меня совсѣмъ *дѣвочкой* считаютъ, лукаво подчеркнула Люба: — ну, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ...

— Слышите, Мавра Савишна, какія угрозы! Видно, мнѣ одна судьба съ Федулычемъ: тяни лямку до конца, весело сказалъ Мезенскій, садясь къ столу.

Пришелъ и Астреинъ. Люба при немъ тотчасъ пріостепенилась и съ забавнымъ достоинствомъ молодой хозяйки принялась разливать чай, распрашивая о пріѣздѣ, о Лидочкѣ, о Натальѣ Николаевнѣ.

— Да что вы такимъ сентябремъ, Александръ Петровичъ? спросила она:—гдѣ же вашъ управляющій?

— Еремѣичъ тамъ на рѣкѣ, тоню заводитъ, отвѣтилъ Астреинъ.

— Ты его не трогай: другъ дома нахохлился, шутливо сказалъ Борисъ.

Астреинъ нехотя улыбнулся; а Леля взобралась къ нему на колѣна и стала теребить за бородку, напѣвая: жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ... Потомъ потащила самое бабушку Мавру Савишну смотрѣть на тоню... Астреинъ тоже побрелъ-было за ними, но отъ двери вернулся...

— Когда пріѣдешь домой, сказалъ онъ, подойдя къ Мезенскому:—извинись пожалуйста за меня, что я такъ неожиданно и не простясь уѣхалъ...

— Ты остаешься здѣсь? изумился Мезенскій.

— Да, я думалъ-было вернуться вмѣстѣ съ тобой, но дѣла крайней важности задержатъ меня здѣсь, ненадолго... Пожалуйста же уладь это...

Онъ еще разъ пожалъ ему руку и ушелъ.

— Я еще никогда не видывалъ его такимъ чудакомъ, сказалъ Мезенскій, глядя ему вслѣдъ:— онъ со вчерашняго вечера дѣйствуетъ какъ во снѣ: придетъ-уйдетъ, и все это такъ безтолку; ясно, что онъ самъ не знаетъ, куда дѣваться...

— Можетъ быть это къ добру, задумчиво проговорила Люба.—Я по себѣ знаю: мнѣ всегда такъ трудно бывало .. какъ это сказать... не то, чтобъ отрываться отъ прошлаго, а войти въ небывалое еще, освоиться на новомъ мѣстѣ...

— Дай Богъ, ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело смотрѣть на него... Вѣдь это мы же нѣсколько виноваты... Прошлой зимой, какъ я упросилъ его ѣхать съ нами и онъ долженъ былъ на время оставить эту бѣдную Дашу, не говоря, зачѣмъ и куда ѣдетъ,—могъ ли я думать, что она не повѣритъ ему на слово? могъ ли я предвидѣть, что ты, воротясь, найдешь ее при смерти?

— О, неужели ты все еще думаешь, что она умерла съ горя? слегка вскрикнула Люба:— полно, голубчикъ, она сама знала, что болѣзнь ея давнишняя и непремѣнно взяла бы свое... Она не разъ мнѣ и говорила это, даже въ самый день смерти, когда у меня не хватило силъ таить отъ нея, что мы его увезли и я разсказала ей всю нашу исторію. Тутъ я призналась ей, что уже дня два тому назадъ послали ему телеграмму... Такъ она — какая это добрая душа! — взяла съ меня слово, что я сперва даже поддержу въ немъ твою мысль, чтобъ смерть ея не пропала для него даромъ...

Это ея подлинныя слова... А если онъ, вмѣсто того чтобъ отрезвиться, придетъ въ отчаяніе, тогда только сказать ему правду. И я до сихъ поръ еще не вижу въ этомъ никакой надобности; я передала ему только послѣдній завѣтъ ея...

— Люба моя! сказалъ Мезенскій, сильно растроганный:—а я-то еще дѣвочкой тебя назвалъ! Что, если это и въ самомъ дѣлѣ такъ?... если она и теперь еще, невѣдомо себѣ, принимаетъ въ немъ участіе и какъ бы живетъ въ его судьбѣ? Какая это отрадная мысль!...

Увлеченные разговоромъ, они безсознательно ходили изъ одной комнаты въ другую, сплетясь руками у стана. Мезенскій остановился наконецъ надъ рабочимъ столикомъ, заваленнымъ давешней работой, взглянулъ... и сердце въ немъ покатилось отъ одного взгляда на это шитье, передъ которымъ даже Лелино платьице казалось великаномъ.

— Любочка! вскрикнулъ онъ... Люба стояла передъ нимъ, какъ виноватая, опустивъ рѣсницы надъ пылавшими щеками... Глаза ихъ встрѣтились на минуту и снова уклонились... У Любы выкатилась слеза и медлительной струйкой сбѣжала по лицу...

— Ангелъ мой!... Счастье мое! шепталъ Мезенскій, привлекая ее къ себѣ...

— Видѣлъ? понялъ теперь? залепетала она, вся въ слезахъ, склонясь къ нему на грудь, и замолкла. Мезенскій невольно обратилъ взглядъ на висѣвшую въ тонкомъ золотомъ ободкѣ превосходную гравюру Благовѣщенія. Пречистая Дѣва въ благоговѣйномъ ужасѣ приникла къ аналою; надъ ней, развѣваясь легкой дымкой и лучезарно сіяя кроткимъ ликомъ, нисходилъ вѣстникъ высокаго торжества; внизу на бѣлой выпушкѣ гравюры стояла подпись: «Сестрѣ и другу Любѣ М... Александръ Астреинъ».

Что это? Не вся ли жизнь ихъ слилась въ мигъ полета этого тихаго ангела? Долго ли они простояли такъ, держа другъ друга въ тихомъ святомъ объятіи? ..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Другая ночь въ лѣсу.

Вечеркомъ всѣ опять собрались на лавочкѣ подъ навѣсомъ галлереи. Люба чистила къ ужину ягоды, только-что купленныя у крестьян-

скихъ дѣвушекъ; эти сельскія невинности, отъ жары что ли, явились въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, съ цвѣтами въ волосахъ, съ изобиліемъ бусъ на шеѣ, — и, вѣроятно не имѣя понятія о ходячей монетѣ, низачто не хотѣли продать своихъ лукошекъ за деньги, требуя въ уплату лоскутковъ: оно впрочемъ выходило вчетверо дороже.

Мезенскій лежалъ на теплой муравѣ; Астреинъ возлѣ него игралъ съ Лелей въ капустку; она успѣла уже вымазать себѣ щеку и руки въ ягодахъ. Солнце тонуло въ пыльно-розовой полосѣ надъ рощей; длинныя кудрявыя тѣни березъ сплелись и сплотились въ общій сумракъ, и самое небо надъ гаснущей зарей приняло зеленоватый цвѣтъ. Голубой дымокъ выступалъ по опушкѣ дальняго лѣса и обвивалъ ее легкимъ облачкомъ.

— А вѣдь это лѣсъ горитъ! сказалъ Мезенскій, тронувъ Астреина по плечу.

— Нѣтъ, это деготь гонятъ, безпечно отвѣтилъ тотъ, подставляя руки Лелѣ...

— Да развѣ отъ дегтя такой дымъ?

— Ну, такъ уголь жгутъ—что-то въ этомъ родѣ мнѣ давеча Еремѣичъ говорилъ...

— Да ты бы съѣздилъ, засмѣялся Борисъ.

— Ну, вотъ ужъ сейчасъ и поѣзжай .. Дай

мнѣ съ духомъ-то собраться: вѣдь машины и той сразу не пустишь въ ходъ. Чего стоитъ одно маховое колесо сдвинуть, а тамъ помаленьку разойдется—и почти одной своей живой силы довольно; вотъ завтра же примусь: утро вечера мудренѣе.

— Ну, а если до утра-то лѣсъ до-тла выгоритъ?

— Ну, погоди: разгорится, тамъ виднѣй будетъ; Леля — тебѣ!

Оно дѣйствительно виднѣй стало, когда стемнѣло и всѣ послѣ ужина вышли на галлерею.

Рѣка словно въ черной безднѣ лежала плоской полосой вороненой стали, а посередкѣ стрѣльнулъ золотистый конусъ мѣсяца и по немъ бѣжитъ рябь воды. Правѣй огоньки поселка и ломаная черта крышъ на слабомъ остаткѣ зари. Черная зубчатка лѣса вдали сливалась съ землею, а надъ ней трепетало и вспыхивало легкое зарево; на берегъ высыпали крестьяне и четко слышался ихъ разговоръ...

— То-то и жарко же горитъ, братики! раздавалось въ потемкахъ:—такъ и полыхаетъ!

— Лѣтошное дѣло, теперь по всему трахту горятъ, отзывается другой гость на деревѣ.

— Чай лѣсникъ-то въ одной руба-а-шкѣ

выскочилъ, жалобно тянетъ рослый парень, скрестивъ руки.

— Эка умная голова! досадливо крикнулъ Мезенскій, сбѣгая къ нимъ вмѣстѣ съ Астреинымъ: — ну, въ чемъ теперь люди, въ тулупахъ, что ли!... Вѣдь вотъ будете толковать, кто въ чемъ выскочилъ, а ни одинъ съ мѣста не двинется... Давно бы тамъ были!...

— Да оно тыё, заговорилъ одинъ мужикъ, почесывая затылокъ, и вдругъ затараторилъ: — чаво стоимъ, на-прямки двухъ верстъ не будетъ.

Астреинъ велѣлъ подать одноколку.

— Надо помочь, братики... Чаво баньки пялить? надумался другой.

— Вѣдь когда еще было сказано, а какъ медленно звукъ-то распространяется, замѣтилъ Астреинъ.

— Погоди еще, улыбнулся Борисъ: — теперь всѣ тамъ будутъ, а до иныхъ только на разсвѣтѣ дойдетъ...

Они сѣли въ одноколку и погнали, что есть духу; деревья, бугры, полосы хлѣба такъ и скакали мимо. Зубчатая, черная стѣна съ красноватымъ заревомъ все подвигалась къ нимъ.

— Стой! крикнулъ Мезенскій, — возьмемъ

пашней, ближе... Привяжи лошадь и догоняй меня.

Астреинъ привязалъ лошадь къ дереву и ну догонять Мезенскаго; ботинки его вязли въ рыхлой почвѣ; онъ запыхался, но все держалъ на зарево и у самой опушки наткнулся на Бориса.

— Ну, не отставай же! крикнулъ тотъ обернувшись.

— Да, не отставай! разсуждалъ Астреинъ, продираясь въ орѣшникѣ и чувствуя, что роса прохватываетъ его ноги: — тутъ чортъ знаетъ чего натыкано... того и гляди — глазъ выколешь.

Астреинъ кидался на голосъ, и вѣтки били его по лицу; березы какъ-то глупо мелькали на бѣгу; свѣтъ мѣсяца пересыпался металлическими блестками на листвѣ; сильный и неровный шорохъ вѣтра шепталъ по всему лѣсу, словно жарилось и шипѣло что-то въ необъятной печи... Немного дальше Астреинъ вдругъ остановился: подъ ногами, глубоко прорѣзавъ землю черной трещиной, ворчала вода; безлистный, мѣстами ободранный стволъ осины, гладко сіяя, лежалъ черезъ потокъ. Осторожно перебравшись, Астреинъ услыхалъ смѣшанный гулъ и говоръ, который скоро совсѣмъ отдѣ-

лился отъ шума воды, и явственнѣй обозначились голоса. Еще нѣсколько шаговъ—и стало свѣтлѣть, какъ будто заря занималась; вспыхнетъ красноватый метеоръ, и черно стоятъ пни съ вырѣзками листвы; потемнѣетъ на минуту, а тамъ у самыхъ ногъ освѣтитъ бѣлую шапочку ромашки; пахнуло гарью; въ лицо начало вѣятьжаромъ... Вотъ и вся толпа крестьянъ въ разсыпную... Красноватыя лица, лезвія топоровъ, смятеніе; но гдѣ же пожаръ? гдѣ пламя? Вотъ едва замѣтныя струйки пробираются въ корѣ стараго дерева, и человѣкъ пять разомъ глушатъ ихъ зелеными вѣтвями, разбрасывая искры. Вотъ что-то горячо ногѣ; земля слегка пучится у корня, трескается, пуфъ! — бѣлый дымокъ, раскаленные угли... Вотъ трава корчится, дымится, искорки несутся по воздуху... Бѣлый дымъ рвется отовсюду и столбами уносится кверху. Горитъ земля, горитъ трава, горятъ деревья, — и нигдѣ нѣтъ пламени; огонь идетъ по корнямъ, въ подземныхъ траншеяхъ. Но вотъ запылала куча хворосту—и такъ и подластился отсвѣтъ къ бѣлому исподу одинокаго тополя...

Яркій свѣтъ, красный языкъ пламени межъ вѣтвей; крики: майданъ! майданъ загорѣлся!...

— Пусть горитъ! громче всѣхъ кричалъ

Мезенскій:—майданъ глубокій, не выброситъ!

Лисица, какъ шальная, вырвалась на просѣку, кинулась подъ ноги одному, другому, перелилась золотымъ отливомъ и пропала въ лѣсъ; хохотъ: «ахъ, мадамъ, мадамъ, юбки горятъ!»

— Что? спрашивалъ растерянный Астреинъ: —майданъ? мадамъ? что такое?

— А деготь, отвѣтилъ мужикъ: — лѣтось ушелъ изъ майдана, такъ вотъ ровно тебѣ змѣи огненные по лѣсу-то ползутъ...

— Сторонись! гаркнуло слѣва въ страшномъ трескѣ. Мезенскій едва успѣлъ схватить Астреина за руку и отбросить, какъ мячъ всторону.

Темная, искристая масса, разсѣкая воздухъ, накренилась и грохнула на-земь, гулко разбросавъ цѣлый дождь головѣшекъ...

— Дерево повалили, успокоилъ Мезенскій, видя, что кузенъ почти помѣшанно таращитъ глаза. — Такъ ничего не подѣлаемъ; ей! выходи сюда, становись ко мнѣ! кричалъ онъ крестьянамъ. — Кто еще тутъ? раздался его голосъ ужъ въ толпѣ двигавшихся людей, подходившихъ, опустя топоры и придерживая калпаки.

— Вотъ они мы тутъ! отозвались голоса, уже знакомые Астреину.

— Брось, ребята, здѣсь пропащее дѣло, распорядился Борисъ: — за мной на просѣку; надо канавы рыть; человѣкъ пятокъ останься, — глушите здѣсь! Астреинъ схватилъ топоръ и давай рубить вѣтви; онъ дѣйствовалъ съ такой энергіей, какъ-будто отъ этого зависѣла самая жизнь его. Мужики подхватывали падавшія метлы и глушили огонь; онъ сѣлъ на пенекъ и любовался лѣсомъ, выглядывавшимъ то озаренною стѣною листвы на синемъ сумракѣ неба, то черной зубчаткой на заревѣ; но скоро жаръ сталъ невыносимъ, и Астреинъ пошелъ отыскивать Мезенскаго. Звонко стучали по лѣсу топоры; трещала и валилась молодая сѣчь; расчищали просѣку, рыли канавы. Астреинъ и здѣсь не отставалъ: на лбу его крупными каплями выступала испарина, ладони вспухли чуть не до мозолей отъ заступа, спину больно стало разгибать, но онъ все не бросалъ работы.

Часа три спустя, въ конецъ измученный, онъ шелъ подъ руку съ Борисомъ по лѣсной тропинкѣ. Запахъ гари слабѣлъ; межъ верхушекъ деревьевъ засинѣло небо; почти всѣ звѣзды погасли; только высоко на востокѣ свѣтилъ мѣсяцъ, да пониже и влѣво алмазный стожаръ. Тропинка закрутилась-завилась и вы-

вела къ избѣ лѣсника. На стукъ въ калитку, вышелъ коренастый мужикъ и, поднявъ передъ собою фонарь, освѣтилъ разомъ и гостей и свое широкое, свѣжее лицо съ широкимъ лбомъ и серебристыми кудрями. Они должно быть ужъ видѣлись на пожарѣ, потому что онъ прямо повелъ гостей сѣнями, гдѣ на потолкѣ были развѣшаны травы и пахло зорей, звѣробоемъ; потомъ черезъ чистый дворъ, на пчельню. Астреинъ тотчасъ повалился въ душистое сѣно подъ навѣсъ шалаша.

— Ну, спасибо, сказалъ онъ, пожавъ руку Мезенскому: — одному-то мнѣ и сюда бы не дойдти. Я понятія не имѣлъ, какъ можно устать... Борисъ простился съ нимъ и пошелъ съ лѣсникомъ отыскивать лошадь: ему засвѣтло хотѣлось поспѣть на заводъ.

Астреинъ закинулъ руки подъ голову. Высокія деревья и сѣрыя колодки пчелъ слипались у него въ глазахъ; но долго еще не унималось волненіе крови.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Астреинъ дѣятель въ средѣ общественныхъ дѣятелей.

Пріятно проснулся Астреинъ.

Утро было свѣжее, свѣтлое. На столикѣ шумѣлъ самоваръ, до такой степени сливаясь съ жужжаньемъ пчелъ, — что не различишь, что онъ, что пчела. Лѣсникъ расхаживалъ у колодокъ, поглядывая молодыхъ роевъ; пчелы кружились вокругъ него, садились на лицо, на шею, на руки, ничѣмъ не прикрытыя; онъ подносилъ руку къ глазамъ, внимательно разсматривалъ пчелу и слегка дулъ на нее; пчела расправляла крылья, улетала, а лѣсникъ-знахарь запѣвалъ чистымъ груднымъ голосомъ: Чудны дѣла твои, Господи!

Астреинъ потянулся, ощущая въ себѣ непривычную бодрость и какую-то боевую энергію...

У него было дѣло. Прудъ генерала Осинина прошлаго года прорвалъ плотину, ушелъ и затопилъ у крестьянъ Астреина луга. Генералъ пріѣхалъ на мѣсто съ ружьемъ и собакой, нашелъ тинистое дно пруда покрытымъ роскошной растительностью, заполевалъ штукъ двад-

цать бекасовъ, тряхнулъ плечомъ и сказалъ:— Помилуй Богъ, браво! Весьма!

Но крестьяне Астреина думали розно: они бекасовъ не стрѣляли и пожаловались посреднику.

Посредникъ присудилъ генерала заплатить убытки. Генералъ отказался платить. Дѣло пошло дальше, и дальше, и наконецъ уѣздный исправникъ получилъ предписаніе взыскать слѣдующія деньги. Исправникъ самъ отправился къ генералу и почему-то не взыскалъ. Крестьяне обратились къ Астреину. Тотъ написалъ исправнику шутливое письмо, что, дескать, принявъ на себя хлопоты по дѣлу бывшихъ своихъ крестьянъ, съ условіемъ не получать отъ нихъ вознагражденія за хлопоты, впредь до уплаты слѣдуемой имъ суммы съ генерала Осинина, онъ лишенъ теперь всякихъ средствъ къ существованію и, буде г. исправникъ не пожелаетъ принять мѣръ къ скорѣйшему взысканію, то онъ, ходатай, сочтетъ это за позволеніе жить на счетъ г. исправника. Исправникъ разумѣется посмѣялся, а самъ ходатай черезъ недѣлю и думать забылъ о процессѣ.

Теперь Астреинъ ѣхалъ къ генералу Осинину для личныхъ переговоровъ, надѣясь какънибудь склонить его путемъ убѣжденія. Гене-

ралъ въ этотъ день самъ собирался на мировой съѣздъ, и по этому случаю, наглухо закованный въ мундиръ, величественно стоялъ передъ зеркаломъ...

— Господа! говорилъ онъ громко и четко, поднявъ руку и выставивъ ногу съ краснымъ лампасомъ: — господа, русская аристократія всегда была, есть и будетъ... Или нѣтъ... (Онъ шагнулъ впередъ). Господа! дворянская грамота—этотъ палладіумъ россійскаго государства... Да, это будетъ лучше... Онъ ударилъ себя въ грудь съ такою силою и такъ закинулъ голову, что чуть не потерялъ равновѣсія.

— Ваше превосходительство, робко доложилъ лакей...

— Пошелъ къ чорту! закричалъ генералъ, внезапно побагровѣвъ и топнувъ со звономъ шпоръ.

Лакей вытянулся и вышелъ на ципочкахъ къ Астреину въ пріемную.

— У генерала вѣрно гости? спросилъ тотъ.

Лакей до того смутился, что пробормоталъ:— Не могу знать.

— Господа! слышалось въ кабинетѣ:—палладіумъ съ 1862 года на глазахъ нашихъ... Канальи! вѣчно спутаютъ всѣ идеи! Эй, ты! остолопъ!

Лакей ушелъ на зовъ; послышался тихій говоръ...

— Весьма радъ, заговорилъ генералъ, выходя къ Астреину:—я кажется видалъ васъ у Мезенскихъ?

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть у нихъ ваше семейство, генералъ, отвѣтилъ Астреинъ.

— Весьма благодаренъ за посѣщеніе; жаль, что не могу вамъ удѣлить много времени, спѣшу въ городъ... Allons trouver ma femme... Une ois ici, vous étes de la maison...

— Я по дѣлу, генералъ... И Астреинъ на скоро объяснилъ цѣль своего посѣщенія.

— Какъ, и вы? и вы туда же? съ азартомъ крикнулъ генералъ:—mais c'est lese-aristocratie! Vous dérogez à la noblesse, mon cher!

— Какой же lese и въ чемъ я дерожирую, mon cher général? Вы заливаете крестьянскіе луга,—на это ваша добрая воля, и никто вамъ не препятствуетъ...

— Я, милостивый государь, у своихъ сосѣдей-дворянъ заливалъ, поля ихъ вытаптывалъ, и они даже за честь считали сдѣлать мнѣ одолженіе.

— Ужъ вы будьте милостивы, простите моихъ бѣдныхъ мужичковъ, что они этого не ра-

зумѣютъ... Народъ не ученый, ваше превосходительство.

— Народъ распущенный-съ, перебилъ генералъ: — это все ваша эмансипація надѣлала! Mais attendez! On y mettra bon ordre! Хорошо, что еще во время спохватились! Пора! пора! строго прибавилъ онъ.

— Но однако — слыхали ли вы, генералъ, какъ скворецъ соловьемъ поетъ?

— Скверно, я думаю! хватилъ тотъ, сгоряча не сообразивъ.

— Весьма, разсудительно подтвердилъ Астреинъ—даже неприлично выходитъ: словно о крѣпостномъ правѣ горюетъ; крылышками вертьверть, а голосу нѣтъ-нѣтъ!

— Вамъ, кажется, угодно, смѣяться? проговорилъ генералъ, сдвигая брови, которыхъ у него не было.

— О, помилуйте... Я только желалъ знать, угодно ли вамъ заплатить присужденныя деньги безъ лишнихъ непріятностей...

— Я сейчасъ ѣду самъ въ городъ и буду говорить объ этомъ дѣлѣ, сказалъ генералъ и велѣлъ: *давать*. Экипажъ подали.

— Намъ по дорогѣ будетъ, сказалъ Астреинъ, откланиваясь.

Генералъ накинулъ шинель, сильно запах-

нулъ полой и, бросясь въ коляску, крикнулъ:— Въ городъ!

Астреинъ, какъ зеркало, повторилъ его движенія и еще громче крикнулъ своему кучеру:— Въ городъ каналья!

До города было верстъ пять. Оба тяжущіеся ѣхали рядомъ. Генералъ Осининъ глядѣлъ всторону, отвернувшись отъ истца. Тогда Астреинъ тихо приказывалъ кучеру поотстать, потомъ нагонялъ и равнялся съ нимъ съ другой стороны. Осининъ опять отворачивался... и мучился такимъ образомъ вплоть до города. Генералъ велѣлъ вести себя къ исправнику, Астреинъ велѣлъ слѣдовать за нимъ.

— Дома баринъ? крикнулъ генералъ выбѣжавшему лакею.

— Никакъ нѣтъ-съ, въ управленіи.

— Пошелъ къ управленію!

Коляска покатилась. Астреинъ вошелъ въ домъ.

— Я пріятель барину, сказалъ онъ камердинеру:—онъ звалъ погостить меня къ себѣ...

— Пожалуйте, извольте подождать, говорилъ камердинеръ, вводя гостя въ довольно комфортабельную, хотя и маленькую квартирку.—Позапылились-таки напорядкахъ, сударь.

— Да, такая досада, отвѣтилъ Астреинъ,

подходя къ зеркалу и поправляя волосы. — Нельзя ли мнѣ переодѣться, пока вы потрудитесь почистить мое платье и бѣлье. Баринъ не будетъ въ претензіи на стараго дружищу, а вотъ вамъ за хлопоты...

Астреинъ далъ ему бумажку...

— Помилуйте, напрасно изволите безпокоиться; я завсегда имъ слуга... Пожалуйте къ барину въ кабинетъ, сію минуту готово будетъ... Астреинъ послѣдовалъ за нимъ, присѣлъ на постель, покрытую краснымъ шелковымъ одѣяломъ, сбросилъ все платье и не спѣша облачился въ шелковый халатъ...

— Больше ничего не требуется, проговорилъ онъ, сунувъ ноги въ кованныя туфли, стоявшія на коврѣ; протянулся на постель и взялъ со стола первую попавшуюся книгу.—Спасибо, мой милѣйшій, когда баринъ пріѣдетъ, не говорите ему: я хочу сдѣлать ему сюрпризъ, мы такъ давно съ нимъ не видались...

— Слушаю-съ.

Астреинъ развернулъ книгу и терпѣливо читалъ около часу; потомъ протянулъ руку на столъ и позвонилъ; милѣйшій явился на зовъ.

— А вѣдь я проголодался, сказалъ Астреинъ съ покровительственной улыбкой.

— Да, надо полагать, баринъ гдѣ-нибудь кушаютъ; прикажете подать-съ?

— Сдѣлайте одолженіе; у васъ свой погребъ?

— Свой-съ, какъ же, помилуйте!

— Вы можетъ быть не такъ меня понимаете: какія у васъ есть вина? то-есть, я разумѣю вина въ смыслѣ издѣлій изъ винограднаго сока.

— Такихъ нѣтъ-съ; водки ежели угодно? А то портеръ есть еще...

— Вотъ портеру-то принесите; да вы не трудитесь накрывать на столъ, а сюда подайте на скорую руку: я человѣкъ нецеремонный...

Астреинъ, комфортабельно усѣвшись къ письменному столу, доканчивалъ жаркое, запивая стаканомъ бархатнаго портера, какъ подъ окномъ загудѣлъ колокольчикъ и встала взмыленная тройка съ мѣднымъ наборомъ; за ней коляска генерала. Изъ деревенскаго тарантасика выскочилъ исправникъ; за нимъ Осининъ. Надо было видѣть изумленіе обоихъ, когда они, войдя въ кабинетъ и увидя нежданнаго гостя въ шлафрокѣ, уничтожающаго обѣдъ, обернулись на милѣйшаго; тотъ самодовольно улыбался и потиралъ руки...

— А! здравствуйте, проговорилъ Астреинъ, вытирая салфеткой губы: — милѣйшій, убери это, я совсѣмъ сытъ... Вы получили мое пись-

мо, г. исправникъ, по дѣлу съ г. Осининымъ?

— Получилъ, пробормоталъ исправникъ:— но оно было такъ неясно, что признаюсь, я ничего не понялъ.

— А мнѣ кажется, что въ немъ все было ясно, какъ теперь на барометрѣ, отвѣтилъ Астреинъ:—и я пріѣхалъ воспользоваться всѣми выгодами нашего условія...

— Но позвольте, проговорилъ совершенно сконфуженный исправникъ, — позвольте васъ познакомить: Александръ Петровичъ Астреинъ, его превосходительство Матвѣй Никитичъ...

— О, мы старые знакомые, весело отвѣтилъ Астреинъ, протягивая руку:—будьте какъ дома, генералъ; водки не прикажете ли? А то можетъ портеру?

— Благодарю покорно, проворчалъ генералъ, поглядывая то на того, то на другаго.— Какъ же это понимать, ротмистръ? У васъ я въ гостяхъ или у нихъ? Извините пожалуйста, я здѣсь въ первый разъ...

— И я тоже, генералъ, но это все равно; не церемоньтесь; у насъ съ господиномъ исправникомъ все пополамъ, какъ говорится—душа въ душу... Милѣйшій, принесите водки, какая тамъ у васъ получше...

— Прошу садиться, ваше превосходитель-

ство, говорилъ исправникъ, усиливаясь быть развязнымъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, я когда нибудь въ другой разъ; это чортъ знаетъ что такое! проговорилъ генералъ и вышелъ, хлопнувъ дверью.

— Теперь, милостивый государь, мы можемъ объясниться, началъ исправникъ, остановясь передъ Астреинымъ:—угодно вамъ будетъ объяснить эту неприличную шутку?

— За что же вы сердитесь, ротмистръ? отвѣтилъ тотъ, развалясь въ креслѣ и помахивая кистью шлафрока:—я напротивъ споспѣшествую вашей популярности; добиваться ея тѣмъ способомъ, какъ до сихъ поръ, вы вѣроятно не захотите; за что же морить меня съ голоду? Я предлагаю вамъ самое удобное средство быть популярнымъ на вашъ собственный счетъ...

— Вы немножко ошиблись въ разсчетѣ, Александръ Петровичъ, сказалъ исправникъ. — Я конечно не позволю себѣ никакихъ крайнихъ мѣръ для очищенія моей квартиры, но предупреждаю васъ, что всю эту недѣлю дома не обѣдаю...

— Очень жаль, что буду лишенъ собесѣдника, вздохнулъ Астреинъ:—впрочемъ, утѣшьтесь! я и въ одиночествѣ обладаю порядочнымъ аппетитомъ...

— А если обѣда не будетъ? спросилъ исправникъ, скрестивъ руки.

— Тогда я подамъ прошеніе въ губернское правленіе о нарушеніи вами условія и взыщу проѣсти и волокиты, безпечно проговорилъ Астреинъ.

— Ну, этого вы не сдѣлаете, расхохотался исправникъ.

— Посмотримъ... Однако вотъ что, ротмистръ, мнѣ надо кое-что написать, поэтому уговоримся: которая ваша комната, которая моя.

— Оставайтесь ужъ тамъ, гдѣ изволили поселиться; мнѣ вѣдь принимать кой-кого придется, сказалъ исправникъ, направляясь въ гостиную.

— Какъ нельзя лучше! Будьте такъ добры, велите дать овса моимъ лошадямъ! крикнулъ Астреинъ вдогонку.

Исправникъ, посмѣиваясь, ходилъ по залѣ; шутка начинала его забавлять, и онъ рѣшился тянуть ее до невозможности.

— Посмотримъ! подумалъ онъ, укладываясь на диванѣ. Онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и сталъ забываться; но только-что первая сладкая дремота заманила его въ мирныя объятія, какъ его стало покачивать за плечо...

— А! милліонъ чертей!... вскочилъ онъ, уви-

давъ Астреина: — дайте мнѣ покой, я сегодня пятьдесятъ верстъ сдѣлалъ.

— Не могу же я заниматься изложеніемъ моихъ мыслей, когда такъ неприлично храпятъ, отвѣтилъ Астреинъ, разводя руками.

— Я въ своей комнатѣ могу дѣлать, что мнѣ угодно, возразилъ исправникъ.

— Согласенъ, буду поступать и въ своей точно также, отвѣтилъ Астреинъ, ретируясь.

Астреинъ заперся въ своей комнатѣ и скоро заснулъ, утомленный двухсуточной возней. Разбудилъ его уже вечеромъ шумный говоръ и звонъ рюмокъ въ сосѣдней комнатѣ. Тамъ слышалась большая компанія.

— Да разбуди же его! крикнулъ чей-то голосъ.

Явно стало, что исправникъ созвалъ гостей поглядѣть на чудище. Астреинъ не спѣша одѣлся, изящно повязалъ галстукъ и вышелъ къ нимъ съ пріятной улыбкой, склонясь общимъ поклономъ... Дружный взрывъ хохота привѣтствовалъ его появленіе.

— Позвольте вамъ представить здѣшнее общество, сказалъ исправникъ, и ставъ въ позу тѣхъ важныхъ джентльменовъ, что съ палочкой въ рукѣ покрикиваютъ въ звѣринцахъ: *африканскій левъ, очень золъ и свирѣпъ,—*

сталъ выкликать: — Судья Иванъ Петровичъ Цапинъ.

Судья, плотный человѣкъ съ брюшкомъ и лысой головкой, допивалъ шестую рюмку и протянулъ руку Астреину съ такимъ видомъ, будто хотѣлъ сказать: не судите, да не судими будете.

Тѣмъ же путемъ представились: мясистый, бородатый судебный слѣдователь, чахоточный нѣмецъ-аптекарь отдававшій розовой водой, мировой посредникъ и еще человѣка три мѣстныхъ властей.

— Господа, говорилъ Астреинъ, пожимая всѣмъ руки: — я пришелъ засвидѣтельствовать передъ вами мое глубочайшее уваженіе къ уму и любезности нашего хозяина... Я не встрѣчалъ еще никого, кто бы такъ хорошо понималъ шутку... и теперь мнѣ остается только извиниться.

— Извините и его, весело сказалъ судебный слѣдователь: — ему неловко было объясниться съ вами, а я по дружбѣ съ нимъ могу сказать вамъ, что генералъ Осининъ родственникъ губернатору, отъ котораго бѣдный другъ мой не такъ независимъ, какъ я напримѣръ или вотъ онъ... Судебный слѣдователь указалъ на посредника.

— Это впрочемъ все равно, съ замѣшатель-

ствомъ перебилъ исправникъ:—присылайте вашихъ крестьянъ, я внесу свои деньги; а генералъ—я его знаю—не потерпитъ, чтобы какой-нибудь исправникъ платилъ его долги...

Дѣло было покончено. Гости исправника скоро разошлись по домамъ. Хозяинъ за стаканомъ чая долго еще бесѣдовалъ съ Астреинымъ и наконецъ предложилъ ему отправиться въ клубъ.

Городишко былъ преплохенькій; главное населеніе составляли мѣщане, Богъ вѣсть чѣмъ существовавшіе, если не считать конокрадства и другихъ не менѣе почтенныхъ промысловъ. Тесовые домики глядѣли такой сѣренькой инвалидной командой: глухіе, кривые, подслѣповато-увѣчные... Лавки жалобно вывѣшивали на дверяхъ желтыя, подхомутныя стельки, пукъ сальныхъ свѣчей, невозможные сапоги да рукавицы, ржавые балыки, лукъ и чеснокъ. На главной площади лѣтъ двадцать строился кирпичный соборъ. Зато острогъ былъ всегда биткомъ набитъ.

— Вотъ гдѣ тоска-то невылазная должно быть, сказалъ Астреинъ выглянувъ изъ коляски.

— Ахъ, не говорите, сочувственно отозвался исправникъ: — у насъ у всѣхъ руки отваливаются и никто ничего не дѣлаетъ.

Такимъ образомъ пріѣхали они въ трактиръ, гдѣ помѣщался общественный клубъ. Сильный шумъ въ боковой залѣ заставилъ ихъ остановиться у дверей. Астреинъ заглянулъ туда и замеръ на мѣстѣ...

Всѣ давешніе знакомцы его, сильно разогрѣтые клубнымъ гроздіемъ, нараспашку, нѣкоторые en bras de chemise, съ кіями въ рукахъ, гоняли подъ билліардомъ какую-то немолодую личность...

— Ату его! ату его! кричалъ судебный слѣдователь, шпигуя подъ билліардъ намѣленнымъ кіемъ.

— Арестанта заморилъ въ острогѣ! пискливо крикнула личность, на карачкахъ ускользая подъ другой конецъ билліарда. Тамъ ее встрѣтилъ посредникъ турникомъ.

— Я тебѣ дамъ показываться въ порядочное общество! прикрикнулъ онъ въ догонку.

— Ужъ ты-то молчалъ бы! злобно рыкнулъ избиваемый:—горохомъ сытъ, самъ себѣ сапоги чистишь, третьяго дня кухарка... Ой, жидъте дери! ой, доносчикъ! доносчикъ! заоралъ онъ вдругъ.

Кто-то съ боку попотчивалъ его мазомъ...

— Что это такое? воскликнулъ Астреинъ, захлопнувъ дверь.

— Такъ, равнодушно проговорилъ исправникъ: — своими дѣлишками считаются... Да это ничего, у насъ на мировую всѣ прескорые...

— Кого жъ они казнятъ?

— А бывшаго городничаго... человѣкъ тоже тепленькій. Ну, кажется, наше посѣщеніе неудачно...

— Да мнѣ ужъ и домой пора, сказалъ Астреинъ.

Они вернулись.

— Довезите-ка меня немножко, сказалъ исправникъ: — тутъ недалечко черезъ площадь... Надоѣла мужская компанія...

— А здѣсь и дамы есть? недовѣрчиво спросилъ Астреинъ.

— Какъ же! вѣдь я одинъ холостой; есть и дамы, да объ нихъ, знаете, лучше всего молчать... А впрочемъ — человѣкъ-то ужъ вы больно хорошій... постой тутъ! крикнулъ онъ кучеру.

Экипажъ остановился у низенькаго домика въ три окна на улицу. Одно изъ нихъ было отворено; темныя вырѣзки какихъ-то уѣздныхъ цвѣтовъ маскировали освѣщенную комнату.

Исправникъ осмотрѣлся кругомъ, на улицѣ души не было...

— Судебнаго слѣдователя обитель, шепнулъ онъ Астреину: — ну такъ я... по пріятельски,

знаете... И выпрыгнувъ изъ коляски, полѣзъ прямо въ окно.

— Николай Васильевичъ! воскликнулъ Астреинъ, закутываясь и прижимаясь въ уголокъ экипажа:—воскресните!

— А? вы меня? отозвался исправникъ верхомъ на подоконникѣ.

— Нѣтъ, я—Гоголя, отвѣтилъ Астреинъ и крикнулъ кучеру:—домой!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Крайности сходятся.

Лѣто шло; дожди поили засуху; отпарили паръ; подошли покосы, — Астреина не стало видно у Мезенскихъ. Борисъ, пріѣзжая съ пристани, разсказывалъ по вечерамъ, когда семья собиралась за чайнымъ столомъ, удивительныя вещи: Александръ Петровичъ начиналъ втягиваться въ хозяйство; заказавъ на заводѣ нѣсколько американскихъ конныхъ грабель, онъ самъ (смѣшной такой, съ сигарой, въ соломенной шляпѣ) правилъ одной парой на глазахъ крестьянъ, не знавшихъ, чему больше дивиться: заморской небывальщинѣ, или съ не-

ба свалившемуся барину, о которомъ они мало и слыхали. Бывшій театръ теперь обратился въ школу, гдѣ и самъ владѣлецъ иногда смѣнялъ наставника батюшку. А то Мезенскій со смѣхомъ передавалъ какой-нибудь промахъ новоиспеченнаго землевладѣльца или анекдотъ изъ безчисленныхъ столкновеній его съ окрестными сосѣдями и прочимъ людомъ.

Лида слушала все это съ какой-то насмѣшливой улыбкой, но не выражала никакого мнѣнія: точно разъ угадавъ человѣка, она ужъ болѣе не интересовалась дальнѣйшими похожденіями или не придавала имъ никакого значенія, кромѣ временной прихоти отъ нечего дѣлать.

Однажды Наталья Николаевна собралась въ *** пустынь; поѣхалъ и Петръ Иванычъ. Лида отговорилась лѣнью, но проводила ихъ вмѣстѣ съ братомъ на тотъ конецъ плотины; пиллигримы тронулись по зорькѣ; вечеръ былъ такъ тихъ, что пѣсни косцовъ, работавшихъ за версту, четко стояли въ воздухѣ, и долго еще слышалось ляසканье экипажа, скрывшагося въ лѣсу... Поужинавъ съ братомъ, Лида задумчиво бродила въ саду и, проходя мимо оконъ Борисова кабинета въ первомъ этажѣ, увидала въ нихъ огонь; одно окно было открыто.

— Ты не спишь еще? оклинула она, положивъ локти на подоконникъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, подходя изъ комнаты;—я занятъ—ярмарка подходитъ... А ты что же бродишь?... роса падаетъ...

— Что-то не спится... Я видѣла тамъ у тебя цѣлую кучу старыхъ нотъ... Я не помѣшаю тебѣ?

— Напротивъ: мнѣ всегда такъ славно работается, когда ты играешь наверху. . Вотъ, возьми.

Онъ подалъ ей кипу запыленныхъ, большею частію писанныхъ нотъ. Лида взошла на верхъ, въ залу, открыла рояль и перенесла со стола свѣчи... Ноты оказались большею частію церковной музыкой; порывшись, она достала старопечатную тетрадку Баха *La passion* и стала играть à livre ouvert. Мало-по-малу серьезная музыка совершенно овладѣла ея вниманіемъ; Лида разбирала одинъ изъ безсмертныхъ хораловъ, написанный для нѣсколькихъ голосовъ: трудность состояла въ томъ, что изъ разныхъ строчекъ soprano, alto, tenore и basso надо было составлять аккорды, притомъ самыя ноты были нечетки; въ одну изъ такихъ минутъ, когда она, пріостановивъ пальцы, напряженно взглядывалась въ линейки, сильный всплескъ озера заставилъ ее вздрогнуть... Она пугливо огля-

*

нулась на растворенныя двери балкона, испытывая то непріятное ощущеніе, что знакомо всякому музыканту, одиноко сидѣвшему передъ длиннымъ рояле́мъ, въ большой хороминѣ, тускло освѣщенной двумя свѣчами... Чутко настроенныя нервы почти не выносятъ диссонансовъ. Лида оглянулась и невольно поддалась этому загадочному вліянію полумрака: мраморные бюсты у оконъ, тронутые синеватымъ блескомъ луны, какъ нарочно еще усилили его наплывъ...

Подавляя безотчетный страхъ, Лида внимательнѣе прежняго принялась за чтеніе нотъ и наконецъ, одолѣвъ трудную задачу, ужъ для самой себя еще разъ проиграла весь хоралъ сначала. Вынувъ часы, она увидѣла, что уже далеко за полночь, и стала-было закрывать ноты, какъ вдругъ съ озера прилетѣлъ слабый, звѣнящій звукъ—одинъ изъ необъяснимыхъ, ночныхъ звуковъ... И снова давешнее ощущеніе обдало ее холодкомъ... Лида вышла на балконъ и чутко прислушивалась. Далеко на селѣ лаяла собака, тоскливо завывая и глухо ворча; но тишина была до того глубока, и воздухъ такъ прозрачно сухъ, что, казалось, вой близехонько возлѣ дома... Явственно долетало пѣніе пѣтуховъ... Гдѣ-то заскрипѣла околица...

Но Лида ждала чего-то другаго, въ странной увѣренности, что оно непремѣнно повторится.

Мезенскій совершенно погрузился въ свои выкладки итоговъ, какъ вдругъ быстрый бѣгъ легкихъ ногъ по лѣстницѣ поразилъ его слухъ, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ встать изъ-за стола,—шелестъ платья пролетѣлъ по коридору, въ дверяхъ на мигъ остановилась Лида, помертвѣлая, широко глядя черными глазами, порывисто дыша полураскрытыми губами, кинулась къ нему и крѣпко схватила его руку.

— Тише... Не буди никого... Ради Бога, скорѣй... скорѣй!..

Онъ еще порядкомъ не опомнился, какъ она уже тащила его по коридору, быстро отворила боковую дверь дома, и оба они очутились на берегу озера...

— Погоди... слушай, прошептала она, задыхаясь и прильнувъ къ брату...

Мезенскій въ недоумѣніи оглядѣлъ тихій и безлюдный берегъ; только вѣтерокъ порхалъ въ камышахъ и заигрывалъ съ серебряной чешуей воды; роща траурной коемочкой чернѣла вокругъ нея. И свѣтло и темно было въ окрестности.

— Я слышала его голосъ, громко заговорила

Лида,—его крикъ; онъ здѣсь... съ нимъ что-нибудь недоброе...

— Чей? перебилъ Борисъ.

— Александра...

— Будь же брагоразумна, съ убѣдительной силой заговорилъ Мезенскій, пожимая руку сестры: — тебѣ почудилось; какъ могъ онъ... постой, что это такое?

У плотины тихо заржала лошадь, словно соскучилась... Оба побѣжали туда: подъ берегомъ на привязи у столбовъ стояла взмыленная вороная лошадь, покрытая попоной...

— Видишь! видишь! отчаянно заговорила Лида, стиснувъ брату руку; — а тамъ... что это бѣлѣетъ наыскѣ?

Это было бѣлье и платье, сложенное кучей на пескѣ; въ соломенной шляпѣ серебрилась знакомая сигарочница.

Страшный, надорванный стонъ вырвался у Лиды; она пошатнулась и осѣла на руки Бориса. Но въ ту же минуту, словно закаленная сталь шпаги послѣ удара, выпрямилась, сверкая глазами.

— Пусти, я ударю въ набатъ, отозвался Мезенскій

— Нѣтъ, поздно... Сюда, Боря! Она быстро шагнула въ небольшую, плоскодонную лодочку,

качавшуюся на привязи. Челнокъ закачался, и только чудомъ не перевернуло его вверхъ дномъ.

— Тише... сядь скорѣе, вѣдь это душегубка, возразилъ Мезенскій: — она насъ двоихъ едва ль и сдержитъ....

— Боря! воскликнула она съ такой мольбой, что онъ больше не противился; отвязавъ лодку, они поплыли, зорко оглядывая поверхность озера.

— Какъ это все спѣшно и безтолково, говорилъ Мезенскій, сильно забирая веслами: — куда мы ѣдемъ? Есть ли возможность отыскать его на такомъ пространствѣ? оно двѣ версты поперекъ, а въ доль-то еще?..

И въ самомъ дѣлѣ, берега скоро пропали съ глазъ; только кругъ воды, да вогнутый куполъ съ яркими блестками холодно окружали ихъ со всѣхъ сторонъ. Борисъ опустилъ весло и громко крикнулъ:—Александръ!!..

— А! а! а! гукнуло эхо въ разныхъ концахъ рощи.

Онъ повторилъ окрикъ—отзывалась одна роща. На томъ концѣ лодки послышался тихій взрыдъ.

— Лидочка! выговорилъ Мезенскій въ невыносимомъ страданіи. Она отвела руки отъ

блѣднаго лица, закинула черезъ плечо распустившуюся волну черныхъ косъ и пристально посмотрѣла на брата...

— Это я убила его, съ твердостью безнадежной скорби проговорила Лида:—я сказала ему, что онъ не стоитъ ничего, кромѣ презрѣнія... Онъ не понялъ меня... и вотъ...

Голосъ ея оборвался... Наступило молчаніе.

— Что же ты? проговорила она, замѣтивъ, что лодка описываетъ дугу:—назадъ?

— Другъ мой, грустно проговорилъ Мезенскій, — вѣдь еслибъ онъ еще... мы бы давно услыхали; онъ голосъ подалъ бы...

Лодка чуть скользила, качаясь въ легкомъ прибоѣ. Мезенскій не заговаривалъ больше съ сестрою.

Такъ подошли они къ берегу и высадились...

— Что это! вскрикнула Лида:—смотри—гдѣ же его платье?

Мезенскій вздрогнулъ: дѣйствительно мысокъ опустѣлъ... Борисъ быстро повернулся къ сестрѣ, но она уже не могла сдержать себя...

— Саша! крикнула она въ забытьи:—Саша!..

— Я! отозвался удивленный голосъ у плотины.

Не ноги несли ее, пока она добѣжала къ нему, и едва добѣжавъ, едва взглянувъ на этотъ

сѣренькій сьютъ, на соломенную шляпу, и убѣдясь, что это *онъ*, дѣйствительно онъ, живой стоитъ передъ нею,—съ громкимъ, ликующимъ крикомъ упала къ нему на руки.

— Можно ли это!.. какъ напугалъ!.. Мы думали, ты утонулъ!..

Лида билась, какъ птица, у него на груди, смѣясь и рыдая...

— Полно, полно, безцѣнная! Стою ли я?.. Преклонясь однимъ порывомъ, онъ обнялъ ея колѣна, скрывъ лицо въ складкахъ платья.— Нѣтъ... не стыдись... не отталкивай, безсвязно шепталъ онъ: — позволь мнѣ здѣсь... вотъ такъ... высказать все...

Силы вдругъ ее оставили, колѣна дрогнули, —безсильно уступчивая, она вся поникла къ нему...

— Что мы дѣлаемъ, съ кѣмъ ты? и какъ сюда попала?

— Я съ братомъ... Онъ сейчасъ тутъ былъ, куда жъ онъ дѣлся?.. Ну, не пропадетъ! засмѣялась она:—какой онъ добрый!!.

Они сидѣли уже на поваленномъ деревѣ, рубленный конецъ котораго лежалъ на мыскѣ, а вершина уходила въ воду. Лида близко прижалась къ Астреину.

— И у тебя достало духу такъ отмстить

мнѣ? укоризненно шептала она:—развѣ ты не понялъ, что меня такъ оскорбило тогда? Вѣдь я хотѣла сама признаться, а ты струсилъ, точно считалъ себя недостойнымъ... Это рѣзало мнѣ сердце, а ты еще нарочно сталъ унижаться... и совсѣмъ разсердилъ меня... Вѣдь теперь все забыто, да? Она мягко заглянула ему въ глаза, вздрагивая всею грудью, какъ дѣти послѣ плача.

— Полно же, отвѣчалъ Астреинъ:—только что жъ это за месть? про какое мщеніе ты говоришь?

— Oh, le nigaud! Пріѣхалъ топиться у меня подъ окномъ...

— О, Лида! перебилъ Астреинъ:—неужели ты могла допустить мысль, что я такъ мало уважаю тебя!?

— Ну, такъ я не понимаю, честное слово, не понимаю, зачѣмъ ты здѣсь?

— Ахъ, какъ это просто, другъ мой, какъ это дѣтски просто! заговорилъ Астреинъ, пожимая ей руки:—Я не смѣлъ показаться тебѣ на глаза и не могъ хоть изрѣдка не видѣть тебя. Бывало устанешь—непривычно вѣдь еще день-деньской мыкаться по всѣмъ этимъ хозяйскимъ мытарствамъ, — а ночь придетъ—и крадешься сюда взглянуть на тебя тайкомъ;

иногда ты и выйдешь на балконъ, вся бѣленькая, точно мраморная, или въ окнѣ мелькнешь, а то игру твою слушаю; ты не знаешь, какъ хороша она, когда звуки летятъ въ отворенныя окна темнаго стараго дома... Весь домъ— громадная лютня, и такъ мягко льнутъ они, эти тихіе звуки... не оторвешься...

— А все-таки сегодня тонулъ?.. Признайся!..

— Тонулъ, отвѣтилъ Астреинъ: — совсѣмъ собрался домой и хотѣлъ освѣжиться передъ скачкой. Но въ этихъ водныхъ пространствахъ есть что-то манящее... колдовство какое-то; чѣмъ дальше плывешь, тѣмъ больше плыть хочется, точно тебя подталкиваютъ... Я одумался ужъ на самой срединѣ, и то когда почувствовалъ, что усталъ...

— Братъ говоритъ—это цѣлая верста, взволнованно проговорила Лида.

— Можетъ быть... И какъ скверно это, когда изъ силъ выбьешься: пойдешь рубить руками, всѣ силы словно канутъ на дно, задыхаешься, весь ослабъ, и чудно̀ такъ станетъ: все, что было за день, словно въ райкѣ бѣжитъ въ памяти, мелькаютъ дорогія лица, вся прошлая жизнь развернется въ одинъ мигъ... Окунешься, вода бурчитъ въ ушахъ, руки хватаютъ воду...

— Ты крикнулъ? Да? Что ты крикнулъ?

— Я хотѣлъ позвать на помощь, и Богъ вѣсть почему крикнулъ твое имя...

— Звонко такъ и протяжно: Ли-и-и-да!.. Я слышала это, точно колокольчикъ... Ну, и что же?..

— И вдругъ всѣ силы вернулись, жажда жизни такъ и закипѣла: нужды нѣтъ, что далеко, знать ничего не хочу—выплыву! Я сталъ биться съ волнами, свирѣпо, какъ звѣрь, и что-то кричалъ—что—не помню...

— «Тону! тону!» Это я отчетливо слышала и долго не вѣрила ушамъ, сказала Лида.

— Кажется. Но истома взяла свое; тогда я скрестилъ руки на груди и какъ ключъ пошелъ ко дну... Пошелъ и сталъ по горло въ водѣ... Я, самъ того не зная, попалъ на бродъ.

— Саша, Саша! шептала Лида, обвивая его руками: — а мы тебя искали-искали, гдѣ же ты былъ такъ долго?.. Мы тоже кричали тебѣ...

— Слышалъ, только слабо, и не догадался... Я вѣдь не зналъ, куда ведетъ бродъ, и боясь потерять его, подавался шагъ за шагомъ, а онъ вьется такъ неправильно и вывелъ меня вонъ туда къ рощѣ. Но, вообрази, когда я пришелъ сюда и стоялъ уже здѣсь, мнѣ почудилось до странности живо, что я какъ-будто оставилъ,

забылъ что-то тамъ на срединѣ озера, и опять я невольно засмотрѣлся на него, а ты меня тутъ и окликнула...

— Да, тихо проговорила Лида: — это ты прошлое свое тамъ оставилъ... Послѣдніе остатки его... Прости же и мнѣ тѣ жесткія слова, что я сказала тебѣ въ тотъ разъ на прощанье; ты думаешь, легко мнѣ было выговорить ихъ? отвѣтить презрѣніемъ тому, кого я еще тамъ, въ Москвѣ, поняла и выбрала какимъ-то откровеніемъ...

— Такъ я не ошибся? вскрикнулъ Астреинъ...

— Не знаю, ошибся ли ты, а я не ошиблась; я поняла всѣ твои слабости, весь запасъ нетронутыхъ силъ, и дала себѣ слово спасти тебя во что бы то ни стало... Я ничего не боялась; не боюсь и теперь... Я только жить безъ тебя не хочу...

— За что же... за что мнѣ все это?! глубоко растроганнымъ голосомъ проговорилъ Астреинъ,—конечно, твоя любовь все освящаетъ, но до сихъ поръ я право не стою ея. Дай мнѣ привыкнуть, дай мнѣ потрудиться еще, а тамъ, если я...

— Пусть все такъ и будетъ, какъ ты самъ хочешь, перебила Лида:—устроивай дѣла, работай — потомъ приходи за мной... Ты про-

стилъ вѣдь, что я до сихъ поръ точно въ прятки съ тобой играла?..

— Это такъ и надо было, серьезно сказалъ Астреинъ:—я былъ ужъ слишкомъ избалованъ; ты показала мнѣ, что я не зналъ никогда, что̀ такое любовь. Ее только съ бою берутъ—подвигами. Послѣдній уговоръ: чтобы ты не считала меня лучше чѣмъ я на самомъ дѣлѣ, надо разсказать тебѣ кое-что изъ моего недавняго... потомъ суди...

Мезенскій долго бродилъ по берегу, дожидаясь разрѣшенія загадки. Заря занялась по всему небу, когда онъ рѣшился напомнить полуночникамъ о необходимой разлукѣ... Они все также сидѣли на поваленномъ, сухомъ деревѣ, котораго вершина погружалась въ ясное спокойное зеркало, дѣлая острый уголъ съ своимъ отраженіемъ. Оба смотрѣли въ синеву надъ тѣмъ берегомъ—туда, гдѣ—предвѣстники восхода—нѣсколько блѣдныхъ, лучистыхъ пуковъ широкимъ вѣнцомъ били по небу.

— Боря, тебѣ знакомо это? сказала Лида, показывая брату массивное золотое кольцо.

— Это, кажется, то, что ты сдѣлалъ себѣ на память изъ той булавки? обратился Мезенскій къ Астреину.

— Ну-съ и довольно, прервала Лида, надѣ-

вая кольцо себѣ на пальчикъ; — заказывайте себѣ другое, а этого больше не получите... Надѣюсь, она не въ долѣ вашего исправленія, милостивый государь?

— Нѣтъ, Лида, въ жизни человѣка ничто не пропадаетъ даромъ, серьезно отвѣтилъ Астреинъ,—но... одна живая любовь чудеса творитъ...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Издалека.

Подъ конецъ лѣта, въ одномъ изъ небольшихъ городовъ Швейцаріи, у открытаго окна угловой башенки при-озернаго замка, немолодая, но весьма красивая женщина читала письмо... Былъ вечеръ; прямо подъ окномъ лежало ярко-голубое озеро, словно врѣзанное въ низенькій бордюръ выбѣленныхъ домиковъ; черепица по крышамъ ихъ сверкала рыбьей чешуею. Кое-гдѣ высились острые шпили колоколенъ, а дальше уже настоящей рамой, обхватывая все вмѣстѣ, громоздились взрытыя пирамиды горъ. По склонамъ ихъ, медленно догорая, гасли синевато-зеленые, румяные и

золотистые колера заката, тихо гармонируя съ лучезарными красками облаковъ... Вдали, словно клочекъ солнца, теплилась какая-то снѣговая вершина...

Замокъ этотъ принадлежалъ Мезенскимъ; пожилая дама была пріятельница Натальи Николаевны. Лизавета Михайловна Бѣлогоръ-Зорина давно уже не то чтобы поселилась заграницей, а такъ-себѣ вела жизнь туристки. Она была принята во многихъ гостиныхъ Парижа, Ниццы и Бадена, знакома съ самыми разнообразными знаменитостями, даже краснаго оттѣнка, но все это также давно и наскучило ей. Послѣдній сезонъ въ Баденѣ она провела взаперти въ своемъ отелѣ, и спала по цѣлымъ суткамъ, отворяя двери только истопнику съ корзиночкой дровъ для камина. Ни виды съ Меркурія, ни бѣлыя мыши уличныхъ попрошаекъ, ни русскій кружокъ — ничто ее не занимало. Тамъ же случилось ей прочесть въ какой-то петербургской газетѣ (Лизаветѣ Михайловнѣ поутру принесли въ ней новыя ботинки) — назойливыя клянчанья о русскомъ абсентеизмѣ; но здравый смыслъ m-me Бѣлогоръ скоро подсказалъ, что Россія не особенно въ ней нуждается, да и ей самой нечего

тамъ дѣлать... Не ѣхала Лизавета Михайловна на родину просто вслѣдствіе отвычки...

Но теперь, при чтеніи только-что полученнаго письма, воображеніе ея невольно рисовало себѣ тамошнее бытье...

«Милая Lise, писали ей четкимъ женскимъ почеркомъ:—наконецъ я могу порадовать васъ: всѣ мои недоумѣнія и тревоги кончились, — все разомъ разрѣшилось. Боря счастливый семьянинъ—и ваша любимица, la petite Lidie, собирается послѣдовать его примѣру.

«Сынъ мой женился полгода тому назадъ, а мы съ Петромъ Иванычемъ теперь только узнаемъ, qu'on nous a fait ayeux saus notre permission; eh bien, tant pis pour nons! Помнится, я писала вамъ объ одномъ изъ своихъ писемъ, которое никогда не было отправлено на почту. Въ немъ былъ отчетъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня моей невѣсткою: оно было такъ невыгодно, что я не дописала письма и заложила его въ книгу, надѣясь присмотрѣться и прислать вамъ что-нибудь поутѣшительнѣй. Не прошло недѣли, какъ я совсѣмъ про него забыла подъ вліяніемъ этой милой дѣвушки. Надо же было этому несчастному письму попасть въ ея руки вмѣстѣ съ книгами, — и вотъ какой вздоръ

чуть не разбилъ всей будущности. Люба пришла въ отчаяніе, хотѣла запереться въ монастырь, je ne sais quoi encore. Послѣ долгихъ объясненій, Борисъ едва могъ уговорить ее, но и то единственно подъ условіемъ, чтобъ свадьба ихъ навсегда оставалась тайною... И вотъ, на другой день á mon insu произошелъ настоящій побѣгъ. Они взяли съ собой друга и родственника нашего, — помните Сашу Астреина?—вѣнчались въ одной изъ нашихъ дальнихъ деревенекъ. Старый священникъ и еще кто-то изъ преданныхъ Борису—только и были на свадьбѣ... Но я боюсь утомить васъ этими подробностями. Quand à moi je l'approuve: такихъ минутъ незачѣмъ даже и близкимъ людямъ выставлять на показъ. На дняхъ мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣздили въ пустынь — знаете нашу пустынь по берегамъ ***, — на возвратномъ пути захватила насъ буря и загнала къ Астреину; его не застаемъ дома, а тутъ же находимъ премиленькій домикъ, quelque chose comme un hérmitage, и тамъ хозяйку со всей обстановкой. Они тамъ изволили прятаться все лѣто подъ псевдонимомъ семейства управляющаго. Конечно мы повели правильную осаду, и тайна должна была сдаться на капитуляцію. Тутъ я узнала все: какъ они

провели въ деревнѣ медовой мѣсяцъ (онъ длился цѣлыхъ четыре), какъ потомъ Люба вернулась въ Москву съ теткой, во исполненіе какой-то *oeuvre de piété*, продала свой домъ и окончательно поселилась у насъ на пристани. Разумѣется мы тотчасъ же увезли къ себѣ cette belle au bois dormant—и надо было видѣть Боринъ и Лидинъ восторгъ... Ah, ma bonne, qu'on est heureux d'être vieux!..

«Я точно съизнова живу въ сынѣ; эта сила воли, эта вѣра въ себя—все это въ немъ отцовское, только на другой дорогѣ. Я горжусь моей невѣсткой: она держится съ такой простотой достоинства—свѣтлаго достоинства будущей матери. Мы еще не убѣдили ее отказаться отъ знаменитаго условія. Она все еще хочетъ сохранять инкогнито, теперь уже не по боязни повредить Борѣ въ свѣтѣ, но изъ какой-то очаровательной смѣси гордости и поэтичной причуды. «Для кого? ради чего, maman?» вотъ ея обычный отвѣтъ. Мы пока не споримъ, но близко время, когда ужъ нельзя будетъ прятаться... Что же касается вашей любимицы—это еще маленькій романъ. Я давно его замѣтила и все ждала отъ нея перваго слова. Въ день пріѣзда невѣстки, Лида сама пришла ко мнѣ вечеромъ—и такъ оробѣла, что я должна

была помочь ей, выразивъ лукавую надежду, что она никогда не оставитъ меня. Тутъ она прижалась ко мнѣ и со слезами въ голосѣ объявила, что это непремѣнно случится, хотя не скоро, потому что онъ еще большой nigaud и очень честный человѣкъ. Я спросила, кто этотъ честный человѣкъ,—и она призналась... Онъ, voyez donc un peu, когда-то отнялъ у нея куклу, а теперь и ее отнимаетъ у меня!.. Ah, ma bonne, passez moi ces puerilités... Меня такъ занимаетъ все, что они говорятъ: ихъ слова совсѣмъ не то, что наши, бывало, помните, когда вы пріѣзжали ко мнѣ изъ Смольнаго? Борисъ, напримѣръ, недавно утверждалъ, что у Любы съ Лидой одно общее: обѣ-де онѣ уцѣлѣли: —Лидочка оттого, что чужая сторона уберегла ее отъ русской жизни, —а я? перебила Люба, свернувъ глазенками:—а ты оттого, что жила настоящею русской жизнью. Allons débrouillez moi ça! Если это не по-китайски, то все-таки не про насъ писано, какъ говоритъ Петръ Иванычъ. Онъ тоже не нарадуется, pauvre vieux bonhomme, и такой сталъ разсѣянный, что читаетъ напримѣръ газеты, хочетъ протереть очки, вынетъ платокъ, долго на него смотритъ и—figurez vous—il se mouche. Enfin vous voyez que nous sommes réellement heu-

reux. Вотъ еще фраза, которой молодежь недолюбливаетъ: имъ видите-ли не радости готовятся, имъ некогда будетъ, они подмоги ждутъ одинъ отъ другаго; но мы съ Петромъ Ивановичемъ старыя птицы, и насъ этимъ не проведешь. Я увѣрена, что другъ съ другомъ они не такъ разговариваютъ. Во всякомъ случаѣ, не съ такою важностью. Все это немножко смѣшно, какъ оглянешься на свое прошлое, гдѣ та же свѣжесть играла въ другой формѣ,—но я такъ часто посмѣиваюсь, что почти готова повѣрить... Помогай Богъ, и пусть они прокладываютъ себѣ рельсы въ неразрывной связи съ нашей доброй, старой, троешной столбовой»...

Сумерки тихими наплывами охватывали окно и комнату; глазамъ становилось больно; m-me Зорина опустила письмо. Горная панорама померкла, сѣдые туманы клубились въ ближнихъ ущельяхъ; лиловые оттѣнки медленно ползли къ дальнимъ вершинамъ, и только снѣговой пикъ рдѣлъ слабымъ румянцемъ. Но мысли m-me Зориной были далеко: бродили онѣ тамъ—на дальнемъ Сѣверѣ, откуда пришло самое письмо, и какая-то неопредѣленная, недовѣрчивая улыбка застывала на тонкихъ губахъ.

Вошла служанка.

— Les emigrés, madame! доложила она.

— Quels emigrés?

— Messieurs Lutskoy et Zwézdo... Zwézdotch... ni... que...

— Je n'y suis pas! рѣзко перебила m-me Зорина:—je ne reçois personne!..

Но да утѣшатся эмигранты: они только не въ пору пришли; быть можетъ въ другое время ихъ и примутъ: Лизавета Михайловна не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки...

Отъ автора.

Остается разрѣшить послѣднее недоумѣніе читателей, имѣвшихъ терпѣніе прочесть разсказъ до конца и напрасно искавшихъ въ немъ *большихъ кораблей.* Давъ это заглавіе, авторъ имѣлъ въ виду не характеры очерченныхъ лицъ, еще менѣе общественное положеніе ихъ, а тѣ вопросы, которые онъ посильно старался изобразить въ общей картинѣ. Когда онъ принимался за перо, широкое море русской жизни, послѣ недавнихъ бурь, лежало въ безбрежномъ затишьи, обрывки тучь еще висѣли на синевѣ, и не одинъ взглядъ съ надеждой бродилъ по дальней чертѣ горизонта, гдѣ чуть примѣтно бѣлѣли два-три разрозненныхъ паруса. Но росло

и крѣпло вѣяніе народнаго чувства, вдохнуло оно свѣжую силу окрыленнымъ судамъ, и десница могучаго кормчаго вывела ихъ на славный путь. Флагъ за флагомъ поднимался, гордо развѣваясь на глазахъ изумленныхъ зрителей, парусъ за парусомъ возникалъ вдали; обновленная стихія ласковымъ ропотомъ встрѣтила пришельцевъ, которые несутъ драгоцѣнные грузы въ пристань будущаго... Дѣйствительность опережала мечты... Истинное просвѣщеніе, свобода печатнаго слова, судъ по правдѣ и множество вопросовъ, стоящихъ на очереди, — вотъ рейдъ большихъ кораблей, которымъ предстоитъ большое плаваніе...

Есть однако вопросы другаго рода, которые несравненно труднѣе поддаются вліянію реформы, подобно какъ паровыя суда не зависятъ отъ направленія вѣтра: это вопросы нравственнаго интереса. Таковъ духъ сословно-кружковой замкнутости, такова многимъ любезная привычка жить спустя рукава. Да не посѣтуютъ на автора, если онъ особенно долго останавливался на типахъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ подобными вопросами. Типы эти еще только начинаютъ выдѣляться изъ большинства: они еще знаменіе времени.

КОНЕЦЪ.